КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ

СОДЕРЖАНИЕ:

Февральская революция 1917 г. — Дневник Николая Романова. — Крымское краевое правительство в 1918—1919 г. — Переписка Николая II и Марии Федоровны (1905—1906 г. г.). — Записка А. Н. Пыпина по делу Н. Г. Чернышевского. — Побег Ярослава Домбровского. — К истории „нечаевщины". — Л. Н. Толстой в Московском архиве мин. юстиции. — Последние Романовы о „либерализме" и конституционном строе.

ЦЕНТРАРХИВ

1927

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1928 год

НА ЖУРНАЛ

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

12 №№ | Ежемесячный орган Истпарта | В ГОД

Ответств. редактор **М. САВЕЛЬЕВ**

Журнал „Пролетарская Революция" посвящен истории Октябрьской революции и ВКП (б), истории революционного движения в России, работе партийного подполья, интервенции, гражданской войне и борьбе с контрреволюцией

ПРИЛОЖЕНИЯ для годовых и полугодовых подписчиков:

I. 1. VI С'езд РСДРП (б). 2. „Октябрьская Революция" I и II т.т. Сборники под ред. М. Н. Покровского.

Книги высылаются со скидкой 50% наложенным платежом

II. Подписчики получают в магазинах Госиздата по предъявлении специального талона скидку 50% на литературу Истпарта (в изд. Госиздата и издательства „Прибой" по спец. каталогу) на сумму 25 р. (для год. подписч.) и 15 р. (для полугод. подписч.)

ПЕРЕСЫЛКА ЗА СЧЕТ ПОДПИСЧИКА

Подписная цена: на год — 12 руб., на 6 мес.— 6 р. 60 к., на 3 мес.— 3 р. 60 к.

Цена отд. номера 1 руб. 50 коп.

№ 10 (69) журнала „ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ" за 1927 г. посвящен 10-летию Октябрьской революции

СОДЕРЖАНИЕ. СТАТЬИ: **Покровский М.** Октябрьская революция и Антанта. **Ярославский Е.** Большевики в Октябре. **Шестаков А.** Октябрь в деревне. **Пионтковский С.** Военно-революционный комитет в Октяб... дни. **Лозинский З.** Временное правител... разрухой. ВОСПОМИНАНИЯ: ...ский С. Октябрьские дни в Мо... дии Выборгского района в 1917 г... ской революции в Эстляндии. МА... тябрь—октябрь 1917 г.). КРИТИ... об октяб...

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: ... ских изданий Госиздата, Моск... в магазинах, киосках и провинци... ченных, снабженных соответству... Всесоюзного контрагентства печат... конторах ...

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского,
В. П. Полонского, В. М. Фриче

ТОМ ТРЕТИЙ (ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ)

1927

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1927 ЛЕНИНГРАД

ОТПЕЧАТАНО

в 1-ой Образцовой типографии
ГИЗа, Москва, Пятницкая, 71,
Главлит № 95082. Гиз. № 23491.
Заказ № 3638. Тираж 2.000.

Февральская революция 1917 года.

(Документы ставки верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями северного фронта).

Окончание [1].

Разговор по прямому проводу подп. Медиокритского с подп. Сергеевским 2 марта 1917 г. в 3 ч. 20 мин. дня.

— У аппарата подполковник Медиокритский.

— У аппарата подполковник Сергеевский. Генерал Клембовский приказал мне узнать у вас наверное, — если вы точно не знаете, то доложите наштасеву, — где в данную минуту находятся литерные поезда: в Пскове или ушли, когда и по какому маршруту?

— Сейчас будет наведена справка. Сейчас справлялся по телефону у коменданта: литерные поезда находятся в Пскове. Главнокомандующий находится там с утра, а наштасев проехал туда в 3 часа дня. Подполковник *Медиокритский*.

— Подполковник Медиокритский там?

— Да.

— Подполковник Сергеевский. Ген. Клембовский просит вас, если бы получилось сведение об уходе литерных поездов или о распоряжении о таком уходе, то немедленно сообщить в штаверх. Все.

— Слушаюсь. Будет исполнено. Подполковник *Медиокритский*.

Донесение ком. 82 пех. Дагестанского полка бар. Раден ген. Алексееву 1 марта 1917 г.

Начальнику штаба верховного главнокомандующего.

28 февраля сего года я, возвращаясь из отпуска в действующую армию, утром прибыл на Балтийский вокзал. По дороге было все спокойно, хотя слухи о беспорядках в Петрограде дошли уже до Мерекюля, где я жил с семьей. Как только я вышел из вагона на вокзал, меня окружила толпа, частью вооруженная револьверами, шашками и ружьями, и, угрожая оружием, потребовала у меня оружие. Я отказался его выдать. Часть толпы, узнав, что я еду на фронт и сейчас перебираюсь на Царскосельский вокзал, стала кричать: «Оставить

[1]) См. «Красный Архив», т. XXI, стр. 3—78.

ему шашку, ему нужно». Толпа оставила меня, успокоившись, когда я заявил, что не останусь ни одного часа в Петрограде и сейчас же уеду дальше, а пока просила лишь сдать вещи и шашку на хранение, так как иначе не ручается за мою жизнь. Я снял шашку и положил ее с револьвером на чемодан. Толпа разошлась. Перед вокзалом происходила стрельба из пулеметов и ружей и лежал убитый городовой. На вокзале было человек 6 офицеров, у которых насильно отобрали оружие. — Через 15 минут после того, как первая толпа разошлась, на вокзал пришла новая большая толпа с прапорщиком Выборгского полка (вероятно, переодетый) во главе. Толпа была частью вооружена и пьяна. Она также потребовала оружие, но я отказался дать его. Один из лакеев указал, что я его положил под стол на чемодан. Тогда меня схватили за руки и втиснули в толпу, приставляли револьверы к голове, крича, что я — против народа и хочу употребить оружие против него. Я говорил, что еду на фронт, и опять часть толпы за меня заступилась, и меня, помятого, отпустили, но в это время шашку и револьвер утащили. В толпе кричали, чтобы меня убили, но часть ее не допустила этого. После этого я пошел пешком на Царскосельский вокзал, вещи мои нес какой-то человек, назвавшийся посыльным. По дороге мне солдаты честь отдавали, хотя не все, а чернь угрожала и старалась напугать, стреляя через голову на воздух. Около казарм Измайловского полка вся улица была полна солдатами этого полка, но без оружия, также и против казарм Семеновского полка. — Всюду стрельба. По городу разъезжают автомобили с пулеметами и вооруженными солдатами. Видел то же и с матросами гвардейского и флотского экипажей. На всех машинах красные флаги. На улицах разъезжают конные солдаты, имея у лошадей вплетенными в гриву красные ленты. Полиция избивается, и в некоторых местах она засела в дома и защищается. Оставив вещи на Царскосельском вокзале, я пошел к жене моего двоюродного брата генерала Тимрот, в Семеновский полк, и оттуда видел, как солдаты обстреливали дом, в котором засели городовые, причем руководил ими офицер. Окна верхних этажей во многих домах выбиты. Говорят, что первый перешел на сторону революционеров Волынский полк, а последний Семеновский (т.-е. запасные части). Говорят, убито много офицеров. В 5 часов вечера опять нахлынула толпа на вокзал, и я был оттерт от своих вещей. Охраны и жандармов не было, и я не мог пробиться до своего чемодана, а когда толпа поредела, оказалось, что он исчез и с ним все мое имущество, взятое с собой, так что я уехал, имея шинель и папаху. В виду анархии, я нашел совершенно бесполезным разыскивать украденное, обращаться же не к кому, а на предложение ехать в Госуд. Думу, где заседал какой-то комитет узурпировавших власть и называющих себя Врем. Правительством, я, конечно, отказался.

Между прочим я был свидетелем, что многие офицеры соглашались на отправку в Думу. Удерживая одного из них, я чуть не был убит толпой.

Уже в поезде я узнал, что в Думе офицерам предлагали признавать Врем. Правительство и предлагали вступить в ряды революционных войск, но отказавшихся отпускали с конвоем для отправки на фронт.

В общем получается впечатление, что анархия разрастается и что можно ожидать погромов и убийств. Войск, верных присяге, в столице, повидимому, нет, — разве отдельные маленькие части.

О вышеизложенном доношу для доклада начальнику штаба верховного главнокомандующего генералу Алексееву по приказанию генерала-адъютанта Иванова.

Командир 82 пех. Дагестанского его императорского высочества великого князя Николая Михайловича полка полковник барон *Раден.*

1917 год. 1-е марта.

Разговор по прямому проводу ген. Занкевича с управлением ген.-квартирмейстера штаба верх. главнокоманд. 2 марта 1917 г. в 15 ч. 36 м.

— Генерал Занкевич. По приказанию Родзянко прошу генквар-верх со всею срочностью сообщить мне о положении на фронтах, в особенности северном. Немедленное получение этих сведений имеет особую важность. Жду у аппарата. Немедленно доложите генквар-верху.

— У аппарата дежурный штаб-офицер капитан Кожевников. На срочную вашу записку на имя генкварверх сообщаю: «Огенквар генералу Занкевичу. На фронтах затишье. 2 марта 1917 г. 1882. Клембовский».

Телеграмма ген. Клембовского командующим войсками Московского, Казанского, Иркутского, Приамурского и Одесского округов, наказному атаману области Войска Донского 2 марта 1917 г. № 1885.

Передана 2. III. 17 ч. 18 м.

Ожидается разрешение на опубликование высочайшего акта, долженствующего успокоить население. Временным Правительством в Петрограде принимаются меры для водворения порядка в столице. В Москве наступило успокоение. Наштаверх просит принять все необходимые меры для избежания эксцессов и выражает уверенность, что войска вверенного вам округа будут вполне спокойны. 2 марта 1917 г. 1885. *Клембовский.*

Телеграмма ген. Клембовского ген. Эбелову 2 марта 1917 г. № 1889.

Передана 2. III. 17 ч. 43 м.

В Петрограде Госуд. Дума приняла ряд мер для водворения нарушенного порядка. Спокойствие восстанавливается. В Москве оно не нарушалось, и только трамваи перестали ходить. Государь

император находится в Пскове, куда выехали к нему экстренным поездом из Петрограда уполномоченные Государственной Думы Гучков и Шульгин. Это все можно объявить в печати. 1889. *Клембовский.*

Телеграмма ген. Алексеева ген. Эверту и Брусилову 2 марта 1917 г. № 1900 [1]).

Государь император приказал вернуть войска, направленные в Петроград с запфронта, и отменить посылку войск с юго-западного фронта. 2 марта 1917 г. 1900. *Алексеев.*

Телеграмма ген. Данилова ген. Клембовскому 2 марта 1917 г. № 1237/Б.

Принята 2. III. 18 ч. 25 м.

1886. Литерные поезда стоят в Пскове. Действительно, одно время возникло предположение у государя проехать через Двинск в ставку, но вскоре эта мысль была оставлена в виду вторичной беседы с его величеством генерала Рузского, о которой я уже донес наштаверху, а также в виду выяснившегося прибытия из Петрограда депутатов. Чтобы не загромождать ставку противоречивыми сведениями, сообщаю только достоверно выяснившееся и в этом отношении прошу мне оказать доверие, что ничего важного не пропущу сообщить. По поводу манифеста не последовало еще указания главкосева потому, что вторичная беседа с государем обстановку видоизменила, а приезд депутатов заставляет быть осторожным с выпуском манифеста. Лично я полагал бы, что необходимо лишь подготовиться к скорейшему выпуску его, если потребуется. Вернее думать, что государь император проследует из Пскова в Царское Село, но окончательное решение будет принято только после выяснения результатов приезда Гучкова и Шульгина. 2. III. 18 часов. 1237/Б. *Данилов.*

Телеграмма ген. Аверьянова ген. Алексееву 2 марта 1917 г.

Послана 2. III. 17 ч. 55 м.

Принята 2. III.

Считаю долгом ориентировать ваше высокопревосходительство об истинном положении в Петрограде. Временный Комитет прилагает все усилия удержать войска от перехода на сторону крайней левой рабочей партии и поставить их под команду офицеров, но эти усилия разбиваются энергичной пропагандой Совета Рабочих Депутатов. Хотя сегодня и установлено соглашение между Временным Комитетом и Советом Рабочих Депутатов о необходимости сохранения порядка в войсках и установления связи их с начальниками, но соглашение это ненадежно, и разрушительная работа среди войск продолжается.

---

[1]) На подлиннике пометы о времени передачи телеграммы: «Главкоюз—2. III. 22 ч. 53 м., Минск—2. III. 23 ч. 10 м.».

Для спасения Петрограда от анархии и террора и дабы дать опору Временному Комитету, спасающему монархический строй, повелительно необходимо немедленное осуществление меры, изложенной в телеграмме председателя Государственной Думы 158 номер, т.-е. безотлагательное командирование генерала Корнилова, на доблестном имени коего пришли к соглашению все члены Временного Комитета. *Аверьянов.* 2 марта 1917 г.

Телеграмма ген. Алексеева ген. Данилову 2 марта 1917 г. № 1896.

Передана 2. III. 19 ч. 40 м.

Сообщаю проект выработанного манифеста на тот случай, если бы государь император соизволил принять решение и одобрить изложение манифеста. 2 марта. 1896. Генерал-адъютант *Алексеев.*

Проект манифеста Николая II об отречении от престола.

В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу родину, господу богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победоносного конца. Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России почли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной Думою, признали мы за благо отречься от престола государства российского и сложить с себя верховную власть. В соответствии с установленным основными законами порядком мы передаем наследие наше дорогому сыну нашему государю наследнику цесаревичу и великому князю Алексею Николаевичу и благословляем его на вступление на престол государства российского. Возлагаем на брата нашего великого князя Михаила Александровича обязанности правителя империи на время до совершеннолетия сына нашего. Заповедуем сыну нашему, а равно и на время несовершеннолетия его правителю империи править делами государственными в полном и нерушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены. Во имя горячо любимой родины призываем всех верных сынов отечества к исполнению своего святого долга перед ним повиновением юному царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь ему, вместе с представителями народа, вывести государство российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет господь бог России!

Телеграмма ген. Данилова ген. Клембовскому 2 марта 1917 г. № 1239/Б.

Принята 2. III. 20 ч. 48 м.

Поезд с депутатами Гучковым и Шульгиным запаздывает и ожидается не ранее 22 час. Таким образом, окончательное решение вновь откладывается на несколько часов. Как только все выяснится, немедленно будет сообщено для доклада наштаверху. Телеграмма генерал-адъютанта Алексеева о генерале Корнилове [1]) в 20 ч. 20 м. отправлена для вручения государю императору. Проект манифеста направлен в вагон главкосева. Есть опасение, не оказался бы он запоздалым, так как имеются частные сведения, что таковой манифест будто бы уже опубликован в Петрограде по распоряжению Временного Правительства. Повторяю, последние сведения частного характера. Псков. 2 марта. 20 ч. 35 м. 1239/Б. *Данилов.*

Телеграмма ген. Брусилова ген. Алексееву 2 марта 1917 г. № 768.

Послана 2. III. 21 ч. 10 м.

Принята 2. III. 21 ч. 32 м.

1891. Препятствий нет, но согласия Корнилова пока не запрашивал. По совести обязан доложить, что считаю генерала Корнилова мало подходящим именно для этой должности. Он отличается прямолинейностью и чрезмерной пылкостью. Если окажется хорошим, буду очень рад. 768. *Брусилов.*

Телеграмма ген. Алексеева ген. Брусилову 2 марта 1917 г. № 1891.

Передана 2. III. 18 ч. 59 м.

Председатель Государственной Думы Родзянко ходатайствует о назначении главнокомандующим Петроградского военного округа командира 25 корпуса генерала Корнилова. Я полагаю, что назначение боевого генерала с популярным именем может повести к более быстрому водворению порядка и успокоению столицы. Одновременно с сим я испрашиваю разрешения его величества на удовлетворение этого ходатайства. Если согласие государя последует, то генералу Корнилову необходимо срочно выехать в Петроград. До соизволения государя ответа Родзянко не даю. 2 марта 1917 г. 1891. *Алексеев.*

Разговор по прямому проводу ставки верх. главнокоманд. с штабом северного фронта 2 марта 1917 г. в 20 ч. 15 м.

— У аппарата поручик Багенский.

— У аппарата подполковник Тихобразов. — Наштаверх просит сообщить, представлена ли государю императору и когда телеграмма о назначении генерала Корнилова главнокомандующим Петроград-

[1]) См. ниже.

ским округом. Благоволите спешно передать генералу Воейкову убедительную просьбу наштаверха возможно ускорить разрешение, ибо среди раз изменивших войск идет усиленная, небезуспешная пропаганда рабочих депутатов. Новая измена поведет к анархии и террору в столице. Еще надеются, что популярное имя Корнилова удержит войска от повторения бунта. Эти слова наштаверха не откажите спешно доложить генквартирсеву. Подполковник *Тихобразов.*

— Слушаю, сейчас будет доложено. Поручик *Багенский.*

Телеграмма ген. Алексеева царю 2 марта 1917 г. № 1890 [1]).

Передана 2. III. 18 ч. 55 м.

Государю императору.

Получена следующая телеграмма: «Временный Комитет Государственной Думы, образовавшийся для восстановления порядка в столице, принужден был взять в свои руки власть в виду того, что, под давлением войска и народа, старая власть никаких мер для успокоения населения не предприняла и совершенно устранена. В настоящее время власть будет передана Временным Комитетом Государственной Думы Временному Правительству, образованному под председательством князя Георгия Евгеньевича Львова. Войска подчинились новому правительству, не исключая состоящих в войске, а также находящихся в Петрограде лиц императорской фамилии, и все слои населения признают только новую власть. Необходимо для установления полного порядка и для спасения столицы от анархии командировать сюда на должность главнокомандующего Петроградским военным округом доблестного боевого генерала, имя которого было бы популярно и авторитетно в глазах населения. Комитет Государственной Думы признает таким лицом доблестного, известного всей России героя, командира двадцать пятого армейского корпуса генерал-лейтенанта Корнилова. Во имя спасения родины, во имя победы над врагом, во имя того, чтобы неисчислимые жертвы этой долгой войны не пропали даром накануне победы, необходимо срочно командировать генерала Корнилова в Петроград. Благоволите срочно снестись с ним и телеграфировать срок приезда генерала Корнилова в Петроград. Председатель Временного Комитета Государственной Думы М. Родзянко. 158. 2 марта 1917 г.»

Всеподданнейше докладываю эту телеграмму и испрашиваю разрешения вашего императорского величества исполнить ее во имя того, что в исполнении этого пожелания может заключаться начало успокоения столицы и водворения порядка в частях войск, составляющих

---

[1]) Телеграмма Родзянко, передаваемая в настоящей телеграмме ген. Алексеевым царю, была отправлена из Петрограда 2 марта в 17 ч. 45 м., а принята в ставке в 18 ч. 2 м.

гарнизон Петрограда и окрестных пунктов. Вместе с сим прошу разрешение отозвать генерал-адъютанта Иванова в Могилев. 2 марта 1917 г. 1890. Генерал-адъютант *Алексеев.*

Телеграмма ген. Данилова ген. Алексееву 2 марта 1917 г. № 1241/Б.

Подана 2. III. 21 ч. 20 м.

Принята 2. III. 21 ч. 29 м.

1890. Государь император соизволил на отозвание в Могилев генерал-адъютанта Иванова и на назначение главнокомандующим войсками Петроградского военного округа комкора 25 генерал-лейтенанта Корнилова. 2 марта. 21 час. 1241/Б. *Данилов.*

Телеграмма ген. Рузского Родзянко 2 марта 1917 г. № 1240/Б.

Послана 2. III. 21 ч. 40 м.

Петроград. Председателю Государственной Думы Родзянко.

Его величество приказал отозвать генерал-адъютанта Иванова, а генерал-лейтенанта Корнилова назначить главнокомандующим войсками Петроградского военного округа. 2 марта. 1240/Б. *Рузский.*

Телеграмма ген. Алексеева Родзянко 2 марта 1917 г. № 1898.

Передана 2. III. 22 ч. 19 м.

158. Моим приказом от второго марта командир 25 армейского корпуса генерал-лейтенант Корнилов назначен главнокомандующим войсками Петроградского округа. Приказ этот передан генералу Корнилову установленным порядком, с уведомлением, что генералу надлежит незамедлительно отправиться к новому месту службы. Не имея возможности установить непосредственное сношение с генерал-адъютантом Ивановым, командированным на должность главнокомандующего Петроградским округом и находящимся или в Царском Селе или между Царским Селом и Вырицею, прошу вас распорядиться передать ему содержание настоящей телеграммы и приказание вернуться в Могилев к месту прежней службы. Время выезда и вероятного прибытия генерала Корнилова в Петроград сообщу дополнительно по выяснении. Генерал-адъютант *Алексеев.* 1898. 2 марта 1917 г.

Телеграмма ген. Лукомского начальнику штаба южного фронта 2 марта 1917 г. № 1899.

Передана 2. Ш. 22 ч. 24 м.

768. От генерала Аверьянова из Петрограда получена следующая телеграмма [1]).

[1]) Далее следует текст телеграммы ген. Аверьянова, напечатанной выше.

Разговор по прямому проводу ставки со штабом северного фронта 2 марта 1917 г.

— Я — полковник Карамышев. Доложите полковнику Бармину.

— Я — Бармин. Вот опять [пришлось?] добиваться целый час, и никого у вас получить не мог. Сейчас имею сведения от Гавалова [1]), что вопрос об отправлении литерных поездов решится после семи часов вечера, т.-е. после приезда Гучкова. Так ли, что вы знаете по этому?

К а р а м ы ш е в. Имею сведения, что Гучков собирался выехать, но уже раз нас так же обманули: вместо депутации с Бубликовым оказался один только член Думы Лебедев, который сидит в Луге. Сейчас наведу справку.

Б а р м и н. А о литерных поездах вы ничего не знаете?

К а р а м ы ш е в. Десять минут [назад] вышел из литер А главкосев. Второй экстренный поезд из Петрограда вышел в 2. 47. Ожидается у нас между семью и восемью, с ним едет Гучков. Головной полк номер 67, оставшийся совершенно лойяльным, распоряжено возвратить из Александровской [о]кружностью через Тапс-Валк, во избежание могущего быть конфликта при проходе через Лугу, где 68-й полк частично присоединился к Лужскому гарнизону.

Б а р м и н. Сколько же эшелонов прошло через Лугу и где те, которые до Луги не дошли?

К а р а м ы ш е в. Каждый полк шел тремя эшелонами и одним эшелоном батарея. Следовательно, 68-й полк и батарея оказались между Лугой и Псковом.

Б а р м и н. А как же вы только что сказали, что 68-й полк частично присоединился к Лужскому гарнизону?

К а р а м ы ш е в. Сейчас объясню, как это случилось. Меня зовет по телефону Луга правительственный инспектор Некрасов. Сию минуту переговорю и вернусь к вам.

Б а р м и н. Жду.

К а р а м ы ш е в. Сию минуту Некрасов передал из Луги, что поезд Гучкова опаздывает на час. Батарею и третий эшелон 68-го полка уже повернули из Серебрянки и Пляссы к нам на Псков, а два эшелона, задержанные в Луге раздачей возвращаемого оружия, будут направлены вскоре тоже на Псков.

К а р а м ы ш е в. Что нам делать с задержанными эшелонами западного фронта в Режице и Двинске?

Б а р м и н. В Режице и Двинске пускай ждут распоряжения. Опять не понимаю, кто же перешел к Лужскому гарнизону и кому и кто возвращает оружие?

---

[1]) Гавалов — нач. отдела путей сообщения при штабе сев. фронта.

К а р а м ы ш е в. Лужский гарнизон, признавши новое правительство, образовал военный комитет, который при проходе первых двух эшелонов 68-го полка обезоружил их, а третий эшелон до Луги не дошел. Вот и получилась задержка возвращения двух первых эшелонов, которым постановлением комитета возвращено оружие.

Б а р м и н. Значит, никто и не переходил на их сторону?

К а р а м ы ш е в. Об этом обещали подробно рассказать по прибытии эшелонов из Луги в Псков. По телефону стесняются.

Б а р м и н. В итоге, значит, 67-й полк прошел в Александровскую и оттуда пойдет на Тапс, а 68-й весь возвращается в Псков, — так?

К а р а м ы ш е в. Совершенно верно, и еще одна батарея тоже на Псков.

Б а р м и н. Так скажите же тотчас, когда узнаете, об отправлении литерных.

К а р а м ы ш е в. Хорошо. Я полагаю, когда приедет Некрасов с экстренным поездом, все разъяснится, и я доложу.

Б а р м и н. И, пожалуйста, держите связь с нотсевом. Создается скверное впечатление, что они знают все, а вы ничего. Так, сегодня с 3 часов стали поступать сведения о предстоящем отправлении литерных, а от вас ни слуху, ни духу.

К а р а м ы ш е в. Говорили очень много, но все это только одни слова. События идут так быстро, что не знаешь, что будет через час.

Б а р м и н. Так вот покорнейшая просьба и держать нас в курсе всего того, что у вас делается. Это ваша прямая обязанность. До свидания.

К а р а м ы ш е в. Прошу не забыть, что виленский отдел сносится непосредственно с северо-западными, которые признали новое начальство, а я только пользуюсь возможностью говорить с Шихеевым, который, бедный, измучился за эти дни, не получая руководящих указаний от бывшего петроградского начальства.

Копия телеграммы адм. Непенина адм. Русину и ген. Рузскому для доклада царю 2 марта 1917 г. № 260/оп.

С огромным трудом удерживаю в повиновении флот и вверенные войска. В Ревеле положение критическое, но не теряю еще надежды его удержать. Всеподданнейше присоединяюсь к ходатайствам великого князя Николая Николаевича и главнокомандующих фронтами о немедленном принятии решения, формулированного председателем Государственной Думы. Если решение не будет принято в течение ближайших же часов, то это повлечет за собой катастрофу с неисчислимыми бедствиями для нашей родины. 20 часов 40 минут. 2 марта. 260/оп. Вице-адмирал *Непенин*.

Верно: Подполковник *Тихобразов*.

Телеграмма адм. Герасимова адм. Русину 2 марта 1917 г. № 124 [1]).

Подана 2. III. 14 ч. 10 м.

Мною послана командующему флотом телеграмма: «Положение грозит чрезвычайными осложнениями, если не будет мною объявлено категорически, на какой стороне стою я с гарнизоном. Номер 123». Получен ответ: «Ревель. Комокреп. На № 123 объявляю телеграмму командующего флотом: «Благоволите объявить всем частям, что Исполнительный Комитет Государственной Думы требует от войск полного подчинения своему начальству, а от рабочих восстановления усиленных работ и что я действую в полном согласии с этим Комитетом, который занят устроением тыла, а от армии и флота требует только поддержания строгой дисциплины и полной боевой готовности для войны до победы. Если положение потребует во что бы то ни стало категорического ответа, то объявите, что я присоединяюсь к Временному Правительству и приказываю вам и старшему на рейде сделать то же». Благоволите передать вашу телеграмму № 123 и этот мой ответ наморштаверху в ставку. № 250/оп. 10 ч. 30 м. 2 марта 1917 г. Непенин». № 124. Вице-адмирал *Герасимов*.

Разговор по прямому проводу полк. Карамышева с полк. Барминым 2 марта 1917 г. 22 ч. 30 м. [2]).

— Я — Карамышев. Нотсев на вокзале. Сейчас только прибыл экстренно из Петрограда. Приехали Гучков и Шульгин и были немедленно приглашены в вагон к государю, где по сие время находятся. Туда же прошел главкосев.

— Я — Бармин. А что насчет выхода литерных?

— Пока неизвестно. Паровозы — в сторону Двинска.

Бармин. Эшелоны западного фронта верните обратно, т.-е. на Двинск, Полоцк, Молодечно. Что еще можете сказать?

Карамышев. З [3]) Виленский из Ека [4]) Псков докладывал, что от Бологое по трем направлениям выехала депутация, которая обезоруживает жандармов. Уже подъезжают к Полоцку.

Бармин. Что за депутация?

Карамышев. Говорят, что представители нового правительства или, вернее, уполномоченные.

Бармин. С Петроградом не говорили?

Карамышев. Там все по-старому, но все-таки порядок постепенно восстанавливается.

---

[1]) На телеграмме помета ген. Алексеева: «2. III. 917. Сообщить главнокомандующим для сведения».

[2]) На подлиннике помета рукой ген. Алексеева: «2. III. 917. Чит.».

[3]) Над буквой «З» написано карандашом «Зав. пер. в.».

[4]) «Из Ека» зачеркнуто и сверху надписано: «З. К. (комендант [?])».

Б а р м и н. Значит, как только узнаете об наряде литерных, сейчас же сообщите вызовом дежурного офицера к аппарату — дежурный офицер будет в управлении всю ночь.

К а р а м ы ш е в. Слушаю.

Телеграмма ген. Квецинского ген. Лукомскому 2 марта 1917 г. № 6204.

Принята 2. III. 21 ч. 25 м. [1]).

Минск. 2 марта. 20 ч. 58 м. Получены сведения, что из Великие Луки на Полоцк едет депутация в 50 человек от нового правительства и обезоруживает жандармов. Главкозап приказал просить сношением с председателем Государственной Думы установить как правило, чтобы о всяких командированиях на фронт сообщалось главкозапу, дабы знать, что прибывающие не самозванцы, каковых теперь будет много. В частности, главкозап просит выяснить, не является ли самозванной названная выше депутация? 6204. *Квецинский.*

Телеграмма ген. Алексеева Родзянко 2 марта 1917 г. № 1901.

Передана 2. III. 23 ч. 48 м.

От начальника штаба западного фронта получена следующая телеграмма: «Получены сведения, что из Великие Луки на Полоцк едет депутация в 50 человек от нового правительства и обезоруживает жандармов. Главнокомандующий западным фронтом приказал просить сношением с председателем Государственной Думы установить как правило, чтобы о всяких командированиях на фронт сообщалось главкозапу, дабы знать, что прибывающие не самозванцы, каковых теперь будет много. В частности, главкозап просит выяснить, не является ли самозванной названная выше депутация?» Вполне соглашаясь с мнением главнокомандующего фронтом, считаю недопустимым отправление на фронт каких-либо депутатов, тем более — без предупреждения о том главнокомандующих, ибо это нарушает существующий в армиях порядок, и, действительно, могут быть случаи появления самозванцев. Прошу не отказать преподать соответствующее указание и сообщить, что это за депутация, которая отправляется на Полоцк. 2 марта 1917 г. 1901. Генерал-адъютант *Алексеев.*

Телеграмма ген. Болховитинова ген. Лукомскому 2 марта 1917 г.

Принята 2. III. 23 час. 12 м.

Августейший главнокомандующий просит сообщить, имеются ли сведения относительно результата приема Гучкова и Шульгина. Великому князю чрезвычайно важно знать, какое решение состоялось.

---

[1]) На подлиннике помета рукой ген. Алексеева: «2. III. 917. Сообщить председателю Госуд. Думы».

Если оно еще неизвестно, то великий князь просит безотлагательно сообщить ему об этом решении, как только получатся известия в ставке. *Болховитинов.*

Телеграмма ген. Лукомского ген. Болховитинову.

Передана 2. III. 23 ч. 32 м.

По полученным сведениям, в настоящее время идет совещание с Гучковым и Шульгиным. Обещано дать знать немедленно, как только выяснится результат, и тогда, конечно, будет немедленно сообщено для доклада великому князю. 2 марта 1917 г. 1903. *Лукомский.*

Копия телеграммы ген. Квецинского командующим II, III и X армий 2 марта 1917 г. № 6211.

Принята 3. III. 0 ч. 40 м.

Минск. 2 марта. 23 ч. 21 м. Главкозап приказал назначенные для охраны железных дорог подвижные резервы не отправлять по намеченным местам, а иметь их лишь наготове на случай надобности. 6211. *Квецинский.*

Телеграмма ген. Болдырева ген. Лукомскому 3 марта 1917 г. № 1243/Б [1].

Послана 3. III. 0 ч. 28 м.

Принята 3. III. 0 ч. 40 м.

Манифест подписан. Передача задержана снятием дубликата, который будет по подписании государем вручен депутату Гучкову, после чего передача будет продолжена. Псков. 3. III. 0 ч. 30 м. 1243/Б. *Болдырев.*

Телеграмма ген. Клембовского дворцовому коменданту ген. Воейкову 3 марта 1917 г. № 1901.

Подана 3. III. 0 ч. 55 м.

Из Царского Села по телефону передают, что генерал Гротен, князь Путятин, полковник Герарди и полковник Терехов арестованы в ратуше. Сообщаю для сведения. 1901 [sic!]. 3. III. 1917. *Клембовский.*

Телеграмма Гучкова и Шульгина начальнику главного штаба 3 марта 1917 года [2].

Просим передать председателю Думы Родзянке: «Государь дал согласие на отречение от престола в пользу великого князя Михаила Александровича с обязательством для него принести присягу консти-

[1]) На подлиннике помета рукой ген. Алексеева: «3. III. 917. 1-й ч.».

[2]) Подлинник — четвертушка писчей бумаги — написан карандашом, повидимому, рукой Гучкова. На нем красным карандашом написано сверху: «Петроград. Начальнику главного штаба», внизу — «Зашифровал подполк. Медио-

туции. Поручение образовать новое правительство дается князю Львову. Одновременно верховным главнокомандующим назначается великий князь Николай Николаевич. Манифест последует немедленно. Сообщите немедленно в Псков положение дел в Петрограде». *Гучков. Шульгин.*

Телеграмма ген. Данилова ген. Алексееву 3 марта 1917 г. № 1244/Б.

Копии комкор 42, командарм XII, V, I, главкозапу, комфлоту.

Принята 3. III. 1 ч. 28 м.

Его величеством подписаны указы Правительствующему Сенату о бытии председателем Совета Министров князю Георгию Евгеньевичу Львову и верховным главнокомандующим — его императорскому высочеству великому князю Николаю Николаевичу. Государь император изволил затем подписать акт отречения от престола с передачей такового великому князю Михаилу Александровичу. Его величество выезжает сегодня, примерно, в 2 часа на несколько дней в ставку через Двинск. Манифест и указы передаются по телеграфу дополнительно. 3 марта. 1 час. 1244/Б. *Данилов.*

Телеграмма ген. Алексеева Родзянко 3 марта 1917 г. № 1905.

Копия огенквар генералу Аверьянову.

Послана 3. III. 1 ч. 18 м.

Распоряжения о самом спешном командировании генерал-лейтенанта Корнилова сделаны. Приняты меры для скорейшего его приезда в Петроград. 2 марта 1917 г. 1905. Генерал-адъютант *Алексеев.*

Телеграмма ген. Алексеева Родзянко 3 марта 1917 г. № 1906.

Послана 3. III. 1 ч. 42 м.

По донесению коменданта Полоцка, с поездом из Петрограда прибыло пятьдесят нижних чинов, вооруженных револьверами и шашками. Выйдя из поезда, они потребовали разоружения жандармов. На вопрос коменданта, по чьему приказанию они это требуют, они ответили, что по приказанию офицера, который остался в вагоне. На при-

---

критский. 3/III. 1917». В левом нижнем углу помета рукой Данилова: «Ген.-кв. 3/3. Д». В том же деле (дело ВИА, ч. I, 222—116) имеется второй экземпляр этой телеграммы, написанный тем же почерком на четвертушке писчей бумаги и содержащий тот же текст, но с зачеркнутым добавлением: «Сообщите немедленно положение семьи графа Фредерикса». На этом экземпляре та же помета Данилова и приписка: «Зашифровано и передано по аппарату полковнику Шихееву (завед. Петр.-Рижским районом). Комендант ст. Псков (подпись)».

сланного в вагон для проверки жандарма солдаты напали и разоружили. В это время показался на станции взвод драгун из стоявшей близ вокзала части, и все приехавшие солдаты разбежались, в вагоне же никакого офицера не оказалось. Убедительно прошу принять необходимые меры, чтобы из Петрограда на фронт не появлялись банды солдат и какие-либо странные и самозванные депутации. Оставить на железных дорогах охрану без вооружения недопустимо, а против лиц, своевольно принимающих на себя право распоряжаться в районе действующей армии, будут приниматься самые суровые меры по законам военного времени. Этого требуют благо действующей армии и необходимость спасти ее для великой службы отечеству от того глубокого нравственного разложения, которое переживают все части Петроградского гарнизона. 3 марта 1917 года. 1906. Генерал-адъютант *Алексеев*.

Телеграмма ген. Алексеева вел. кн. Николаю Николаевичу 3 марта 1917 г. № 1907.

Послана 3. III. 2 ч. 57 м.

Всепреданнейше доношу вашему императорскому высочеству, что мною от начальника штаба северного фронта в 1 час. 25 минут 3 сего марта получена нижеследующая телеграмма [1]).

Всепреданнейше докладывая эту телеграмму вашему императорскому высочеству, испрашиваю указаний, когда можно ожидать прибытия вашего в ставку и благоугодно ли будет предоставить мне временно до вашего прибытия права, согласно положению о полевом управлении войск, верховного главнокомандующего, или угодно будет установить иной порядок. Испрашиваю также указаний, какие угодно будет установить общие основания для управления Кавказом и войсками Кавказского фронта, т.-е. будет ли назначен особый главнокомандующий, или же все полномочия будут переданы генералу Юденичу на правах командующего отдельной армией. 3 марта 1917 г. 1907. Генерал-адъютант *Алексеев*.

Телеграмма ген. Алексеева ген. Эверту, Брусилову, Сахарову и адм. Русину 3 марта 1917 г. № 1908.

От наштасева мною получена следующая телеграмма [2]). Настоящую телеграмму прошу срочно передать во все армии и начальникам главных военных округов, входящих в состав фронта. По полу-

[1]) Далее следует текст телеграммы ген. Данилова № 1244/Б, напечатанный выше.

[2]) Далее идет текст телеграммы ген. Данилова № 1244/Б, напечатанной выше. На подлиннике пометы: «Передана западный фронт — 1917 г. 3. III. 3 ч. 23 м. Псков.4. [?] III. 3 ч. 40 м. Ю.-З. и Поглавкорум. 3. III. 3 ч. 19 м.».

чении по телеграфу манифеста, таковой должен быть безотлагательно передан во все армии по телеграфу и, кроме того, напечатан и разослан в части войск. 3 марта. 1908. Генерал-адъютант *Алексеев.*

Телеграмма вел. кн. Николая Николаевича ген. Алексееву 3 марта 1917 г. № 330.

Принята 3. III. 6 ч. 28 м.

1907. Согласно воли его императорского величества государя императора Николая второго о назначении меня верховным главнокомандующим, повелеваю вам до моего приезда с Кавказского фронта, применительно к статье 47 положения о полевом управлении войск, руководить военными операциями и утверждать штатно-хозяйственные распоряжения. Что же касается приведения войск к присяге и других чрезвычайных обстоятельств, могущих возникнуть при настоящих условиях, повелеваю вам обращаться срочно ко мне за повелениями. Время моего прибытия с Кавказского фронта определить сейчас не могу, так как надо разрешить вопрос о наместнике. Полагал бы для пользы края необходимым, чтобы я оставался наместником, а временно меня замещало бы лицо, которое я буду рекомендовать. Для поддержания порядка и спокойствия края это, по моему мнению, абсолютно необходимо. Что касается командования войсками Кавказского фронта, то ожидаю приказ и допустил к временному исполнению должности командующего Кавказской армией на правах командующего отдельной армией генерала Юденича. 330. Генерал-адъютант *Николай.*

Разговор по прямому проводу ставки верх. главнокомандующего с штабами фронтов 3 марта 1917 г.

Западный фронт.

— Спешно пригласите офицера генерального штаба. Здесь подполковник Тихобразов.

— Сию минуту. Подполковник *Малиновский.*

— У аппарата подполковник Тихобразов. Наштаверх приказал спешно задержать объявление переданного манифеста. Сообщаю для исполнения. Подполковник *Тихобразов.*

— Хорошо. Доложу. Подполковник *Малиновский.*

Юго-западный фронт.

— Поручик Сулима-Сильванский? Говорит подполковник Тихобразов. Наштаверх приказал спешно задержать объявление переданного манифеста. Сообщаю для исполнения. Подполковник *Тихобразов.* Передано 6 ч. 40 мин. 3 марта.

— Немедленно докладываю генерал-квартирмейстеру. Поручик *Сулима-Сильванский.*

Северный фронт.

— У аппарата подполковник Мороз? У аппарата подполковник Тихобразов. Наштаверх приказал спешно задержать объявление переданного манифеста. Сообщаю для исполнения. Подполковник *Тихобразов*. 3 марта. 6 ч. 45 м.

— Здесь. Подполковник Мороз спрашивает, следует это заявление передать по всем станциям или только войскам своего фронта?

— Сию минуту узнаю. Задержать нужно по всем станциям. Подполковник *Тихобразов*.

Румынский фронт.

3. III. 6 ч. 40 м.

— У аппарата подполковник Тихобразов. Наштаверх приказал спешно задержать объявление переданного манифеста. Сообщается для исполнения.

— У аппарата офицер генерального штаба Николаев, штабс-капитан. Ваше заявление принято, в журнал записано. Скажите, задержать только манифест или еще и предварительную телеграмму.

— Вот ответ на ваш вопрос — задержать манифест и предварительную телеграмму.

— Хорошо.

Телеграмма ген. Алексеева главнокомандующим фронтов, начальнику морского штаба верх. главнокоманд., командующим войсками округов 3 марта 1917 г. № 1913 [1]).

Председатель Государственной Думы Родзянко убедительно просит задержать всеми мерами и способами объявление того манифеста, который сообщен этой ночью, в виду особых условий, которые я вам сообщу дополнительно. Прошу сделать соответствующие распоряжения, ознакомив с манифестом только старших начальствующих лиц. Прошу ответа. 3 марта. 6 ч. 45 м. 1913. *Алексеев*.

Разговор по прямому проводу полк. Тихобразова с штабом авиации 3 марта 1917 г. в 7 ч. 43 м.

— У аппарата прапорщик Фрейлих? Здесь подполковник Тихобразов.

— Даю спешно штаб авиации.

— Сегодня ночью великий князь Сергей Михайлович сообщил великому князю Александру Михайловичу содержание манифеста, указав, что содержание его можно сообщить властям для объявления.

[1]) На отпуске пометка: «Содержание сообщено штабу авиации и губернатору». Аналогичная телеграмма за тем же № 1913 послана была вел. кн. Николаю Николаевичу 3. III. 7 ч. 10 м.

Сообщаю, что объявление манифеста, по просьбе Родзянко, наштаверхом задержано, в виду особых непредвиденных условий. Дежурный штаб-офицер подполковник *Тихобразов*. 3 марта. 7 ч. 43 м.

Справка о рассылке манифеста Николая II об отречении.

Манифест послан:

1) Тифлис. Главнокомандующему.
2) Главкозап.
3) Главкоюз.
4) Поглавкорум.
5) Командующему войсками Московского округа.
6) В морской штаб для флота.
7) Губернатору.

Приказание задержать манифест послано:

1) Тифлис.
2) Главкозап.
3) Главкоюз.
4) Поглавкорум.
5) Командующему войсками Московского округа, откуда передать во все округа, куда передан манифест.

Ставка манифест посылала только в Москву.

6) В морской штаб.
7) Главкосев.
8) Губернатору по телефону.
9) Штаб авиации — по содержанию посланной вел. кн. Сергеем Михайловичем телеграммы вел. князю Александру Михайловичу.

Телеграмма из штаба Кавказской армии ген. Алексееву 3 марта 1917 г. № 4147.

Подана 3. III. 6 ч. 55 м.

Принята 3. III. 7 ч. 28 м.

Доношу, только что получил приказание вашего высокопревосходительства спешно задержать объявление войскам переданного по телеграфу манифеста. Докладываю, что этот манифест кавармии не объявлялся и не будет объявляться, доколе не станет законом, т.-е. пока не будет опубликован порядком, указанным законом. 4147. *Болховитинов.*

Телеграмма вел. кн. Николая Николаевича ген. Алексееву 3 марта 1917 г. № 332.

Принята 3. III. 7 ч. 58 м.

1913. Мне и в голову не приходило сообщать кому-либо содержание манифеста, переданного по телеграфу, так как он еще не был опубликован в установленном законом порядке. Изложенное прошу сообщить председателю Государственной Думы. 3 марта 1917 года. 7 ч. 40 м. 332. Генерал-адъютант *Николай.*

Телеграмма ген. Лебедева ген. Лукомскому 3 марта 1917 г. № 6219.

Принята 3. III. 7 ч. 54 м.

Минск. 3 марта. 7 ч. 45 м. 1913. По приказанию главкозапа доношу, что распоряжения о задержании объявления манифеста сделаны, но в какой мере удастся это сделать в армиях, указать нельзя, так как еще не получены от них донесения. 6219. *Лебедев.*

Телеграмма ген. Лебедева ген. Лукомскому 3 марта 1917 г. № 6222.

Принята 3. III. 9 ч. 58 м.

Минск. 3 марта. 9 ч. 40 м. В дополнение номера 6219 доношу, что, по сообщению армий, объявление манифеста задержано, но не исключается возможность проникновения сведений о нем в войска. 6222. *Лебедев.*

Телеграмма ген. Квецинского ген. Лукомскому 3 марта 1917 г. № 6226 [1]).

Принята 3. III. 11 ч. 42 м.

Минск. 3 марта. 11 ч. 15 м. Объявление того или иного манифеста войскам должно быть произведено с должной торжественностью, с совершением богослужения о здравии восшедшего на престол монарха. Поэтому главкозап считает желательным, чтобы протопресвитером были преподаны военному духовенству соответственные указания. 6226. *Квецинский.*

Телеграмма ген. Брусилова ген. Алексееву 3 марта 1917 г. № 778.

Принята 3. III. 9 ч. 42 м.

1913. Распоряжения сделаны. В трех армиях манифест задержан в штабах армий и лишь в одной — в штабах корпусов. В Киевском округе объявить его не успели. Не откажите возможно скорее ориентировать меня, что крайне необходимо. 778. 3 марта. *Брусилов.*

Телеграмма ген. Лебедева ген. Лукомскому 3 марта 1917 г. № 6224.

Принята 3. III. 10 ч. 40 м.

Минск. 3 марта. 10 ч. 25 м. Главкозап приказал просить вас уведомить. Первое. Когда можно рассчитывать получить указания об объявлении манифеста, так как задержка его крайне нежелательна. Второе. Не следует ли довести до сведения войск телеграмму наштаверха 1913? Третье. Не выяснились ли причины задержания манифеста? 6224. *Лебедев.*

---

[1]) На телеграмме помета ген. Алексеева: «Это может последовать только после манифеста нового императора. Ген. *Алексеев*».

Телеграмма ген. Лукомского ген. Лебедеву 3 марта 1917 г. № 1914.

Передана 3. III. 10 ч. 53 м.

6224. Наштаверх составляет телеграмму главнокомандующим, которая ориентирует в ссздавшемся положении. 3 марта 1917 г. № 1914. *Лукомский.*

Телеграмма Родзянко ген. Алексееву 3 марта 1917 г. № 183 [1]).

Подана 3. III. 6 ч. 50 м.
Принята 3. III. 7 ч. 45 м.

1901. Никакой делегации Временным Комитетом Государственной Думы на фронт не посылалось. Председатель Временного Комитета председатель Государственной Думы *Родзянко.* 183.

Телеграмма ген. Алексеева ген. Рузскому, Эверту, Брусилову, Сахарову 3 марта 1917 г. № 1918 [2]).

Дополнение 1913. В шесть часов 3 марта председатель Государственной Думы, вызвав меня к аппарату, сообщил, что события в Петрограде далеко не улеглись, положение тревожно, неясно, почему настойчиво просил не пускать в обращение манифеста, подписанного 2 марта, сообщенного уже главнокомандующим, или задержать обнародование этого манифеста. Причина такого настояния более ясно и определенно изложена председателем Думы в разговоре по аппарату с главкосевом; копия этого разговора только что сообщена мне. С регентством великого князя и воцарением наследника цесаревича,— говорит Родзянко, — быть может, помирились бы, но кандидатура великого князя как императора ни для кого не приемлема, и вероятна гражданская война. На запрос, почему депутаты, присланные в Псков для решения именно этого вопроса, не были достаточно инструктированы, Родзянко ответил главкосеву, что неожиданно, — после, повидимому, отъезда депутатов, — в Петрограде вспыхнул новый солдатский бунт, к солдатам присоединились рабочие, анархия дошла до своего апогея. После долгих переговоров с депутатами от рабочих удалось к ночи 2 марта притти к некоторому соглашению, суть коего: через некоторое время, не ранее полугода, собрать Учредительное Собрание для определения формы правления; до того времени власть сосредоточивается в руках Временного Комитета Государственной Думы, ответственного министерства, уже сформированного, при дей-

[1]) На подлиннике помета ген. Алексеева: «Главнокомандующим в дополнение».

[2]) На телеграмме пометы о времени ее передачи: «Главкосев — 3. III. 13 ч. 27 м. Главкозап — 3. III. 13 ч. 30 м. Главкоюз — 3. III. 13 ч. 13 м. Поглавкорум — 3. III. 13 ч. 40 м.».

ствии обеих законодательных палат. Родзянко мечтает и старается убедить, что при такой комбинации возможно быстрое успокоение, решительная победа будет обеспечена, произойдет подъем патриотического чувства, все заработает в усиленном темпе. Некоторые уже полученные сведения указывают, что манифест уже получил известность, местами распубликован. Вообще немыслимо удержать в секрете высокой важности акт, предназначенный для общего сведения, тем более, что между подписанием акта и обращением Родзянки ко мне прошла целая ночь. Из совокупности разговоров председателя Думы с главкосевом и мною позволительно притти к выводу: первое — в Государственной Думе и в ее Временном Комитете нет единодушия— левые партии, усиленные Советом Рабочих Депутатов, приобрели сильное влияние; второе — на председателя Думы и Временного Комитета Родзянко левые партии и рабочие депутаты оказывают мощное давление, и в сообщениях Родзянки нет откровенности и искренности; третье — цели господствующих над председателем партий ясно определились из вышеприведенных пожеланий Родзянки; четвертое — войска Петроградского гарнизона окончательно распропагандированы рабочими депутатами и являются вредными и опасными для всех, не исключая умеренных элементов Временного Комитета. Очерченное положение создает грозную опасность более всего для действующей армии, ибо неизвестность, колебания, отмена уже объявленного манифеста могут повлечь шатание умов в войсковых частях и тем расстроить способность борьбы с внешним врагом, а это ввергнет Россию безнадежно в пучину крайних бедствий, повлечет потерю значительной части территории и полное разложение порядка в тех губерниях, которые останутся за Россией, попавшей в руки крайних левых элементов. Получив от его императорского высочества великого князя Николая Николаевича повеление в серьезных случаях обращаться к нему срочными телеграммами, доношу ему все это [1]), испрашиваю указаний, присовокупляя: первое — суть настоящего заключения сообщить председателю Думы и потребовать осуществления манифеста во имя спасения родины и действующей армии; второе — для установления единства во всех случаях и всякой обстановке созвать совещание главнокомандующих в Могилеве. Если на это совещание изволит прибыть верховный главнокомандующий, то срок будет указан его высочеством, если же великий князь не сочтет возможным прибыть лично, то собраться 8 или 9 марта.

Такое совещание тем более необходимо, что только что получил полуофициальный разговор по аппарату [2]) между чинами морского главного штаба, суть его: обстановка в Петрограде 2 марта значительно спокойнее, постепенно все налаживается, слухи о резне солдатами офицеров — сплошной вздор: авторитет Временного Правитель-

[1]) Содержание настоящей телеграммы было передано ген. Алексеевым вел. кн. Николаю Николаевичу 3 марта в 14 ч. 5 м. за № 1919.

[2]) См. ниже, стр. 32.

ства, повидимому, силен. Следовательно, основные мотивы Родзянки могут оказаться неверными и направленными к тому, чтобы побудить представителей действующей армии неминуемо присоединиться к решению крайних элементов как к факту, совершившемуся и неизбежному. Коллективный голос высших чинов армий и их условия должны, по моему мнению, стать известными всем и оказать влияние на ход событий. Прошу высказать ваше мнение; быть может, вы сочтете нужным запросить и командующих армиями, равно сообщить, признаете ли соответственным съезд главнокомандующих в Могилеве. 1918. Генерал *Алексеев*. 3 марта 1917 г.

Телеграмма ген. Брусилова ген. Алексееву 3 марта 1917 г. № 782.

Послана 3. III. 17 ч. 25 м.
Принята 3. III. 17 ч. 40 м.

1918. Собрать командармов теперь нельзя, необходимо всем начальникам быть на своих местах, а потому обмен мнений труден, да и что можно сказать при настоящем положении быстро меняющейся обстановки. Сбор главнокомандующих желателен, но допустимо ли в настоящий момент покидать свои посты — вопрос, который трудно решить, хотя, очевидно, крайне нужно сговориться. Во всяком случае, неизбежно немедленно объявить войскам положение дела в твердом определенном размере, иначе это повлечет за собой тяжелые последствия. Необходимо помнить, что худшее решение — это бездействие, в особенности в такой обстановке, в какой мы находимся. 782. 3 марта. 17 ч. 15 м. *Брусилов*.

Телеграмма ген. Рузского ген. Алексееву 3 марта 1917 г. № 1254/Б.

Принята 3. III. 16 ч. 20 м.

1918. Первое. Считаю необходимым объявление манифеста, ибо скрыть его нельзя, а в некоторых местах, например—Ревеле, он уже объявлен. Присяга только по выходе акта о вступлении на престол. Второе. Потребовать от нового правительства воззвания к армии и населению. Третье. Для установления единства действий необходимо, чтобы штаверх был в полном контакте с правительством и чтобы только ставка, а не орган правительства, давала необходимые и своевременные указания главнокомандующим фронтами. Четвертое. До установления успокоения главнокомандующие должны оставаться на местах. Это единственно авторитетная власть на местах, к помощи которой все обращаются. Во всяком случае, до фактического вступления в главнокомандование великого князя сбор главнокомандующих несоответствен. Пятое. Командармам обстановка внутри империи мало известна, поэтому запрашивать их мнение считаю лишним. 3 марта. 16 часов. 1254/Б. *Рузский*.

Телеграмма ген. Сахарова ген. Алексееву 3 марта 1917 г. № 03411.

Принята 3. III. 14 ч. 55 м.

1918. Съезд главнокомандующих признаю желательным. Мнение свое по содержанию телеграммы вашей номер 1918 доложу после обсуждения с командующими армиями. Яссы. 3 марта. 14 ч. 35 м. 03411. Генерал *Сахаров.*

Телеграмма вел. кн. Николая Николаевича ген. Алексееву 3 марта 1917 г. № 3318.

Принята. 3. III. 18 ч. 22 м.

1919. В сношениях с правительством считаю, что выразителем объединенного мнения армии и флота, но не как коллегиального мнения главнокомандующих, должен быть я. Несомненно, для этого мне необходимо знать ваше мнение и мнение главнокомандующих. Священный долг всех командующих армиями и флотов принять все меры к тому, чтобы армия и флот, несмотря ни на что, исполнили свой долг в бою с врагом. Выехать на ставку в данную минуту считаю невозможным, так как несколько дней не будет возможности в должной мере сноситься с вами и правительством в Петрограде для ориентировки, дабы давать соответственные указания по армии и флоту. Я уже послал телеграмму председателю Совета Министров, прося его держать меня в курсе дела, дабы я мог ему сообщить мое мнение, какие меры желательно принимать в тылу и для достижения согласованности в наших действиях. Ожидал манифест о передаче престола наследнику цесаревичу с регентством великого князя Михаила Александровича. Что же касается сообщенного вами сегодня утром манифеста о передаче престола великому князю Михаилу Александровичу, то он неминуемо вызовет резню. Кроме того, его редакция и неуказание наследника престола могут, несомненно, вызвать осложнения. Вот по этому вопросу мне особенно важно знать мнение председателя Совета Министров, которое и запрашиваю. Вопрос же об Учредительном Собрании считаю для блага России и победоносного конца войны совершенно неприемлемым. 3318. Генерал-адъютант *Николай.*

Разговор ген. Алексеева с Родзянко по прямому проводу 3 марта 1917 г. от 6 час. до 6 час. 46 мин.

— Председатель Государственной Думы просит пригласить немедленно к аппарату генерала Алексеева.

— У аппарата генерал Алексеев.

— Здравствуйте, ваше высокопревосходительство. События здесь далеко не улеглись, положение все тревожно и неясно: настойчиво прошу вас не пускать в обращение никакого манифеста до получения от меня соображений, которые одни могут сразу прекратить революцию. *Родзянко.*

— Здравия желаю, ваше высокопревосходительство. Манифест, подписанный ночью на третье марта в Пскове, сообщен главнокомандующим и великому князю Николаю Николаевичу, командующим войсками в округах, ибо полная неизвестность вызывала с их стороны запросы, как действовать, чем руководствоваться, чего держаться, касаясь исключительно войск и войсковой жизни. Манифест этот был протелеграфирован мне из Пскова около двух часов ночи. После получения я телеграфировал председателю Совета Министров после сообщение котором второго манифеста по армиями относительно присяги [1]). Если все это не соответствует вашим видам, прошу разъяснить мне это, главное же — внести ясность, столь необходимую для армии и ее ближайшего тыла. *Алексеев.*

— Нельзя ли задержать обнародование манифеста, потому что предложенная комбинация может вызвать гражданскую войну, потому что кандидатура Михаила Александровича как императора ни для кого неприемлема?

— Сообщал не для обнародования, сейчас дам дополнительную телеграмму, но опасаюсь, что в армиях манифест станет более или менее известным. Вероятно, А. И. Гучков протелеграфировал вам его суть из Пскова. Я предпочел бы быть ориентированным вами ранее, чтобы знать, чего держаться. Сейчас разошлю телеграммы. *Алексеев.*

— Предполагалось воцарение наследника цесаревича, при регентстве великого князя Михаила Александровича. Соглашения на этом достигнуть не удалось, и установлено только перемирие: предполагается необходимым созыв Учредительного Собрания, а до тех пор действие Верховного Комитета и Совета Министров, уже нами обнародованного и назначенного, при одновременном действии двух законодательных палат. Поэтому прошу вас не обнародовывать манифеста до моего известия, так как только что сказанная комбинация внесла уже значительное успокоение, и только при ней возможно надеяться на возвращение дисциплины воинских частей и успокоения общего в населении, и решение Учредительного Собрания не исключает возможности возвращения династии к власти, ибо для дальнейшего развития России необходимо признание всем народом такого выхода, потому что возмущение и негодование против существовавшего режима [1]) и ничем иным утолить [?] его нельзя. При высказанной комбинации можно гарантировать колоссальный подъем патриотического чувства к родине, небывалый подъем энергии, абсолютное спокойствие в стране, и победа, самая блестящая этим обеспечивается. Волновавшиеся войска, состоящие, очевидно, из крестьян, только на этом успокоились и решили вернуться к своим начальникам и подчиниться требованиям дисциплины и решениям Временного Правительства. Только сегодня Петроград, услыша такое решение, несколько начал успокаиваться. *Родзянко.*

---

[1]) Так в подлиннике.

— Приму все меры задержать у главнокомандующих и командующих войсками в округах сообщенный им манифест. Сообщенное мне вами далеко не радостно. Неизвестность и Учредительное Собрание — две опасные игрушки в применении к действующей армии, у которой в ближайшем тылу есть большие пункты, как Киев. Петроградский гарнизон, вкусивший от плода измены, повторит это с легкостью и еще и еще раз, для родины он теперь вреден, для армии бесполезен, для вас и всего дела опасен. Вот наше войсковое общее мнение относительно этих частей, окончательно, повидимому, расстроенных нравственно. Желаю скорее получить от вас что-либо окончательно определенное, столь необходимое для менее устойчивых частей флота и подчиненных последнему сухопутных частей. В таком положении находится Ревель, тоже недалекий от нашего войскового тыла. Все помыслы, все стремления начальствующих лиц действующей армии направлены теперь к тому, чтобы действующая армия помнила об одной войне и не прикоснулась к болезненному состоянию внутреннему, переживаемому ныне частью России. Дай бог, чтобы эти усилия привели к желанной цели и действующая армия осталась исключительно верной вооруженной силой родины для борьбы с внешним врагом. *Алексеев.*

— Вполне разделяю ваши огорчения и опасения, но страна не виновата, что два с половиной года ее терзают, помимо войны, всевозможными неустройствами и постоянными оскорблениями народного самолюбия. Учредительное Собрание ведь может состояться не ранее полугода, а до тех пор, я вполне уверен, что по изложенным соображениям можно удержать спокойствие в стране и довести войну до победного конца. Не буду больше вам мешать приводить в исполнение задержки обнародования манифеста. Желаю вам спокойной ночи в исполнении мер, направленных к задержке обнародования манифеста. Спокойной ночи. *Родзянко.*

— Распоряжение делается. Что можно, задержу. Добавлю, что я — солдат, и все мои помыслы обращены на фронте на запад к стороне врага. До свидания. Помоги вам бог. *Алексеев.*

Разговор по прямому проводу ген. Рузского с Родзянко и кн. Львовым 3 марта 1917 г. в 8 ч. 45 м.

— У аппарата ген. Рузский.

— Здравствуйте, ваше высокопревосходительство. Чрезвычайно важно, чтобы манифест об отречении и передаче власти великому князю Михаилу Александровичу не был бы опубликован до тех пор, пока я не сообщу вам об этом. Дело в том, что с великим трудом удалось удержать в более или менее приличных рамках революционное движение, но положение еще не пришло в себя, и весьма возможна гражданская война. С регентством великого князя и воцарением наследника цесаревича помирились бы, может быть, но воцарение его

как императора абсолютно неприемлемо. Прошу вас принять все зависящие от вас меры, чтобы достигнуть отсрочки.

— Родзянко отошел. У аппарата стоит князь Львов.

— Р у з с к и й. Хорошо, распоряжение будет сделано, но насколько удастся приостановить распространение, сказать не берусь в виду того, что прошло слишком много времени. Очень сожалею, что депутаты, присланные вчера, не были в достаточной степени освоены с той ролью и вообще с тем, для чего они приехали; во всяком случае, будет сделано все, что в человеческих силах. В данную минуту прошу вполне ясно осветить мне теперь же все дело, которое вчера произошло, и последствия, могущие от этого быть в Петрограде.

— У аппарата Родзянко. Опять дело в том, что депутатов винить нельзя. Вспыхнул неожиданно для всех нас такой солдатский бунт, которому еще подобных я не видел и которые [1]), конечно, не солдаты, а просто взятые от сохи мужики, которые все свои мужицкие требования нашли полезным теперь же заявить. Только и слышно было в толпе: «Земли и воли», «Долой династию», «Долой Романовых» «Долой офицеров!» И началось во многих частях избиение офицеров; к этому присоединились рабочие, и анархия дошла до своего апогея. В результате долгих переговоров с депутатами от рабочих удалось притти только к ночи сегодня к некоторому соглашению, которое заключалось в том, чтобы было созвано через некоторое время Учредительное Собрание для того, чтобы народ мог высказать свой взгляд на форму правления, и только тогда Петроград вздохнул свободно, и ночь прошла сравнительно спокойно. Войска мало-по-малу в течение ночи приводятся в порядок, но провозглашение императором великого князя Михаила Александровича подольет масла в огонь, и начнется беспощадное истребление всего, что можно истребить. Мы потеряем и упустим из рук всякую власть, и усмирить народное волнение будет некому; при предложенной форме возвращение династии не исключено, и желательно, чтобы, примерно до окончания войны, продолжал действовать Верховный Совет и ныне действующее с нами Временное Правительство. Я вполне уверен, что при этих условиях возможно быстрое успокоение, и решительная победа будет обеспечена, так как, несомненно, произойдет подъем патриотического чувства, все заработает в усиленном темпе, и победа, повторяю, может быть обеспечена. *Родзянко.*

— Распоряжения все сделал, но крайне трудно ручаться, что удастся не допустить распространение, так как имелось в виду этой мерой поскорее дать возможность армии перейти к спокойному состоянию в отношении тыла. Вчера императорский поезд или, вернее, уже сегодня, так как события протекали ночью, ушел через Двинск в ставку, и, таким образом, центр дальнейших переговоров по этому важному делу должен быть перенесен туда, так как по закону началь-

[1]) Так в подлиннике.

ник штаба, в случае отсутствия верховного главнокомандующего, замещает его должность и действует его именем. Кроме того, необходимо установить аппараты Юза в том месте, где заседает новое правительство в Петрограде, дабы обеспечить вам удобство скорейших сношений со ставкой и мною. Прошу также два раза в день в определенное время сообщать мне о ходе дел лично или через доверенных лиц, имена которых желал бы знать. *Рузский.*

— Я в точности выполню ваше желание, и аппарат Юза будет поставлен, но прошу вас, в случае прорыва сведений о манифесте в публику и армию, по крайней мере, не торопиться с приведением войск к присяге. К вечеру сегодня дам вам и всем главнокомандующим дополнительные сведения и буду два раза давать сведения о ходе дела. Скажите мне, пожалуйста, когда выехал Гучков? *Родзянко.*

— Гучков выехал сегодня ночью из Пскова около трех часов. О воздержании от приведения к присяге в Пскове я сделал распоряжение еще вчера. Немедленно сообщу о том же в армии моего фронта и в ставку. У аппарата был, кажется, князь Львов? Желает ли он со мной говорить?

— Николай Владимирович, все сказано, князь Львов ничего добавить не может. Оба мы твердо надеемся на божью помощь, на величие и мощь России, на доблесть и стойкость армии и, не взирая ни на какие препятствия, на победоносный конец войны. До свидания.

— Михаил Владимирович. Скажите, для верности, так ли я вас понял? Значит, пока все остается по-старому, как бы манифеста не было, а равно и о поручении князю Львову сформировать министерство. Что касается назначения великого князя Николая Николаевича главнокомандующим повелением его величества, отданным вчера отдельными указами государем императором, то об этом желал бы знать также ваше мнение; об этих указах сообщено было вчера очень широко, по просьбе депутатов, даже в Москву, и, конечно, на Кавказ. *Рузский.*

— Сегодня нами сформировано правительство с князем Львовым во главе, о чем всем командующим фронтами посланы телеграммы. Все остается в таком виде: Верховный Совет, ответственное министерство и действия законодательных палат до разрешения вопроса о конституции Учредительным Собранием. Против распространения указов о назначении великого князя Николая Николаевича верховным главнокомандующим ничего не возражаем. До свидания.

— Скажите, кто во главе Верховного Совета.

— Я ошибся: не Верховный Совет, а Временный Комитет Государственной Думы под моим председательством.

— Хорошо. До свидания. Не забудьте сообщить в ставку, ибо дальнейшие переговоры должны вестись в ставке, а мне надо сообщать только о ходе и положении дел. *Рузский.*

Телеграмма ген. Алексеева Родзянко, кн. Львову и Гучкову 3 марта 1917 г. № 1921 [1]).

Передана 3. III. 16 ч.

Главнокомандующий западным фронтом сообщил, что главный начальник Минского округа получил требование непосредственно от министра юстиции выпустить политических. Комендант Калуги, города, подчиненного главнокомандующему западным фронтом, получил от начальника штаба Московского округа сообщение, что в Калугу прибудет новый комендант с особыми полномочиями. Хотя распоряжения выполнены, но, во избежание вредной двойственности власти и связанных с этим неизбежных беспорядков в деле управления вооруженной силой на фронте, прошу все распоряжения правительства и отдельных министров направлять главнокомандующим фронтами и мне как лицам, которыми регулируется и обеспечивается своевременность исполнения. Назначения же на должности на фронте офицерских и классных чинов предоставлены или главнокомандующим или верховному главнокомандующему. Незыблемое сохранение этих основ военной службы гарантирует правильность деятельности войска, своевременность и точность исполнения всех распоряжений свыше. 3 марта. 1921. Генерал-адъютант *Алексеев*.

Телеграмма ген. Лукомского начальникам штабов фронтов 3 марта 1917 г. № 1922 [2]).

Сообщаю для сведения копию телеграммы № 1921. Наштаверх просит о всех недоразумениях по получаемым распоряжениям из Петрограда сообщать в ставку. 3 марта. 1922. *Лукомский*.

Телеграмма адм. Непенина адм. Русину 3 марта 1917 г. № 271/оп.

Принята 3. III. 8 ч. 15 м.

№ 631 получен. В Гельсингфорсе задержал, пытаюсь задержать в Абозиции и Монзиции. В Ревеле уже объявлено, расклеено и получило широкую огласку. В Ревеле беспорядки временно прекратились. 271/оп. 8 ч. 3 марта 1917 года. *Непенин*.

Телеграмма ген. Иванова ген. Алексееву 2 марта 1917 г. № 9.

Из Вырицы. Подана 1 ч. 30 м. 3. III. 1917 г. Копия генералу Тихменеву.

До сих пор не имею никаких сведений о движении частей, назначенных в мое распоряжение. Имею негласные сведения о приостановке

---

[1]) На отпуске помета: «По всем трем адресам приняла Государственная Дума. 3. III.».

[2]) На отпуске помета о времени передачи этой телеграммы: «Наштасев — 3. III. 16 ч. 50 м. Наштазап — 3. III. 17 ч. 16 м. Наштаюз — 3. III. 16 ч. 50 м. Наштарум — 16 ч. 30 м. Наштарм Кавказской — 20 ч. 15 м.».

движения моего поезда. Прошу принятия экстренных мер для восстановления порядка среди железнодорожной администрации, которая, несомненно, получает директивы Временного Правительства. 2 марта 1917 г. № 9. *Г.-ад. Иванов* [1]).

Копия телеграммы ген. Эверта Родзянко 3 марта 1917 г. № 6215 [2]).

Принята. 3. III. 5 ч. 52 м.

Объявив войскам армий вверенного мне западного фронта манифест государя императора Николая II и вознеся вместе с ними молитвы всевышнему о здравии государя императора Михаила Александровича, о благоденствии родины и даровании победы, приветствую вместе с вверенными мне войсками в вашем лице Государственную Думу, новое правительство и новый государственный строй, в твердом уповании, что, с божиею помощью, в общем единении всего народа родина найдет новые силы на пути к победе, славе и процветанию. 6215. Генерал-адъютант *Эверт*.

Копия телеграммы ген. Данилова командующим I, V и XII армий и ком. 42 корп., главнокр. Двинского, запасоополченцев, начвососев, начальнику гарнизона города.

Подана 3. III. 10 ч. 25 м.

Принята 3. III. 10 ч. 50 м.

Необходимо принять все меры к борьбе с бродяжничеством в тылу, сократить до крайнего предела выдачу пропусков в армии, установить контроль на железных дорогах на пропускных пунктах, кои менять чаще, дабы к наличию их не приспособились, установить службу разъездов и облав. Цель этого — изолировать войска от возможного проникновения агитаторов, а также не допустить образования в тылу шаек грабителей и бродяг. К последним главкосев приказывает применять самые беспощадные меры. Псков. 3 марта. 9 ч. 45 м. 1246/Б. *Данилов*.

Копия телеграммы адм. Непенина адм. Русину 3 марта 1917 г. № 275/оп.

В дополнение к № 271/оп. В Свеаборге небольшой части команды манифест объявлен. Прошу срочно ориентировать меня в подробностях. Считаю, что вопрос о форме манифеста не имеет особого значения. 8 ч. 45 м. 3 марта 1917 г. № 275/оп. *Непенин*.

---

[1]) Далее на подлиннике приписка: «Помощнику начальника штаба верх. главнокомандующего. Ген.-ад. Иванов с георгиевским батальоном выехал в 15 ч. 3/III из Вырицы в Могилев. 23 ч. 15 м. 3/III. *Ген.-м. Тихменев*».

[2]) На подлиннике помета: «Не послана».

Разговор по прямому проводу морского штаба верх. главнокомандующего с гл. морским штабом 3 марта 1917 г.

Гончаров. Скажите, как обстановка?

Альтфатер. Обстановка значительно спокойней, постепенно все налаживается.

Гончаров. Вчера распространился [слух], что вчера была произведена резня офицеров, и наморштаверх просит узнать, все ли офицеры здоровы.

Альтфатер. Все это сплошной вздор. Все живы и здоровы.

Гончаров. Наморштаверх просит также выяснить, сильно ли в настоящее время правительство Государственной Думы или авторитет его уже поколеблен.

Альтфатер. Полагаю, что сильно.

Гончаров. Если что-либо изменится в обстановке, наморштаверх просит немедленно ставить в известность.

Альтфатер. Я пошлю сегодня подробнейшую телеграмму обо всем, не могу этого сделать сейчас, ибо не имею времени — у нас у всех масса работы.

3 марта 1917 г. 10 ч. 20 м.

Копия телеграммы командующего флотом Черного моря адм. Колчака адм. Русину 3 марта 1917 г. № 488/оп.

Секретная. Для сохранения спокойствия, нахожу необходимым объявить вверенным мне флоту, войскам, портам и населению, кто в настоящее время является законной верховной властью в стране — кто является законным правительством и кто верховный главнокомандующий. Не имея этих сведений, прошу их мне сообщить. До настоящего времени в подчиненных мне флоте, войсках, портах и населении настроение спокойное. 14 ч. 30 м. 3 марта 1917 г. 488/оп. *Колчак.*

Разговор по прямому проводу ген. Алексеева с ген. Брусиловым 3 марта 1917 г. от 15 ч. до 15 ч. 45 м.

— У аппарата генерал Брусилов? Здравия желаю, ваше высокопревосходительство. Я — Алексеев. Жду ваших вопросов.

— Здравия желаю. Командарм мне доносит, что дальше трудно ничего войскам не объявлять, слухи до них проникли, многое преувеличено, просят отдачи какого-либо приказа. До настоящего времени я только сообщал командармам все сведения, которые от вас получал, и ожидал манифеста, который все бы объяснил. Чтобы ускорить его появление, я посылал частную телеграмму Родзянке, как своему ста-

рому однокашнику по корпусу, чтобы скорей они закончили свои колебания и имели в виду, что крайне необходимо сохранять армию от каких-либо волнений, и по-товарищески просил его воздействия на левые элементы, но ответа не получил. Теперь ждать сбора главнокомандующих в ставке для решения вопроса слишком долго и испытывать столь продолжительное терпение войск нежелательно. Вы это сами понимаете. Крайне необходимо осведомить войска о положении дела, — конечно, в известных пределах. Мне кажется, что нужно объявить, первое, что государь император отрекся от престола и что вступил в управление страной Временный Комитет Государственной Думы и что составлен новый комитет министров и, в-третьих [1]), воззвать к войскам, что они охраняют своею грудью матушку-Россию и в политику теперь вмешиваться не можем. Но, раньше чем составить такой приказ, я хотел испросить ваше на то разрешение. Было бы желательно всем фронтам действовать однообразно по вашим указаниям, но, повторяю, совершенно необходимо теперь что-либо объявить войскам. Молчание может вызвать недоумение, а может быть, и что-либо хуже. Кончил. Ожидаю указаний.

— Вполне понимаю все вами высказанное. Мое положение: 1) Не могу добиться, чтобы Родзянко подошел к аппарату выслушать мое решительное сообщение о невозможности далее играть в их руку и замалчивать манифест. 2) Повеление великого князя верховного главнокомандующего во всех важных случаях обращаться к нему и его извещение, что для Кавказской армии манифеста не существует до распубликования его законным порядком через Сенат. Сейчас вторично доложу по аппарату великому князю положение дел на нашем западном фронте и заявление всех главнокомандующих, что дальнейшее молчание грозит опасными последствиями. При неполучении каких-либо указаний, возьму на себя отдачу приказания, которое к вечеру будет получено всеми фронтами, с общим объяснением дел. Самое трудное — установить какое-либо согласие с виляющим современным правительством, в составе которого крайние элементы берут верх и разнузданность приобретает права гражданства. Кончил. *Алексеев*

— Слушаю. Буду ожидать к вечеру приказа вашего. Настоятельно докладываю еще раз, что он безусловно необходим, иначе могут последовать тяжелые последствия. Докладываю также, что я отдал приказание в Киеве исполнять распоряжения новых министров, так как иначе возникли бы беспорядки, которые бы кончились столь же плачевно для войска, как в Петрограде и Москве. Полагаю, что это был единственный исход. Кончил. *Брусилов.*

— Ваше распоряжение совершенно правильно. До свидания. Дай бог всего хорошего. *Алексеев.*

— Имею честь кланяться. *Брусилов.*

---

[1]) Так в подлиннике.

Телеграмма вел. кн. Николая Николаевича ген. Алексееву 3 марта 1917 г. [1]).

Подана 3. III. 15 ч. 10 м.

Принята 3. III. 15 ч. 26 м.

Инженер Козырев предложил начальнику Закавказских дорог о снятии жандармов с линии дорог, на что таковым отвечено, что, при особых условиях жизни Кавказа и опасении невозможности продолжать борьбу со шпионажем, таковая мера поставит армию в опасное положение, ибо борьба с шпионажем требует преемственности. Изложенное сообщается для согласования распоряжений в районе западных фронтов. Генерал-адъютант *Николай*.

Телеграмма ген. Эбелова ген. Алексееву 3 марта 1917 г. № 2112.

В видах успокоения умов, полагал бы необходимым выпустить распоряжением местных судебных органов всех политических, осужденных по судебным приговорам, во избежание могущих быть эксцессов, которые неизбежно нарушат всемерно поддерживаемое спокойствие в районе округа. Лучше принять эту меру немедленно законным путем, дабы не вызвать промедлением насильственных действий к освобождению. Прошу срочного указания. Только что прокурор местной судебной палаты сообщил, что в Херсоне получено распоряжение министра юстиции об освобождении всех политических. 2112. *Эбелов*.

Телеграмма ген. Алексеева ген. Эбелову 3 марта 1917 г. № 1923.

Передана 3. III. 15 ч. 10 м.

2112. Все распоряжения нового правительства должны исполняться, в том числе и освобождение политических осужденных. 3 марта 1917 года. 1923. *Алексеев*.

Телеграмма ген. Алексеева ген. Квецинскому 3 марта 1917 г. № 1925 [2]).

Вследствие телеграммы наштазап о том, что из Великих Лук на Полоцк едет депутация в 50 человек от нового правительства и обезоруживает жандармов, по означенному вопросу был запрошен председатель Государственной Думы, который сообщил, что никаких депутаций не посылалось. Таким образом, повидимому, начинают уже появляться из Петрограда чисто революционные разнузданные шайки, которые стремятся разоружить жандармов на железных дорогах и, конечно, в дальнейшем будут стремиться захватывать власть как на железных дорогах, так и в тылу армии и, вероятно, попытаются

[1]) На подлиннике помета ген. Алексеева: «3. III. 917. Председ. Сов. Мин. за все фронты».

[2]) На подлиннике пометы о времени передачи телеграммы: «Наштазап на № 6204. Копии наштасев, наштаюз, поглавкорум (3. III. 19 ч. 30 м.). Наштасев — 3. III. 17 ч. 35 м. Минск 3. III. 18 ч. 16 м. Ю.-З. 3. III. 18 ч. 25 м.».

проникнуть и в самую армию. Надо принять самые энергичные меры, установив наблюдение на всех узловых станциях железных дорог в тылу и иметь на этих станциях гарнизоны из надежных частей под начальством твердых офицеров. При появлении где-либо подобных самозванных делегаций, таковые желательно не рассеивать, а стараться захватывать и по возможности тут же назначать полевой суд, приговор которого приводить немедленно в исполнение. 3 марта 1917 года. 1925. *Алексеев.*

Телеграмма ген. Сухомлина ген. Лукомскому 3 марта 1917 г. № 781 [1]).

Подана 3. III. 16 ч. 30 м.

Принята 3. III. 17 ч. 30 м.

2783. Генерал-лейтенант Корнилов отправился из Луцка экстренным поездом в 3 часа 35 минут 3 сего марта по новому назначению. 781. 3 марта. *Сухомлин.*

Копия телеграммы адм. Непенина адм. Русину 3 марта 1917 г. № 285/оп.

Сообщаю для сведения копию телеграммы, отправленной мною председателю Государственной Думы: «Положение в Ревеле вновь приняло угрожающий характер. Войска выходят из повиновения. Прибытие членов Думы не внесло достаточного успокоения. Из Ревеля передают, что является желательным прибытие депутата Керенского, который пользуется особым авторитетом среди рабочих. Необходимо немедленно какое-либо категорическое решение. В Гельсингфорсе сегодня был беспорядок, прекращенный лично мною и начальником минной обороны адмиралом Максимовым. № 282/оп. 15 ч. 3 марта 1917 г. Вице-адмирал Непенин». 15 ч. 15 м. 3 марта 1917 г. № 285/оп. *Непенин.*

Телеграмма ген. Алексеева председателю Совета Министров кн. Львову 3 марта 1917 г. № 1926.

Передана 3. III. 19 ч. 50 м.

Получено сообщение от великого князя Николая Николаевича, что инженер Козырев предложил начальнику Закавказских дорог снять жандармов с линии дорог. Вновь повторяю, что снимать охрану с линий железных дорог на театрах военных действий недопустимо. Она прежде всего нужна, дабы продолжать борьбу со шпионажем. Вообще же обращение отдельных агентов правительственной власти с какими-либо распоряжениями к исполнителям, а не через ставку или, в крайне спешных случаях, через главнокомандующих, без-

[1]) На подлиннике пометы: «Будет проездом в Могилеве 3 марта 20 часов. Г.-л. *Лукомский*». Выше рукой ген. Алексеева: «3. III. 917. Сообщить председателю Гос. Д.».

условно недопустимо и может роковым образом отразиться на управлении на театре военных действий, внести много путаницы и подорвать авторитет военной власти. В настоящую страшную минуту для спасения России надо принять все меры для сохранения в армии дисциплины и уважения к власти. Если это будет нарушено, то неминуемы катастрофа и гражданская война, а в настоящее время и порабощение России немцами. 3 марта 1917 г. 1926. Генерал-адъютант *Алексеев*.

Копия телеграммы адм. Непенина адм. Русину 3 марта 1917 г. № 286/оп. [1]).

Подана 3 марта 1917 г. 19 ч. 30 м.

На «Андрее», «Павле» и «Славе» бунт. Адмирал Небольсин убит. Балтийский флот как военная сила сейчас не существует. Что могу сделать? 19 ч. 30 м. 3 марта. 286/оп. *Непенин*.

Копия телеграммы адм. Непенина адм. Русину 3 марта 1917 г. № 288/оп. [2]).

Дополнение к 286/оп. Бунт почти на всех судах. 288/оп. *Непенин*.

Телеграмма ген. Иванова из Вырицы ген. Алексееву 3 марта 1917 г. [3]).

Подана 3. III. 9 ч. 25 м.
Принята 3. III. 20 ч. 15 м.

От Родзянко получил телеграмму о возвращении в Могилев. Прошу подтвердить, куда направить георгиевский баталион. *Иванов*.

Разговор по прямому проводу ген. Алексеева с Гучковым 3 марта 1917 г.

— Здесь, у аппарата, военный министр Александр Иванович Гучков. Просит начальника штаба верховного главнокомандующего подойти к аппарату.

— Здравия желаю, Александр Иванович. У аппарата Алексеев. Не имея возможности говорить с председателем Государственной Думы, я очень прошу взять на себя передачу ему серьезнейшего для армии вопроса. Сегодня в 6 часов утра М. В. Родзянко просил меня задержать обнародование манифеста 2 марта. Хотя манифест этот дошел только до высших начальствующих лиц, но этим вопрос в отношении армии совершенно не решен, скрыть акт столь великой важности в жизни России немыслимо. Он должен быть безотлагательно обнародован в установленном порядке. Слух о нем уже просочился и в войсковую среду и в население губерний фронта. Главнокомандующие в течение всего дня настоятельно указывают, что дальнейшее

---

[1]) На подлиннике помета рукой ген. Алексеева: «3. III. 917. Чит.».

[2]) Тоже.

[3]) На телеграмме помета рукой ген. Алексеева: «Георг. бат. — в Могилев нужно вернуть. 3. III. 917.»

промедление объявления войскам содержания этого акта может теперь же повлечь за собой сначала недоумение, а потом последствия весьма грозные. Этот голос всех старших начальствующих лиц должен быть услышан в Петрограде: они доносят о том, что стало болезненным вопросом для всей действующей армии. Выход должен быть найден путем соглашения с лицом, долженствующим вступить на престол. Совершенно не исключена возможность выработки по успокоению страны всех подробностей того или иного государственного устройства. Нужно памятовать, что борьба с внешним врагом в данное время все же остается главнейшей обязанностью каждого русского человека. Расшатав же действующую армию, скрывая от нее истину и действительные намерения правительства, мы подготовим себе печальную участь. Главнокомандующие единогласно свидетельствуют, что сегодня или завтра — крайний срок надлежащего осведомления войск, о чем я донес и великому князю Николаю Николаевичу, ожидая его указаний. Второй вопрос. До настоящего времени правительство, приняв в свои руки власть, не желает обратиться к действующей армии с горячим воззванием выполнять свой святой долг, заключающийся в упорной борьбе с внешним врагом. Желательно такое же воззвание к народу, чтобы он спокойно продолжал свою деятельность, напрягая все силы к той же общей великой цели. Третий вопрос. Считаю себя обязанным настоятельно просить, чтобы все сношения с армиями, все распоряжения органов правительства велись только через вверенный мне штаб и по второстепенным вопросам через главнокомандующих. Только при этом условии мы сохраним столь важные для армии устои подчиненности и порядка, без коих нет вооруженной силы. Возвращаясь к первому вопросу, полагаю вполне возможным в первом манифесте нового царствования объявить о том, что окончательное решение вопросов государственного управления будет выполнено в согласии с народным представительством, хотя бы по окончании войны или наступлении успокоения. Для прочности нравственной и боевой наших войск это вопрос исключительной важности и не допускающий никакого отлагательства. Пять миллионов вооруженных людей ждут объяснения совершившегося. Я пока кончил. *Алексеев. 3 марта 18 ч. 2 м.*

— Здравствуйте, Михаил Васильевич. Отвечаю вам по пунктам. Первое. Манифест 2 марта был передан мне государем вчера вечером во Пскове. Обнародование его в Петрограде встретило препятствия в том, что великий князь Михаил Александрович, посоветовавшись с составом Совета Министров, вопреки моему мнению и мнению Милюкова, решил отказаться от престола. Предполагается одновременное обнародование как манифеста 2 марта, так и манифеста 3 марта — об отказе со стороны Михаила Александровича. Обнародование обоих манифестов произойдет в течение предстоящей ночи. У власти остается Временное Правительство, с князем Львовым во главе, и в составе вам известном, до созыва Учредительного Собрания, которому надле-

жит разрешить окончательно вопрос о государственном устройстве. Срок созыва собрания не определен. Пункт второй. Воззвание к армии будет безотлагательно составлено. Пункт третий. Ваше совершенно справедливое желание, чтобы сношения с действующей армией производились исключительно через ставку или через главнокомандующего, с допуском исключения только по мелочным вопросам, будет принято к исполнению. Кончаю. Не имеете ли что-либо мне сказать?

— Имею, Александр Иванович. Неужели нельзя было убедить великого князя принять временно до созыва Собрания власть? Это сразу внесло бы определенность в положение России вообще в серьезный для данной минуты отношения к союзникам [1]), а главное — явилось бы отличным способом влиять на настроение армии. Хорошим примером служит Ревель, где при получении первых сведений о манифесте наступило успокоение среди флотских частей и соприкасающихся с ними сухопутных, а когда появился там текст манифеста, то образовалось хорошо [1]) приподнятое настроение. Трудно предусмотреть, как примет стоящая в окопах масса манифест третьего марта. Разве не может она признать его вынужденным со стороны? Теперешнюю действующую армию нужно беречь и беречь от всяких страстей в вопросах внутренних. Ведь теперешний Петроградский гарнизон, разложившийся нравственно, бесполезен для армии, вреден для государства, опасен для Петрограда. От этого нам нужно сохранить все части действующей армии, ибо жестокая борьба еще далеко не закончена, и каждый борец необходим отечеству. Хотя бы непродолжительное вступление на престол великого князя сразу внесло бы и уважение к воле бывшего государя и готовность великого князя послужить своему отечеству в тяжелые переживаемые им дни. Уверен, что на армию это произвело бы наилучшее бодрящее впечатление, а ведь в этом теперь залог успешного решения важнейшей государственной задачи. Через полгода же все выяснится ближе, лучше, и всякие изменения протекут не столь болезненно, как теперь. Вот, что я считаю своим священным долгом добавить к ранее высказанному. Слишком тяжелая и ответственная задача лежит на армии и ее начальниках, и нужно облегчить им возможность иметь все мысли и силы направленными против врага внешнего и спасти их от всяких колебаний. *Алексеев. 3 марта. 18 ч. 35 м.* [1]).

— Отвечаю. Вполне разделяю ваши опасения, также мнение, что в интересах быстрого успокоения страны — возвращение ее к нормальной жизни, а также в интересах армии являлось бы крайне важным, чтобы престол был безотлагательно замещен кем-либо, хотя бы временно, впредь до санкции Учредительного Собрания. Однако мои доводы никого не убедили, и решение великого князя было принято свободно и бесповоротно. Приходится подчиниться совершившемуся факту столь громадной исторической важности и попытаться честно

---

[1]) Так в подлиннике.

и добросовестно упрочить новый строй и не допустить серьезного ущерба для армии. С этим намерением принял я предложенный пост и приложу все мои силы к выполнению этой задачи. Кончаю. *Гучков. 6 ч. 33 м.* [1]).

— Еще одно слово. Могу ли я официально сообщить сейчас главнокомандующим, что предстоящей ночью манифест второго марта будет обнародован?

— Повторяю, оба манифеста будут обнародованы одновременно. Об этом можете сообщить официально. Кончил. *Гучков.*

— Очень благодарен. Будьте здоровы. *Алексеев.*

Разговор по прямому проводу ген. Алексеева с полк. Энгельгардтом 3 марта 1917 г.

— У аппарата генерал Алексеев.

— Родзянко занят неотложными делами. Гучков подал в отставку, временно занимаюсь военными делами и явился к аппарату. Может быть, найдете возможным переговорить со мною?

— Я сейчас только окончил разговор с Гучковым, и он мне ни одним словом не обмолвился о своей отставке, указывая, напротив, что все усилия свои посвятит на пользу армии. Очень трудно решать какие бы то ни было вопросы, касающиеся действующей армии, если отсутствует какая бы то ни было ориентировка в эти исключительные дни со стороны правительства. Если вы можете довести до сведения председателя Совета Министров, то я прошу, чтобы я был ориентирован в ходе дел, ибо отдавать распоряжения с завязанными глазами невозможно. *Алексеев.*

— Час тому назад Некрасов сообщил мне, что Гучков подал в отставку. В Думе его не было, а потому я позволил себе лично прибыть к аппарату, чтобы не задерживать вас. Из ставки трижды вызывали Родзянко или Гучкова. Если вы говорили с Гучковым после 18 часов, то, возможно, он взял отставку обратно. Передам нашу беседу князю Львову немедленно. Имеете ли еще что сказать?

— Ничего не имею, но прошу вас на ленте отметить свою фамилию. Генерал *Алексеев.*

— До свидания. Член Госуд. Думы *Энгельгардт.*

Разговор по прямому проводу ген. Лукомского с Родзянко 3 марта 1917 года [2]).

— У аппарата генерал-лейтенант Лукомский. Если председатель Государственной Думы может мне передать то, что он хотел сказать генералу Алексееву, то я могу принять.

— Здравствуйте, Александр Сергеевич. Как изволите поживать?

---

[1]) Так в подлиннике.

[2]) На подлиннике помета: «Вечером около 22 часов. Подполк. [подпись]».

— Здравия желаю, Михаил Владимирович. Ради бога, говорите, в чем дело?

— Положение тяжкое. Когда вернется генерал Алексеев и подойдет к аппарату?

— Генерала Алексеева его величество позвал к себе в вагон, и он там находится. Поэтому я затрудняюсь сказать, когда вернется генерал Алексеев, но я в курсе всех вопросов и могу, если вам угодно предложить мне вопрос, на него ответить.

— Могу вам сообщить, что сегодняшний день проходит спокойнее, и, повидимому, все приходит более или менее в порядок. Вчера пришлось войти в соглашение с левыми партиями и, установив несколько общих положений, заручиться их обещанием прекратить беспорядок. Начиналась форменная анархия, бессмысленная и неудержимая, и значительно более интенсивная, чем в 1905 году. Эти беспорядки были настолько велики, что грозили перейти в поголовную резню и общую потасовку населения и солдат. Дабы избежать кровопролития, порешили войти в соглашение, главным пунктом которого было установление необходимости Учредительного Собрания. Затем ряд требований всяких свобод, еще неустановленных по манифесту 17 октября и которые крупными жертвами и пролитием крови на полях битвы русский народ вполне заслужил. Сегодня значительно тише, солдатские бунты ликвидируются, нижние чины возвращаются в казармы, и город мало-по-малу принимает приличный вид. Надеюсь, что скоро заработаем на оборону и на организацию необходимой победы. Иного выхода нет. Акт отречения государя императора встречен спокойно, но еще, по моей просьбе генерал-адъютанту Алексееву, не опубликован. Соблаговолите сделать распоряжение о немедленном его опубликовании, а вместе с ним одновременно акт отречения великого князя Михаила Александровича. Сегодня утром был привезен от государя императора акт отречения от престола в пользу великого князя Михаила Александровича. Он еще не опубликован здесь и будет опубликован завтра. Одновременно будут опубликованы два акта: отречение императора от престола и манифест великого князя Михаила Александровича следующего содержания [1]).

Хотя эти акты не опубликованы, но слух о них прошел и встречен населением с ликованием. Произведен салют с крепости новому правительству в 101 выстрел. Завтра передам вам по прямому проводу на усмотрение генерала Алексеева текст присяги для войск, которую соблаговолите привести в исполнение. Прошу вас сообщить мне, какие известия с фронта?

— У аппарата генерал Алексеев. На фронте благополучно, но главнокомандующие в течение целого дня запрашивали о времени опубликования акта 2 марта, ибо слухи об этом проникли в армии, в ряды войск и население, порождали недоумение и могли закончиться

---

1) Далее следует текст манифеста Михаила Романова об отречении.

нежелательными проявлениями. Безотрадно положение Балтийского флота, бунт почти на всех судах, и боевая сила флота, повидимому, исчезла. Мы лишимся весною одного из элементов борьбы с флотом противника, что может повлечь за собою гибельное последствие. Это результат промедлений в объяснении чинам флота сути акта 2 марта. По имеющимся сведениям, так же печально и безнадежно состояние войск Петроградского гарнизона, окончательно развращенных пропагандою рабочих, против чего не принимается, повидимому, никаких мер. Немало солдат покинули ряды своих частей и разбредаются по домам, зараза касается понемногу и других запасных полков, расположенных недалеко от столицы, до Нарвы включительно. Много нужно будет положить труда, усилий войсковым начальникам действующей армии, чтобы выполнить свой священный долг перед родиной и спасти действующую армию от позорной и пагубной заразы военной измены. Все зараженные запасные полки являются при данных условиях временно утраченными для родины и армии до приведения их в порядок, водворения суровой дисциплины и перевоспитания людей. Накануне почти начала боевых операций мы теряем немалое число подготовленных укомплектований для пополнения потерь. В Черноморском флоте пока благополучно. Вот грустная картина с военной точки зрения. Полагаю, что новое правительство должно притти на помощь армии, призвать к порядку развращенные части и прежде всего положить предел пропаганде рабочих. От этого именно будут зависеть дальнейшая прочность армии и возможность победы. Суровые меры на первое время должны образумить забывших дисциплину. Манифест 3 марта передан теперь же великому князю Николаю Николаевичу, так как получил от него повеление — до опубликования законным порядком не объявлять армиям манифестов, между тем умолчание ведет к тем нежелательным явлениям, о которых я сказал выше. Более пока прибавить ничего не могу, кроме слов: боже, спаси Россию! *Алексеев.*

— Искренно жалею, что ваше высокопревосходительство так грустно и уныло настроены, что тоже не может служить благоприятным фактором для победы, а я вот и все мы здесь настроены бодро и решительно. Вчера получили от командующего Балтийским флотом телеграмму о том, что в Балтийском флоте все успокоилось, все бунты ликвидированы, и флот приветствует новое правительство. Желательно, чтобы под влиянием наших доблестных начальников фронтов и армий такое же настроение было прислано нам со всего фронта, для того, чтобы, наконец, объединенно и дружно всем народом вместе с армией, без недомолвок и взаимных подозрений, взяться за расправу проклятого немца. В начале ленты сообщил вам о необходимости немедленного опубликования двух переданных актов: одного — об отречении государя и другого — манифеста великого князя Михаила Александровича. Мы здесь тоже восклицаем: боже, спаси Россию, но прибавляем: да здравствуют сильная великая матушка Русь, ее славная дружная

армия и великий русский народ! Прошу ваше высокопревосходительство сообщить, как встретила армия опубликованные акты, на основании сообщений и донесений командующих фронта и армиями. В начале ленты сообщал вам, что мало-по-малу здесь все успокаивается, и мы в скором времени с удвоенной энергией приступим к работе на оборону. Желаю вам всего лучшего. *Родзянко.*

— Благоволите, ваше высокопревосходительство, выслушать две телеграммы: 1) от 7 часов 30 мин. вечера 3 марта: «На «Андрее», «Павле» и «Славе» бунт. Адмирал Небольсин убит. Балтийский флот как военная сила сейчас не существует». Подписал: Непенин. 2-я телеграмма, в дополнение к только что изложенной, кратко: «Бунт почти на всех судах». Подписал: Непенин. Вы видите, как быстро развиваются события и как приходится быть осторожным в оценке событий. Конечно, я извещу вас о том, как будут встречены войсками действующей армии оба акта. Все начальники от высших и до низших приложат все усилия, чтобы армия продолжала быть сильным, могучим орудием, стоящим на страже интересов своей родины. Что касается моего настроения, то оно истекает из того, что я никогда не позволяю себе вводить в заблуждение тех, на коих лежит в данную минуту ответственность перед родиной. Сказать вам, что все благополучно, что не нужно усиленной работы по оздоровлению,— значило бы сказать неправду. Будьте здоровы, всего хорошего. *Алексеев.*

— Ваше высокопревосходительство, не сердитесь на меня. Я забыл справиться, как ваше здоровье и принесло ли вам пользу достаточную ваше пребывание в Севастополе?

— Сердечно благодарен. Работаю почти попрежнему. Поправился, за некоторыми еще существующими дефектами, не мешающими р ботать. Еще раз будьте здоровы.

Телеграмма ген. Эверта ген. Алексееву 3 марта 1917 г. № 6245.

Принята 3. III. 19 ч. 53 м.

Минск. 3 марта. 18 ч. 30 м. 1918. На запрос мой командармов по вашей телеграмме получены ответы: командарма 2: «Секретно. Спешно. Главкозап. Несвиж. 17 ч. 40 м. 3 марта 1917 г. на № 6236. Первое. Необходимо личное присутствие в ставке верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича. Второе. Если решено ознакомить армию с создавшимся внутри страны положением, то говорить только голую правду. Будет совсем плохо, если вера словам и разъяснениям ближайших начальников будет заподозрена или подорвана. Третье. Не обнаруживать неустойчивости и колебаний в решениях — отмены и перемены колеблют и сеют шатание мысли. Четвертое. Надо устранить поводы к недовольству и на первый план поставить пищевое довольствие. 7677. С м и р н о в». От командарма 3: «Главкозапу. Секретно. Оперативная. Домбровиза. 3. III. 6236. Пока в армии спокойно. Мое мнение откладывать до 8 или

9 марта будет долго, может повести к волнениям в виду проникающих уже вниз слухов. Следует теперь же окончательно решить вопрос об образе правления и объявить его честно и прямо войскам и твердо его держаться; раз манифест объявлен в некоторых местностях, то, мне кажется, лучше его придержаться и объявить к исполнению, хотя, не зная обстановки в Петрограде, трудно решить этот вопрос. 949. Л е ш.». От командарма 10: «Весьма секретно. Главкозап. 6236. Мое мнение таково: вторая половина манифеста о передаче престола великому князю Михаилу Александровичу не приведет к успокоению страны. Наилучшим считал бы изменение второй половины манифеста с объявлением о переходе престола к наследнику цесаревичу великому князю Алексею Николаевичу, коему армия и народ присягали, и о назначении временно, до его совершеннолетия, регентом великого князя Николая Николаевича как более популярного среди войск и народа. Новый манифест в таком виде, отменяющий ранее изданный, явился бы спасительным для родины, армии и народа. Откладывать решение такого вопроса нельзя ни на один день. К/2377. Командарм 10. Г о р б а т о в с к и й». Мое решительное мнение сводится: недопустимо медлить ни дня, ни часа, необходимо дать войскам совершенно определенное объяснение о новом правлении и строе: сведения о манифесте государя императора распространились и несомненно дойдут до армии. Отсутствие официального объявления войска могут объяснить нежеланием начальников мириться с новым положением и их противодействием: в результате — несомненные волнения в армии. Тот путь, на который становится Государственная Дума и новое правительство, т.-е. создание Временного Правительства, производство выборов в Учредительное Собрание, ввергнет страну на продолжительное время в анархию, войска потребуют, с своей стороны, право голоса, и в результате — несомненные волнения в то время, когда армии неустанно должны готовиться к решительной борьбе с врагом, который, конечно, воспользуется нашей смутой. Считаю необходимым, подобно тому как мы, под давлением обстановки, коллективно вынуждены были обратиться к государю императору с мольбой о согласии его на изменение формы правления, так же ныне необходимо обратиться к Государственной Думе и новому правительству с заявлением о необходимости немедленного объявления высочайшего манифеста, спешно и законно изданного Сенатом, и просить, во имя спасения родины от порабощения ее злейшим ее врагом, немедленно успокоить все волнения в стране, отказаться ныне от намеченного ими пути избрания Учредительного Собрания, при выполнении чего в стране и армии будут волнения и несомненная разруха подвоза и позорный погром армии врагом. В противном случае просить об освобождении нас от тяжкой ответственности перед родиной за успех борьбы с врагом и о замене нас людьми, которые в состоянии будут даже при той обстановке несомненной разрухи повести войска к желанному победному концу и к славе дорогой родины. Заявление это должно быть сделано

сегодня и не позже утра завтра. Что касается съезда главнокомандующих, то считаю это необходимым, но обстановка развивается так быстро, что откладывать до 8-го признаю недопустимым. 6245. *Эверт.*

Телеграмма ген. Алексеева ген. Рузскому, Эверту, Брусилову, Сахарову, адм. Русину и ген. Янушкевичу 4 марта 1917 г. № 1943 [1].

Сообщаю, что акт об отречении от престола его императорского величества государя императора Николая второго, переданный вам вчера в дополнение к телеграмме за № 1908, а также нижеследующий манифест великого князя Михаила Александровича подлежат немедленному опубликованию в армиях фронта и во всех крупных населенных пунктах района фронта, причем их надлежит сообщить и всем подлежащим гражданским властям.

Содержание манифеста великого князя Михаила Александровича следующее: «. . . .» [2]). Рассылая эти манифесты войскам, необходимо указать, что в настоящую минуту, когда Россия ведет великую войну с грозным врагом и когда от результатов войны зависит самое существование России, все воины, начиная от старших до самых младших, должны проникнуться единой мыслью о победе над врагом и всеми силами стремиться, чтобы не могли возникнуть какие-либо междоусобные распри, памятуя, что только после победы над врагом может наступить полная слава и благоденствие России. 4 марта 1917 г. 1943. Генерал-адъютант *Алексеев.*

Телеграмма ген. Клембовского ген. Иванову в Вырицу 3 марта 1917 г. № 1940.

Передана 4. III. 1 ч. 25 м.

Вам и георгиевскому батальону надлежит вернуться в Могилев. 3 марта 1917 г. 1940. *Клембовский.*

Телеграмма ген. Лукомского начальникам штабов фронтов, ген. Янушкевичу и адм. Русину 4 марта 1917 г. № 1944.

Текст присяги при новом государственном строе будет разослан по его выработке. 4 марта 1917 г. 1944. *Лукомский.*

Телеграмма ген. Алексеева главнокомандующим, ген. Сахарову, адм. Русину и ген. Янушкевичу 4 марта 1917 г. № 1945.

Прошу мне сообщить, как будет принято войсками и населением района фронта объявление актов об установлении нового правительственного строя. 4 марта. 1945. Генерал-адъютант *Алексеев.*

[1]) На подлиннике пометы о времени передачи телеграммы: «Главкоюз — 4. III. 1 ч. 57 м. Главкосев — 4. III. 1 ч. 45 м. Главкозап — 4. III. 2 ч. 5 м. Поглавкорум — 4. III. 2 ч. 15 м. Тифлис — 4. III. 3 ч. 40 м.».

[2]) Пропуск и точки в подлиннике.

Телеграмма ген. Алексеева главнокомандующим фронтами 4 марта 1917 г. № 1947 [1]).

В ответ на мое донесение верховному главнокомандующему о моем указании главнокомандующим фронтами о необходимости незамедлительно объявить по армиям манифест государя императора об отречении от престола и второй манифест великого князя Михаила Александровича, мною сейчас получена следующая телеграмма от великого князя Николая Николаевича: «В виду обстоятельств подтверждаю принятое вами решение. Вместе с тем повелеваю всем войсковым начальникам от старших до младших внушить и разъяснить чинам армии и флота, что после объявления обоих актов они должны спокойно ожидать изъявления воли русского народа и святой долг их оставаться в повиновении законным начальникам, оберечь родину от грозного врага и своими подвигами поддержать наших союзников в беспримерной борьбе. 4 марта 1917 г. № 4138. Генерал-адъютант Николай». Объявляя настоящую телеграмму верховного главнокомандующего, предлагаю его именем немедленно опубликовать и разослать в армии как манифесты об отречении от престола государя императора и великого князя Михаила Александровича, так и настоящую телеграмму верховного главнокомандующего, которую прочитать во всех ротах, эскадронах, сотнях, батареях и командах. 4 марта 1917 г. 1947. *Алексеев.*

Разговор по прямому проводу ген. Лукомского с ген. Даниловым 4 марта 1917 г.

— У аппарата ген. Данилов. Здравствуйте, Александр Сергеевич.

— Здравствуй, Юрий Никифорович.

— При осуществлении телеграммы № 1943 у меня возникает несколько сомнений, которые прошу разрешить, в виду ответственности, связанной с осуществлением названной телеграммы. Первое. Телеграмма № 1943 начинается сообщением, что акт об отречении от престола его императорского величества государя императора Николая второго передан главкосеву в дополнение к телеграмме № 1908. Ни этой телеграммы, ни дополнения к ней главкосеву сообщаемо не было. Нахожу необходимым, чтобы акт об отречении, о котором идет речь, для проверки был передан нам целиком, не исключая заголовка, подобно тому как таковой имеется в манифесте великого князя Михаила Александровича. Второе. Только что получена телеграмма от главкозапа с сомнениями по поводу манифеста великого князя Михаила Александровича, ибо он не скреплен. Это сомнение

---

[1]) На подлиннике телеграммы пометы о времени ее передачи: «Главкосев — 4. III. 6 ч. 10 м. Главкозап — 4. III. 5 ч. 55 м. Главкоюз — 4. III. 6. ч. 12 м. Поглавкорум — 4. III. 6 ч. 30 м. Наморштаверх — копия снята. Копия Тифлис генералу Янушкевичу для доклада верховному главнокомандующему. 4. III. 6 ч. 32 м.»

или, вернее, этот пробел бросился и мне в глаза. Третье. При существовании акта великого князя Михаила Александровича возникает несогласованность с положением дела, имеющаяся в приказе верховного главнокомандующего по армии и флоту № 1. Именно в словах: «Вы готовы отдать на благо России и престола» эти слова могут породить массу недоразумений, почему не лучше ли упомянутый приказ номер первый, при действительном наличии манифеста великого князя Михаила Александровича, приказ верховного главнокомандующего номер первый не опубликовывать впредь до выяснения этого недоразумения. Прошу соответствующих разъяснений. *Данилов.*

— Должен сказать, что ссылку на телеграмму № 1908 для северного фронта поместили неудачно, ибо в этой телеграмме, т.-е. в № 1908, сказано: «От наштасева мною получена следующая телеграмма» и дальше идет изложение твоей телеграммы от 3 марта № 1244/Б, за твоей подписью, и дальше идет указание от генерал-адъютанта Алексеева о срочной ее передаче во все армии и начальникам главных военных округов, входящих в состав фронта, и еще дальше указано, что, по получении по телеграфу манифеста, таковой должен быть безотлагательно передан во все армии по телеграфу и разослан в части войск. Эта телеграмма № 1908 недавна передана в твой штаб.

— Я говорю не о телеграмме № 1908, а о дополнении к ней, которой, очевидно, был передан текст манифеста, и прошу о передаче обратно этого текста мне в целях проверки. Извиняюсь, что перебил, и слушаю далее. *Данилов.*

— Добавление к телеграмме № 1908 именно и составляет текст манифеста об отречении от престола, который был получен по телеграфу от вас. Нужно ли его повторить? Ибо изменений там нет.

— В таком случае, можно его не повторять, но прошу ответить, нужен ли заголовок и какой, а затем на остальные два вопроса, мною предложенные.

— Что касается вопроса о разногласии между приказом № первый и манифестом великого князя Михаила Александровича, то на первый взгляд, конечно, бросается в глаза слово «престол», но надо иметь в виду, что этот приказ верховным главнокомандующим отдан до получения им текста манифеста великого князя Михаила Александровича. Кроме того, в этом приказе вряд ли можно было бы этого слова не помещать, ибо, по существу соглашаясь на манифест великого князя Михаила Александровича и ему покоряясь, мы слушаем голос, исходящий с высоты престола. Что касается возможности не опубликовывать приказа № 1, то это недопустимо, но только, конечно, его надо пустить вперед. Наштаверх, если б была малейшая возможность, конечно, подождал бы из Петрограда письменного текста манифеста Михаила Александровича и задержал бы объявление его до тех пор, пока не получится все черное по белому. Но, с одной стороны, передавал текст манифеста Родзянко и подтвержден он Гучковым, а с другой стороны, вечером получены были сведения, что Бал-

тийский флот окончательно взбунтовался, и, повидимому, причина произошла оттого, что получилась проволочка в объявлении первого манифеста об отречении. Это и побудило наштаверха отдать указание о необходимости манифесты объявить и об этом донесено верховному главнокомандующему. Прошу ответить, будут ли при этих условиях главкосевом объявлены манифесты. *Лукомский.*

— Главкосев еще спит, я его не будил до выяснения всех недоразумений. Теперь разбужу и, после ознакомления его с материалом, протелеграфирую тебе. Желал бы знать решение главкозапа, если оно у тебя есть. *Данилов.*

— Затяжка в опубликовании манифеста очень невыгодна. *Данилов.*

— Главкозап не хочет публиковать до тех пор, пока не получит решения об этом же вопросе от всех прочих фронтов. Дабы тебя вполне осветить, я передаю тебе текст моего разговора с генералом Квецинским, как он о том меня сейчас просил. Передаю разговор.

— Этот разговор только что мне подали, равно и заключение, поэтому не беспокойся. Я думаю, что главкосев выскажется за объявление манифеста, при единогласии главнокомандующего западным фронтом и комфлота Балтийского, ибо ты хорошо понимаешь наше географическое положение в отношении Балтийского флота. Нет ли у тебя заключения комфлота, которое обязательно нужно? Кроме того, считаю служебным долгом отметить, что войскам трудно будет разобраться в тонком сличении времени отдачи приказа верховного главнокомандующего и манифеста великого князя Михаила Александровича, ибо оба документа помечены третьим марта. Получится безусловное впечатление несогласованности, очень тяжкое в таких государственной важности и деликатных для совести каждого вопросах. Прошу это мое мнение доложить наштаверху, причем время этого доклада предоставляю тебе. Мое дело отметить. *Данилов.*

— Прошу сообщить, нет ли у тебя решения комфлота, ибо с ним говорить будет, вероятно, очень трудно и долго, а между тем это существенно в отношении нас и его. *Данилов.*

— Манифесты комфлоту Балтийскому только сейчас закончены передачей, и поэтому, конечно, ответа дать пока не могу, но не сомневаюсь в том, что манифесты будут объявлены. Сейчас адмирал Непенин сообщает, что путем уговора и при помощи юзограмм министра юстиции Керенского удалось прекратить кровопролитие и беспорядок. Линейные корабли «Павел» и «Андрей» еще во власти команд, сведений о крейсере «Россия» он еще не имеет. Окончательно восстановлен порядок в Ревеле. Вот все, что известно. Буду ждать ответа. *Лукомский.*

Телеграмма ген. Данилова ген. Алексееву 4 марта 1917 г. № 1274/Б.

По приказанию главкосева докладываю для доклада его величеству следующую телеграмму, полученную на имя главкосева: «До нас дошли сведения о крупных событиях. Прошу вас не отказать повергнуть

к стопам его величества безграничную преданность гвардейской кавалерии и готовность умереть за своего обожаемого монарха. 2370. 3 марта. 14 ч. 45 м. Генерал-эдъютант *Хан-Нахичеванский*». Конец телеграммы. 4 марта. 1 час. *Данилов*. 1274/Б.

Телеграмма ген. Алексеева вел. князю Николаю Николаевичу 4 марта 1917 г. № 1948.

Передана 4. III. 11 ч. 1 м.

Всеподданнейше доношу, что от адмирала Непенина получена следующая телеграмма: «Собрал депутатов от команд и путем уговоров и благодаря юзограммам министра юстиции Керенского удалось прекратить кровопролитие и беспорядок. Линейные корабли «Павел» и «Андрей» все еще во власти команд. На прочих судах постепенно восстанавливается подчинение, кроме крейсера «Россия», о котором пока не имею сведений. Разрешил на завтра в отведенном помещении собрание депутатов от команд, куда направлю прибывающих депутатов. Морские команды дали обещание прекратить кровопролитие и радиотелеграфирование. Так же окончательно установлен порядок в Ревеле. Через депутатов передал командам, пролившим кровь офицерскую, что я, с своей стороны, крови не пролью, но оставить их в командах не могу — виновных же пусть разберет Временное Правительство. № 291/оп. Непенин». Генерал-адъютант *Алексеев*. 1948.

Телеграмма ген. Алексеева вел. князю Николаю Николаевичу 4 марта 1917 г. № 1951.

Передана 4. III. 12 ч. 8 м.

Всепреданнейше доношу, что с поездом 20 ч. 15 м. 3 сего марта его величество изволил прибыть в ставку, где, согласно полученным мною сведениям, его величество предполагает пробыть несколько дней. Когда выяснится, сколько времени его величество предполагает здесь пробыть, немедленно донесу вашему императорскому высочеству. 4. III. 1917 г. 1951. Генерал-адъютант *Алексеев*.

Телеграмма адм. Григорова ген. Рузскому 4 марта 1917 г. № 306/оп.

В воротах Свеаборгского порта адмирал Непенин убит выстрелом из толпы. С утверждения морского министра в командование флотом вступил вице-адмирал Максимов. 16 ч. 4 марта 1917 г. 306/оп. *Григоров*.

Телеграмма ген. Алексеева Гучкову 4 марта 1917 г. № 1953.

Передана 4. III. 12 ч. 15 м.

Сообщаю, что мною отданы распоряжения главнокомандующим об объявлении войскам манифеста об отречении от престола государя императора Николая II, манифеста великого князя Михаила Але-

ксандровича и повеления верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, дабы было разъяснено всем чинам от старших до младших о спокойном ожидании изъявления воли русского народа и призывы оставаться в повиновении законным начальникам. Все же распоряжения по военным округам, не находящимся на театре военных действий, должны исходить от вас. 1953. Генерал-адъютант *Алексеев*.

Телеграмма ген. Алексеева кн. Львову 4 марта 1917 г. № 1954.

Передана 4. III. 12 ч. 30 м.

Мною получена следующая телеграмма от начальника штаба северного фронта: «Наштарм 5 телеграммой наштасеву донес: «Прибывшие сегодня днем из Петрограда в Режицу вооруженные делегаты рабочей партии освободили везде всех арестованных, обезоружив частью караул, обезоружили полицию, начали обезоруживать офицеров, угрожая всем наведенным огнестрельным оружием, ходили даже для этого по квартирам. Примкнули нижние чины гарнизона. Сожгли в управлениях начальника гарнизона, коменданта и в полицейских участках судные и арестантские дела. Кровопролития и особых беспорядков не было. Командарм ходатайствует срочно войти в сношение с представителями власти и немедленно прекратить обезоруживание офицеров, врачей, чиновников. 2078. В а х р у ш е в». Главкосев, находя указанные действия преступными, вносящими разлагающее влияние среди войск и населения ближайшего тыла армий, приказал просить ваше высокопревосходительство о срочном сношении с представителями власти по принятию самых решительных мер к прекращению таких явлений, могущих деморализовать всю армию. Псков. 4 марта. 1275/Б. Д а н и л о в». Прошу срочно принять все меры, чтобы не допускалось отправление на фронт каких-либо делегаций. Вместе с сим сообщаю главнокомандующим фронтами, чтобы, в случае появления таких шаек, они немедленно захватывались и предавались на месте же военно-полевому суду. 4 марта 1917 г. 1954. Генерал-адъютант *Алексеев*.

Телеграмма кн. Львова ген. Алексееву 4 марта 1917 г.

Послана 4. III. 3 ч. 50 м.
Принята 4. III. 5 ч. 35 м.

Второго сего марта последовало отречение от престола государя императора Николая II за себя и за своего сына в пользу великого князя Михаила Александровича. Третьего марта Михаил Александрович отказался восприять верховную власть впредь до определения Учредительным Собранием формы правления и призвал население подчиниться Временному Правительству, по почину Государственной

Думы возникшему и облеченному всей полнотой власти впредь до созыва Учредительного Собрания, которое своим решением об образе правления выразит волю народа. Председатель Совета Министров князь *Львов*.

Телеграмма ген. Корнилова Родзянко 4 марта 1917 г. № 51.

Послана 4. III. 12 ч. 5 м.

Телеграмму вашу № 159 получил сегодня в Могилеве. Назначение на должность главнокомандующего принял в твердом решении приложить все свои силы ко благу родины. 51. Ген.-л. *Корнилов*.

Телеграмма ген. Брусилова ген. Алексееву 4 марта 1917 г. № 35149.

Послана 4. III. 20 ч. 55 м.

Принята 4. III. 21 ч. 05 м.

В телеграммах Петроградского телеграфного агентства и в сообщениях редакции «Военного Вестника» попадаются сведения, могущие поколебать некоторые неустойчивые умы и нанести существенный вред армии при ее стремлении достигнуть победы. Излишними, например, являются указания об убийстве адмирала Вирена солдатами, о неповиновении солдат офицерам, солдатских комитетах и вообще явном нарушении основ военной дисциплины и всего того, что подтачивает армию и лишает ее крепкой организации, при которой возможна только победа над внешним врагом. Не признаете ли возможным соответствующим сношением с правительством урегулировать этот вопрос? 35149. *Брусилов*.

Телеграмма ген. Рузского ген. Алексееву 4 марта 1917 г. № 1278/Б [1]).

Петроградским Советом Рабочих и Солдатских Депутатов издан приказ № 1 Петроградскому гарнизону, трактующий о выборе комитетов из представителей от нижних чинов, о главенствующем значении самого Совета и о взаимоотношениях между офицерами и нижними чинами. Приказ этот распространяется в воинских частях и вносит смущение в умы. Вместе с тем и пункт 7 программы нового кабинета, опубликованный в газетах, указывает на устранение для солдат всех ограничений в пользовании общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам. Такое постановление, без соответствующей формулировки подробностей и при недостаточности сознания сущности новых взаимоотношений большинством нижних чинов, может породить и уже порождает в отдельных случаях внутреннюю рознь между офицерами и нижними чинами. В виду крайней важности обоих вопросов, в целях сохранения прочной, столь необходимой для победы дисциплины и общего успокоения, необходимы беззамедлитель-

[1]) Копия этой телеграммы была послана Рузским Гучкову.

ное разрешение и точное установление особым приказом взаимоотношений офицеров и нижних чинов. Быстрое и определенное разрешение этого вопроса особенно необходимо на фронте, где самые условия службы и жизни делают соприкосновение офицера и солдата почти непрерывным и где вопрос о прочной и здоровой дисциплине играет первенствующее значение. 4 марта. 16 ч. 1278/Б. *Рузский.*

Телеграмма ген. Алексеева Гучкову 5 марта 1917 г. № 1964.

Передана 5. III. 11 ч.

Заявления, помещенные в адресованных вам телеграммах генерал-адъютантов Эверта и Брусилова о производящихся арестах военных начальников лицами, именующими себя делегатами или уполномоченными городских комитетов, и об избрании солдатами новых начальников, требуют немедленных самых энергичных правительственных мер для своего искоренения, дабы зараза разложения, начавшаяся в тылу, не перекинулась в армию и не привела ее к полной небоеспособности. Всем воинским чинам в тылу, населению и гражданским властям должно быть определенно указано на преступность вышеупомянутых деяний и на строгую законную ответственность за совершение их. Равным образом, во избежание гибельных трений на почве предоставления солдатам общественных прав, безусловно необходимо если не полное уничтожение пункта седьмого программы, то совершенная переработка редакции его с точным разграничением прав и обязанностей солдат. Все вышеизложенное необходимо привести в исполнение в кратчайший срок, в чем прошу энергичного вашего содействия для спасения военной дисциплины, без которой немыслима победа. Всем таким коренным реформам нужно уделить время после войны, оставив пока привычный строй службы и отношений. 1964. *Алексеев.*

Телеграмма ген. Алексеева кн. Львову, Родзянко и Гучкову 5 марта 1917 г. № 1973.

Передана 5. III. 17 ч. 22 м.

Главнокомандующий северного фронта сообщает[1]) на необходимость правительства обратить внимание на крайнюю опасность создавшегося положения, проистекающую из стремления каких-то неуловимых элементов создать солдатские организации на фронте, могущие нарушить порядок на фронте. В Выборге власть над гарнизоном крепости в руках солдатских делегатов, и комендант крепости генерал Петров был арестован нижними чинами, теперь выпущен. Попытки стать хозяевами положения замечаются и в Пскове, причем при столкновении с толпой пал начальник распределительного пункта полковник Самсонов. Дабы иметь возможность продолжать войну и не допу-

[1]) Так в подлиннике.

стить позора России, необходимо новому правительству проявить свою власть и авторитет и устранить причины начинающейся разрухи. Правительству крайне необходимо срочно вполне определенно и твердо сказать, что армии никто не смеет касаться и что все распоряжения должны производиться через верховного главнокомандующего. Просим военного министра точно так же издать воззвание правительства к армии, что ее основной, как и прежде, долг — сражаться с врагом внешним, свято хранить лучшее достояние армии — ее прочную дисциплину, что все распоряжения будут исходить от правительства, высших начальствующих лиц, что никакие делегации, депутации не имеют права вводить какие-либо перемены в определенные законом нормы войсковой жизни до перемены закона. Убедительно прошу издать воззвание, ибо на него обопрется всякий начальник, всякому будет понятно, что прежде всего его обязанность честно исполнять свое прямое дело. Нужно спасти войска от развала всеми силами и способами, ибо начало развала будет знаменовать конец борьбы с неприятелем. 1973. Генерал *Алексеев*.

Разговор по прямому проводу ген. Алексеева с Гучковым 4 марта 1917 г. от 13 ч. 13 ч. 35 м.

— У аппарата Гучков.

— У аппарата генерал Алексеев.

— Только что получил вашу тревожную телеграмму о беспорядках в некоторых пунктах северного фронта. В Петрограде общее успокоение умов идет довольно быстро вперед. Очень рассчитываю, что это влияние через некоторое время скажется и у вас на фронте. *Гучков*.

— Думаю, что разбежавшиеся из войсковых частей Петроградского гарнизона нижние чины теперь появляются в ближайших гарнизонах тыла северного фронта и оказывают растлевающее влияние на такие же запасные полки, как и составлявшие гарнизон Петрограда. В Полоцке захвачено 17 человек, если не ошибаюсь в цифре, проехавших почти от самого Петрограда и обезоруживших жандармов. Сейчас в Могилеве на вокзале появилась такая же команда от Московского Исполнительного Комитета с такою же целью. Удалось арестовать трех, остальные скрылись, воспользовавшись проходившими двумя поездами. Приказал всех таких задержанных предавать военно-полевому суду по возможности на месте для быстрого приведения в исполнение приговоров. Вчера в Смоленске, не без влияния гастролеров из Петрограда или Москвы, арестованы командующий войсками генерал Рауш и начальник штаба генерал Мориц. Как видите, это — отголоски событий, отголоски — неминуемые — того, что у вас уже пережито. Главнокомандующие принимают все меры к тому, чтобы эти отголоски не распространились далеко к западу — фронтовой собственно территории, дабы сохранить от всякого влияния боевую силу. Генерал Корнилов проехал через Могилев и будет завтра в Петрограде. Желательно установить по водворении порядка в частях Петро-

градского гарнизона, сколько у них исчезло за этот период людей, не считая, конечно, убитых и раненых. Часть этих самовольно отлучившихся, кроме разошедшихся по деревням, представляет главную опасность для тылового пространства фронта, в котором войсковых строевых частей нет, а различные мелкие команды всегда склонны к нарушению порядка, а в данное время особенно. Все возможные меры безусловно принимаются в интересах правильной работы тыла. *Алексеев.*

— Убедительно прошу не принимать суровых мер против участников беспорядка: они только подольют масла в огонь и помешают тому успокоению в центре, которое теперь наступает. Без центра мы не успокоим и фронт. Должен сейчас кончить нашу беседу, ибо спешно вызван в Совет Министров, где доложу также вашу телеграмму. Имеете ли вы что-либо сказать еще? *Гучков.*

— Чтобы не задерживать вас, не возбуждаю других вопросов. *Алексеев.*

4 марта 1917 г. от 13 ч. до 13 ч. 35 м.

Копия телеграммы ген. Рузского члену Исполнительного Комитета Петроградского Совета Рабочих Депутатов Бонч-Бруевичу 5 марта 1917 г. № 1303/Б.

Принята 5. III. 20 ч. 35 м.

Петроград. Государственная Дума.

Уполномоченному Исполнительного Комитета Совета Рабочих Депутатов Бонч-Бруевичу.

В ответ на ваше письмо от 3 марта сообщаю, что я и подчиненные мне армии и воинские чины вполне приняли ныне новое существующее правительство впредь до решения Учредительного Собрания об образе правления. Прошу содействия, чтобы уполномоченные и другие лица Комитета, прибывающие в пределы северного фронта, предварительно обращений к рабочим и войскам обращались ко мне, дабы можно было установить полную связь между действиями центральной и местной власти. Псков — ближайший пункт к Петрограду, имеющий как главная квартира фронта огромное значение. Всякие волнения в нем недопустимы. Между тем приезжают делегаты, обращающиеся непосредственно к населению и войскам. Желателен ваш приезд сюда. 1303/Б. *Рузский.*

Записка Николая Романова [1]).

Потребовать от Временного Правительства след[ующие] гарантии:

1) О беспрепятственном проезде моем с лицами, меня сопровождающими, в Царское Село.

---

[1]) Записка б. царя написана карандашом на осьмушке писчей бумаги. Она вложена в пакет с надписью, сделанной, повидимому, Лукомским: «Подлинная записка отрекшегося от престола императора Николая II, посланная им ге-

2) О безопасном пребывании в Царском Селе до выздоровления детей с теми же лицами.

3) О беспрепятственном проезде до Романова на Мурмане с теми же лицами.

4) О приезде по окончании войны в Россию для постоянного жительства в Крыму — в Ливадии.

Телеграмма ген. Алексеева кн. Львову 4 марта 1917 г. № 54.

Отказавшийся от престола император просит моего [1]) сношения с вами по следующим вопросам. Первое. Разрешить беспрепятственный проезд его с сопровождающими лицами в Царское Село, где находится его больная семья. Второе. Обеспечить безопасное пребывание его и семьи с теми же лицами в Царском Селе до выздоровления детей. Третье. Предоставить и обеспечить беспрепятственный проезд ему и его семье до Романова на Мурмане с теми же лицами.

Доводя до сведения вашего сиятельства обращенную ко мне просьбу, настоятельно ходатайствую о скорейшем [2]) решении правительства [3]) указанных [4]) вопросов, что особенно важно для штаба верховного главнокомандующего, как и для самого отрекшегося императора. Генерал-адъютант *Алексеев*. № 54. 4 марта 1917 г.

Телеграмма ген. Алексеева кн. Львову и Родзянко 5 марта 1917 г. № 55.

В дополнение моей телеграммы от 4 марта № 54 очень прошу ускорить разрешение поставленных вопросов и одновременно командировать представителей правительства для сопровождения поездов отрекшегося императора до места назначения. 5 марта. 55. *Алексеев*.

Телеграмма ген. Алексеева Гучкову 5 марта 1917 г. № 1990.

Передана 6. III. 3 ч.

Необходимость отъезда немедленного из Могилева графа Фредерикса и генерала Воейкова вытекала из недружелюбного к ним отношения значительного числа чинов гарнизона, состоящего, главным

нералу Алексееву, для сношения с Временным Правительством, от которого поручено ген. Алексееву потребовать гарантии: 1) О беспрепятственном проезде в Царское Село. 2) О безопасном пребывании в Ц. Селе до выздоровления детей. 3) О беспрепятственном проезде в Романов на Мурмане. 4) О приезде по окончании войны в Ливадию. Примечание. Записка без подписи, писана карандашом».

[1]) В черновике телеграммы далее зачеркнуто: «содействия».

[2]) Далее зачеркнуто: «сообщение мне».

[3]) Далее зачеркнуто: «по этому делу, так как продление пребывания здесь отрекшегося от престола императора нежелательно вследствие воспоследовавшего уже назначения нового верховного главнокомандующего. 4 марта 1917 г. № ».

[4]) Далее зачеркнуто: «этих».

образом, из частей, ранее подчиненных дворцовому коменданту. Опасаясь при настоящем повышенном общем настроении или ареста этих генералов или какого-либо резкого проявления неуважения, особенно в присутствии отрекшегося государя, предпочел дать совет обоим уехать из Могилева и из состава чинов свиты. Совет принят, и 5 марта они просили обеспечить им выезд из Могилева и следование к избранным местам временного пребывания. 1990. *Алексеев.* 5 марта 1917 г.

Телеграмма ген. Алексеева вел. князю Николаю Николаевичу 5 марта 1917 г. № 1988.

Передана 6. III. 3 ч. 25 м.

Новый министр по делам Финляндии Родичев послал телеграмму Совету Министров такого содержания. «По совещании с комфлотом предлагаю восстановить финские войсковые части. Будут дисциплинированы, могут заменить и освободить расстроенные русские части. Предлагаемая мера высоко полезна для обороны, привяжет финнов к России. Адмирал Максимов берется оборудовать. Отвечайте в штаб флота». Этим оканчивается телеграмма, сообщенная адмиралом Максимовым. Предложение забывает горький опыт минувшего, поможет нашему противнику в том случае, если наш флот не возродит к весне своей боевой силы, а неприятель решит выполнить десантную операцию на Финском побережье. Пока от Совета Министров запроса об этой мере не было. 1988. Генерал-адъютант *Алексеев.* 5 марта 1917 г.

Телеграмма ген. Болховитинова ген. Алексееву 5 марта 1917 г. № 4237.

Подана 6. III. 12 ч. 22 м.
Принята 6. III. 15 ч. 9 м.

1988. Верховный главнокомандующий просит вас ответить, что этот вопрос будет лично обсужден великим князем с председателем Совета Министров, который, узнав о выезде верховного главнокомандующего с Кавказского фронта, телеграфировал, что прибудет в ставку для обсуждения важнейших вопросов. 4237. *Болховитинов.*

Телеграмма кн. Львова ген. Алексееву 6 марта 1917 г. № 938 [1].

Временное Правительство разрешает все три вопроса утвердительно; примет все меры, имеющиеся в его распоряжении: обеспечить беспрепятственный проезд в Царское Село, пребывание в Царском Селе и проезд до Романова на Мурмане. 938. Министр-председатель князь *Львов.*

[1]) На телеграмме пометы: «Перевод сообщен ген. Вильямсу 7. III. 1917 г. Послано 6. III. 1917 г. 12 ч. дня 1) его величеству, 2) адмиралу Нилову, и о том же сообщено на Кавказ».

Телеграмма ген. Лукомского ген. Янушкевичу 6 марта 1917 г. № 2002.

Передана 6. III. 17 ч. 3 м.

Сообщаю для доклада его высочеству, что от министра-председателя князя Львова получена телеграмма относительно того, что будет обеспечен проезд его величества в Царское Село и пребывание там до дальнейшего отъезда. Отъезд из ставки еще не определен, но не задержится. 6 марта. 2002. *Лукомский.*

Телеграмма ген. Алексеева кн. Львову 6 марта 1917 г. № 2013.

Передана 6. III. 23 ч. 28 м.

Генерал граф Фредерикс задержан в Гомеле. Прошу экстренного распоряжения о том, чтобы ему был предоставлен беспрепятственный проезд туда, куда он пожелает, так как никакой задержки его без распоряжения правительства не может быть. 6 марта 1917 г. 2013. *Алексеев.*

Разговор по прямому проводу флаг-капитана морского штаба верховн. главнокоманд. Альтфатера с ст. лейт. Смирновым (морской ген. штаб). 6 марта 1917 г. в 20 ч. 30 м. [1]).

— В Петрограде почти полный порядок. Завтра большинство заводов начинает работу. В Ревеле совершенно все спокойно. От флаг-капитана по оперативной части штаба командующего флотом Балтийского моря капитана 1 ранга князя Черкасского следующие сведения: настроение улучшается, но по теории колебательного движения, строго научной, всегда возможны повторения затухающих колебаний, а посему не надо удивляться, если еще будут эксцессы, но, конечно, несравненно более слабые. Действие представителей Думы, безусловно, громадное. Надеюсь, что в ближайшие дни явится возможность вернуться мне к исполнению прямых своих обязанностей, т.-е. подготовки флота к бою, так как за эти дни я был весь поглощен заботами и стремлениями спасти флот от полной разрухи, и все операции были пущены мной по-боку. Не причисляя себя к оптимистам, думаю, что все изложенное довольно близко к истине. Под влиянием Петроградских депутатов Думы и работающего здесь местного Комитета Матросских и Солдатских Депутатов случаи арестования офицеров матросами и солдатами не только прекратились, но офицеры возвращены в свои части с принесением им извинения и сожаления о случившемся.

Адмирал Григоров (начальник штаба командующего флотом Балтийского моря) сообщил следующее: спокойствие восстанавливается все больше и больше. Исполнительный Комитет Совета Депутатов принимает все меры к восстановлению полного порядка, помогает все

[1]) На подлиннике помета ген. Алексеева: «6. III. 917. Оптимистично. Розовые очки. В доклад в[ерх.] гл[авнокомандующему]».

время командующему. В посещенных командующим частях и кораблях команды поклялись сохранять порядок и восстановить дисциплину. Больше сведений пока не имею». Верно: флаг-капитан, капитан 1 ранга *Альтфатер*.

Телеграмма адм. Кочака ген. Алексееву 6 марта 1917 г. № 511/оп.

На кораблях и в сухопутных войсках, находящихся в Севастополе, при известиях о назначении великого князя верховным главнокомандующим и обнародовании манифестов пока не было никаких внешних проявлений, только на некоторых кораблях существует движение против офицеров, носящих немецкую фамилию. Команда и население просили меня послать от лица Черноморского флота приветствие новому правительству, что мною и исполнено. Представители нижних чинов, собравшиеся в Черноморском экипаже, обратились ко мне с просьбой иметь постоянное собрание из выборных для обсуждения их нужд. Я объяснил им несовместимость этого с понятием о воинской части и отказал. В населении Севастополя настроение возбужденно-мирное; было несколько просьб, обращенных толпой к коменданту, кончившихся мирно. Из других районов покуда имеются сведения только из Керчи и с Дуная, где все спокойно. Большое смущение в войсках вызвала внезапность воззвания рабочих и солдатских депутатов об общих гражданских правах вне службы. В интересах спокойствия, дабы дать возможность занять войска невнутренними делами, необходимо, чтобы Временное Правительство объявило всем военнослужащим обязательно исполнять все до сих пор существующие законы, покуда не будут разработаны и утверждены правительством новые законы о быте воинских чинов. 3 ч. 00 м. 6 марта 1917 г. 511/оп. *Колчак*.

Телеграмма ген. Рузского ген. Алексееву, Гучкову, кн. Львову и Керенскому 6 марта 1917 г. № 1318/Б.

К № 1282/Б. Ежедневные публичные аресты генеральских и офицерских чинов, несмотря на признание всеми нового государственного строя, производимые при этом в оскорбительной форме, ставят командный состав армии, нередко георгиевских кавалеров, в безвыходное положение. Аресты эти произведены в Пскове, Двинске и других городах. Вместе с арестами продолжается, особенно на железнодорожных станциях, обезоружение офицеров, в том числе едущих на фронт, где эти же офицеры должны будут вести в бой нижних чинов, товарищами которых им было нанесено столь тяжкое и острое оскорбление, и притом вполне незаслуженно. Указанные явления крайне тяжко отзываются на моральном состоянии офицерского состава и делают совершенно невозможной спокойную энергичную и плодотворную работу, столь необходимую в виду приближения весеннего времени,

связанного с оживлением боевой деятельности. При таких условиях представляется серьезная опасность разложения армии, при котором предстанет грозный вопрос о возможности успешной борьбы с нашим противником. Несмотря на полную осведомленность населения и нижних чинов в признании решительно всеми совершившихся событий и единодушном переходе всех армий со всеми их начальниками без исключения на сторону нового порядка, указанные события не только продолжают существовать, но даже разрастаются, захватывая районы, вплотную подходящие к позициям. В виду грозности этого явления, убедительно и настоятельно прошу о немедленном и авторитетном разъяснении центральной власти о недопустимости его, без чего внутренний развал армии неизбежен. Кроме того, крайне необходим экстренный приезд в район фронта доверенных правительством комиссаров с целью успокоить население и нижних чинов в том, что всеми признанному новому строю никакой опасности не угрожает и что каждому необходимо вернуться к своей работе для организации совместной с нашими союзниками победы над неприятелем. Только эти меры нравственного влияния я признаю единственно верными и соответственными для внесения столь необходимого успокоения, почему о скорейшем осуществлении их горячо настаиваю. 6 марта. 1 ч. 1318/Б. *Рузский.*

Телеграмма ген. Рузского ген. Алексееву 6 марта 1917 г. № 1321/Б [1]).

Подана 6. III. 13 ч. 5 м.

Приказал вам передать копию телеграммы, полученной мною от Исполнительного Комитета Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Никаких распоряжений по ней делать не предполагаю и настоятельно прошу о сношении с центральным правительством, дабы все распоряжения, имеющие обязательный характер для армий фронта, направлялись через ставку. Приказ, изложенный в в названной телеграмме, № 2 засвидетельствован неизвестным мне генералом Потаповым и носит по заголовку характер, обязательный лишь для войск Петроградского округа. Тем не менее, распространенный всякими способами среди войск армии, он, несомненно, как и приказ № 1, внесет смущение, а самый порядок его передачи, минуя центральный орган полевого управления, колеблет установившийся порядок, вытекающий из существа дела. Благоволите меня уведомить, будет ли по данной телеграмме возбуждено соответственное ходатайство, так как ряд моих телеграмм по аналогичным вопросам остался без ответа. Псков. 6 марта. 1321/Б. 12 ч. 30 м. *Рузский.*

---

[1]) На подлиннике помета ген. Лукомского: «Срочно. 1-е дел[опроизводство]. Сост[авить] телегр[амму] ген. Рузскому, что по всем его пред[ложениям] тел[еграммы] были посл[аны]... и по этой будет посл[ана], но от прав[ительства] ответа нет. *Л.*».

Телеграмма ген. Квецинского ген. Лукомскому 7 марта 1917 г. № 6345 [1]).

Принята 7. III. 3 ч. 32 м.

Минск. 7 марта. 2 ч. 50 м. Главкозапом получена следующая телеграмма члена Госуд. Думы В. М. Пуришкевича: «Считаю долгом уведомить ваше высокопревосходительство, что распространяемый агитаторами по фронту приказ № 1 Совета Рабочих и Солдатских Депутатов о неповиновении солдат офицерам и о неисполнении распоряжений нового Временного Правительства является злостной провокацией, что удостоверено особым объявлением министра юстиции Керенского и председателя Совета Рабочих и Солдатских Депутатов Чхеидзе, напечатанным в номере седьмом «Известий» комитета петроградских журналистов от третьего сего марта, а также в «Известиях Совета Рабочих и Солдатских Депутатов». Настоящее сообщаю вашему высокопревосходительству, буде признаете необходимым оповестить о сем в приказах по армиям вверенного вам фронта. Член Государственной Думы Владимир Пуришкевич». Главкозап приказал испросить указаний, следует ли объявить эту телеграмму в приказах армиям. 6345. *Квецинский.*

Разговор по прямому проводу ген. Алексеева с кн. Львовым и Гучковым 6 марта вечером.

— Позвольте сообщить вам общее положение вещей внутри империи. В столицах стало спокойно, порядок среди населения и в войсках водворился. Из других городов империи поступают утешительные вести. Совершившиеся факты в столицах избавили от бурных переживаний в прочих городах. Все ваши телеграммы, сообщающие о грозном проникновении в армию революционного течения, вызвали следующие решения Временного Правительства. Сегодня ночью выезжают на все фронты официальные депутаты Думы, вчера были напечатаны объявления от Временного Правительства гражданскому населению, сегодня печатается такое же обращение к войскам. Прошу принять во внимание, что догнать бурное развитие невозможно, события несут нас, а не мы ими управляем. Я вам ответил о решении правительства на три пункта вашей телеграммы о государе. Сегодня будут командированы представители для сопровождения поезда. Совершенно убежден в полной безопасности проезда: желательно знать, для еще большей уверенности в этом, путь дальнейшего следования из Романова. Сегодня получил телеграмму от верховного главнокомандующего, что он выезжает из Тифлиса и предполагает прибыть в ставку 10-го. Я телеграфировал ему об общем положении вещей, а на все конкретные вопросы его, требующие указаний, чем руководствоваться в дальнейших действиях, обещал переговорить лично в ставке.

[1]) На подлиннике помета рукой ген. Алексеева: «7. III. 917. Всем армиям сообщить».

Однако здесь заключается самый сложный вопрос — великий князь желает, сохраняя наместничество на Кавказе, быть одновременно главнокомандующим. Больше недели употребляю все усилия, чтобы склонить течение в его пользу; состав Временного Правительства в большинстве считает крайне важным признание его главнокомандующим. Вопрос наместничества совершенно отпадает, вопрос главнокомандования становится столь же рискованным, как и бывшее положение Михаила Александровича. Остановились на общем желании, чтобы великий князь Николай Николаевич, в виду грозного положения, учел создавшееся отношение к дому Романовых и сам отказался от верховного главнокомандования. Общее желание, чтобы верховное главнокомандование приняли на себя вы и тем отрезали возможность новых волнений. Подозрительность по этому вопросу к новому правительству столь велика, что никакие заверения не приемлются. Во имя общего положения страны считаю такой исход неизбежным, но великому князю я об этом еще не сообщал, не переговоривши с вами. До сего дня вел с ним сношения как с верховным главнокомандующим.

— Очень благодарен за скорое решение вопроса. О путешествии государя сейчас сказать вам дальнейший путь от Романова не могу. Повидимому, сейчас этот вопрос решается на семейном совете; постараюсь выяснить и дополнительно поставлю вас об этом в известность.

Для водворения порядка в армии нам нужна нравственная поддержка правительства в виде его воззвания, что для России, для ее блага и для одержания победы нужна армия дисциплинированная, сохраняющая строгий порядок во всех без исключения воинских частях и повинующаяся своим начальникам, поставленным Временным Правительством. Для нас это будет то нравственное средство, при помощи которого начальствующие лица будут иметь возможность растолковать людям, чего ждут от армии родина и ее новое правительство.

Сейчас получил просьбу генерала Брусилова о том, чтобы было отдано распоряжение о признании правительством военных властей Киевского военного округа с начальником во главе и что все должны исполнять их требования в районе Киевского военного округа, так как округ этот составляет тыл юго-западного фронта и находится на театре войны.

Такое распоряжение сразу облегчит работу в округе, установит правильные отношения между всеми властями и будет способствовать водворению и поддержанию порядка.

Перехожу к самому деликатному вопросу. Характер великого князя таков, что если он раз сказал: признаю, становлюсь на сторону нового порядка, то в этом отношении он ни на шаг не отступит в сторону и исполнит принятое на себя. Безусловно думаю, что для Временного Правительства он явится желанным начальником и авторитетным в армии, которая уже знает о его назначении, получает приказы и обращения.

В общем, он пользовался большим расположением и доверием в средних и низших слоях армии, в него верили. Я могу еще раз только повторить, что для нового правительства он будет помощником, но не помехою. Относительно Кавказа, думаю, можно прийти к соглашению путем словесных переговоров. Если настроение среди членов правительства таково, что перемена почему-либо признается необходимою, то в этом случае лучше выждать приезда великого князя сюда и здесь переговорить вам лично с ним. Из разговора, мне кажется, убедитесь, какого надежного в его лице будете иметь исполнителя и сторонника. Отстранение вызовет с его стороны, конечно, нежелательную обиду. Только после личных переговоров с великим князем, когда так или иначе установится решение, можно будет обсудить вопрос о заместителе. Вопрос также деликатный, так как необходимо обеспечить от трений между верховным главнокомандующим и главнокомандующими фронтами.

Если полного единодушия, согласия и искреннего подчинения не будет, то мы получим комбинацию, при которой трудно будет рассчитывать на здоровую работу нашего крупного войскового организма, растянувшегося на 1.600 верст в Европейской России и свыше 1.000 верст на Кавказе. Особенно тягостно тогда будет служебное положение того же великого князя. Это общие мысли, которые я разовью вам при личном свидании, но убежденно говорю вам, что члены правительства могут с полным доверием отнестись к совершившемуся уже назначению.

Бог приведет, с каждым днем положение правительства будет становиться более прочным, твердым, авторитетным. При таких условиях, если явится в том надобность, замена в будущем будет более безболезненна, чем теперь; в данную минуту для армии нужно спокойное течение жизни и в смысле назначения высших начальников. К этому назначению она уже привыкла за несколько дней, знает человека и встретит его с доверием. Мы все с полной готовностью сделаем все, чтобы помочь правительству стать прочно в сознании армии; в этом направлении ведутся беседы, разъяснения, и думаю, что ваши делегаты привезут вам отчеты весьма благоприятные. Помогите, чем можете, и вы нам, поддержите нравственно и своим словом авторитет начальников. Нам нужно пережить благополучно совершающийся ныне некоторый болезненный процесс в организме армии, и, с этой точки зрения, сохранение за великим князем главнокомандования имеет большое значение. Вот мое искреннее убеждение, у вас сохранится в руках для будущего возможность всяких перемен, благовидные предлоги всегда найдутся, но пока не вносите коренной ломки в вопросе высшего управления армии. Я кончил: быть может, вам угодно сказать мне что-либо теперь же или же командировать к вам моего генерала или же будет можно развить весь наш разговор при личном свидании? *Алексеев.*

— Дорогой Михаил Васильевич, необходимо ответить вам по существу сейчас. Все ваши соображения разделяются здесь вполне всеми

членами правительства, все понимают, насколько важно для армии иметь вождя, которому верят. Прошу вас верить, что дело здесь не в личном доверии или недоверии нашем к Николаю Николаевичу, а совсем в другом. Все ваши соображения были бы решающими в этом вопросе месяц тому назад, но теперь дело другое. Уже год, как соотношение тыла и армии изменилось, и участь нашей великой задачи стала зависеть и решаться больше тылом, чем армией; теперь же, когда совершился величайший переворот, размеров которого никто не ожидал, тыл решает все: события рождаются психологией масс, а не желанием правительства. Мы считаем, что устранение в той или другой форме великого князя еще не даст крушения всего дела, а назначение его может дать такие явления в тылу, которые решат участь всей армии и всего нашего дела. Примите во внимание, что благородное решение великого князя Михаила Александровича привлекло к нему симпатию громадных масс и открывает в будущем возможность новых горизонтов и спасло его и нас от новой бури. Учитывая все это, не смеем рисковать и думаем, что лучшим исходом был бы такой же великодушный акт со стороны великого князя Николая Николаевича. Если б он своим высокоавторитетным голосом в армии призвал ее подчиниться лицу, на которого согласились бы [?] передать главнокомандование, это бы не означало отказ с его стороны от принятого им решения, напротив, это был бы первый шаг в его помощи к укреплению нового строя и еще больше подняло бы его популярность. Выезд государя желателен раньше приезда верховного главнокомандующего. Ваше предложение прислать сюда генерала для переговоров очень приветствую. С вами будет говорить Александр Иванович. Одну минуточку. Еще соображение о личной обиде, которая может быть вызвана в сердце великого князя Николая Николаевича. Я уверен, что при предложенном мною пути [?] не могут возникнуть в благородном сердце Николая Николаевича. Сейчас будет говорить Александр Иванович Гучков.

— Сейчас прочел ваш разговор с князем Львовым. Раньше находил возможным комбинацию с главнокомандованием великого князя Николая Николаевича, находил ее желательным со всех стратегических и деловых точек зрения, а с политической точки зрения находил ее возможным. Но события идут с такой быстротой, что теперь это назначение укрепило бы опасное подозрение в контр-революционных попытках, а это подозрение является ныне самым опасным элементом, заставляющим народные массы сохранять боевую позицию. Лично я убежден в безусловной лойяльности великого князя в отношении нового порядка, но совершенно невозможно это убеждение внушить народным массам. Поэтому высказываю свое твердое убеждение в совершенной необходимости отказа великого князя от главнокомандования в пользу вашу. Благородный патриотизм великого князя пусть продиктует ему это решение, которое очень поможет нам водворить успокоение в умах здесь в центре, без чего не успокоится и ваш центр. Кончаю, жду вашего мнения.

— Если вопрос стоит так, то к 10 или 11 марта приезжайте сами в Могилев, чтобы в словесной беседе выяснить деликатную сторону вопроса самому великому князю. Кстати, нужно будет обсудить вопрос, не следует ли остановиться при выборе заместителя на лице, занимающем место одного из главнокомандующих, к которому народные массы могут отнестись с бо́льшим доверием, чем к человеку, работавшему в должности начальника штаба. Необходимо считаться, как я высказал князю Львову, с тем, чтобы новое назначение было принято и всеми главнокомандующими без неудовольствия. Осложняется несколько вопрос с подчинением румынского короля, который считается главнокомандующим соответствующим фронтом. Подчинение его очередному генералу явится, конечно, для него тяжелым, а давать ему самостоятельность вместе с тремя русскими армиями недопустимо. Итак, лучше всего решить вопрос личными переговорами с великим князем, ибо в письме и на бумаге трудно выяснить условия современной обстановки, резко меняющей его положение. Я кончил.

— Положение столь серьезно, что все вопросы о деликатности должны быть навсегда устранены. Великий князь поймет всю необходимость того шага, который мы рекомендуем. Несомненно, что румынский король должен быть всецело подчинен верховному главнокомандованию русской армии. Никого другого, кроме вас, мы не видим. Если мы теперь упустим время, то через несколько дней обстановка может еще измениться. Вы пользуетесь доверием правительства и популярностью в армии и народе. И то и другое вы можете в один миг удесятерить, приняв ряд решений, которые будут встречены с полным одобрением и горячим сочувствием страны и армии. Так, например, если бы вам удалось немедленно отстранить от командования западным фронтом генерала Эверта, полная неспособность которого известна всем, начиная от вас и кончая последним солдатом. Если в дальнейшем примете подобные меры устранения заведомо неспособных генералов, то ваше положение упрочится быстро и твердо. Но эти решения должны быть приняты безотлагательно. Лучше сделать эти шаги добровольно, чем под принуждением. Никогда не был я так уверен в своей правоте, как давая вам эти советы. Ждем вашего решения.

— Все такие меры я в данную минуту как начальник штаба принять не имею права, ибо мне это не предоставлено законом. Уже объявлено великим князем, что 4 марта он вступил в должность, нужно изменить первоначально положение служебное, а засим только можно выполнять те или другие решения. Примите во внимание нашу бедность выдающимися силами генералов, широкие же меры встретятся с недостатком подходящих людей; заменять одного слабого таким же слабым — пользы мало. Вот, что я могу сказать в ответ на поставленные мне вопросы. *Алексеев.*

— Вполне понимаю, что вы не можете привести такие меры теперь в исполнение, нам нужно ваше внутреннее решение. Можем ли мы рассчитывать, что вы поддержите тот совет, с которым мы обратимся

к великому князю, об отказе от главнокомандования? Совершенно не могу согласиться относительно затруднительности найти даровитых генералов для замены ряда бездарностей. Такие новые назначения, произведенные с одного маха, вызовут величайший энтузиазм как в армии, так и в стране, и завоюют вам и новому правительству громадное доверие. Приезд князя Львова и мой в ближайшие дни в ставку совершенно исключен. Мы будем в состоянии переговорить с великим князем только по телеграфу. Понимаю всю затруднительность вашего личного положения, но умоляю вас дать ваше согласие на те решения, которые мы вам рекомендуем. Если мы с вами не примем их свободно и добровольно, то они нам будут навязаны со стороны, что, действительно, способно расшатать армию. Ждем вашего решения. *Гучков.*

— С глубоким огорчением я должен буду говорить с великим князем, которому, я полагаю, вы пришлете письмо, а затем уже дополните его разговором по аппарату. Лично я очень хотел бы остаться в моем настоящем положении, готовый честно сотрудничать с каждым, кого избрало бы правительство на должность верховного. Некоторые причины заставляют меня желать этого решения, если иного выхода нет, — конечно, долг прежде всего, и придется принять неминуемое, хотя в моем здоровьи остались после болезни некоторые следы, о чем я должен откровенно сказать. Потревожу вас совершенно неподходящим посторонним вопросом. Граф Фредерикс приказал отцепить свой вагон в Гомеле и просит разрешения ехать в Петроград. Если такое разрешение возможно, дайте его старику, совершенно уже утратившему память и способность распоряжаться даже собою. *Алексеев.*

— От имени князя Львова и своего повторяю, что кроме вас никого у нас не имеется в виду. Письмо великому князю, о котором вы пишете, будет послано. Покажите ему также настоящую ленту. Можно также поговорить по аппарату. Советуем графу Фредериксу пока не возвращаться в Петроград. Разрешение может быть ему дано, но нет никаких гарантий полной его безопасности. Очень мне не хотелось бы подвергать его, человека совершенно незапятнанного, какому-либо риску. Передайте графу, что с его семьей все благополучно; подробности о ней сообщу позднее. Кончаю. *Гучков.*

— До свидания. *Алексеев.*

Телеграмма ген. Рузского ген. Алексееву 7 марта 1917 г. № 1345/Б [1].

Копия кн. Львову, Гучкову, Керенскому и Гулевичу.

Подана 7. III. 15 ч. 50 м.
Принята 7. III. 16 ч. 5 м.

Генерал Гулевич доносит, что в некоторых частях начальники и часть офицеров солдатами отстранены от должностей и даже арестованы. Прошу о приезде в Выборг и другие пункты Финлян-

[1]) На подлиннике помета рукой ген. Алексеева: «7. III. 917. Ничего не могу сделать, кроме уже сделанного».

дии депутатов Государственной Думы для разъяснения неправильности таких действий и освобождения арестованных. Ответ благоволите телегр рировать. 7 марта 15 ч. 30 м. 1345/Б. *Рузский.*

Телеграмма ген. Алексеева кн. Львову и Гучкову 7 марта 1917 г. № 2044.

Передана 7. III. 11 ч. 3 м.

В дополнение высказанного мною по аппарату вечером 6 марта сообщаю, что постепенно получаемые от войск донесения указывают на принятие войсками вести о назначении верховным главнокомандующим вел. кн. Николая Николаевича с большим удовольствием, радостью, верою в успех, во многих частях восторженно. Проникает сознание, что вел. князь даст сильную твердую власть — залог восстановления порядка. Благоприятное впечатление произвело назначение даже в Балтийском флоте, в Черноморском же приветствуют эту перемену. До настоящей минуты получил на имя верховного главнокомандующего приветственные телеграммы от 14 городов, в том числе Одессы, Киева, Минска, с общим выражением удовольствия, что верховный главнокомандующий возвращается на свой прежний пост, и уверенности в победе. Отмечая все это для подтверждения высказанных вчера мною соображений, убедительно прошу сохранить назначение в силе. Авторитет имени поможет, вероятно, сохранить порядок в армии, на которую ведется сильный натиск с тыла, о чем я ежедневно телеграфирую вам — вопль наболевшей души начальников, любящих родину и армию. В такие минуты подвергать хрупкий организм армии новому испытанию, в случае мало понятной для простой массы солдат перемены, не следует. Высшие интересы армии требуют поберечь ее от излишних потрясений, имея в виду, что мы накануне начала операций, при сильно расстроенном материальном тыле, при неулегшемся еще повышенном настроении и тыловых частей и ближнего войскам населения, которое получает толчки со стороны Петрограда и Москвы. Обеспечьте хотя бы установившееся верховное командование, которое произведет, конечно, замены сотрудников сообразно общим потребностям и интересам минуты. Верую в то, что вы примете в соображение все высказанное. Чем-то жертвовать приходится, но думаю, что именно теперь нельзя жертвовать порядком, сплоченностью и сохранением боевой пригодности армии. 2044. *Алексеев.* 7 марта 1917 г.

Телеграмма Гучкова ген. Алексееву 7 марта 1917 г. № 269 [1]).

Подана 7. III. 14 ч. 15 м.
Принята 7. III. 14 ч. 23 м.

В сознании лежащей на мне великой ответственности перед страной приложу все мои силы к обеспечению армии всем необходимым для доведения войны до победоносного конца. 269. Военный министр *Гучков.*

[1]) На подлиннике помета рукой ген. Алексеева: «7. III. 917. Сообщить главноком. фронтами».

Копия телеграммы ген. Данилова начальникам штабов I, V и XII армий 7 марта 1917 г. № 1356/Б.

Необходимо, чтобы членам Государственной Думы была предоставлена широкая возможность видеть и говорить с возможно большим числом солдат и офицеров, которые являлись бы избранными в своих частях и доверенными, и все слышанное передать затем своим боевым товарищам. Прошу о времени приезда депутатов, о порядке объезда ими войск и впечатлении, которое они произведут в войсках, ставить меня в известность. Псков. 1356/Б. *Данилов.*

Телеграмма великобританского посла Бьюкенен ген. Виллиамс [1]).

Петроград. 8/21 марта 1917 г.
Получена 10/23 марта 1917 г.

Министр иностранных дел заявил мне сегодня, что для великого князя Николая Николаевича представляется невозможным сохранить верховное командование, ввиду весьма сильной и обширной оппозиции в стране.

Правительство дало телеграфное распоряжение в Ростов остановить его поездку в ставку, причем надеются склонить его к добровольному отказу. Если он этого не сделает, правительство будет поставлено в затруднительное положение. Я официально запрашивал сегодня новое правительство и признаю чрезвычайно важным оказать ему возможно полную моральную поддержку.

Знаю, что назначение великого князя было бы желательно во многих отношениях, но отказ с его стороны принять решение правительства явился бы сильным ударом престижу последнего и мог бы иметь гибельные последствия. Я счел соответственным сообщить вам их соображения.

Телеграмма ген. Брусилова ген. Алексееву 8 марта 1917 г. № 881.

Подана 8. III. 14 ч. 00 м.
Получена 8. III. 14 ч. 31 м.

Политическая обстановка чрезвычайно усложнилась в тылу и перенесена в войска. Необходимо лично воздействовать во все стороны, поэтому приходится снять вензеля, которые очень затрудняли бы мое положение. 881. *Брусилов.*

Телеграмма ген. Алексеева ген. Брусилову 8 марта 1917 г. № 2069.

Передана 8. III. 20 ч. 25 м.

881. Сам отрекшийся от престола император, понимая положение, дал разрешение снять вензеля, аксельбанты теперь же. Отмена званий пройдет установленным порядком, вопрос направлю только по приезде верховного главнокомандующего. 2069. *Алексеев.*

[1]) На подлиннике помета: «Перевел генерального штаба полковник Назаров. 10 марта 1917 г.».

Радиотелеграмма, принятая радиостанцией морского штаба верховного главнокомандующего от неизвестной станции [1]).

9 марта 1917 г. 18 ч.

Срочное сообщение всем.

От Исполнительного Комитета Рабочих и Солдатских Депутатов. По всем железным дорогам и другим путям сообщения, комиссарам, местным комитетам, воинским частям.

Всем сообщается вам, что предполагается побег Николая второго за границу. Дайте знать по всей дороге вашим агентам и комитетам, что Исполнительный Комитет Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов приказывает задержать бывшего царя и немедленно сообщить Исполнительному Комитету — Петроград, Таврический дворец — для дальнейшего распоряжения.

Председатель Исполнительного Комитета Чхеидзе.

Товарищ председателя Скобелев.

Верно: флаг-капитан морского штаба капитан 1 ранга *Альтфатер*.

Письмо ген. Алексеева кн. Г. Е. Львову 7 марта 1917 г. [2]).

Милостивый государь, князь Георгий Евгениевич.

Начальник французской военной миссии в России генерал Жанен обратился к министру военных дел Франции с предложением, чтобы последний вошел в сношение с французскими социалистическими организациями по вопросу об обращении последних к соответствующим русским организациям с призывом продолжать войну до победного конца.

Ныне генералом Жанен получен от французского военного министра ответ, что французские социалистические организации обратились к соответствующим русским организациям с призывом продолжать войну до крайности.

Об изложенном довожу до вашего сведения и, пользуясь случаем, прошу принять уверение в совершенном уважении и полной преданности.

7 марта 1917 г. № 22141/773. Ставка.

Телеграмма франц. военного министра ген. Жанен 9 марта 1917 г.

Télégramme reçu par le Général Janin, le 9/22 Mars 1917 de Paris.

Conformément aux suggestions que vous avez faites, nos organisations socialistes interviennent auprès des organisations similaires russes dans le sens de la continuation de la guerre à outrance.

Ministre de la Guerre.

---

[1]) Заголовок подлинника.

[2]) Воспроизводится с отпуска.

Перевод [1]).

Телеграмма, полученная 9/22 марта 1917 г. из Парижа.

Согласно поданной вами мысли, наши социалистические организации обратились к соответствующим русским организациям в смысле продолжения войны до крайности.

Разговор по прямому проводу ген. Алексеева с кн. Львовым 11 марта 1917 г. от 14 ч. 40 м. до 15 ч. 30 м.

— Имею честь кланяться, Георгий Евгеньевич. У аппарата генерал Алексеев.

— Князь Львов, министр-председатель. Здравствуйте, Михаил Васильевич. Я только что получил телеграмму от великого князя Николая Николаевича, что он прибыл в ставку и вступил в отправление должности верховного главнокомандующего. Между тем, после переговоров с вами по этому вопросу, Временное Правительство имело возможность неоднократно обсуждать этот вопрос перед лицом быстро идущих событий и пришло к окончательному выводу о невозможности великому князю Николаю Николаевичу быть верховным главнокомандующим. Получив от него из Ростова телеграмму, что он будет в ставке одиннадцатого числа, я послал навстречу офицера с письмом, с указанием на невозможность его верховного главнокомандования и с выражением надежды, что он во имя любви к родине сам сложит с себя это высокое звание. Очевидно, посланный не успел встретить великого князя на пути, и полученная, благодаря этому, телеграмма великого князя о его вступлении в должность стала известна Петрограду и вызвала большое смущение. Достигнутое великими трудами успокоение умов грозит быть нарушенным. Временное Правительство обязано немедленно объявить населению, что великий князь не состоит верховным главнокомандующим. Прошу помочь нашему общему делу и вас и великого князя. Решение Временного Правительства не может быть отменено по существу, весь вопрос в форме его осуществления: мы хотели бы, чтобы он сам сложил с себя звание верховного главнокомандующего, но, к сожалению, по случайному разъезду нашего посланного с великим князем, это не удалось. Прошу срочный ответ.

— Вопрос можно считать благополучно исчерпанным. Ваше письмо получено великим князем сегодня утром. Сегодня же посланы две телеграммы: одна вам, что великий князь, подчиняясь выраженному пожеланию Временного Правительства, слагает с себя звание и передает временное исполнение своей должности, применительно статьи 47 полевого положения, начальнику штаба, впредь до назначе-

[1]) На подлиннике пометы: «9. III. 917. Письмом ознакомить с этим министра председателя. Ген. Алексеев». Перевод телеграммы сделан в ставке; в нем отсутствует подпись отправителя телеграммы.

ния Временным Правительством ему преемника. Вторая телеграмма — военному министру с просьбою уволить великого князя в отставку. Полагаю, нет препятствий немедленно объявить это во всеобщее сведение и положить предел смущению умов. Независимо от этого великий князь поручил мне просить вас гарантировать ему и семейству беспрепятственный проезд в Крым и свободное там проживание. На время проезда он просит командировать вашего комиссара или члена Государственной Думы. Чем скорее будет решен этот вопрос, чем скорее состоится отъезд великого князя из Могилева, тем, конечно, будет лучше во всех отношениях. Об этом я убедительно прошу вас, прибавляя, что семья великого князя находится в Киеве. *Алексеев.*

— Слава богу. Вопрос относительно дальнейшего следования великого князя будет решен к шести часам, и немедленно решение будет сообщено вам. Военный министр выехал на северный фронт. Сообщите, пожалуйста, общее положение, настроение войск в данную минуту.

— В боевых линиях в громадном большинстве частей совершенно спокойно, настроение хорошее, исключение составляет гренадерский корпус, где все события нарушили равновесие и замечается некоторое брожение и недоверие к офицерскому составу. Меры к разъяснению событий, к устранению брожения приняты. Надеюсь на благополучный исход, которому поможет и близость противника. Далеко не в таком положении находятся войсковые части и запасные полки войскового тыла; бедность в офицерском составе, энергичная агитация делают свое дело, и то тут, то там вспыхивают местные беспорядки, выражающиеся в аресте офицеров и в попытках местами перейти к выборному началу. Веду переговоры с главнокомандующими об организации особых комитетов с участием в их составе наиболее надежных и умеренных представителей Совета Рабочих Депутатов, работников Земгора и офицеров. Желательно, чтобы эти комитеты объехали войсковые части, установили связь между войсками и Советом Депутатов и были готовы, при возникновении где-либо брожения, командировать своих членов для разъяснений и бесед с солдатами. Лично у меня такая организация сложилась. Ожидаю, однако, согласия или возражений главнокомандующих как на это предложение, так и еще на два, направленных к тому, чтобы установить больше взаимного понимания между офицерами и солдатами и устранить поводы к тем явлениям, с которыми приходится иметь дело теперь. Как только получу все ответы, войду к вам с представлением, в надежде, что вы поддержите эту мысль. Равным образом, я просил бы назначить комиссара Временного Правительства для пребывания в ставке и для установления и нравственной и деловой связи между штабом и правительством. Я закончу просьбою скорее закончить переходное время в смысле верховного командования, назначив определенное лицо, которое полновластно вступит в трудную должность управления войсками. Так как ныне главкосев, повидимому, пользуется наибольшими симпатиями известных кругов Петрограда, то, быть может, вы сочтете соответственным

ему вручить эти обязанности. Позвольте задать один вопрос. Великий князь вчера назначил генерала Гурко на место ушедшего генерала Эверта, но сегодня появились агентские телеграммы, из которых видно, что на эту должность будто бы назначен генерал Лечицкий. Если вам известно что-либо по этому вопросу, не откажите ответить, так как нужно положить конец недоразумениям сразу на трех фронтах — западном, южном и румынском. *Алексеев.*

— По поводу Гурко ничего не знаю. Ждем Гучкова, тогда скажу, чтобы он тотчас вам сообщил. Имею три вопроса: когда будет объявлен приказ о принятии вами верховного главнокомандования? Второе: улучшилось ли положение на северном фронте? Третье: как решен вопрос с князем Тумановым? Приложим все усилия помогать вам, и надеемся на дальнейшее несение вами должности верховного главнокомандующего.

— Приказ объявлен (?) сегодня и сообщен телеграммой на фронты. Второе. Положение на северном фронте пока остается в прежнем виде. Относительно князя Туманова прошу указать, относительно которого вы говорите. Генерал Туманов, приведя в порядок Смоленск и успокоив там войсковые части, вернулся в Минск, передав управление округом генералу Пыхачеву. Вчера здесь был командированный военным министром полковник князь Туманов, переданные им вопросы спешно будут здесь разрабатывать. В боевом отношении на всех фронтах более или менее спокойно, особо рельефных признаков накопления сил немецких против северного фронта пока нет, да и погода не благоприятствует развитию широкой операции и участию в ней германского флота. *Алексеев.*

— Спрашивая о князе Туманове, имел в виду начальника снабжения армии. У меня больше вопросов нет, могу добавить ко всему, что в последние дни во всей России, не исключая Петрограда, заметно сильное стремление браться за работу и большой подъем духа. Можно надеяться и твердо верим, что этот подъем покроет недоимки, вызванные пароксизмом революции. Идут вести о подвозе хлеба в усиленном порядке. Москва вступила в нормальную жизнь во всех отношениях; повидимому, мы перешли стадию первых шагов строительства новой жизни. Наша опора — здравый рассудок и великая душа русского народа. До свидания. Имеете ли что сказать мне?

— Больше ничего не имею. Будьте здоровы. Помоги вам бог! *Алексеев.*

— До свидания.

11 марта 1917 г. от 14 ч. 30 м. до 15 ч. 30 м.

Дневник Николая Романова.

(Продолжение) [1]).

1-го августа [*1917 г.*].

Поместились всей семьей в хорошем спальном вагоне межд[у] нар[одного] о[бщест]ва. Залег в 7.45 и поспал до 9.15 час. Было очень душно и пыльно — в вагоне 26° Р. Гуляли днем с нашими стрелками, собирали цветы и ягоды. Едим в ресторане, кормит очень вкусно кухня Вост.-Китайской ж. д.

2-го августа.

Гуляли до Вятки, та же погода и пыль. На всех станциях должны были по просьбе коменданта завешивать окна; глупо и скучно!

3-го августа.

Проехали Пермь в 4 ч. и гуляли за г. Кунгуром вдоль реки Сылве [sic!] по очень красивой долине.

4-го августа.

Перевалив Урал, почувствовали значительную прохладу. Екатеринбург проехали рано утром. Все эти дни часто нагонял нас второй эшелон со стрелками — встречались, как со старыми знакомыми. Тащились невероятно медленно, чтобы прибыть в Тюмень поздно — в $11^1/_2$ час. Там поезд подошел почти к пристани, так что пришлось только спуститься на пароход. Наш называется «Русь». Началась перегрузка вещей, продолжавшаяся всю ночь. Бедный Алексей опять лег бог знает когда! Стукотня и грохот длились всю ночь и очень помешали заснуть мне. Отошли от Тюмени около 6 час.

5-го августа.

Плавание по р. Туре. Спал мало. У Аликс, Алексея и у меня по одной каюте без удобств, все дочери вместе в пятиместной, свита рядом в коридоре; дальше к носу хорошая столовая и маленькая каюта с пианино. II класс под нами, а все стрелки 1-го полка, бывшие с нами

---

[1]) См. «Красный Архив», т. XXI, стр. 79 — 96.

в поезде, сзади внизу. Целый день ходили наверху, наслаждаясь воздухом. Погода была серая, но тихая и теплая. Впереди идет пароход мин. пут. сообщ., а сзади другой пароход со стрелками 2-го и 4-го стр. полков и с остальным багажом. Останавливались два раза для нагрузки дровами. К ночи стало холодно. Здесь на пароходе наша кухня. Все залегли рано.

6-го августа.

Плавание по Тоболу. Встал поздно, так как спал плохо вследствие шума вообще, свистков, остановок и пр. Ночью вышли из Туры в Тобол. Река шире, и берега выше. Утро было свежее, а днем стало совсем тепло, когда солнце показалось. Забыл упомянуть, что вчера перед обедом проходили мимо села Покровского — родина Григория. — Целый [день] ходили и сидели на палубе. В $6^1/_2$ час. пришли в Тобольск, хотя увидели его за час с $^1/_4$.

На берегу стояло много народу, — значит, знали о нашем прибытии. Вспомнил вид на собор и дома на горе. Как только пароход пристал, начали выгружать наш багаж. Валя, комиссар и комендант отправились осматривать дома, назначенные для нас и свиты. По возвращении первого узнали, что помещения пустые, без всякой мебели, грязны и переезжать в них нельзя. Поэтому на пароходе и стали ожидать обратного привоза необходимого багажа для спанья.

Поужинали, пошутили насчет удивительной неспособности людей устраивать даже помещение и легли спать рано.

7-го августа. Понедельник.

Спал отлично; проснулся с дождем и холодом. Решили оставаться на пароходе. Проходили шквалы, к часу погода прояснилась. Толпа продолжала стоять на шлюпочной пристани, ноги в воде, и убегала под крышу только тогда, когда шел дождь. В обоих домах идут спешные работы по очистке и приведению комнат в пристойный вид. Всем нам, также и стрелкам, хотелось пойти куда-нибудь подальше по реке. Завтракали в час, обедали в 8 час., кухня уже готовит в доме, и еду нам приносят оттуда. Весь вечер ходил с детьми вокруг наших кают. Погода была холодная из-за N. W. ветра.

8-го августа. Вторник.

Спал отлично и встал в $9^1/_4$. Утро было ясное, позже поднялся тот же ветер, и опять налетало несколько шквалов. После завтрака пошли вверх по р. Иртышу верст за 10. Пристали к правому берегу и вышли погулять. Прошли кустами и, перейдя через ручеек, поднялись на высокий берег, откуда открывался красивый вид. Пароход подошел к нам, и мы пошли обратно в Тобольск. Подошли в 6 час. к другой пристани. До обеда принял ванну, впервые после 31 июля. Благодаря ей спал чудесно.

9-го августа. Среда.

Простояла теплая отличная погода. Утро, как всегда, свита провела в городе. У Марии была лихорадка, у Алексея болела немного левая рука.

До завтрака пробыл все время наверху, наслаждался солнцем. В $2^1/_2$ наш пароход перешел на другую сторону и стал грузиться углем, а мы пошли гулять. Джоя [1]) укусила змея.

Ходить было прямо жарко. Пришли на пароход в $4^1/_2$ и вернулись на старое место. Жители катались в лодках и проезжали мимо нас. Стрелки с нашего конвоира «Кормилец» переехали на жительство в свои городские помещения.

10-го августа. Четверг.

Проснулся со скверной погодой — дождь и ветер. Мария пролежала с жаром, у Алексея, кроме руки, заболело ухо!

День был скучнейший, без прогулки и дела. К 5 час. погода разъяснилась.

11-го августа. Пятница.

Алексей спал мало, он перебрался на ночь к Аликс. Ухо у него поправилось, рука побаливала, Марии лучше. День простоял тихий. Все утро ходили наверху. Днем пошли вверх по р. Тоболу. Высадились на левый берег, ушли по дороге, а вернулись вдоль реки с разными затруднениями веселого свойства. В 6 час. пришли в Тобольск и с сильным треском подошли к парох. «Товарпар», обломав об него обшивку борта. Днем была настоящая жара.

12-го августа. Суббота.

Тоже отличный день без солнца, но очень теплый. Утром ходил по палубе и читал там же до самого завтрака. Мария и Алексей встали и днем были на воздухе. В 3 часа спустились по Иртышу и пристали к подножью высокого берега, куда давно хотелось попасть. Немедленно влезли туда со стрелками и затем долго сидели на лысой сопке с чудным видом.

Вернулись в Тобольск во время чая.

13-го августа. Воскресенье.

Встали пораньше, и последние вещи были немедленно уложены. В $10^1/_2$ я с детьми сошел с комендантом и офицерами на берег и пошел к нашему новому жилищу. Осмотрели весь дом снизу до чердаков. Заняли второй этаж, столовая внизу. В 12 час. был отслужен молебен, и священник окропил все комнаты св. водой. Завтракали и обедали с нашими. Пошли осматривать дом, в кот[ором] помещается свита.

[1]) Джой — собака Романовых.

Многие комнаты еще не отделаны и имеют непривлекательный вид. Затем пошли в так называемый садик, скверный огород, осмотрели кухню и караульное помещение. Все имеет старый заброшенный вид. Разложил свои вещи в кабинете и в уборной, которая наполовину моя, наполовину Алексея. Вечер провели вместе, поиграл в безик с Настенькой.

14-го августа. Понедельник.

После вчерашней грозы до обеда, сегодня погода была холодная и дождливая, с сильным ветром. Целый день разбирал фотографии из плавания 1890/1891 г. [1]). Взял их нарочно с собою, чтобы на досуге привести в порядок. Простились с Макаровым — комиссаром, уезжающим в Москву. Погулял в садике, дети качались на новых качелях. Вечер провели со всеми.

15-го августа. Вторник.

Так как нас не выпускают на улицу, и попасть в церковь мы пока не можем, в 11 час. в зале была отслужена обедница. После завтрака провели в саду почти два часа, Аликс также. Погода была теплая, и около 5 час. вышло солнце; посидели на балконе до $6^1/_2$ час. Продолжал и кончил разбор фотографий дальнего плавания.

16-го августа. Среда.

Отличный теплый день. Теперь каждое утро я пью чай со всеми детьми. Провели час времени в так называемом садике и бóльшую часть дня на балконе, кот[орый] весь день согревается солнцем. До чая провозились в садике, два часа на качелях и с костром.

17-го августа. Четверг.

Дивный день — в тени было 19°, а на балконе 36°. У Алексея болела рука. Провели утром час в саду, днем два часа. Вчера начал читать «L'ile enchantée». Вечером играли в домино: Аликс, Татьяна, Боткин и я. Во время чая прошла сильная гроза. Ночь была лунная.

18-го августа. Пятница.

Утро было серое и холодное, около часа вышло солнце, и день настал отличный. Алексей встал. Утром на улице появилась Рита Хитрово, приехавшая из Петрограда, и побывала у Настеньки Гендр[иковой]. Этого было достаточно, чтобы вечером у нее произвели обыск. Чорт знает что такое!

---

[1]) Николай Романов имеет в виду свое заграничное путешествие на Дальний Восток в 1890/91 г.

19-го августа. Суббота.

Вследствие вчерашнего происшествия Настенька лишена права прогулок по улицам в течение нескольких дней, а бедная Рита Хитрово должна была выехать обратно с вечерним пароходом! Погода стояла чудная с горячим солнцем. Утром высидели в саду час, а днем два часа. Устроил себе там висячий турник. Начал книгу: «The scarlet Pimpernel».

20-го августа. Воскресенье.

Идеальная погода, днем темп. дошла до 21° в тени. В 11 час. в зале была отслужена обедница. В саду нашел себе работу, срубил сухую сосну. После чая, как все эти дни, читал с дочерьми на балконе под палящими лучами солнца. Вечер был теплый и лунный.

21-го августа. Понедельник.

С наслаждением жарились на солнце целый день на балконе или в саду. Днем срубил сухую березу и наколол из нее дрова. Во время чая прошла гроза и немного освежила воздух. Начал читать «В лесах» Печерского.

22-го августа. Вторник.

Такой же дивный день. Досада берет, что в такую погоду нельзя делать прогулок по берегам реки или в лесу! Читали на балконе, провели три часа в саду и вечером по обыкновению играли в кости.

23-го августа. Среда.

Сегодня два года, что я приехал в Могилев. Много воды утекло с тех пор [1])!

День простоял превосходный — 23° в тени и прошел как и прежние в Тобольске. Перекапывал с Кирпичниковым парниковую землю в садике. Прошел теплый ливень.

24-го августа. Четверг.

Дивный день. Приехал Вл. Ник. Деревенко с семейством, это составило событие дня. Плохие известия с фронта, к сожалению, подтвердились; сегодня узнали, что Рига оставлена, и что наши войска далеко отступили на сев.-восток.

25-го августа. Пятница.

Теплая погода с сильным восточным ветром. Прогулки в садике делаются невероятно скучными; здесь чувство сидения взаперти гораздо сильнее, нежели было в Ц[арском] С[еле]. Работал с Кирпичниковым в парниках. Вечером пошел дождь.

[1]) Николай Романов имеет в виду свой приезд в Могилев 23 августа 1915 г., когда он принял на себя верховное командование армиями вместо отставленного им вел. кн. Николая Николаевича.

26-го августа. Суббота.

После хорошего дождя ночью погода сделалась опять чудная. Читал с дочерьми до прогулки, до завтрака и после чая на балконе. Работал в саду. Алексей пролежал с простудой и болью в ухе; она днем прошла. С фронта известий мало, газеты приходят на шестой день.

27-го августа. Воскресенье.

Сегодня стало посвежее. В 11 час. была отслужена обедница. Нам всем очень нравится священник, кот[орый] служит у нас; поют четыре монахини. Алексей пролежал в кровати из предосторожности.

28-го августа. Понедельник.

Утром узнали о кончине Ек. Ил. Татищевой; срочную телеграмму сын ее получил на восьмой день! Погода была свежая и серая. Алексей встал и ходил по комнатам. У дочерей тоже насморки, но они выходят в сад. На балконе, понятно, никто не сидел. Читал много. И Татищев и Валя были нездоровы.

29-го августа. Вторник.

Сегодня 10 лет, что мы сели на камень на «Штандарте».

В 11 час. была отслужена обедница. Погода стояла холодная, и по временам шел дождь. Недолго гуляли днем. После обеда прочитали телеграммы о том, что ген. Корнилов провозгласил себя диктатором, а в другой, что он смещен с должн[ости] верх[овного] глав[нокомандующего], а на его место назначен ген. Клембовский.

30-го августа. Среда.

В 11 час. была обедница. Днем все гуляли в садике. Погода потеплела, а вечером пошел дождь. День протек, как всегда. После обеда поиграли в кости.

31-го августа. Четверг.

День прошел по обыкновению.

1-го сентября. Пятница.

Прибыл новый комиссар от Врем[енного] Прав[ительства] Панкратов и поселился в свитском доме с помощником своим каким-то растрепанным прапорщиком. На вид — рабочий или бедный учитель. Он будет цензором нашей переписки. — День стоял холодный и дождливый.

2-го сентября. Суббота.

Погода была ясная и теплая. Начали гулять в огороженном дворе перед домом; все-таки лучше чем в сыром садике, так как тут солнце светит целый день. Лазил с детьми на крышу оранжерей. Вечером читал вслух «Девятый вал» Данилевского.

3-го сентября. Воскресенье.

Дивный теплый день. В 11 час. была обедница. Гуляли и утром и днем. Вчера кончил «В лесах» и начал «На горах». Хорошо написано.

4-го сентября. Понедельник.

Великолепный летний день. Много были на воздухе. Последние дни принесли большую неприятность в смысле отсутствия канализации. Нижний wc заливался мерзостями из верхних wc, поэтому [пришлось] прекратить посещение сих мест и воздерживаться от ванн; все от того, что выгребные ямы малы и что никто не желал их чистить. Заставил Е. С. Боткина привлечь на это внимание комиссара Панкрат[ова], кот[орый] пришел в некий ужас от здешних порядков.

5-го сентября. Вторник.

Телеграммы приходят сюда два раза в день; многие составлены так неясно, что верить им трудно. Видно, в Петрограде неразбериха большая, опять перемены в составе прав[ительст]ва. Повидимому, из предприятия ген. Корнилова ничего не вышло, он сам и примкнувшие генералы и офицеры большею частью арестованы, а части войск, шедшие на Петроград, отправляются обратно.

Погода стояла чудная, жаркая.

6-го сентября. Среда.

Такой же день и провели его так же. Выкопал в садике прудок для уток. Дочери играли в bumble puppy.

7-го сентября. Четверг.

Утро было облачное и ветреное, позже погода поправилась. Много были на воздухе; наполнял пруд для уток и пилил дрова для нашей ванны.

8-го сентября. Пятница.

Первый раз побывали в церкве [sic!] Благовещения, в кот[орой] служит уже давно наш священник. Но удовольствие было испорчено для меня той дурацкой обстановкой, при которой совершалось наше шествие туда. Вдоль дорожки городского сада, где никого не было, стояли стрелки, а у самой церкви была большая толпа! Это меня глубоко извело.

Погода стояла хорошая, немного прохладная.

9-го сентября. Суббота.

Ночью и утром шел дождь, и дул холодный ветер. Около 3 час. выглянуло солнце. Усиленно ходил взад и вперед по двору. По вечерам во время игры в домино и безик Татищев и Боткин читают вслух «Девятый вал».

10-го сентября. Воскресенье.

Утро было ясное, а с полудня пошел дождь. Обедницу отслужили дома. Пробыл на дворе и в саду два часа. Вечером Валя читал вслух— хорошо и внятно.

11-го сентября. Понедельник.

Опять простоял отличный солнечный день, который во всем остальном прошел по обыкновению.

12-го сентября. Вторник.

Теплая серая погода. Днем пилил дрова, а дочери играли на деревянной мостовой мячами от тенниса.

13-го сентября. Среда.

Полдня шел дождь, но было тепло. Окончил книгу «На горах» и начал роман Лескова «Обойденные». В 9 час. вечера у нас в зале была отслужена всенощная. Легли рано.

14-го сентября. Четверг.

Для того, чтобы избежать скопления народа на улице у церкви, заказали обедню в 8 час. Все обошлось хорошо, стрелки были расставлены по ограде город[ского] сада. Погода стояла плохая — холодная и сырая; все-таки много гуляли. К Алексею допустили Колю Деревенко.

15-го сентября. Пятница.

Хороший ясный осенний день; провели его, как прочие дни.

16-го сентября. Суббота.

Погода простояла совсем теплая. Приятно было ходить и работать на дворе. Кончил рассказ «Обойденные» и начал «Островитяне».

17-го сентября. Воскресенье.

Чудный теплый день. 13° в тени. После обедницы гуляли и днем долго пробыли на воздухе. Ольга пролежала в постеле [sic!] с легким жаром. Татищев тоже не совсем здоров [1]).

№ 51.

Начат в Тобольске.

18-го сентября. Понедельник. 1917 г.

Осень в этом году здесь замечательная; сегодня в тени было 15°, и совсем южный теплый воздух. Днем играл с Валей Д. в городки, чего не делал много, много лет. Нездоровье Ольги прошло; она сидела долго на балконе с Аликс. Кончил «Островитяне» Лескова. Написал мама письмо через цензуру Панкратова.

[1]) Этой записью кончается тетрадь дневника № 50. Дальнейшие записи велись Николаем Романовым в тетради № 51.

19-го сентября. Вторник.

Полуясный, но такой же теплый день. Около 12 час. прошел короткий летний дождь. Анастасия пролежала в постеле [sic!]. Татищев поправился. Днем попилил дрова и поиграл в городки. Начал читать роман Лескова «Некуда».

20-го сентября. Среда.

Погода резко изменилась, задул шторм с дождем, потом с крупой и, наконец, со снегом. Ходили на дворе взад и вперед усиленным темпом. Дочери поправились, но бывшие больные оставались еще дома.

21-го сентября. Четверг.

С ночи все оказалось покрытым снегом, но благодаря солнечному дню после 12 час. все стаяло. Пилил дрова.

22-го сентября. Пятница.

Утром опять лежало много снега, погода была серая, к вечеру все сошло. Гуляли два раза по обыкновению. На-днях прибыл наш добрый бар. Боде с грузом дополнительных предметов для хозяйства и некоторых наших вещей из Ц[арского] Села.

23-го сентября. Суббота.

Между этими вещами было три-четыре ящика с винами, о чем проведали солдаты здешней дружины, и вот днем из-за этого загорелся сыр-бор. Они стали требовать уничтожения всех бутылок в Корниловском доме. После долгого увещевания со стороны комиссара и др. было решено все вино отвезти и вылить в Иртыш. Отъезд телеги с ящиками вина, на кот[орых] сидел пом[ощник] ком[иссара] с топором в руках и с целым конвоем вооруженных стрелков сзади, — мы видели из окон перед чаем. Утром шел дождь, после часа разъяснилось, и настала отличная погода при 11° в тени.

24-го сентября. Воскресенье.

Вследствие вчерашней истории нас в церковь не пустили, опасаясь чьей-то возбужденности. Обедницу отслужили у нас дома. День стоял превосходный — 11° в тени с теплым ветром. Долго гуляли, поиграл с Ольгой в городки и пилил. Вечером начал читать вслух «Запечатленный ангел» [1]).

25-го сентября. Понедельник.

Дивная тихая погода — 14° в тени. Во время нашей прогулки комендант, поганый помощник комиссара, прапорщ. Никольский и трое

[1]) Рассказ Н. С. Лескова.

комитетских стрелка осматривали помещения нашего дома с целью отыскать вино.

Не найдя ничего, они вышли через полчаса и удалились. После чая начали переносить к нам вещи, прибывшие из Ц[арского] Села.

26-го сентября. Вторник.

Такой же великолепный день без единого облачка. Долго гулял утром и читал на балконе до завтрака. Днем пилил и играл в городки. После чая разбирали вновь привезенные ковры и украсили ими наши комнаты. Окончил роман Лескова «Некуда».

27-го сентября. Среда.

Погода была превосходная, в тени 14°. Начал читать «Ramuntcho» P. Loti.

28-го сентября. Четверг.

С начала недели у детей пошли по утрам занятия; продолжаю уроки истории и географии с Алексеем. Погода та же восхитительная. Много были на воздухе.

29-го сентября. Пятница.

На-днях Е. С. Боткин получил от Керенского бумагу, из которой мы узнали, что прогулки за городом нам разрешены. На вопрос Боткина, когда они могут начаться, Панкратов поганец ответил, что теперь о них не может быть речи из-за какой-то непонятной боязни за нашу безопасность. Все были этим ответом до крайности возмущены. Погода стала прохладнее. Окончил «Ramuntcho».

30-го сентября. Суббота.

День простоял солнечный, хороший. Утром гуляли час, а днем два с половиною часа; играл в городки и пилил. Начал читать пятый том Лескова — длинные рассказы. В 9 час. у нас была отслужена всенощная. Вечером уехал б[арон] Боде.

1-го октября. Покров пр. богородицы.

Встали в 7 час. до восхода солнца и в 8 час. пошли к обедне. После вторичного чая долго гуляли; погода стояла отличная, но с ветром от W. Днем усиленно играл в городки. Узнали из телеграмм, что немцы высадили десант на Эзеле и Даго!

2-го октября. Понедельник.

Теплый день; около 4 час. прошел небольшой дождь. — Теперь все наши, желающие погулять, обязаны ходить по городу в сопровождении стрелков.

3-го октября. Вторник.

Погода была совершенно августовская, тихая, при 13° в тени, а на солнце на балконе дошло до 29°. День провели по обыкновению. Вечером читал вслух рассказ Лескова «Грабеж».

4-го октября. Среда.

Мы вспоминали сегодня конвойный праздник в прежние годы. Было теплее, чем бывало иногда в Крыму в этот день. Ай-да Тобольск! День провели, как всегда. После всенощной Алексей получил подарки. Обедали в $7^1/_2$ час.

5-го октября. Четверг.

В день именин Алексея не попали в церковь к обедне из-за упрямства г-на Панкратова, а в 11 час. у нас был отслужен молебен. С утра стоял туман, кот[орый] рассеялся к часу. Долго пробыли на воздухе. Вечером Алексей устроил нам свой кинематограф.

6-го октября. Пятница.

Ясный, холодный день. Узнали о приезде вчера мг. Gibbs, но его еще не видели, вероятно потому, что привезенные им вещи и письма не подверглись осмотру! Начал шестой том Лескова.

7-го октября. Суббота.

Ночью было 9° мороза. Днем ясно, но довольно холодно, рукам в особенности. Наконец, появился мг. Gibbs, кот[орый] рассказывал нам много интересного о жизни в Петрограде.

В 9 час. у нас была отслужена всенощная.

8-го октября. Воскресенье.

В 8 час., как раз с восходом солнца, пошли к обедне. Все утро валил снег, мороз был небольшой, днем дошло до 1°. Гуляли до и после завтрака. Много читал. Прилег на часок до обеда. Вечером — безик.

9-го октября. Понедельник.

Выпал еще снег, день простоял хороший; к вечеру мороз дошел до 9°. Днем очищал с дочерьми часть деревянной мостовой для прогулок. Слышны были свистки парохода.

10-го октября. Вторник.

Погода простояла приятная — около градуса мороза. Приехавшая сюда два дня тому назад Клавдия Михайловна Битнер передала мне письмо от Ксении. Она сегодня начала заниматься с детьми, кроме Ольги, по разным предметам.

11-го октября. Среда.

Сделалась оттепель, и день простоял ясный, совершенно весенний. Начал читать «La Reine Marg t».

Татищеву опять нездоровилось; после завтрака он ушел к себе и залег.

12-го октября. Четверг.

Чудный солнечный день после легкого мороза ночью. Теперь возвращаемся с прогулки в 4 ч., так как у детей прибавилось число уроков.

13-го октября. Пятница.

Уже два месяца, что мы живем в этом доме. — Отличный солнечный день; провели его, как всегда.

14-го октября. Суббота.

Ночью было 6° мороза, утром туман, чудная погода с полудня до 13° на солнце и вечером опять мороз. В 9 часов всенощная.

15-го октября. Воскресенье.

В 8 час. пошли к обедне. Утро было отличное; затем заволокло солнце туманом, и день простоял скучный. Вечером домашний кинемат[ограф].

16-го октября. Понедельник.

Такой же серый день без оттепели. Окончил «La Reine Marg t». Вечером, как всегда, играли в безик.

17-го октября. Вторник.

29 лет прошло со дня нашего спасения при крушении поезда; кроме меня, никого здесь нет из бывших при этом! [1]) Начал VIII том Лескова. С Алексеем занимаюсь теперь только русской историей, передав рус[скую] географ[ию] Кл. Мих. Битнер. Узнали о приезде Кострицкого из Крыма.

18-го октября. Среда.

Наконец, показалось солнце, день был хороший, таяло. Пилил дрова. Вечером читал вслух «Женитьбу» Гоголя.

19-го октября. Четверг.

Было тепло, перепадал мокрый снег. Перед завтраком посидел внизу у Кострицкого. Усиленно читал. Вечером начал вслух «Дракула».

---

[1]) Николай Романов имеет в виду крушение царского поезда в Борках, Курско-Харьковско-Севаст. ж. д. 17 октября 1888 г. В память «чудесного спасения» царской семьи день этот был объявлен «неприсутственным».

20-го октября. Пятница.

Сегодня уже 23-я годовщина кончины дорогого папа и вот при каких обстоятельствах приходится ее переживать! Боже, как тяжело за бедную Россию! Вечером до обеда была отслужена заупокойная всенощная.

21-го октября. Суббота.

Утром видели из окон похоронную процессию с телом стрелка 4-го полка; впереди шел и скверно играл небольшой хор гимназистов. В 11 час. у нас была отслужена обедница. До чая сидел у Кострицкого. В 9 час. была всенощная, и затем мы исповедались у о. Алексея. Легли спать рано.

22-го октября. Воскресенье.

В 8 час. пошли к обедне и всей семьей причастились св. таин. Такое душевное утешение в переживаемое время! Погода стояла мягкая, целый день шел [1]) снег. Долго пробыли в саду.

23-го октября. Понедельник.

Утро было ясное с оттепелью.

Начал 9-й том Лескова.

Сегодня 27-я годовщина моего отъезда в заграничное плавание.

24-го октября. Вторник.

Простоял чудный солнечный день. Были много на воздухе. До чая имел урок истории с Алексеем.

25-го октября. Среда.

Тоже отличный день с легким морозом. Утром показывали Кострицкому все наши комнаты. Днем пилил.

26-го октября. Четверг.

От 10 до 11 час. утра сидел у Кострицкого. Вечером простился с ним. Он уезжает в Крым. День простоял чудный, на солнце 11°. Долго пилил.

27-го октября. Пятница.

Великолепный солнечный день.

Днем помогал трем стрелкам копать ямы для постановки столбов под новый навес для дров, даже вспотел. Написал мама.

28-го октября. Суббота.

Все та же отличная погода: 4° мороза ночью и до 10° тепла днем. Много гуляли и долго пилил дрова. За всенощной пели любительницы и 4 стрелка хорошо, но тянули.

[1]) В подлиннике далее зачеркнуто слово «дождь».

29-го октября. Воскресенье.

Встали в 7 час. с полной темнотой и в 8 ч. пошли к обедне. После вторичного чая погуляли. Погода мягкая, серая. Написал Ольге. Начал X т[ом] Лескова. Сегодня производили сбор пожертвований вещами на улицах в пользу армий на фронте.

30-го октября. Понедельник.

День прошел по обыкновению. Погода была теплая. Вечером окончил вслух чтение «Дракула» по-русски.

31-го октября. Вторник.

Та же мягкая погода с оттепелью днем. В $4^1/_2$ был урок истории с Алексеем. Вечером начал читать вслух «Морские рассказы» Беломора

1-го ноября. Среда.

Ночью выпало много снега, но днем он почти стаял. Укладывали дрова в новый сарайчик — грязная работа. Начал книгу «I will repay» — продолжение «The scarlet Pimpernel».

2-го ноября. Четверг.

Сразу в ночь хватил мороз, дошедший к утру до 11°. День был солнечный и с северным ветром. Гуляли, как всегда; днем перетаскивали дрова. Вечером Ольга получила скромные подарки.

3-го ноября. Пятница.

Дорогой Ольге минуло 22 года; жаль, что ей, бедной, пришлось провести день своего рождения при нынешней обстановке. В 12 час. у нас был молебен. Погода стала снова мягкая. Пилил дрова. Начал новую интересную книгу «The elusive Pimpernel».

4-го ноября. Суббота.

Утром был обрадован письмом от Ксении.—Выпало много снега, очищал от него место для прогулки, а днем переносили дрова в сарайчик.

Уже два [дня] не приходят агентские телеграммы, — должно быть, неважные события происходят в больших городах! В 9 час. была всенощная.

5-го ноября. Воскресенье.

С полной темнотой пошли к обедне. Написал письмо Ксении. Утром шел дождь. Днем переносили дрова. Отдыхал перед обедом.

6-го ноября. Понедельник.

Гусарский праздник. Начал новую книгу того же автора «Fire in stubble». Утром шел снег и таяло до 8 час. вечера, потом сильно задуло, и после обеда сделалось 13° мороза при весьма низком барометре — 735.

7-го ноября. Вторник.

Простоял солнечный день при 14—15° мороза. Днем до чая занимался с Алексеем рус[ской] историей. Вечером во время безика читал вслух рассказы Беломора.

8-го ноября. Среда.

Хороший морозный день. Утром было 14°, а к вечеру 17° мороза. Гуляли и переносили дрова.

9-го ноября. Четверг.

Утром от 10 час. был урок с Алексеем. Днем перенесли все дрова в сарайчик и наполнили его вплотную. Погода стала мягче. Начал читать «Quatre-vingt-treize» V. Hugo [1]).

10-го ноября. Пятница.

Снова теплый день — дошло до нуля. Днем пилил дрова. Кончил первый том «1793» V. H. Вечером читал вслух Тургенева «Записки охотника».

11-го ноября. Суббота.

Выпало много снега. Давно газет уже никаких из Петрограда не приходило; также и телеграмм. В такое тяжелое время это жутко. Дочки возились на качелях и соскакивали с них в кучу снега. В 9 час. была всенощная.

12-го ноября. Воскресенье.

В $8^1/_2$ час. пошли к обедне.

Долго гуляли, день был не холодный. Начал «Всеобщую историю» Иегера.

13-го ноября. Понедельник.

Оттепель была сильная — 3°: и это — в Сибири!

Наконец, появились телеграммы из армии, но не из Петрограда.

14-го ноября. Вторник.

День рождения дорогой мама и 23-я годовщина нашей свадьбы! В 12 час. был отслужен молебен; певчие путали и сбивались, — должно быть, не сделали спевки. Погода была солнечная, теплая и с порывистым ветром. За дневным чаем я перечитываю свои прежние дневники — приятное занятие.

15-го ноября. Среда.

День был морозный и солнечный, на дворе стало скользко невероятно. Гуляли долго, пилил дрова.

---

[1]) В. Гюго, «93-й год».

16-го ноября. Четверг.

Целые сутки была буря и почти без мороза. Утром имел урок с Алексеем.

17-го ноября. Пятница.

Такая же неприятная погода с пронизывающим ветром.

Тошно читать описания в газетах того, что произошло две недели тому назад в Петрограде и в Москве!

Гораздо хуже и позорнее событий Смутного времени.

18-го ноября. Суббота.

Получилось невероятнейшее известие о том, что какие-то трое парламентеров нашей 5-й армии ездили к германцам впереди Двинска и подписали предварительные с ними условия перемирия!

19-го ноября. Воскресенье.

В $8^1/_2$ час. пошли к обедне, дорога была очень скользкая. Утро стояло солнечное, потом заволокло. Днем вносил дрова в сарайчик. Вечером, как всегда, безик.

20-го ноября. Понедельник.

Мороз усилился, и день простоял ясный. У стрелков было брожение из-за неполучения суточных за три месяца из Петрограда, быстро приведенное к концу временным позаимствованием нужной суммы в банке. Днем работал с дровами. В 9 час. была отслужена всенощная.

21-го ноября. Вторник.

Праздник введения во храм пришлось провести без службы, потому что Панкратову неугодно было разрешить ее нам! Погода была теплая. Все работали на дворе.

22-го ноября. Среда.

Чувствовал себя не совсем здоровым, тяжесть в голове и боль в разных сочленениях; поэтому остался дома. Погода как нарочно была солнечная. Окончил I том «Всеобщей истории» Иегера — очень хорошо составленная книга.

23-го ноября. Четверг.

Самочувствие было получше и без лихорадки, не выходил на воздух. Переписывал из книги свою роль для будущего нашего представления франц. пиесы «Les deux timides». К вечеру окончил эту работу— пришлось [sic!] полторы тетради, сшитой из двух.

24-го ноября. Пятница.

Полдня у меня болела голова, в особенности во время чтения. Сидел дома; погода была непривлекательная. Начал читать II том «Всеобщей истории» Иегера — средние века. Вечером попрежнему безик недолго с Татьяною и вслух из Тургенева.

25 го ноября. Суббота.

Хороший морозный день.

Днем вышел, наконец, погулял и немного попилил. Солнце светило и даже грело, в особенности в комнатах. В 9 час. была всенощная.

26-го ноября. Воскресенье.

В 8 час. пошли к обедне.

Сегодня георгиевский праздник. Для кавалеров город устроил обед и прочие увеселения в народном доме. Но в составе нашего караула от 2-го полка было несколько георг[иевских] кавал[еров], кот[орых] их товарищи не кавалеры не пожелали подсменить, а заставили итти по наряду на службу — даже в такой день! Свобода!!! Гуляли долго и много, погода мягкая.

27-го ноября. Понедельник.

Праздник нижегородцев![1]) Где они и что с ними? Солнечная и морозная погода: — 13° днем и — 18° к вечеру. Гулял только взад и вперед. Сделали перетасовку дивана в зале из угла к стене.

28-го ноября. Вторник.

Солнечная морозная погода.

День протек, как всегда, скоро. От 4 час. до 5 час. занимался с Алексеем. После чая перечитали вместе каждый свою роль из «Les deux timides» — Татьяна, Анастасия, Валя и m. Gilliard.

29-го ноября. Среда.

Мороз был поменьше, а день серый. У меня простудное чувство в голове совершенно прошло.

30-го ноября. Четверг.

Хороший ясный день — 8° мороза. От 12 час. до завтрака занимался с Алексеем. Днем перекладывал дрова в сарае. После чая Ольга, играя с Аликс в карты, показала 4 безика.

1-го декабря. Пятница. 2-го декабря. Суббота.

Оба дня прошли совершенно одинаково. Был порядочный мороз с солнцем. После дневной прогулки ежедневно собираемся у m. Gilliard и разучиваем свои роли на-чистоту. В 9 час. была всенощная.

3-го декабря. Воскресенье.

Аликс и Алексей не пошли с нами к обедне из-за мороза — было 16°. Все утро репетили [sic!] наши пьесы в зале, где с помощью множества ширм и всякой мебели устроили нечто вроде сцены. Вечером все это опять было убрано. Гуляли, пока было светло. Во время безика теперь читаю вслух «Накануне» Тургенева.

[1]) Т.-е. полковой праздник 17 Нижегор. драг. полка, шефом которого был Николай Романов.

4-го декабря. Понедельник.

Было не так холодно, как вчера. День прошел по обыкновению.

5-го декабря. Вторник.

Кажется, начинает загибать настоящий мороз — с 15° утром дошло до 20° к вечеру.

До чая занимался с Алексеем.

В 9 час. была всенощная.

6-го декабря. Среда.

Мои именины провели спокойно и не по примеру прежних лет. В 12 час. был отслужен молебен. Стрелки 4-го полка в саду, бывшие в карауле, все поздравили меня, а я их — с полковым праздником. Получил три именинных пирога и послал один из них караулу. Вечером Мария, Алексей и m. Gilliard сыграли очень дружно маленькую пьесу «Le fluide de John»; много смеху было.

7-го декабря. Четверг.

Мороз дошел до 22° с сильным ветром, так что режет лицо; тем не менее исправно выходили и утром и вечером. В моем кабинете, у дочерей и в зале очень холодно — 10°, поэтому днем и до ночи сижу в черкеске пластунской. Кончил II том «Всеобщей истории».

8-го декабря. Пятница.

Утром за прогулкой видели двух стрелков 1-го полка, приехавших из Царского Села, чтобы проверить правильность слухов, ходящих о нас и о здешнем отряде. Один из этих стрелков — служащий в нашем ливадийском доме.

Было ясно — 21° мороза.

9-го декабря. Суббота.

День прошел по обыкновению.

Погода была тихая, и к вечеру мороз начал уменьшаться, но на моем кабинете это не отразилось, в нем темп[ература] неизменно оставалась та же — 10°. Вечером была всенощная.

10-го декабря. Воскресенье.

В 8 час. пошли в нашу церковь к обедне. Погода стояла сравнительно ясная и мягкая — 10° мороза. До завтрака сидел у зубного врача г-жи Рендль. Перед чаем был очень обрадован получением первого письма от дорогой мама.

11-го декабря. Понедельник.

Отличный солнечный день — 15° мороза. После завтрака снова сидел полчаса у той же Рендль. До чая имели, как все эти дни, репетицию пьесы.

12-го декабря. Вторник.

Утром случай с доской от качель в саду, на кот[орой] была неприличная надпись, сделанная кем-то из стр[елков] 2-го полка. После дневной прогулки имел урок с Алексеем. Вечером кончили «Накануне» Тургенева.

13-го декабря. Среда.

Во время утренней прогулки зашли в караульное помещение — 1-й взвод 4-го полка — обогреться и покурить и вышли, когда пришел новый караул 1-го полка. Было 16° мороза и совершенно тихо; благодаря этому в комнатах тепло, и у меня в кабинете темп[ература] держится до 12°. Вечером начал вслух «Дым» Тургенева.

14-го декабря. Четверг.

Ветер переменился, и стало немного теплее. Имел урок с Алексеем до завтрака. Перед чаем репетили [sic!].

15-го декабря. Пятница.

После завтрака сидел у дантистки. От 4 до 5 час. прорепетили [sic!] пьесу до конца. После безика читал вслух.

16-го декабря. Суббота.

Сделалось теплее — 10° мороза; утро серое, а день солнечный. Много пилил мелких дров для нашей ванны. В 9 час. была всенощная.

17-го декабря. Воскресенье.

Утром пошли к обедне. Погода была теплая, дул ветер со снегом. До завтрака сидел у дантистки. Гуляли долго, дети, как всегда, возились отчаянно с В. Долгор[уковым] и mr. Gilliard. Перед обедом сделали полную репетицию.

18-го декабря. Понедельник.

Погода была не холодная, 5° мороза, ветренная и со снегом. Долго оставались на воздухе. Пилил дрова.

19-го декабря. Вторник.

Вчера получил хорошее письмо от Ольги. Стало холоднее, дул ветер и было ясно. После прогулки занимался с Алексеем. Наконец, от усиленной топки сделалось совсем тепло в комнатах.

20-го декабря. Среда.

Солнечный день с ветром.

Сегодня окончил III том «Всеобщей истории». От 6 час. прорепетили [sic!] всю нашу пьесу, шло довольно гладко.

21-го декабря. Четверг.

Погода была очень приятная. До завтрака имел урок с Алексеем. Написал Ольге в Ай-Тодор. Вечером Анастасия получила скромные подарки.

22-го декабря. Пятница.

Отпраздновали именины Анастасии молебном в 12 час. Днем работали над горкой и пилил дрова. После чая сделали репетицию.

23-го декабря. Суббота.

Погода стояла мягкая, шел мелкий снег. Работали все над горкой. В 9 час. была всенощная.

24-го декабря. Воскресенье.

Утром сидел полчаса у дантистки. В 12 час. была отслужена в зале обедница. До прогулки готовили подарки для всех и устраивали елки. Во время чая — до 5 час. — пошли с Аликс в караульное помещение и устроили елку для 1-го взвода 4-го полка. Посидели со стрелками со всеми сменами до $5^1/_2$ час. После обеда была елка свите и всем людям, а мы получили свою до 8 час. Всенощная была очень поздно, началась в $10^1/_2$, так как батюшка не успел притти из-за службы в церкви. Свободные стрелки присутствовали.

25-го декабря. Понедельник.

К обедне пошли в 7 час. в темноте. После литургии был отслужен молебен пред Абалакской иконой божией матери, привезенной накануне из монастыря в 24 верстах отсюда. Во время прогулки зашли еще раз в караульное помещение. Днем работал со снегом. До обеда прорепетили [sic!] пьесу основательно.

26-го декабря. Вторник.

Такой же тихий морозный день — 13°. Все долго спали. Утром зашел с детьми в караульное помещение — был 1-й взвод 1-го полка; послали вчера елку, сладкий пирог и игру в шашки. — На-днях приехала Иза Буксгевден, но не допущена к нам по капризу Панкратова.

27-го декабря. Среда.

Хороший теплый серый день — 4° мороза. Утром и днем работали над уборкой снега со двора и над увеличением горки. После чая репетили [sic!] пьесу. У Аликс вечером заболела голова.

28-го декабря. Четверг.

Чудный солнечный теплый день — 2° мороза. Долго пробыли на воздухе утром и вечером. Узнали с негодованием, что нашего доброго о. Алексея притягивают к следствию, и что он сидит под домашним арестом. Это случилось потому, что за молебном 25 дек[абря] диакон помянул нас с титулом, а в церкве [sic] было много стрелков 2-го полка, как всегда, оттуда и загорелся сыр-бор, вероятно, не без не без [sic!] участия Панкратова и присных.

29-го декабря. Пятница.

Тоже хороший солнечный день — 4° мороза. Работали на горке, кот[орая] готова, а днем пилил, пока дочери скатывались на лыжах.

30-го декабря. Суббота.

Тихий ясный день. У Алексея слегка распухла щиколка, и он пролежал в кровати. Много гуляли; дочери выходили и после обеда.

31-го декабря. Воскресенье.

Не холодный день с порывистым ветром. К вечеру Алексей встал, так как мог надеть сапог.

После чая разошлись до наступления нового года.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Алексей — Алексей Николаевич, б. наследник престола.

Аликс — Александра Федоровна, б. императрица.

Анастасия — Анастасия Николаевна, четвертая дочь Николая Романова.

Битнер, Клавдия Мих., б. начальница Царскосельской Мариинской женской гимназии.

Боде, Николай Льв., бар., гв. полк., штаб-офицер для особых поручений при гофмаршальской части.

Боткин, Евг. Серг., лейб-медик.

Буксгевден Иза, — Софья Карловна, фрейлина.

Валя, Валя Д. — Долгоруков, Василий Алекс., кн., ген.-м. свиты е. в., в должн. гофмаршала высоч. двора.

Gibbs, — Гиббс, Сидней Ив., гувернер наследника.

Григорий — Распутин, Григ. Ефим., крест. села Покровского, Тобольской губ., «старец», фаворит семьи Романовых.

Деревенко, Влад. Ник., поч. лейб-хирург.

Деревенко Коля — сын В. Н. Деревенко.

Gilliard, — Жильяр, Пьер, гувернер наследника.

Кострицкий, Сергей Серг., придворный зубной врач.

Ксения Александровна, сестра Николая Романова, жена вел. кн. Александра Михайловича.

Мария — Мария Николаевна, третья дочь Николая Романова.

Настенька — Гендрикова, Анаст. Вас., фрейлина Александры Федоровны.

Никольский, Вл. А., прап., пом. комиссара при семье Романовых.

Ольга — Ольга Александровна, сестра Николая Романова, по второму браку — Куликовская.

Ольга — Ольга Николаевна, старшая дочь Николая Романова.

Панкратов, Вас. Сем., б. шлиссельбуржец, комиссар Врем. Прав. при семье Николая Романова. См. его воспоминания «С царем в Тобольске» — «Былое», тт. XXV—XXVI.

Татищев, Илья Леон., гр., ген.-адъют., ген.-лейт.

Татьяна — Татьяна Николаевна, вторая дочь Николая Романова.

Хитрово Рита — Хитрово, Марг. Серг., фрейлина.

Крымское краевое правительство в 1918/19 г.

Публикуемые ниже «Записки В. С. Налбандова», «Справка М. М. Винавера» и другие документы характеризуют два смежных периода в истории гражданской войны в Крыму: время хозяйничания немцев и сменивших их союзников.

Фактически полными господами положения, вполне чувствовавшими себя как дома, в то время были иностранные войска, сначала немецкие, потом союзные (французские). Но официально «государственная власть» находилась в руках краевого правительства. При немцах оно возглавлялось ген. Сулькевичем (об этом периоде повествуют «записки» министра Налбандова), при союзниках — С. С. Крымом (об этом времени говорит «справка» министра Винавера).

В апреле 1918 г. началась оккупация Крыма немцами. Стал вопрос об организации власти. Первыми засуетились социалисты. Они поспешили явиться к фактическому хозяину Крыма — в германский штаб, который не пожелал, однако, с ними разговаривать, предпочитая иметь дело с более «солидными» общественными деятелями. Начались переговоры об организации власти с кадетами, немцами-колонистами и крымскими татарами. Кадеты с оглядкой на земство робко выдвинули кое-какие требования, но немецкий генерал Кош, пришугнув передачей Крыма украинцам и не желая дожидаться пока «правительство» организуется «населением», сам *назначил* премьер-министра. Генералу Сулькевичу *поручили* организовать кабинет.

Так возникло Крымское краевое правительство.

Небезынтересно сопоставить деятельность кабинета ген. Сулькевича и кабинета С. С. Крыма.

Призванное к власти немцами, правительство Сулькевича до конца сохраняло немецкую ориентацию. Оно не чуждо было тенденции сепаратизма. Министр иностранных дел по вопросу о «независимости» Крыма вел таинственные переговоры с турками. Во внутренней политике правительство, несмотря на эсеровское прошлое одного из влиятельнейших министров — Джафара Сейдамета, ни в какой степени не претендовало на связь с «демократией» и даже распустило все органы местного самоуправления, избранные на основании законов Временного Правительства. «Протесты» демократии не смущали Сулькевича, и когда в конце октября собрание губернских гласных нескольких крымских уездов пыталось выносить какие-то постановления протеста, полиция просто разогнала собравшихся.

О подобных событиях Налбандов в своей записке умалчивает и пытается создать впечатление, что правительство стремилось организовать подлинное народное представительство, но что немцы и слышать не хотели ни об «ответственном» правительстве, ни о созыве крымского сейма. Позиция немцев вполне понятна. Они пришли на Украину и в Крым прежде всего в надежде на *немедленный* хозяйственный эффект. Все,

что могло в какой-либо степени стеснять или ограничивать их хозяйничание в оккупированных областях, решительно ими устранялось. Поэтому немцы, действительно, ни за что не хотели допускать ни созыва сейма, ни создания правительства, «ответственного» перед кем бы то ни было помимо немецкого штаба. Они никогда не скрывали, что главнейшая цель их появления в Крыму — выкачать оттуда все, что возможно, для голодной Германии. Неудивительно поэтому, что, когда обсуждалась подлежащая обнародованию декларация правительства Сулькевича, немцы особенно энергично спорили по поводу пунктов, говорящих об ограничениях вывоза продуктов из Крыма. Несмотря на плохой урожай в Крыму и грозящий ему голод, они даже в торжественную декларацию, которая, в общем, мало к чему обязывала, не хотели включить ничего, что могло бы, хотя бы на словах, помешать вывозить продовольствие из Крыма.

С уходом немцев ген. Сулькевич вынужден был ретироваться. На сцене появилось правительство С. С. Крыма.

Оно вышло из недр земского и городского самоуправления и очень кичилось таким «законно-демократическим» происхождением, считая себя чуть ли не самым демократическим правительством в мире.

«Призванное к власти,—заявляет в своей «справке» Винавер,—демократическим губернским земским собранием и опираясь в своей деятельности на периодически созываемые съезды представителей земств и городов, коим правительство представляло ежемесячно отчет о своей деятельности, правительство отменило все установленные немцами и прежним правительством стеснения по отношению к свободе слова, печати и собраний и все ограничения по отношению к органам самоуправления, проводя выборы во все органы местного самоуправления на основе всеобщего избирательного права. В течение 5 месяцев не было никаких эксцессов со стороны каких-либо органов правительственной власти в смысле стеснения свободы граждан.»

Это утверждение Винавера в части, касающейся «стеснения свободы граждан» очень далеко от истины. Даже Бобровский, другой член правительства, — социалист, корректировавший «справку» Винавера, — вынужден признать здесь некоторую неточность. В действительности, в Крыму, под властью С. С. Крыма, господствовал обычный для белой власти произвол, решительное подавление рабочего движения и беспощадное преследование всего заподозренного в близости или симпатиях к большевизму. В это время в Крыму были массовые аресты и бессудные казни. Все это очень плохо гармонировало с постоянными заявлениями власти о своем демократизме. Приходилось итти на дипломатические хитрости. Когда факты произвола и бесчинств стали очевидными, их пытались прикрыть разговорами о том, что во всем, дескать, виноваты добровольцы, с которыми нет слада и которые против воли правительства бесчинствуют, искореняя большевистскую крамолу. Стали усиленно говорить о крупных разногласиях между Деникиным и краевым правительством.

В этих разговорах была доля истины. Разногласия, действительно, были, но совсем не по вопросу о большем или меньшем демократизме внутреннего режима. Деникин просто хотел прибрать к своим рукам Крымское «государство», а последнее пыталось отстаивать свою независимость. Впрочем, и здесь спор шел не в принципиальной плоскости — быть Крыму самостоятельным государством или нет, — а лишь о времени, когда должно прекратиться автономное существование краевого правительства.

В недавно вышедшем V томе «Очерков русской смуты» Деникина имеются любопытные данные, рисующие вопрос о спорах Крыма с Деникиным совсем в ином свете, чем

это делается и в «справке» Винавера, и в многочисленных мемуарах других деятелей правительства С. С. Крыма.

Оказывается, что еще до своего официального рождения правительство С. С. Крыма по своей инициативе вступило в сношения с Деникиным, прося его о военной помощи и договариваясь об общей политике. В Екатеринодар посылается будущий министр внутренних дел Богданов. Позже сам С. С. Крым в письмах к Деникину спешит заверить его, что новое демократическое правительство «с таким же нетерпением призывает и ждет единую и великую Россию», как и сама Добровольческая армия, исконная носительница этих идей. Мало того, С. С. Крым в этих письмах признавал «необходимость при содействии Добровольческой армии борьбы со скрытой и временно подавленной присутствием германских войск организацией анархических элементов Крыма».

Итак, борьба с «анархическими элементами» происходила далеко не помимо воли правительства С. С. Крыма, и не только с его ведома, но прямо по его заданиям и уж, конечно, с полной его ответственностью. С. С. Крым и Деникин смотрели на задачи «водворения порядка» одинаковыми глазами, но для того, чтобы примирить крымскую демократию с Добровольческой армией, по просьбе Винавера (министра внешних сношений), «ввиду сильной агитации, враждебной Добровольческой армии, обвиняемой в реакционности, антисемитизме и антидемократизме», было передано официальное заявление, что армия прибывает в Крым «исключительно с целью поддержания порядка, не вмешиваясь во внутренние дела.., не преследует реакционных целей, не предрешает будущих форм правления.., относится с величайшим негодованием к попыткам восстановить одну национальность, один класс против другого...»

Такой либеральной завесой Деникин и С. С. Крым прикрывали истинную сущность своего общего дела.

В «справке» Винавера много внимания уделено вопросу о взаимоотношениях с союзниками.

Крым входил в зону французского влияния. Этот вопрос в «справке» затрагивается лишь вскользь и к тому же не точно. Из слов Винавера (п. 8) создается впечатление, будто разграничение сфер влияния между французами и англичанами имело место лишь после появления союзной эскадры в Севастопольском порту, в конце 1918 года. Между тем соглашение о сферах влияния в России было заключено между Францией и Англией еще в декабре 1917 года, т.-е. чуть ли не через несколько дней после Октябрьского переворота. По этому соглашению в зону французского влияния на юге России входила территория к западу от линии, проведенной от Босфора через Керченский пролив, к устью Дона и дальше по Дону на Царицын (английская зона распространялась на восток от этой линии).

На основе этого соглашения французы осенью 1918 года начали интервенцию на юге России, но фактически успели занять лишь Одессу с небольшим примыкающим районом и некоторые пункты Крыма (главным образом — Севастополь). В этих местах они, конечно, были полными хозяевами положения, малейшее предписание которых тотчас беспрекословно выполнялось всеми местными властями.

Однако французам неудобно было осуществлять свою власть открыто. Они предпочитали находиться не на авансцене, а за кулисами, и постоянно пытались выдвинуть на первый план какое-либо самостоятельное, послушное правительство. Это было необходимо для оправдания интервенции как в глазах местного русского, так и отечественного

французского «общественного мнения». В Одессе дело организации местной власти подвигалось очень туго. Было слишком много претендентов на власть, между которыми велись нескончаемые споры. В конце концов, после многомесячных переговоров, французское командование перед лицом наступающих с севера советских войск вынуждено было махнуть рукой на игру в «невмешательство в русские дела» и открыто взять в свои руки всю полноту гражданской и военной власти. В Одессе к концу интервенции был полностью осуществлен неприкрытый оккупационный режим.

Иначе обстояло дело в Крыму. Здесь к моменту прихода французов существовало самостоятельное краевое правительство. Французский генерал Франше д'Эспере, прибыв в Севастополь из Одессы сейчас же после осуществленного им там «переворота», когда была сконструирована оккупационная власть, был приятно поражен картиной крымского единовластия. Генерал расточал любезности крымчанам и не мог нахвалиться организованностью местной власти. Казалось, все сулило самое полное и мирное содружество кабинета С. С. Крыма и французского командования. Началась игра в «независимое правительство» и не вмешивающихся в русские дела «благодарных союзников», лишь помогающих «бедной России» в ее борьбе с большевизмом.

Игра разыгрывалась по всем правилам искусства до тех пор, пока это нужно было французскому командованию. Когда выяснилось, что интервенция должна быть ликвидирована, фарс тотчас был прекращен, причем сделано это было с цинизмом и грубостью поистине изумительной. Высший французской властью в Крыму был армейский полковник Труссон. Он совсем не был дипломатом и привык к колониальным приемам политики. Как только «правительство» оказалось полковнику Труссону ненужным, он решил, что стесняться больше нет надобности. Кончилась вся эта история для крымских министров очень печально. Полковник заподозрил их в каких-то финансовых махинациях с государственной казной и... арестовал их, чуть ли не как проворовавшихся жуликов.

Мы вспоминаем эпизод с арестом правительства (о нем в смягченной форме говорит публикуемый журнал заседания совета министров на пароходе «Надежда»), как один из образчиков отношения интервентов к белому правительству. Это пример далеко не исключительный. Именно так всегда относились союзники (а до них и немцы) к подставным и неизменно послушным контр-революционным правительствам. На юге России и на севере, в Сибири, и на северо-западе на подступах к Петрограду — везде французы и англичане организовывали, поддерживали и руководили белым движением. Российская контр-революция шла на поводу у союзников. Виднейшие лидеры всех мастей, укладывающихся в широкий диапазон от монархистов до социалистов, послушно выполняли приказания извне.

Французы в районе своей интервенции предпочитали иметь дело с «демократическими» слоями контр-революции. Они неоднократно указывали на желательность присутствия во всех органах и во всевозможных заграничных делегациях и представительствах русских социалистов. Социалистический ярлык был нужен для того, чтобы изысканное общественное мнение республиканской Франции не было шокировано слишком явной реакционностью авантюристического предприятия интервенции. Однако решающим критерием для оказания поддержки тем или иным контр-революционным группам, претендующим на руководящую роль в движении, оказывался критерий не большей или меньшей демократичности, а реальной военной силы.

Французы пришли на юг России для борьбы с большевизмом и для осуществления своих империалистических притязаний. И то и другое требовало значительных военных

сил. Французы располагали и своими собственными войсками и войсками колониальными. В их распоряжении были также и греки. Но все это были очень ненадежные силы. В условиях послевоенной обстановки очень трудно было вновь побудить войска итти в сражение. Это было не только трудно, но и рискованно, так как легко могло вызвать революционную вспышку в оккупационных войсках (в действительности так оно в конце концов и случилось). Поэтому французы искали живую военную силу на месте. Они готовы были войти в сношение и поддерживать кого угодно, кто мог бы предоставить в их распоряжение достаточное количество войск. Они вели переговоры и вступали в сношения в одно и то же время и с Деникиным, и с демократическим правительством Крыма, и даже с Петлюрой. Союзные войска присылались на юг в большом количестве [1]), но французское командование принимало все меры, чтобы эти войска шли в т ы л у у русской белой армии.

Разбить большевиков и утвердить свое «влияние» на юге России, по возможности не потеряв ни одного французского солдата, — вот задача, которая стояла перед французской интервенцией.

Ал. Гуковский.

Печатаемые ниже материалы хранятся в Архиве Октябрьской Революции Центрального Архивного Управления Крымской АССР, куда были переданы Таврическим обществом истории, археологии и этнографии в 1926 г.

Записки В. С. Налбандова написаны на обыкновенной школьной тетради, в мягкой розовой обложке, принадлежавшей, повидимому, его дочери, так как на обложке имеется надпись, сделанная детским почерком: «Тетрадь для пения ученицы I класса Е. Налбандовой».

Авторского заголовка записки не имеют. Написаны по старой орфографии, мелким и довольно затруднительным для чтения почерком, и занимают 48 страниц, из коих 28 вшиты в тетрадь дополнительно. Приложения к запискам даются нами в порядке, указанном автором, и с теми пометками, кои на них имеются. Часть приложений является подлинниками, часть копиями, некоторые напечатаны на машинке, другие написаны рукой Налбандова, о чем нами сделаны соответствующие оговорки в подстрочных примечаниях.

«Справка» М. М. Винавера также написана на ученической тетради в синей плотной обложке и занимает неполных 33 страницы. На обложке тетради имеется надпись, сделанная рукой П. С. Бобровского: «Справка о деятельности Крымского правительства и причинах его падения, сост. мин. вн. сношений М. М. Винавером, с примечаниями и дополнениями министра труда П. С. Бобровского».

Все подстрочные примечания к «Справке» Винавера, помеченные инициалами «П. Б.», являются примечаниями П. С. Бобровского и подписаны им же и в подлиннике. Но дополнения, о котором он несколько раз упоминает в тексте своих примечаний, нет, и, повидимому, он его написать не успел.

Метод писания записок разный. Налбандов описывает пространно, шаг за шагом, деятельность «правительства» и свою роль в нем. Винавер дает краткую, якобы, объективную «справку» общего характера. Налбандов снабжает свои записки «приложениями», из которых иные являются особо ценными, так как вскрывают закулисную сторону деятельности «правительства»; Винавер ограничивается приложением одного лишь протокола заседания «совета министров» на судне «Надежда» (мы перепечатываем здесь этот протокол, хотя он уже опубликован в «Архиве Революции», т. II, стр. 135—142).

---

[1]) Всех оккупационных войск на юге России, в Крыму и Одессе в период французской интервенции было прислано приблизительно около 45—50 тыс. чел.

Для большей связи между записками мы сочли возможным дать в приложениях, кроме материалов записок, два документа, авторами записок не приложенные.

Это — «правительственное сообщение» Сулькевича о сдаче власти С. Крыму и декларация «кабинета» С. Крыма о программе его деятельности, хранящиеся в Крымцентрархиве в фонде Крымского краевого правительства.

Текст публикуемых материалов подготовил к печати и снабдил примечаниями И. Н. Прохоров.

Редакция.

1.

Записки В. С. Налбандова [1]).

История возникновения «Крымского правительства» и его деятельности в будущем, несомненно, составит главу истории русской революции, и, думается, необходимые материалы должны быть сохранены всеми участниками этого глубоко печального периода жизни России. Часть этих материалов могу дать в связном изложении, вероятно, я один, и только это и вынуждает меня взяться за перо.

Вступление германских войск в Симферополь, происшедшее 18 апреля 1918 г., застало полное безначалие. Три губернских комиссара—П. И. Бианки [2]), Поливанов [3]) и Озенбашлы [4]) вновь появились на свет божий и «вступили в исполнение своих обязанностей», но чувствовалось, что эта стадия революции уже изжита, что сами комиссары не верят в свою власть и не решаются ею пользоваться даже в тех слабых размерах, в каких они делали это при Совете народных представителей [5]). В сущности, все были убеждены, что германцы установят свое управление под главенством военного генерала, что стало казаться особенно вероятным после энергичной высылки немцами украинских эшелонов, первыми вошедших в Симферополь. Однако время шло, сдался и Севастополь [6]), а немецкое начальство не создавалось. Под давлением необходимости начали один за другим пробуждаться от большевистской летаргии губернские учреждения, возродился суд, и невольно встал вопрос о губернском центре. По слухам, В. П. Поливанов в свои частые посещения штаба немецкого командования пытался привлечь его симпатии к комиссариату, но из этих попыток ничего не выходило. Власть фактически сосредоточилась в руках так называемого «чиновничьего парламента» [7]), состоящего из глав губернских учреждений, собиравшихся не то под главенством губернского комиссара, не то дававших ему указания. В это-то время в квартире Д. А. Крыжановского [8]), по инициативе гр. В. С. Татищева [9]), с которым я встретился вновь впервые после 1899 года, когда он служил в хозяйственном департаменте, собрались Татищев, Харченко [10]), Кипчакский [11]) и я. Гр. Татищев, объясняя причину приглашения им, человеком в Крыму совершенно новым, нескольких общественных деятелей, указал на то, что побудило его к такому шагу. В его квартире поселился командовавший германским отрядом генерал Гальвиц (уступивший затем свое место ген. Кошу), который заявил Татищеву, что германское командование испытывает чувство глубокого

недоумения. Около месяца оно занимает Крым и совершенно не понимает, где бывшие деятели, руководители жизни края до-большевистского периода. «К нам приходят социалисты, с которыми мы не хотим иметь дела, а других групп точно не существует, — так приблизительно говорил Гальвиц, — а между тем мы ждем обращения их к нам для создания власти в Крыму». Наше совещание не пришло к определенным выводам, но все же решили попытаться как-нибудь вызвать к жизни совершенно запуганное и разбитое большевиками и, вообще, революцией «общество». Попытка была сделана: в течение мая было устроено три частичных совещания с довольно переменным составом из губернских и уездных земских и городских гласных, начальников отдельных учреждений, землевладельцев, представителей банков и торговцев Симферополя. На этих совещаниях был выработан меморандум, который должен был быть доложен особому большому совещанию, состав которого так и остался неопределенным. Уже к концу выработки основных положений участникам совещания стало ясно, что ждать активной работы общественных сил пока нельзя — испуг и растерянность были еще слишком сильны. В прилагаемом меморандуме (док. № 1) *) следует особенно отметить, что Крым уже тогда мыслился как временно самостоятельный край. Да и нельзя было мыслить иначе, так как германцы выдворили украинские войска только за Перекоп, приняв, таким образом, фактически границу, установленную 3-м универсалом. Вообще, по моему мнению, во все это смутное время Крым — как отдельная единица, — конечно, временно отдельная, — мыслился далеко не одними татарами — так и в наших совещаниях было татар 2—3 человека, да и те совсем не из лагеря сепаратистов, а говорили все члены только об упорядочении жизни в Крыму и управлении Крымом **). Уже к концу наших совещаний возникли слухи о том, что германское командование поручает сформирование Крымского правительства татарскому парламенту [12]). Слухи стали особенно упорными с момента, когда в Симферополь приехал Д. Сейдамет [13]), который прямо с поезда явился в парламент, где произнес большую речь, а прямо из парламента сделался «гостем» германского командования и, кажется, неделю провел в «Европейской» гостинице без права выхода. Действительно, слухи оправдались, и в конце мая Сейдамет приехал ко мне с заявлением, что ему поручено ген. Кошем сформирование кабинета, и с просьбою о вступлении в кабинет представителей крымских немцев и моем, в частности. Представителем от губернского комитета крымских немцев [14]) я был и в совете народных представителей, в заседаниях губернского комитета участвовал во все серьезные моменты, и поэтому обращение ко мне Сейдамета явилось вполне понятным. Направив его к председателю губернского комитета [15]), я в то же время принял необходимые меры, чтобы выяснить, насколько

*) См. отдельно ниже № 2. (*Прим. ред.*)

**) Так в подлиннике. (*Прим. ред.*)

это было возможно, у немецкого командования создавшееся положение. Положение было, несомненно, довольно сложным. Личные качества Сейдамета, выяснившиеся во время нахождения его во главе Крымского штаба, и особенно бегство его и оставление несчастных офицеров штаба на произвол судьбы без указаний, без роспуска, забота о спасении себя и полная беззаботность о том, что будут делать подчиненные ему люди, из которых многие заплатили жизнью только потому, что до конца остались верны начинаниям штаба [16]) — все это не могло располагать к вступлению в кабинет с таким премьером во главе. Но премьер этот был указан татарским парламентом, который германский штаб считал единственной организованной силой в Крыму, и которому он уже поручил составление кабинета. При этом штаб совершенно недвусмысленно давал понять, что им будет оказана кабинету всякая поддержка: деньгами, вооруженной силой и доставкой необходимых материалов и машин из Германии. «Дайте нам деловой кабинет, с которым мы могли бы работать для блага вашего края и упорядочения его», — так говорили Кош и его штаб.

Все же недоверие к такому кабинету было очень сильно, и когда был созван губернский комитет и явившиеся в заседание Сейдамет и Аблаев [17]) вновь изложили все свои предположения и заявили, что у них есть уже принципиальное согласие на вступление в кабинет С. С. Крыма [18]) и еще кого-либо из партии народной свободы, то решение было принято такое: губернский комитет крымских немцев, считая согласие к.-д. на вступление в кабинет установленным, соглашается дать своих представителей, но при том лишь условии, что создаваемое министерство будет совершенно самостоятельным и не должно отчитываться перед курултаем, или татарским парламентом. Сейдамет отстаивал подотчетность хотя бы премьера, как лица, выдвинутого парламентом, но ему было указано, что подотчетность премьера есть ответственность всего кабинета, а потому и премьер должен быть освобожден, свободен от особливой ответственности перед курултаем. Сейдамет принял оба положения и поехал в Ялту, чтобы окончательно переговорить с к.-д. Ему было также указано, что немецкая группа рекомендовала бы включение в кабинет Вл. В. Келлера [19]).

По возвращении из Ялты Сейдамет сообщил губернскому комитету, что состав министерства намечается из девяти членов, причем членов этих должны дать поровну татары, немцы и партия к.-д., что с последними все улажено и что 3—6 июня в Симферополе состоится губернский съезд к.-д., через который хотят провести намеченных кандидатов. Я уехал к себе на дачу, куда, — если не ошибаюсь, 4 июня,— приехал Сейдамет с просьбою ехать в Симферополь для переговоров с к.-д. В переговорах, которые велись у меня на квартире, участвовал С. С. Крым, В. В. Келлер, Д. Сейдамет и Д. Аблаев, председатель татарского парламента; от немецкой группы были я и присяжный поверенный Гейне, председатель губернского комитета. К.-д. были выдвинуты следующие положения: 1) соглашаясь на приглашение премье-

ром татарина, они не согласны на занятие этого поста Сейдаметом; 2) кабинет не должен быть ответственным перед курултаем; 3) в кабинете не должно быть особого министра иностранных дел и 4) члены кабинета должны быть указаны или хотя бы допущены губернским земским собранием, которое должно состояться 5 июня.

Второе предложение было требованием и немецкой группы, которая полностью поддержала и первое пожелание к.-д. К чести Сейдамета надо сказать, что он довольно легко согласился с предъявляемым отводом, и кандидатом в премьеры С. С. Крымом был тут же указан Д. Аблаев. Тот долго отказывался, указывая на свою совершенную неподготовленность, но Крым настаивал на этой кандидатуре, подчеркивая, что для Сейдамета будет совершенно не обидно уступить премьерство лицу, стоящему во главе национального парламента. Во всяком случае, оба первые вопроса были решены совершенно согласно с желаниями к.-д. По третьему вопросу мы отказались уступить, так как, при неопределенности создавшегося положения и будущей судьбы Крыма, национальности, нами представляемые, т.-е. немцы и татары, видели в этом министерстве возможность обеспечить свои будущие судьбы, если бы явилась необходимость в оставлении ими Крыма (для немцев, по крайней мере, такая необходимость предусматривалась и очень горячо обсуждалась как раз в это самое время, и были даже отправлены особые ходоки для осмотра земель в различных местностях вне Крыма. Губернский немецкий комитет никогда не сочувствовал, насколько я знаю, этим начинаниям, но, конечно, не мог их игнорировать, так как диктовались они всеми теми невзгодами, которые пережили крымские немцы в годы войны). Четвертый пункт мы предложили понимать так, что официальных выборов не будет, но выбор лиц будет произведен сообща, и нежелательные для какой-либо из групп кандидаты будут своевременно устранены. Как бы то ни было, был момент, когда казалось, что все трения улажены, и кабинет намечался в таком составе: председатель — Д. Аблаев, от татар, кроме него, — Д. Сейдамет и Сулькевич [20]), от немцев — Налбандов, Рапп [21]) или, по желанию к.-д., Шредер [22]) (третье лицо окончательно не было намечено, но говорили о гр. Татищеве), от к.-д. — Крым, Келлер и Набоков [23]) или кн. Оболенский [24]). С. С. Крым тут же написал письмо, которое должно было быть на другое утро отослано Набокову с приглашением приехать в Симферополь для окончательных переговоров. Это было часа в 2 дня, причем, ввиду важности вопроса, Крым передал даже кому-то председательствование в губернском собрании, которое заседало с утра.

Но к вечеру все уже резко изменилось. Часов в 10 вечера Келлер сообщил мне по телефону, что губернским собранием выдвинуто новое требование: 5 мест уже не к.-д., а губернскому собранию, и ультимативно отрицается министерство иностранных дел. Я сообщил эти требования участникам переговоров, и таковые были признаны прерванными окончательно.

На следующее утро Крым и Келлер были у меня рано утром и сообщили подробности заседания. Нельзя не отметить характерного замечания В. В. Келлера, который был явно огорчен происшедшим разрывом: «Мы шли в губернское собрание, а попали в Совет Рабочих и Солдатских Депутатов». Замечание — глубоко справедливое и многое объясняющее [25]). Крым и Келлер сидели еще у меня, когда приехал Сейдамет, совершенно угнетенный неудачей соглашения, казавшегося уже налаженным путем ряда сделанных им и татарским парламентом уступок, и сообщил нам, что идет к Кошу отказаться от возложенного на него поручения. Казалось бы, что такой исход должен был бы всех обрадовать, но в ту минуту вместо радости возникали самые разнообразные опасения. Надо сказать, что тянувшиеся безмерно долго переговоры, не приведшие в конце концов ни к каким результатам, вызывали в германском штабе неисправимое уже раздражение и угрозы передать Крым Украине, уже воинствующей и не скрывающей своих стремлений не только к самостийности, но и к украинизации, рассылающей свои приказания и циркуляры школам и учреждениям. По словам Сейдамета, в последние дни ему с трудом удавалось сдерживать требование штаба дать скорее окончательный ответ о составе кабинета, так как благоприятный исход переговоров был штабу им гарантирован на основании предварительных соглашений в Ялте и здесь. И вдруг теперь оказывалось, что весь налаживавшийся аппарат распадался окончательно. В большом смущении мы ожидали, что́ предпримет германское командование. Но в этот же день, около 1 часу дня, когда я пришел на квартиру моей сестры, меня уже ждал там генерал-лейтенант Сулькевич с предложением вступить в кабинет, который ему германский штаб только что поручил организовать. В разговоре о составе кабинета я указал Сулькевичу на всех тех лиц, которые намечались в состав кабинета накануне, причем он выразил полное согласие вступить с ними в переговоры. Окончательный свой ответ я отложил до выяснения результатов этих переговоров и временно уехал даже к себе на дачу.

Через несколько дней выяснилось, что гг. Крым и Келлер сделанные им предложения отклонили. Вновь началось обсуждение вопроса в губернском немецком комитете, причем специально отправленная в германское командование делегация указала на то, что наша группа предпочитает при создавшихся условиях уклониться от участия в кабинете. Однако штаб заявил вновь о полной своей готовности поддержать все начинания будущего правительства в деле упорядочения края, прямо объявив, что при неудаче формирования кабинета Крым будет присоединен к Украине. При этих условиях губернский комитет признал участие немецкой группы в формировании кабинета неизбежным и делегировал в него меня и Т. Г. Раппа.

Привожу полностью полученное мною поручение: «Многоуважаемый Владимир Сергеевич. Вся ваша долголетняя общественная деятельность и ваше справедливое отношение к немцам-колонистам во

время их притеснения старым правительством дают нам уверенность, что вы в качестве члена краевой власти употребите всю свою энергию, знания и опытность на культурное и экономическое развитие нашей родины — Крыма, а потому мы просим вас войти от союза немцев в Крыму в состав формируемого ген.-лейт. Сулькевичем краевого правительства. Центральный комитет союза немцев в Крыму» (док. № 2) *).

Так создалось правительство Сулькевича [26]), в составе которого я пробыл с 25 июня до 9 сентября. История его деятельности за это время, конечно, ясна из его распоряжений, своевременно публиковавшихся. Но не опубликовывались сношения кабинета с германским штабом и попытки уладить отношения с Украиной; на них следует остановиться подробнее.

Впервые мне и, вообще, всему будущему правительству пришлось познакомиться с ген. Кошем и его штабом еще до официального представления ему декларации. Во время ее составления возникло разномыслие о сроке существования будущего кабинета. Я настаивал на том, чтобы в самой декларации было указано на предстоящий созыв Крымского сейма, которому и будет передана власть и организация правительства. Я указал, что только что я участвовал в переговорах, во время которых для меня, как и для других их участников, была совершенно ясна необходимость созыва сейма, а потому я никоим образом не считаю возможным отступить от этой точки зрения и войти в кабинет, срок полномочий которого не будет ограничен пределами крайней необходимости. Моя точка зрения не встречала особых возражений, но оказалось, что разрешение этого вопроса не безразлично для немецкого командования. Для его выяснения весь будущий кабинет отправился к ген. Кошу, и здесь после довольно длинных переговоров с ген. Кошем и его начальником штаба майором Риделем были составлены два письма (14 июня). Сулькевич писал: «До образования кабинета я хотел бы знать, может ли быть поставлен в его программу вопрос относительно выборов в Крымский парламент» (док. № 3) **). Ген. Кош ответил: «Вопрос о выборах в парламент было бы целесообразнее отложить, пока в Крыму наступит полный покой и порядок». Эта несколько уклончивая редакция была продиктована Риделем, но ответ был ясен: в декларации срока выборов устанавливать нельзя. Невольно возникает, конечно, вопрос, а почему же было нужно согласие штаба на декларацию. Ответ ясен уже из предыдущего — если мы хотим избежать подчинения Крыма Украине, необходимо было согласовать наши начинания с требованиями штаба. Но было еще более серьезное основание. Во второй половине июня, когда писалась декларация, было уже совершенно ясно, что Крым ждет средний или ниже-средний урожай озимых и совсем плохой яровых хлебов. Надо было во что бы то ни стало и какой бы то ни было ценою добиться того, чтобы

*) См. ниже № 3. (*Прим. ред.*)
**) См. ниже № 4. (*Прим. ред.*)

из Крыма не вывозился хлеб. Поэтому в декларации было определенно указано, что устанавливается безусловное временное воспрещение вывоза из Крыма всех сельскохозяйственных продуктов, за исключением фруктов в сыром виде. Само собою разумеется, что жизненную силу этот пункт приобретал только в том случае, если бы германское командование его приняло и обязалось исполнять. А так как этот пункт нельзя было провести в отдельном постановлении, то приходилось и всю декларацию подвергнуть обсуждению командования.

Итак, декларация была исправлена без указания срока выборов в парламент и 15 июня представлена Сулькевичем Кошу, который еще 14-го, во время наших с ним переговоров, заявил, что для обсуждения декларации ему нужно двое суток. Прошел указанный срок. Мы узнали только, что декларация отправлена с особым офицером в Киев, откуда она будет подтверждена по телеграфу. Однако прошло еще несколько дней — ответа не было. Тогда 20 июня нами был составлен особый меморандум (док. № 4) *), переданный ген. Сулькевичу, после чего мы, уверенные в том, что кабинет не будет образован, разъехались по домам.

Но 23 числа за мною приехал адъютант Сулькевича с просьбою немедленно приехать в город. Там на квартире у гр. Татищева я застал целую комиссию германских офицеров, во главе которой стояли майор фон-Бринкман, специально командированный из штаба принца Леопольда Баварского, главнокомандующего восточным фронтом германцев, и новый начальник штаба Коша — Энгелин.

В продолжение двух дней, с утра до поздней ночи, шло обсуждение декларации во всех пунктах, которые как-нибудь могли интересовать немцев. Много было затрачено сил с обеих сторон, многое нам удалось отстоять, но кое-что пришлось и уступить, что видно из сличения первоначального (док. № 5) и окончательного (док. № 6) **) текста декларации. Так, вопрос о Крымском парламенте потерпел новое изменение. После упомянутого выше письма Коша в проекте декларации было сказано следующее: «Приняв на себя власть в Крыму до времени, когда германским командованием будет признано возможным допустить организацию выборного ответственного краевого правительства». Фон-Бринкман, несмотря на предъявленное ему письмо Коша, (которым (письмом) он, повидимому остался очень недоволен), решительно запротестовал против этой редакции и, не изменяя положение дела о сроке выборов по существу, настаивал на полном исключении всяких указаний на соотношение между германским командованием и парламентом и лишь очень неохотно принял ту неудовлетворительную редакцию, которая помещена в последней декларации: «Вопрос об образовании ответственного выборного правительства будет

*) См. ниже № 5. (*Прим. ред.*)

**) См. ниже № 6. Текст декларации, обозначенной Налбандовым под названием «док. № 5», нами опускается, так как отличия его от текста опубликованного советом министров Сулькевича «Правительственного сообщения» почти исключительно редакционного характера. (*Прим. ред.*)

разрешен впоследствии, по соглашению с германским командованием» и т. д.

Как и нужно было ожидать, наибольшие споры вызвал пункт о воспрещении вывоза хлеба. Здесь обе стороны стояли одинаково упорно, и к концу дня 25 июня спор принял такой характер, что, казалось, все соглашение разрушалось. Но мы твердо стояли на своем, и вечером германцы уступили, выговорив лишь наше обещание, что мы отменим этот пункт, если будущие подсчеты докажут возможность вывоза хлеба без ущерба для интересов населения Крыма. Это было обусловлено в особом письме, написанном ген. Кошу министром финансов, в котором гр. Татищев вместе с тем указывал на необходимость получения Крымским правительством ссуды, под залог винной и табачной пошлины или акциза или под залог вин бывш. удельного ведомства, 50 миллионов марок. В ответном письме, тогда же сообща нами редактированном, ген. Кош давал обещание принять необходимые меры для скорейшего получения этой ссуды. Тогда мы еще этим обещаниям верили... Надо, однако, тут же сказать, что для меня несомненно, что верил своим обещаниям и ген. Кош, т.-е. верил в то, что он добьется их исполнения.

Поздно ночью 25 июня нового стиля декларация была подписана. Одновременно было подписано Кошем и обязательство *) признавать нашу декларацию, редактированное следующим образом (док. № 7): «Генер.-лейт. Сулькевичу. Имею честь подтвердить вашему превосходительству получение вашей декларации. Я приветствую образование вами, на основах этой декларации, правительства, которое начнет немедленно свою деятельность на благо страны». Продолжение этого письма является как бы совершенно неожиданным. «Окончательная судьба Крыма, — пишет далее ген. Кош, — должна определиться позднее. Но я знаю, что я в полном согласии с правительством жду, что оно на основе самостоятельности Крыма установит добрососедские отношения с Украиной, как это необходимо в интересах обеих соседних стран». Объясняется эта часть письма тем, что возникновение отдельного Крымского правительства первоначально в лице ген. Сулькевича было встречено Украиною крайне недружелюбно, что, конечно, вполне вытекало из тех притязаний, какие Украина имела на присоединение Крыма. Еще до 25 июня, т.-е. в тот период, когда остальные члены будущего правительства не имели права голоса, ген. Сулькевич обменялся с правительством Украины телеграммами, редактированными в довольно резком тоне. Фон-Бринкман, проезжая в Крым через Киев, был, очевидно, инспирирован в смысле побуждения Крымского правительства к более дружелюбному отношению к Украине. Но когда мы ему выяснили, что мы не видим решительно никаких оснований ссориться с Украиной и, в свою очередь, указали на ряд начавшихся

*) «Обязательство» нами отдельно не печатается, ввиду полного воспроизведения текста его в «Записке». «Документ № 7» представляет собой копию письма Коша на нем. языке, сделанную рукой Налбандова. (*Прим. ред.*)

уже тогда враждебных выпадов со стороны Украинского правительства, то он обязался на обратном пути остановиться в Киеве и там сделать все, чтобы убедить германское правительство в полном нашем миролюбии и готовности приехать в Киев, чтобы выяснить все основания недовольства еще не родившимся Крымским правительством. Как сугубая гарантия нашего миролюбия и был преподан официальный совет Коша, который, действительно, был дан «в полном согласии» с нашими взглядами на Украину и отношение к ней. Но в этом же письме подчеркивалось и признание германским командованием независимости Крыма от Украины, что, как мы надеялись, убедит лучше всяких других доводов тамошнее правительство в бесцельности враждебных по отношению Крыма действий. Надо сознаться, что и здесь мы горько обманулись, так как, ожидая известий от Бринкмана, не предпринимали попыток приехать в Киев для личных объяснений; вражда Украины крепла, а от Бринкмана так мы вестей и не дождались.

Не придерживаясь хронологической последовательности, изложу здесь всю историю наших сношений с Украиной. Когда выяснилось, что враждебные действия Украины (остановка почтовых и телеграфных сношений, запрещение вывоза и ввоза хлебов и товаров и т. д.) являются уже не результатом какого-то недоразумения, которое, как мы надеялись, удастся устранить, а представляют цепь совершенно планомерных действий, направленных к понуждению Крыма войти в состав Украины, мы серьезно задумались. В этот период деятельности кабинета не было еще в нем той шовинистической национальной розни, которая погубила его позднее, и все сходились в убеждении, что задачи кабинета есть благо населения Крыма, и поэтому для всех было ясно, что надо принимать все возможные меры, чтобы нарушить губительную для Крыма рознь. Но пути для этого намечались разные: скептики утверждали, что Украинское правительство будет слушаться только немецкой указки, и рекомендовали сразу к ней обратиться. Они оказались правы, и в конце концов на этот путь и пришлось встать, правда, гораздо позднее. Но некоторым из нас казалось совершенно недопустимым, чтобы Крым и Киев говорили между собою через немецкого переводчика, и мы горячо запротестовали. Мы не соглашались взять на себя ответственность за то, чтобы начать переговоры таким недопустимым для лица, считающего себя русским патриотом, путем, и настояли на командировании в Киев особого лица. Но враждебное отношение Киева зашло так далеко, что мы не решились дать этому лицу официальных полномочий, а решили первоначально отправить «экономического разведчика», которому, в случае его принятия Украиной, могли бы быть даны дополнительные полномочия. Таким разведчиком был избран присяжный поверенный В. Н. Каленский — личный знакомый Лизогуба [27]), долго живший на Украине. Едва успел он приехать в Киев, как разразилась забастовка [28]), и мы надолго оказались совершенно отрезанными и от Киева, и от нашего посла. Но еще до забастовки ко мне пришел председатель Симферопольской

группы к.-д. А. Я. Хаджи [29]) и просил принять и с полным доверием переговорить с Е. А. Галейзером [30]), едущим на Украину. И литературное имя Е. А., и рекомендация его Хаджи давали мне все основания говорить совершенно откровенно, и мы быстро сговорились. Вначале осторожно, а затем открыто Е. А. заявил мне, что, как человек, очень близкий к министерским кругам Украины, он хочет выяснить причины возникшей розни и принять меры к ее устранению. Он сообщил, что из состава кабинета Украины пять министров (помню имена Василенки и Гутника) настроены совершенно миролюбиво и охотно пойдут «на мировую», если Крым захочет наладить добрые отношения. Что это так, подтверждает участие их в особом обществе, учредившемся в Киеве, для содействия дружбе Крыма и Украины и содействия последней Крыму. Уставы эти Е. А. тут же мне показал. Когда я не менее откровенно изложил ему всю историю наших отношений и взгляды мои и моих товарищей по кабинету, то он прямо заявил мне: «Я должен признать, что у нас дело представляют себе совершенно неправильно и что здесь шовинизма меньше, чем в Киеве». Мы расстались друзьями и условились, что Галейзер употребит все усилия в Киеве, чтобы оттуда была послана нашему кабинету телеграмма с предложением прислать кого-либо для переговоров, а я постараюсь, чтобы наш кабинет снабдил это лицо возможно более широкими полномочиями для заключения мира. Вся наша беседа была мною сообщена совету министров. Однако время шло, а телеграммы не было. Тем временем уехали в Берлин гр. Татищев и Сейдамет [31]). Чтобы избегнуть проезда через Киев, они предполагали ехать из Одессы на Констанцу, как это и было условлено с местным германским командованием. Однако, продержав их в Одессе, их повезли все же на Киев, причем ехавший с ними офицер германского штаба из Одессы заявил гр. Татищеву в Киеве, что гетман хочет его видеть и просит его приехать. Татищев согласился, но когда он приехал к гетману, то тот совершенно неожиданно заявил, что он рад видеть Татищева, как частного человека, но не как крымского министра. Совершенно сбитый с толку, Татищев, в свою очередь, ответил, что он приехал только как крымский министр и по переданному ему немецким офицером желанию гетмана и что ему как частному лицу здесь делать нечего. Гетман ответил, что он о желании принять Татищева никому не говорил, и на этом все и окончилось.

Однако все это мы узнали гораздо позднее, а пока, вместо ожидаемой телеграммы, в Симферополь вновь приехал Е. А. Галейзер. В этот свой приезд он остановился у меня, где жил и П. Н. Соковнин, министр народного просвещения, и поэтому все разговоры мы вели уже втроем *). Теперь он уже прямо повел разговор о том, что необходимо нам договориться с Украиною, что «там» тоже хотят договориться,

*) Кстати сказать, вероятно, эти переговоры с Галейзером, хотя все они докладывались мною совету министров, послужили основанием для того, чтобы впоследствии мне было предъявлено обвинение, переданное мне В. Э. Фальц-Фейном [32]), в том, что я «продал» Крым Украине за десять миллионов. Как характер-

но что необходимым, совершенно необходимым условием является признание гетмана. Он предъявил, в качестве «частного проекта», 8 пунктов, на которых могло бы состояться соглашение. Первый из них говорил о том, что Крым является соединенным с Украиною, частью ее. Он должен был управляться особым наместником, назначаемым гетманом, при котором образовывался особый совет наместников. Все бытовые, религиозные и культурные особенности Крыма должны были быть сохранены. Существующее правительство должно было уйти, но уход должен был быть чисто формальным, ибо Сулькевич мог восстановиться в виде наместника, а мы — членов его совета. Последний пункт обещал за все это немедленное восстановление товарообмена и доставку необходимых продуктов. Мы заявили Галейзеру, что эти пункты так мало соответствуют настроению нашего кабинета и, как мы думаем, вообще крымского населения, что выдвигать их теперь значило бы еще более ухудшить отношения между Украиною и Крымом. Много часов обдумывали мы сообща создавшееся положение и решили на том, что составили проект телеграммы, которую Украинское правительство должно было послать нам, вызывая наших представителей в Киев. Вот эта телеграмма: «Не признавая возможным в переживаемую тяжелую историческую минуту отягощать судеб народов близкого Украине Крыма и не отказываясь от прав своих на Крым, повелительно диктуемых Украине государственными ее потребностями и экономическими требованиями жизни, но соглашаясь признать объявленную декларацией Крымского правительства самостоятельность полуострова, впредь до выяснения положения его на международной мирной конференции, Украинское правительство предлагает Крымскому правительству вступить немедленно в переговоры для устранения нежелательных последствий настоящего положения, для чего командировать в Киев уполномоченных лиц с целью выработать основание временного соглашения между Украиной и Крымом».

Этот проект, который должен был явиться мостом для перехода через пропасть, все шире раздвигавшуюся и уже грозившую всему фруктовому рынку Крыма неисчислимыми убытками, мы с П. Н. Соковниным в тот же вечер представили совету министров. Вначале он был встречен довольно недружелюбно, но нам удалось выяснить всю необходимость этого шага и в конце концов было решено, что если мы получим такую телеграмму, то представители поедут, но тут же был выработан и проект ответа, составленный Ахматовичем (док. № 8) *). Этот проект меня лично не совсем удовлетворял, но, по настроению

но это обвинение для нашего совершенно запутавшегося общества! В одно и то же время меня обвиняли одни в том, что я продал «независимость» Крыма Украине, другие в том, что, отстаивая эту же «независимость», я способствую отторжению Крыма от России, ибо «русский» мыслящий человек должен через Украину соединить Крым с Россией. Наконец, третьи прямо заявляли, что немцы нас наняли, чтобы обратить Крым в немецкую колонию. Не определялась только плата за этот наем. (*Прим. в подлиннике.*)

*) См. ниже № 7. (*Прим. ред.*)

того момента, лучшего добиться было нельзя, и даже то, что в конце концов было принято, приходилось считать большим успехом. Прочли мы этот проект Галейзеру. Он нашел его в общем приемлемым, но резким, и составил свой проект (док. № 9)*). Забрав оба документа, он в то же утро уехал в Киев, чтобы убедить там послать составленную телеграмму, а мы обещали ему употребить все усилия, чтобы ответная телеграмма была составлена возможно ближе к примирительному проекту Галейзера. К слову сказать, Галейзер уехал отсюда со своей семьей, жившей летом на южном берегу, в особом вагоне, данном ему по распоряжению из Киева, в руках которого находились все время южные железные дороги. Это давало, конечно, лишнее доказательство некоторой официальности его миссии и позволяло надеяться на установление хотя бы возможности для него встретиться лицом к лицу с деятелями Украины. Но и эта попытка не привела ни к чему — никаких телеграмм, ни известий ни от правительства, ни от Галейзера мы не получили. Наконец, последняя попытка за время моего пребывания в кабинете завязать сношения с Украиной произошла при следующих обстоятельствах.

Непрерывавшееся, несмотря на все наши настояния, хищение казенного имущества в Севастополе [33]) вынудило нас, наконец, попытаться путем посылки в Севастополь особого уполномоченного повлиять на личное благородство командного состава и хотя бы этим путем чего-нибудь добиться. Для этой цели был намечен, в силу различных соображений, кн. С. В. Горчаков [34]). Когда, в начале августа, он приехал в Севастополь, то вскоре у него установились вполне добрые отношения не только с немецким командованием, в лице адм. Гопмана и ген. Гальвица, но и с представителями Украины — адм. Клочковским и кн. Ливеном, которые были в Севастополе в момент прихода немцев, а затем выступили, по поручению украинских властей, их уполномоченными по делам флота [35]). Кн. Горчаков, зная вполне дружелюбное отношение наше к Украине, убедил Клочковского приехать в Симферополь, чтобы выяснить здесь отношение наше к совместному заведыванию нами и Украиной освещением маяков. 29 августа кн. Горчаков был у меня, затем ко мне же пришел адмирал Клочковский, и нами втроем было намечено соглашение не только по вопросам лоции и маяков, но и по делу охраны военно-морского имущества в Севастополе, попытки — одинаково безуспешные — делали и мы, и украинцы. Решено было в тот же день доложить наши переговоры совету, куда должен был быть приглашен и Клочковский, который обещал нам немедленно затем выехать в Киев или послать туда достаточно авторитетное лицо для окончания переговоров. Попутно мы обсуждали, вообще, наши отношения с Украиною, и Клочковский, лично вполне миролюбиво настроенный, обещал нам через морское ведомство попытаться воздействовать и на направление общей политики Украины.

*) См. ниже № 8. (*Прим. ред.*)

Составленный мною проект (док. № 10) *) соглашения был в тот же день доложен совету, в отсутствии Клочковского, затем был приглашен Клочковский, и с ним был обсужден дальнейший образ действий. В этом заседании отсутствовали Сулькевич и Ахметович, выезжавшие в Ялту, почему было решено, что по их возвращении принятие проекта советом в полном составе будет подтверждено особой телеграммой, после получения которой Клочковский выедет сам или пошлет своего представителя в Киев. На следующий день телеграмма была отправлена, после того как возвратившиеся члены совета присоединили свои подписи к проекту. Каковы были окончательные результаты этой попытки, не знаю, так как через 10 дней я вышел из состава кабинета [36]). Непосредственным же результатом выяснившегося при этих переговорах положения дел в Севастополе была отставка контр-адмирала Бурлея, назначенного г. Сулькевичем без ведома кабинета и занявшего во многих вопросах совершенно непонятную для нас позицию.

Таким образом все попытки завязать какие-либо отношения с Украиной не удались, хотя всеми возможными способами мы пытались довести до сведения украинских министров о нашей готовности вступить в переговоры. Но все это было ни к чему, так как, очевидно, для Украины в лице ее министерства было просто неприемлемо самое существование крымского кабинета. Нас много обвиняли за ту остановку в правильных почтовых, телеграфных и товарных сношениях, которую коротко прозвали таможенною войною. Но я положительно утверждаю, что кроме факта существования самостоятельного правительства Крыма мы решительно ничем не вызвали гнева Украины, так как за время с 25 июня до 9 сентября мы не получили ни одного требования, предложения или запроса Украины — с нами просто не разговаривали и всеми мерами добивались лишь одного — покорения Крыма. Не могу это назвать иначе, чем покорением, так как не только не делалось никакой попытки соглашения, но и все наши попытки оставались даже без ответа. Требовалось одно — капитуляция без условий. Но дала ли бы эта капитуляция что-либо Крыму? Я думаю, вопреки высказывавшимся ожиданиям, что если бы и дала, то не много. Главное, чего ждали все, — хлеба, — она бы не дала. Правда, после ухода немцев из Мелитопольского уезда пришло несколько вагонов с мукой, но это произошло после ухода германцев, а пришли ли бы эти вагоны при них, это — большой вопрос. Дело в том, что, в то время как мы обязали немцев не вывозить из Крыма зерна и муки, Украина была связана обязательством вывезти в Германию определенное число вагонов хлеба, а при ниже среднем урожае 1918 года обязательство это делало то, что, по отзыву приехавших к открытию Таврического университета гостей — профессоров из Киева и Одессы, в сентябре, т.-е. сейчас после умолота, хлебный паек в обоих городах был равен $^3/_4$ фунта, а мука стоила значительно дороже, чем в Крыму. Можно ли

*) См. ниже № 9. (*Прим. ред.*)

было при таких условиях рассчитывать на хлеб из Украины, даже при наилучших отношениях?

Ожидание получения ячменя и овса, совсем плохо уродившихся в Крыму, также были очень проблематичны, как мне говорил в августе начальник штаба германских войск, Энгелин, уверявший меня, что лошади германских войск на Украине получают только по одному килограмму зерна в день. Легче было бы получать сахар и картофель, но летом нужда в этих продуктах не была еще так высока, чтобы заставить Крым капитулировать. А что у населения Крыма не было особенного стремления к капитуляции, ясно показал съезд фруктовладельцев, состоявшийся, кажется, в конце июля или в начале августа; несмотря на ожидание многотысячных убытков, съезд не стремился к подчинению Крыма Украине и не вынес такого решения, несмотря на то, что некоторые его на такой выход наталкивали довольно откровенно.

Следует остановиться еще на истории наших отношений с германским командованием, особенно в области отстаивания военного имущества, безжалостно и с одинаковым, пожалуй, усердием разграбленного и немцами и нашими патриотами. Я уже говорил выше, что отношения эти, вначале дававшие нам все основания думать, что мы с помощью немцев сумеем справиться со всеми финансово-экономическими трудностями управления краем, довольно скоро привели нас к ряду разочарований. Заверения устные и письменные, дававшиеся высшею местною властью, игнорировались и в немецком центре — Киеве и Берлине, и на местах — отдельными комендантами. Нам обещали денег, — несмотря на ряд настойчивых требований, мы так их и не получили; обещали соблюдать декларацию, — об ее нарушении офицерами — комендантами и интендантами — мы сообщали штабу чуть ли не еженедельно. И злым гением всех непорядков приходится признать майора Энгелина, начальника штаба. Сам командующий генерал-от-инфантерии Кош оставил о себе наилучшее впечатление, так как он, несомненно, честно понимал даваемые обязательства и всеми силами старался их выполнить. Помню, как однажды после очень резкого выражения неудовольствия с нашей стороны по поводу несоблюдения одного из данных им обещаний, нарушенных из Киева, весь бледный от волнения, старик убеждал нас, что он — честный солдат и неспособен к таким дипломатическим «передержкам».

Еще при подписании декларации было решено, что гр. Татищев в ближайшие дни выедет в Берлин, чтобы там обосновать будущее нашей денежной системы, так как это, несомненно, было одно из существеннейших, если не самою существенною потребностью живущего самостоятельно Крыма. Но на время отсутствия Татищева и во избежание слишком больших прижимов в Берлине было выговорено, что под залог табачных пошлин, акциза с вина, а если нужно, то и вина, находившегося в удельных подвалах, нам дадут 50 миллионов марок. Все это было обусловлено с Бринкманом и Энгелином и закреплено

письмом Коша, которое тот написал на имя гр. Татищева. Но время шло, а мы ничего не получали: не только денег, но даже не получили паспортов гр. Татищев и Сейдамет, собиравшиеся уже выехать в Берлин. Мало этого, приехавшие в Крым из Киева фельдмаршал Эйхгорн и посол в Киеве бар. Мумм проехали через Симферополь, не останавливаясь, побыли в Севастополе, Ялте и Феодосии и уехали, не сделав даже попытки чем-нибудь оправдать полное игнорирование ими существования Крымского правительства. Я не помню точно, какую именно телеграмму прислал нам в тот день Кош, но эта телеграмма переполнила чашу нашего терпения, и мы все вместе отправились к Кошу объясняться. Взволнованный старик пытался всеми способами извинить неловкость своего начальства, но сам признал всю трудность нашего положения и просил только указать ему выход. Обсудив все его объяснения, мы решили поставить вопрос прямо. Я написал тут же в «Европейской» гостинице письмо, которое было принято почти без поправок (док. № 11) *). Тут же оно было переведено на немецкий и вручено Кошу. Тот был очень смущен резким тоном письма, а Энгелин прямо заявил: «да ведь это ультиматум!» Они оба настаивали, чтобы мы изменили письмо, но мы категорически отказались. В воздухе пахло разрывом. И сколько раз потом я жалел, что этот разрыв не наступил тогда! Это было 11 июля, т.-е. всего через 2 недели после подписания декларации. От скольких бесполезно-мучительных переживаний освободил бы нас этот разрыв! Но Кош и Энгелин совершенно недвусмысленно заявили нам, что наш уход приведет к передаче Крыма Украине, и мы согласились искать выход; кто-то предложил такой выход: мы не меняем нашего письма, но так как Энгелин заявил, что они не решатся сообщить в Киев такого письма, то пусть они примут его как заявление на словах. Штаб пошел на это и прислал нам ответ (док. № 12) **). Но, увы, ответ по существу дела нисколько не исправлял, хотя гр. Татищев немедленно получил паспорт [37]).

2.

Приложение к запискам № 1.
(Вариант 1.)

Меморандум совещания земских и городских гласных, землевладельцев и торговцев в г. Симферополе в мае 1918 г. *).**

Меморандум.

Перед лицом надвигающихся на родной и дорогой нам Крым грозных последствий все усиливающейся разрухи внутренних отношений, отсутствия власти, расстройства экономической жизни, полного зами-

*) См. ниже № 10. (*Прим. ред.*)

**) См. ниже № 11. (*Прим. ред.*)

***) Документ напечатан на пишущей машинке. Надпись в правом верхнем углу сделана рукой Налбандова. Внизу его же рукой написано: («мой проект»). (*Прим. ред.*)

рания торговли и промыслов, мы, нижеподписавшиеся, считаем своим общественным долгом высказать те наши пожелания, осуществление которых, по нашему глубокому убеждению, одно принесет мир и покой нашему краю в настоящее переходное время, пока не установились окончательно будущее устройство и судьба Крыма.

1) В Крыму должна быть восстановлена твердая, спокойная, правосудная власть. Мы полагаем, что власть эта будет принадлежать во все переходное время германскому главному в крае командованию; для осуществления же и разработки начинаний этой власти необходимо скорейшее восстановление нормального функционирования губернских и уездных учреждений на точном основании действовавших до революции о них положений и законов. Для согласования взаимных отношений отдельных органов управления надлежит создать губернский совет из начальников отдельных управлений. Совету этому должно быть присвоено право издания всех распоряжений, которые выходят из пределов власти отдельных губернских учреждений и которые учреждения эти получали раньше от высших государственных установлений России.

2) Особые заботы и внимание должны быть обращены на скорейшее восстановление финансового и налогового механизма; немедленное урегулирование средств государственного банка и казначейства даст возможность планомерного развития деятельности всех остальных органов власти в крае. Восстановление и потребное расширение деятельности органов суда предоставят возможность прекращения самосудов и успокоят общественную совесть строгим, но правомерным наказанием всех виновных. Только совместная энергичная деятельность этих двух важнейших отраслей управления создаст условия, необходимые для восстановления разрушенного торгового аппарата, уверенность в результатах промышленных и хозяйственных предприятий, надежду на кредит, фактическую его возможность и правовую его защиту.

3) Необходимо скорейшее восстановление и сохранение в полном объеме деятельности земских и городских общественных управлений. В целях восстановления связи между ними и всем населением края необходимо немедленное переизбрание гласных земских собраний и городских дум с ограничением круга избирателей лицами, участвующими в какой-либо мере в коммунальном обложении.

4) Необходимо восстановление свободы торговли и промыслов; за общественными учреждениями должно быть оставлено лишь право регулирования цен на предметы первой необходимости, о чем должно быть объявлено каждый раз за известный срок до вступления в силу издаваемых по сему поводу специальных постановлений. Губернскому же совету предоставляется право приостанавливать в случае необходимости вывоз из края предметов первой необходимости.

5) Необходимо немедленное понижение цен на главнейшие продукты питания (хлеб, овощи, мясо) с одновременным понижением цены на труд и с восстановлением права свободного договора.

6) Необходимо признание незыблемости права собственности и создание условий, благоприятных безболезненному разрешению всех спорных отношений, создавшихся на почве отрицания этого права.

7) Необходимо скорейшее восстановление возможно беспрепятственного железнодорожного и пароходного движения для доставки товаров, для поездок, для их закупки и для приезда в Крым рабочих из других губерний ввиду совершенной недостаточности рабочих рук для удовлетворения, главным образом, сельскохозяйственных нужд.

Приложение к запискам № 1.
(Вариант 2.)

Меморандум *).

Перед лицом надвигающихся на родной и дорогой нам Крым грозных последствий все усиливающейся разрухи внутренних отношений, отсутствия власти, расстройства экономической жизни, полного замирания торговли и промыслов, группа лиц, издавна посвятивших свой опыт и труд, познания и силы общественной и правительственной, земледельческой и промышленной, финансовой и торговой сфере местной жизни, считает своим общественным долгом высказать те пожелания свои, осуществление которых, по их глубокому убеждению, должно привести к скорейшему умиротворению и успокоению нашего края в настоящее переходное время, пока не установятся окончательно будущее устройство и судьба Крыма:

1) В Крыму должна быть установлена твердая, спокойная, правосудная власть. Мы полагаем при этом, что фактически эта власть будет принадлежать во все переходное время германскому главному в крае командованию; вместе с тем для осуществления и разработки начинаний, вызываемых насущными потребностями населения, а равно и для введения нарушенного событиями строя жизни в нормальное русло, необходимо скорейшее восстановление правильного функционирования ныне действующих правительственных и уездных учреждений на точном основании изложенных о них в своде законов положений. Для согласования взаимных отношений отдельных органов управления надлежит создать губернский совет из начальников отдельных управлений и представителей местных земских и городских самоуправлений. Этому совету должно быть присвоено право издания всех распоряжений, которые выходят из пределов власти отдельных губернских учреждений и которые исходили раньше от высших государственных установлений России.

---

*) Документ напечатан на машинке. Верхняя надпись сделана от руки Налбандовым. В конце имеется сделанная им же надпись: «(Переделка 1 варианта Гиммельфарбом)». Гиммельфарб Б. С. — симферопольский присяжный поверенный и общественный деятель. Член. симфер. гор. думы, училищного совета и др. организаций. Кадет. (*Прим. ред.*)]

2) Особые заботы и внимание должны быть обращены на скорейшее восстановление финансового и судебного аппаратов края. Только быстрое восстановление финансового и налогового механизмов, немедленное урегулирование средств казначейства и кредитных учреждений дадут возможность планомерного развития деятельности всех остальных органов власти в крае. — Восстановление в полной мере деятельности суда и необходимое в этих целях усиление штатов следственной и прокурорской власти дадут возможность рассчитывать на быструю репрессию и успокоят общественную совесть строгим, но правомерным наказанием всех виновных; этим же будет достигнуто и прекращение недопустимых самосудов. Только совместная энергичная деятельность этих двух важнейших отраслей управления создаст условия, необходимые для восстановления разрушенного хозяйственного и торгового аппарата, надежду на кредит, фактическую его возможность и правовую его защиту.

3) Необходимо скорейшее восстановление и сохранение в полном объеме деятельности земских и городских общественных учреждений. В целях укрепления связи между ними и населением края немедленно необходимо переизбрание гласных земских собраний и городских дум на основании действовавших прежде о них положений, с расширением круга избирателей предоставлением избирательных прав всем лицам, достигшим гражданского совершеннолетия, прожившим хотя бы год в данной местности и участвовавшим в течение этого срока в какой-либо мере в уплате окладных сборов.

4) Необходимо постепенное восстановление свободы торговли и промыслов; за общественными учреждениями должно быть оставлено лишь право урегулирования цен на предметы первой необходимости, о чем должно быть объявляемо каждый раз за известный срок до вступления в силу издаваемых по сему предмету специальных постановлений. Губернскому же совету должно быть предоставлено право приостанавливать, когда того потребуют обстоятельства, вывоз из края предметов первой необходимости.

5) Необходимо немедленное понижение цен на все предметы первой необходимости (главнейшие продукты питания, как то: хлеб, мясо, овощи, чай, сахар, а также на мануфактуру, керосин , обувь и т. п.) с одновременным понижением цен на труд и с восстановлением права свободного договора.

6) Необходимо признание незыблемости права собственности и создание условий, благоприятных возможно безболезненному разрешению всех спорных отношений, создавшихся на почве отрицания этого права.

7) Необходимо скорейшее восстановление возможно беспрепятственного железнодорожного и пароходного сообщения как необходимейшего условия для возрождения экономического и хозяйственного благосостояния края.

3.

Письмо ЦК союза немцев в Крыму В. С. Налбандову 20 июня 1918 г.*).

Владимир Сергеевич.

Вся ваша долголетняя общественная деятельность и ваше справедливое отношение к немцам-колонистам во время их притеснения старым правительством дают нам уверенность, что вы и в качестве члена краевой власти употребите всю свою энергию, знания и опытность на культурное и экономическое развитие нашей родины — Крыма, а потому мы просим вас войти от союза немцев в Крыму в состав формируемого ген.-лейт. Сулькевичем краевого правительства.

Центральный комитет союза немцев в Крыму.

А. Нефф [38]).
Ф. Штоль [39]).
Эд. Штейнвальд [40]).

Симферополь,
июня 20 дня 1918 г.

4.

Письмо ген. Сулькевича ген. Кошу и ответ ген. Коша 14 июня 1918 г.).**

14 июня 1918 г. Генералу Кошу.

До образования кабинета я хотел бы знать, может ли быть поставлен в его программу вопрос относительно выборов в Крымский парламент.

Сулькевич.

---

16 июня 1918 г. Генерал-лейтенанту Сулькевичу.

Вопрос о выборах в парламент было бы целесообразнее отложить, пока в Крыму наступит полный покой и порядок.

Генерал *Кош.*

5.

Меморандум Налбандова, Горчакова, Раппа и др. 20 июня 1918 г. *).**

Меморандум 7(20) июня 1918 г., 10 ч. утра.

Обсудив положение, создавшееся вследствие неполучения ответа от генерала-от-инфантерии Коша на правительственную декларацию, представленную ему 2(15) июня сего года генералом Сулькевичем от лица всех нас, нижеподписавшихся, мы, изъявившие согла-

---

*) Печатается с подлинника, написанного рукой Штейнвальда. (*Прим. ред.*)

**) Печатается с копии, сделанной рукой Налбандова; адреса на русском, тексты на немецком языке. Мы даем перевод. (*Прим. ред.*)

***) Документ представляет собой копию, напечатанную на машинке. Ни подписей, ни заверения не имеет. В правом верхнем углу сделана рукой Налбандова надпись: «Документ № 4». В левом верхнем углу напечатанная на машинке помета: «Передал краевому секретарю ген.-л. Сулькевича. 12(25) июня». (*Прим. ред.*)

сие на вступление в совет министров с генералом Сулькевичем во главе, пришли к заключению, что:

1) вопрос о создании в Крыму верховной власти требует немедленного и окончательного своего решения, ввиду настоятельной необходимости восстановить в крае порядок и законность и выяснить неопределенность положения как в смысле международных и общественно-политических, так и финансово-экономических отношений;

2) необходимость успокоения края требует незамедлительного ознакомления населения Крыма с намеченными правительством мероприятиями;

3) спешность в образовании краевой власти была признана самим генералом-от-инфантерии Кошем, обещавшим дать на представленную ему 2(15) июня сего года правительственную декларацию определенный и окончательный ответ в течение 48 часов с момента ее вручения, чего, однако, до сих пор не последовало;

4) для создания взаимного доверия между населением Крыма и краевым правительством представляется необходимым строгое проведение в жизнь намеченной правительственной программы и прежде всего обеспечение населения края продовольствием и источниками средств к существованию, с каковою целью необходимо немедленно же осуществить ту часть правительственной программы, которая касается безусловного воспрещения вывоза за пределы Крыма каких бы то ни было сельскохозяйственных продуктов и подлежащих обложению акцизом товаров;

5) для осуществления той же цели необходимо распространение данного воспрещения на всех без исключения, что, однако, пока не наблюдается, так как имеются сведения о вывозе чинами германской армии хлеба и необложенных акцизом табака и вина;

6) последнее обстоятельство вызовет со стороны населения Крыма справедливые упреки в недостаточно стойкой охране правительством интересов населения и богатств края и лишит краевое правительство единственных пока источников дохода;

7) давая свое согласие на вступление в краевое правительство, мы руководствовались единственной целью спасения Крыма от анархии, беззакония и обнищания, каковую цель, однако, при сложившихся условиях мы не надеемся выполнить, вследствие чего полагаем свое участие в краевом правительстве неприемлемым и самую возможность создания краевой власти сомнительной и маловероятной.

Подлинное подписали: *Налбандов, князь Сергей Васильевич Горчаков, Т. Рапп, Д. Сейдамет, Д. Фриман, граф Владимир Сергеевич Татищев.*

6.

Декларация Крымского правительства 25 июня 1918 г. *).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНИЕ.

Премьер-министр Крымского краевого правительства сим объявляет, что, закончив переговоры с представителями германского правительства, принявшими основные положения обнародываемой ныне декларации, он передает всю полноту власти составленному им Крымскому краевому правительству.

Премьер-министр *Сулькевич*.

12/25 июня 1918 г.

К населению Крыма.

С согласия германского военного командования, оккупирующего Крым для восстановления спокойствия и порядка, генерал-лейтенант Сулькевич принял на себя организацию правительственной власти. Вопрос об образовании ответственного выборного правительства будет разрешен впоследствии по соглашению с германским командованием, когда наступят в крае действительное спокойствие и порядок.

Образованное ныне генерал-лейтенантом Сулькевичем Крымское правительство, представляющее собою верховную власть в Крыму, доводит до сведения всего населения полуострова о тех началах, которыми оно будет руководствоваться в своей деятельности.

Крымское краевое правительство ставит своей задачей сохранение самостоятельности полуострова до выяснения международного положения его и восстановления законности и порядка.

Для восстановления нормальной жизни в крае правительство признает пока возможным сохранить в силе все законоположения государства российского, правомерно изданные до 25 октября 1917 года, оставляя за собою право незамедлительного пересмотра и упорядочения законодательства бывшего Временного Правительства и право издания новых законоположений.

Все должностные лица, служившие в Крыму, неправомерно уволенные после 2 марта 1917 года, могут подать заявления краевой власти о восстановлении в нарушенных правах: находящиеся на территории Крыма в течение 2 недель, остальные в течение 6 недель со дня опубликования сей декларации.

Точно так же все должностные лица, состоящие к моменту опубликования декларации на государственной службе, обязуются в те же сроки подать по начальству заявления о своем желании продолжать службу в соответствующем учреждении при современном краевом

*) Документ является типографским печатным экземпляром декларации. В правом верхнем углу рукой Налбандова сделана помета: «Документ № 6» (*Прим. ред.*)

правительстве. Заявившие о сем лица будут приведены к присяге на верность службы Крыму и краевой власти на общих основаниях.

Действующие земские собрания (волостные, уездные, губернские) и городские думы объявляются распущенными. Равным образом с опубликованием сего отменяются назначенные в ближайшем будущем или уже произведенные выборы в городские и земские самоуправления. Земские и городские управы сохраняют свои полномочия впредь до производства новых выборов гласных на основаниях, которые будут выработаны в ближайшее время правительством при участии съездов земских и городских гласных состава начала 1917 года. Разрешение дел, относящихся к компетенции земских собраний и городских дум, впредь до образования таковых, производится по представлениям соответствующих управ властью министра внутренних дел.

Государственным языком Крыма признается русский, но сношения с государственными и общеизвестными учреждениями допускаются как на русском, татарском, так и на немецком языках.

Провозглашается полная свобода вероисповеданий, за исключением сект, заведомо вредных и безнравственных.

В целях обеспечения самостоятельности Крыма в религиозном отношении, всем церквам и религиозным общинам Крыма предоставляется управляться в своей внутренней религиозной жизни законами своей религии, поскольку они не противоречат законам страны. Православная церковь в Крыму возглавляется митрополитом Крыма и Херсона, если на ходатайство о том крымского поместного собора последует благословление святейшего патриарха.

Стоя на страже интересов всех населяющих Крым народностей, сословий и лиц, краевое правительство будет всеми мерами поддерживать существовавшие законоположения, касающиеся всех гражданских прав и прежде всего права собственности, которое восстанавливается в полной мере, в связи с чем с момента опубликования сей декларации разрешаются земельные и всякие вообще имущественные сделки, с отменою всех существующих по этому предмету ограничений.

Вопрос о квартирном законе и квартирном налоге будет служить предметом особого обсуждения правительства, до которого остаются в силе все законоположения, изданные до 25 октября 1917 года.

Правительство считает своим непременным долгом сохранить за лицами, получавшими из средств государственного казначейства территории Крыма пенсии, право на получение таковых, как впредь, так и за то время, в течение которого пенсионные суммы им не выдавались. Главным образом право на получение пенсий из средств краевого государственного казначейства по законам Российской империи пользуются лица, состоящие на государственной службе Крыма.

Ввиду того, что офицерский состав понес в дни революционного движения незаменимые и невознаградимые утраты и явился неискупленной жертвой разгула темных масс и провокации злонамеренного и преступного элемента, краевое правительство считает долгом чести

и священной обязанностью притти на помощь обездоленным семьям погибших на поле брани и от руки озверелых убийц офицеров и нижних чинов путем установления повышенных пожизненных пенсий, единовременных пособий, приискания мест. Впоследствии расчет по этим выдачам будет произведен с казначейством подлежащих мест.

Для усиления на означенный выше предмет средств краевого государственного казначейства, помимо других мероприятий, правительством будет введена монополия на игральные карты.

Признавая в принципе полную свободу печати и собраний, совет министров, однако, ввиду крайней серьезности переживаемого момента, считает себя вынужденным временно ограничить полную свободу печати и собраний. С этой целью временно вводится цензура как для периодических изданий, так и для прочих печатных и литографированных произведений. Ограничения, уже введенные, остаются временно в силе. Устроители собраний за сутки до созыва собрания должны известить о сем администрацию, каковая командирует своего чиновника для присутствия в нем.

Сохраняя до окончательного разрешения судьбы Крыма в международном отношении строгий нейтралитет, краевое правительство находит необходимым для ограждения внутреннего порядка и внешних границ постепенное создание сухопутного войска и морских сил на условиях, которые будут выработаны особо. Для несения службы береговой охраны правительство надеется получить часть военных судов русского флота, захваченных германскими войсками в Севастополе.

Военные судовые команды набираются и пополняются добровольцами.

Опыт недалекого прошлого показал крайнюю степень народной темноты, а потому краевое правительство обратит самое серьезное внимание на народное образование и откроет сеть низших и средних школ, а также учредит университет с техническими отделениями, что предполагается сделать в самом ближайшем будущем.

Считая одним из самых важных вопросов текущего момента справедливую постановку земельной реформы, краевое правительство полагает воспользоваться для удовлетворения земельной нужды всех граждан Крыма без ограничения сословий земельным фондом Крестьянского банка, имеющего войти, как особый отдел, в Ипотечный банк, а равно землями, принадлежавшими государству.

Удельные земли признаются государственной собственностью Крыма, за исключением личных имений бывшей царской фамилии, следующих общим основаниям восстановленного права собственности.

Безусловному возврату подлежат все земли и все имущество граждан Крыма немецкой национальности, подвергшиеся ликвидации во время военных действий против Германии и Австро-Венгрии. С этой целью организуется при министерстве юстиции комиссия, действующая на основании особой инструкции.

Из отделений Государственного банка будет образован Краевой государственный банк, коим будут произведены добросовестные расчеты по всем отношениям, возникающим у него с центральными органами, находящимися в Петрограде, но не ранее решения судьбы Крыма в международном отношении.

Краевое правительство будет настаивать на восстановлении аннулированных бумаг, принадлежащих жителям Крыма.

Финансовое ведомство предполагает выпустить на твердых основаниях и при определенном обеспечении свои денежные знаки.

Для восстановления нормальной финансовой деятельности предполагается открыть в Симферополе биржу, бумаги на которую будут допускаться с особого каждый раз разрешения министерства финансов.

Для выработки общего плана действий предполагается созыв съезда банковских деятелей.

Для удовлетворения потребностей земств, городов и общин в кредите при Ипотечном банке будет создан коммунальный отдел.

В области торгово-промышленной правительство предполагает объявить свободу торговли, однако, с безусловным временным воспрещением вывоза из Крыма всех сельскохозяйственных продуктов за исключением фруктов в сыром виде. Ввоз же продуктов предполагается сделать беспошлинным, причем за ввоз некоторых товаров предполагается ввести премии. Вместе с тем правительство будет вести самую энергичную и беспощадную борьбу со спекуляцией, применяя и спекулянтам статью 1180 Уложения о наказаниях.

Для наиболее правильного и справедливого разложения налогового бремени личные налоги будут уменьшаться за счет косвенных, от которых безусловно будут освобождены предметы первой необходимости. Вопрос о подоходном налоге будет подлежать особому обсуждению. Счастливые географические условия создали в Крыму целый ряд популярных курортов, которые издавна служат источником больших доходов, однако, далеко не отвечают своему назначению в отношении благоустройства и доступности. В интересах всей страны краевое правительство намерено упорядочить и развить существующие курорты, а равно и поддержать вновь возникающие по образцу заграничных санаторий и курортов.

Для поднятия промышленной жизни края правительство приложит все усилия к улучшению и развитию сети железных и, прежде всего, шоссейных дорог.

Вследствие ожидаемого в текущем году неурожая, население Крыма призывается ко всяческой экономии и бережливости; с той же целью будут изданы нормирующие убой скота распоряжения.

Для искоренения подпольной продажи вина и улучшения средств края, а также для поднятия виноделия правительством будет разрешена после выработки размеров акциза свободная продажа вина.

Тарифы железнодорожный и почтово-телеграфный будут выработаны министерством путей сообщения, почт и телеграфов по соглашению с министерством финансов.

Для нормального течения торгово-промышленной жизни правительство будет принимать все меры к охране труда, не нанося, однако, ущерба производству и признавая принцип личной свободы труда.

Для разрешения вопросов, связанных с передачей земельными комитетами частновладельческих, государственных и монастырских земель в обработку сельским обществам или отдельным лицам, при министерстве земледелия будет создан особый орган. Предварительная разработка земельных взаимоотношений подлежит ведению соответствующих земских управ.

Все общества, союзы, комитеты и партийные организации на территории Крыма, а также представители тех юридических лиц, правления коих находятся вне территории Крыма, обязаны—первые в месячный срок, а вторые в трехмесячный срок—представить свои уставы на утверждение в министерство внутренних дел. Не исполнившие сего будут признаны несуществующими в Крыму и ликвидированы.

Признавая право ношения и хранения оружия только за теми лицами, коим оное по закону присвоено, правительство примет все меры к окончательному обезоружению населения. Разрешения на право ношения и хранения оружия будут попрежнему выдаваться или непосредственно германской комендатурой или краевым правительством Крыма с согласия германского командования.

Вследствие отсутствия в Крыму апелляционной и кассационной инстанций правительство в самом непродолжительном времени приступит к учреждению таковых, расширив попутно круг дел, передаваемых на рассмотрение присяжных заседателей.

Ввиду переобременения местных судебных установлений заявлениями и жалобами на преступные деяния, учиненные в последний период революции и по характеру своему зачастую не квалифицируемые общими нормами Уложения о наказаниях, для расследования таковых преступлений, совершенных за время с 25 октября 1917 г., будут созданы особые следственные комиссии под председательством лица, назначенного правительством, в составе судебного следователя и представителя земской управы. Лица, преданные суду этими комиссиями, будут судимы военно-окружным судом с применением законов военного времени. Означенному суду подлежат виновные в преступлениях против личности и собственности, совершенных до дня обнародования настоящей декларации, и в попытках ниспровержения установленной краевой власти, причем ответственности подлежат не только непосредственные виновники и пособники, но и укрыватели. Последние подлежат тюремному заключению на срок до трех лет. Означенное наказание для сельских обществ заменяется штрафом до 20.000 рублей.

Для ограждения внутреннего порядка и личной безопасности граждан милиция будет реорганизована на началах военной дисциплины.

Гражданами Крыма считаются без различия состояния, религии и национальности лица, к моменту опубликования настоящей декларации: а) приписанные к сословиям и обществам пяти уездов и городов Крыма, б) служащие в государственных и общественных учреждениях, в) владеющие недвижимой собственностью в пределах Крыма. Все же остальные лица признаются иностранцами и обязаны иметь паспорта; в случае желания перейти в число крымских граждан они обязаны обратиться в министерство внутренних дел.

Государственным флагом Крыма признается голубое поле с гербом бывшей Таврической губернии в верхнем углу около древка. Государственным гербом Крыма признается герб бывшей Таврической губернии.

Местопребывание краевого правительства будет город Симферополь.

Правительство признает счисление по старому и новому стилям одновременно.

Для разрешения вопроса о пользовании старой или новой русской орфографией правительство созовет до начала предстоящего учебного года съезд представителей учебных заведений.

Краевое правительство заверяет население Крыма, что оно будет свято и ненарушимо соблюдать все начала, им провозглашенные, и работа его будет носить строго деловой характер.

Краевое правительство сочло своим нравственным долгом принять на себя тяжкое бремя власти над Крымом во имя спасения его от окончательного распада, анархии и обнищания и во имя необходимой защиты его интересов среди создавшегося тяжелого международного положения.

Премьер-министр и министр внутренних, военных и морских дел *Сулейман Сулькевич.*

Заступающий министра внутренних дел, товарищ министра князь *Сергий Горчаков.*

Министр земледелия, краевых имуществ и снабжений *Томас Рапп.*

Министр иностранных дел *Джафер Сейдамет.*

Краевой контролер и краевой секретарь и временно управляющий министерством исповеданий и народного просвещения *Владимир Налбандов.*

Министр путей сообщения, общественных работ, почт и телеграфов *Лев Фриман.*

Министр финансов, промышленности, торговли и труда и временно управляющий министерством юстиции граф *Владимир Татищев.*

г. Симферополь,
12/25 июня 1918 г.

7.

Проект ответа Крымского правительства Украинскому правительству, составленный Ахматовичем *)

Оставляя в стороне вопросы политического содержания, а в том числе главнейший из них — вопрос о политической судьбе Крыма, который получит окончательное разрешение исключительно на международной конференции при заключении всеобщего мира (когда получат разрешение такие же вопросы, касающиеся и других частей б. Российской империи),—Крымское правительство, в интересах своего населения, с экономической точки зрения, а равно и в тех же интересах населения Украины, находит желательным войти с правительством Украины в переговоры об установлении взаимных добрососедских отношений в делах торговых, путей сообщения, почты, телеграфа и т. п. и для достижения сего согласно: принять у себя представителей правительства Украины или же делегировать своих в столицу Украины, предоставляя выбор места и времени предстоящих переговоров правительству Украины.

8.

Проект ответа Крымского правительства Украинскому правительству, составленный Галейзером **).

Оставляя в стороне вопросы политического содержания, а в том числе главнейший из них — вопрос о политической судьбе Крыма, который получит окончательное решение на международной конференции при заключении всеобщего мира, Крымское правительство, в интересах населения Крыма и Украины, находит желательным войти в переговоры с правительством Украины об установлении более нормальных отношений в целом ряде вопросов, имеющих насущный интерес, в делах торговли, путей сообщения, почт, телеграфа и проч. и согласно делегировать своих представителей в столицу Украины или принять у себя представителей Украины, предоставляя выбор места и времени предстоящих переговоров правительству Украины.

9.

Проект соглашения Крымского и Украинского правительств по вопросам лоции и маяков, а также охраны военно-морского имущества в Севастополе *).**

Совет министров Крымского краевого правительства в заседании 29 августа, заслушав доклад кн. Горчакова о положении дела и охране

*) Воспроизводится с подлинника, написанного карандашом рукой Ахматовича на 2 стр. листа писчей бумаги. В верхнем правом углу помета рукой Налбандова: «Док. № 8». (*Прим. ред.*)

**) Воспроизводится с подлинника, написанного карандашом рукой Галейзера, В правом верхнем углу рукой Налбандова сделана помета: «Док.№ 9». (*Прим. ред.*)

***) Воспроизводится с копии, напечатанной на машинке. Со слов: «с тем, чтобы» и до конца документ написан от руки Налбандовым. Его же рукой в правом верхнем углу сделана помета: «Документ № 10». (*Прим. ред.*)

военно-морского имущества в Севастополе и о дирекции маяков и лоции и выслушав сообщение по тем же вопросам контр-адмирала Клочковского, постановил:

1. Признать, что контр-адмирал Бурлей, отказываясь от имени Крымского правительства от участия в содержании маяков и лоции, не имел не то никаких полномочий, почему отказ его должен быть признан необязательным для правительства.

2. Установить, что Крымское правительство, в сознании всей ответственности по возможно полной охране имущества и материалов, принадлежавших государству Российскому, с своей стороны признавало бы вполне возможным как эту охрану, так и руководство дирекцией лоции и маяков предоставить совместной деятельности уполномоченных Украиною и Крымом на то лиц, по одному от каждой стороны, работающих в согласии с германским морским командованием в лице вице-адмирала Гопмана.

3. Признать желательным установление указанного порядка путем поездки в Киев к.-адм. Клочковского, по вызову коего в Киев должно будет выехать, в случае необходимости в том, лицо, уполномоченное краевым правительством для заключения соглашения.

4. Впредь до выработки такого соглашения и во избежание возможного перерыва в освещении маяков, признать дирекцию маяков и лоции находящейся временно в единоличном заведывании контр-адмирала Клочковского, с тем, чтобы связь дирекции с краевым правительством продолжалась на тех же началах, на которых она производится теперь.

Севастополь, Чесменская, 29, адмиралу Клочковскому.

10.

Письмо Крымского правительства ген. Кошу 11 июля 1918 г. *).

Ваше превосходительство!

Крымское краевое правительство, как известно вашему превосходительству, признало возможным принять власть над краем лишь по детальном обсуждении всех пунктов проекта декларации правительства вашим превосходительством и лицами, особо для того командированными. Ваше превосходительство изволили в особом письме подтвердить согласие ваше на установление основных положений декларации и выразить желание, чтобы правительство организовалось возможно скорее именно на этих положениях. Все изложенное давало Крымскому краевому правительству полное основание полагать, что как само правительство, так и его декларация являются признанными в вашем лице и правительством Германской империи.

---

*) Воспроизводится с копии, написанной на машинке и заверенной собственноручно Налбандовым. Его же рукой в правом верхнем углу сделана помета: «Документ № 11. Копия». (*Прим. ред.*)

Сегодня сообщенные вашим превосходительством правительству телеграммы в связи с приездом в Крым фельдмаршала Эйхгорна и барона Мумм, не выразивших желания встретиться с правительством дружественного Германии Крыма, и с неполучением согласия на приезд в Берлин делегатов Крымского правительства по делам, не терпящим отлагательства, с несомненностью свидетельствует о том, что Крымское правительство правительством Германии еще не признано. Совершенно несомненно, что, при отсутствии этого необходимого основания сохранения власти в руках нынешнего правительства Крыма, последнее должно немедленно возвратить власть в те руки, в которых она фактически находилась до вступления в управление краем нашего кабинета — в руки верховного командования армией, оккупирующей Крым.

Исполняя это обязательное для него решение, Крымское правительство долгом считает просить вас довести до сведения Германского правительства, что по истечении 5 суток от 4 часов дня сего 11 июля Крымское правительство объявит населению Крыма о сложении им полученных от вашего превосходительства полномочий на образование власти, если до того времени от правительства Германии не последует совершенно определенного утвердительного ответа на нижеследующие вопросы:

1. Признает ли Германское правительство самостоятельное существование Крыма до окончательного определения судьбы его в международном отношении.

2. Подтверждает ли то же правительство закономерность существования настоящего кабинета и власть его над всей территорией Крыма без изменения границ уездов.

3. Принимает ли на себя Германское правительство обязательство содействовать установлению добрососедских отношений между Крымом и Украиной.

Решение Германского правительства должно быть обнародовано вашим превосходительством.

Симферополь, 28 июня/11 июля 1918 года.

С подлинным верно: Краевой секретарь *Налбандов*.

11.

Письмо ген. Коша ген. Сулькевичу 12 июля 1918 г.*).

Генеральное командование (2. В. У.) № 52.

12 июля 1918 года.

Генерал-лейтенанту и председателю министров Крымского правительства его превосходительству Сулькевичу.

Имею честь доверительно сообщить вашему превосходительству, что я только что получил уведомление о смене в Германии министра

*) Воспроизводится с копии, написанной на машинке. В правом верхнем углу рукой Налбандова сделана помета: «Док. № 12». (*Прим. ред.*)

иностранных дел. Одно это обстоятельство, по моему мнению, делает совершенно невероятным, чтобы желание министерства быть официально признанным Германским правительством в 5-дневный срок могло быть исполнено. Новый министр иностранных дел на первых порах своей деятельности будет занят крупными политическими вопросами в такой мере, что для менее острого крымского вопроса так скоро не найдет времени.

Я позволяю себе, кроме того, вновь обратить внимание вашего превосходительства на уже ранее подчеркнутые технические затруднения, которые заключаются в том, что телеграммы на столь длинной дистанции не могут быть переданы так скоро, как это господам *) думается. Телеграмма генерального командования о заседании совета министров, составленная вчера после обеда в $5^1/_2$ часов, могла быть отправлена лишь сегодня утром в 7 часов, ибо провода на Киев были прерваны. Такие порчи проводов возможны и в других местах. Следствием чего является большое скопление непереданных телеграмм, которые затем низшими инстанциями передаются без соображения о степени их важности, так что может случиться, и неоднократно случалось, что важные телеграммы опаздывали на 5 дней и более. Обстоятельства ныне не те, что в мирное время.

Я прошу ваше превосходительство ознакомить с этим положением министерство и настаивать, чтобы оно, правильно соображаясь с обстоятельствами, проявило терпение. Генеральное командование вступило в служебные отношения с новым Крымским правительством, и посему министерство может быть уверено в покровительстве германских властей. Это будет правительству, как высшему местному управлению Крымом, на мой взгляд, гораздо важнее и для населения, чем формальное признание.

Отставка министерства, могущая состояться вследствие того, что вышеуказанные обстоятельства не будут приняты во внимание в полной мере, может создать лишь положение, из которого германское командование вынуждено будет искать выход, весьма вероятно, нежелательный для настоящего правительства.

Я позволяю себе надеяться, чтобы столь важная деятельность управления правительством в интересах страны не прерывалась, и остаюсь вашего превосходительства покорный слуга

Кош.

---

*) Так в подлиннике.

12.

Постановление № 266
Собр. узак. и расп. пр. №...
ст... «Вестн. Крымск. прав».
№... 191 г.

Правительственное сообщение *).

18 октября 1918 года совещанием земских гласных был выдвинут вопрос о формировании нового состава правительства, опирающегося на широкие слои населения, о чем было доведено до сведения совета министров Крымского правительства.

Обсудив это заявление, Крымское правительство не нашло возможным передать управление краем лицам, избранным совещанием земских гласных, имея в виду, что члены совещания не являлись представителями всего населения Крыма и, в частности, татарского населения, представители которого в совещании не участвовали. Отнюдь не намереваясь оставаться у власти вопреки воле населения, правительство объявило о созыве парламента в кратчайший срок, поручив одновременно разработку положения о выборах особой комиссии.

Состоявшиеся вслед за тем съезды земских и городских деятелей и чрезвычайный съезд татар в полной мере отразили волю населения Крыма, подтвердив также необходимость скорейшего созыва парламента, и дали возможность выделить смешанную согласительную комиссию для образования нового кабинета, опирающегося на все элементы населения.

Ввиду изложенного, правительство объявляет, что оно передаст немедленно власть тому кабинету, который будет сформирован представителями общественных деятелей по соглашению с представителями национальных групп.

Председатель совета министров *Сулькевич*.

13.

Постановление № 267
Собр. узак. и распор.. № . .
ст... «Вестн. Крымск. прав.»
№ . . 191 г.

Правительственное сообщение *).

Во исполнение правительственного сообщения от 14 сего ноября, сего числа правительство, мною возглавляемое, передало управление краем правительству, возглавляемому председателем таврического губернского земского собрания С. С. Крымом.

Председатель совета министров Крымского краевого правительства генерал-лейтенант *Сулькевич*.

15 ноября 1918 года.
г. Симферополь.

---

*) Заголовок оригинала. Текст воспроизводится с подлинника из журнала постановлений Крымского краевого правительства, подписанного Сулькевичем. (*Прим. ред.*)

14.

Декларация Крымского краевого правительства 14 ноября 1918 г. *).

К населению Крыма.

Объявляю во всеобщее сведение, что, согласно избрания краевого съезда губернских гласных, представителей городов, уездных и волостных земств [41]), я принял на себя исполнение обязанностей председателя совета министров Крымского правительства.

Председатель совета министров *Крым*.

Крымское краевое правительство, следуя призыву земства, принимает власть в тяжелую и ответственную историческую минуту.

Наступает конец мировой войны, но нет единой великой России, образовавшейся в течение тысячелетней исторической жизни. Россия распалась на части, и на значительном ее пространстве преступные силы, разжигающие взаимную ненависть и низменное своекорыстие, продолжают дело разрушения культуры, основ права, правды и всего человеческого общежития.

В таких условиях первым патриотическим долгом каждого гражданина и национальной задачей, выше всех стоящей, правительство признает стремление к возрождению единой России.

На этой почве должно последовать воссоединение всех уже возникших ныне, еще между собою разобщенных и разрозненных государственных образований. И поскольку распад и гибель России были следствием анархии и разнуздания диких страстей, постольку возрождение великой России не может быть достигнуто без установления во всех ее частях законности, права и на них основанных порядка и свободы. К этому должны быть направлены усилия всех.

Под единой Россией правительство разумеет не старую бюрократическую, централизованную Россию, основанную на подавлении и угнетении отдельных народностей, а свободное демократическое государство, в котором будут обеспечены права на самобытную культуру всех национальностей, его населяющих.

Вместе с тем правительство убеждено, что обеспечение благополучия и процветание всех народов, населяющих Россию, ни в коем случае не может быть построено на отрицании единой России, на ее ослаблении и на стремлении к отторжению от нее.

В настоящее время наибольшей угрозой восстановлению нормальной жизни в Крыму, как и во всей России, являются те разлагающие силы анархии, которые довели нашу родину и наш край до теперешнего бедственного положения.

---

*) Воспроизводится с печатного типографским способом экземпляра декларации. (*Прим. ред.*)

Правительство призывает все население помочь ему в его борьбе с этими злейшими врагами права и свободы. В этой борьбе правительство не остановится перед самыми решительными мерами и воспользуется как всеми средствами, имеющимися в его распоряжении, так и готовой ему содействовать военной силой.

Правительство общественных деятелей должно быть в общении с населением. Оно должно опираться на широкие круги населения и пользоваться его доверием.

Ввиду этого, впредь до созыва сейма, правительство будет созывать краевой съезд губернских гласных и представителей уездных земских управ и городских голов, которому будет давать краткий отчет о своей деятельности, и который будет знакомить его с состоянием края. На утверждение этого же съезда правительство представит 7 декабря уже разрабатываемое положение о краевом сейме и избирательный закон и предоставит ему определить срок созыва сейма.

Руководствуясь в своей законодательной и административной деятельности резолюцией краевого съезда губернских гласных от 18 октября с. г., с дополнениями от 10 ноября, правительство поставит себе задачей обеспечить продовольственные нужды населения и экономический подъем нашего края. Правительство почтет своим долгом обеспечить интересы всех национальностей Крыма. В частности, оно озаботится удовлетворением справедливых стремлений и законных интересов многочисленной татарской части населения.

Правительство не скрывает от себя всей трудности предстоящей ему задачи. Правительство отдаст этой задаче все свои силы. Обращаясь ко всем гражданам, оно ждет от них поддержки и помощи.

Пусть умолкнут гибельные призывы к дикой вражде, ненависти и взаимному истреблению.

Пусть тревога, страх, неуверенность в завтрашнем дне исчезнут, и да объединятся все в одном высоком стремлении послужить великому и святому делу спасения и возрождения нашей общей родины.

Подлинный подписали:

Председатель совета министров, член I Государственной Думы и Совета, председатель таврического губернского земского собрания *С. С. Крым*. Министр внутренних дел, член Государственой Думы 2-го созыва *Н. Н. Богданов* [42]). Министр юстиции, член I Государственной Думы, сенатор *В. Д. Набоков*. Министр продовольствия, торговли и промышленности, председатель краевой продовольственной управы *А. А. Стевен* [43]). Министр народного просвещения, исповеданий и труда, член Учредительного Собрания *С. А. Никонов* [44]). Министр внешних сношений, член I Государственной Думы, сенатор *М. М. Винавер* [45]). Краевой контролер и краевой секретарь, член таврической губернской управы *П. С. Бобровский* [46]).

15.

«Справка» М. М. Винавера.

1. Крымское правительство имело задачею упрочить связь оторванной немцами и сепаратистским правительством ген. Сулькевича части территории России *) со всею остальною Россиею и содействовать воссоединению этой части со всею Россиею, основываясь на началах русской государственности во внутренней политике и верности союзникам во внешней политике.

2. Призванное к власти демократическим губернским земским собранием и опираясь в своей деятельности на периодически созываемые съезды представителей земств и городов, коим правительство представляло ежемесячно отчет в своей деятельности, правительство отменило все установленные немцами и прежним правительством стеснения по отношению к свободе слова, печати и собраний, все сепаратистские законы, устанавливающие привилегии для особой категории «крымских граждан» и все ограничения по отношению к органам самоуправления, проведя выборы во все органы местного самоуправления на основе всеобщего избирательного права. В течение 5 месяцев не было никаких эксцессов со стороны каких-либо органов правительственной власти в смысле стеснения свободы граждан **). Вспыхнувшая в марте месяце в Севастополе большевистская забастовка была ликвидирована без пролития капли крови, но и без всяких уступок со стороны правительства [47]). Возникновение в Севастополе большевистской забастовки и степень участия в ней проникающих извне элементов заставили, однако, правительство в течение последнего месяца издать ряд исключительных законов о внесудебных арестах и военной цензуре, причем применение этих законов вверено было особому совещанию, в состав коего входили министр внутренних дел, министр юстиции и начальник штаба Д. А. [48]). Применение это требовалось, впрочем, редко и выразилось главным образом в воспрещении собраний и в аресте главарей забастовки ***).

3. Приняв власть лишь на время, до образования единой русской государственной власти, Крымское правительство исключило из своей программы всякие крупные социальные реформы, могущие быть предпринятыми лишь в крупном всероссийском масштабе; тем не менее, оно приняло некоторые частичные меры в социальной области, а именно провело законы о страховании рабочих и биржах труда, а также арендный закон, в основе которого лежит начало принудительной сдачи в аренду за фиксированную плату земель, сдававшихся в аренду до начала войны. Правительство предприняло ряд финансовых мер, направленных к более равномерному распределению по-

*) Т.-е. Крыма. (*П. Б.*)

**) Это правильно только для периода до конца февраля 1919 года. (*П. Б.*)

***) Исключительным законам следовало бы посвятить значительно больше места. (*П. Б.*)

датного бремени и, в частности, издало закон об единовременном налоге, главная тяжесть которого должна была лечь на состоятельную буржуазию и спекулянтов. Правительство приняло меры к удовлетворению разменного голода, приобретя разменные знаки у Донского правительства и само выпустив разменные знаки. В области продовольственной мероприятиями правительства достигнуто было обеспечение населения хлебом до нового урожая [49]); вместе с тем установлены были сношения с западными странами в целях снабжения населения мануфактурными и другими товарами, в обмен на предметы вывоза Крыма (табак и вино).

4. Территория Крыма, отделенная Украиною от всей остальной России, лишена была высших инстанций суда, как гражданского и уголовного, так и административного: правительство обеспечило краю полное отправление правосудия, введя в действие законченную систему судов, вплоть до высшего, и учредив для Крыма особый совет присяжных поверенных. Для внутреннего управления краем, который после большевистской анархии и временной немецкой оккупации лишен был каких бы то ни было административных органов, правительство создало сеть местных административных органов и организовало повсеместно внутреннюю стражу, а в двух крупнейших городах края (Симферополе и Севастополе) организована была городская милиция. Правительство поддерживало деятельность органов местного управления и за 5 месяцев выдало земствам и городам около 18 миллионов субсидии. В области народного просвещения восстановлена пенсионная касса для народных учителей, переданы земским самоуправлениям права попечителя округа по отношению к высшим начальным училищам, проведен закон о явочном открытии частных школ и библиотек. В заботах о высшем образовании правительство упрочило вновь учрежденный Таврический университет, ассигновав на его содержание 2.300.000 руб. и учредив агрономический факультет при нем. Забота о торговле и промышленности выразилась, между прочим, в рассмотрении и утверждении уставов ряда крупнейших торгово-промышленных банков и предприятий, имеющих целью содействие торгово-промышленной жизни как в Крыму, так и в других областях России, по мере их освобождения от советской власти. В области охраны национальных имений приняты были меры к сохранению в полном порядке единственного в России виноградо-виноделческого хозяйства, устроен заповедник из бывшей царской охоты, обеспечена охрана от расхищения ценных лесов и обеспечено функционирование ценнейших научно-вспомогательных учреждений в Крыму: Никитского сада, биологической станции. Наконец, на долю Крымского правительства выпала и поддержка общегосударственных начинаний, случайно связанных с Крымом. Таковы: расходы на флот, на охрану общегосударственного имущества, находящегося в Севастопольской крепости, организация комиссий по исчислению миллиардных убытков, причиненных немцами русской казне, выплата за счет

общегосударственной казны пенсий, содержание общегосударственных лазаретов, санаторий и т. д.

5. Земское собрание вручило правительству власть безответственную. Однако эта безответственность и по мысли правительства и по мысли земского собрания не должна была длиться бесконечно. Земское собрание установило власть, имевшую действовать «до воссоздания единой России». Этот момент предполагался очень близким и исчислялся приблизительно 2—3 месяцами. Далее этого срока ни земское собрание, ни правительство не мыслили безответственной власти. Вследствие этого, при самом своем вступлении во власть, правительство обязалось, буде в течение двух месяцев не будет образована единая русская власть, созвать местный сейм, перед которым правительство было бы ответственно *). В этом предположении впоследствии ошибочно усматривалось — в особенности со стороны командования Д. А. — какое-то сепаратистское стремление; такое подозрение исключалось, казалось бы, не только составом правительства, но и текстом постановления земского собрания, в котором ближайшею целью деятельности правительства указывалось именно стремление к образованию единой русской государственной власти. Мало того: вопрос о будущей форме устройства русского государства был резолюциею земского собрания определенно изъят из ведения местного сейма и предоставлялся Всероссийскому Учредительному Собранию **). При таких условиях всякое предположение о сепаратистских тенденциях, связываемое с созывом сейма, являлось либо результатом недоразумения, либо признаком совершенно непонятного недоверия к правительству. Правительство считало себя обязанным исполнить свой долг. Правительство выработало и издало закон о выборах в краевой сейм и приняло все меры к производству выборов, которые не состоялись лишь ввиду последовавшего к моменту выборов вступления большевиков в пределы Крыма.

6. Крымское правительство лишено было собственной военной силы. Приняв власть во время немецкой оккупации, перед самым уходом немецких войск, правительство, ввиду создавшегося изнутри взрыва большевизма ***), обратилось за воинской помощью к той единственной представительнице русской воинской силы, какою являлась на юге России Д. А. Генерал Деникин ответил сочувственно на обращение правительства. При этом отношения между правительством и Д. А., формулированные как в письмах и телеграммах ген. Деникина, так и в обращениях к населению, исходивших от правительства и от Д. А., должны были покоиться на следующих двух началах: полное невмешательство Д. А. во внутренние дела Крыма и полная самостоя-

*) Допущена небольшая фактическая ошибка, которая исправлена в моем «дополнении». (*П. Б.*)

**) Неточно и неполно. Дополнено и исправлено в моем «дополнении». (*П. Б.*)

***) Неверно: в тот момент никакого взрыва большевизма не было. О причинах, побудивших правительство призвать Д. А., см. в моем «дополнении». (*П. Б.*)

тельность Д. А. в вопросах военного командования. Начало невмешательства, к сожалению, осуществлено было не соответственно первоначальным предположениям. Д. А. не могла прислать в Крым сколько-нибудь значительных сил, а по качеству своему отряды, присланные в Крым, особенно в Ялту, были таковы, что поведением своим вызывали негодование со стороны мирного населения. Отряды эти сочли себя вправе взять в свои руки расправу с теми, кого они признавали большевиками, и самовольными убийствами, арестами, разгромом типографий газет вызвали во всем населении Крыма крайне недружелюбное отношение к Д. А. Репрессий со стороны командования Д. А., невзирая на настояния правительства, не последовало. В скором времени Д. А. объявила, что она вынуждена пополнить свои ряды путем принудительной мобилизации, чего правительство ранее в виду не имело. Такая мобилизация вообще непосильна для правительства, не имеющего сильного аппарата принуждения, но она совершенно неосуществима в такой атмосфере несочувствия, которая создалась под влиянием первых шагов Д. А. Правительство боролось с этим несочувствием всеми мерами — участвуя в организации комитетов и обществ, содействующих Д. А., делая соответственые обращения к населению и принимая на себя производство ряда мобилизаций и ответственность за них перед лицом населения. Мобилизации эти дали плачевные результаты. Ввиду массового характера уклонения от поступления в Д. А., преследование уклоняющихся представлялось и с точки зрения Д. А. бесцельным *). Главное командование Д. А. с своей стороны также стало скоро проявлять стремление к вмешательству во внутреннее управление края, требуя от правительства борьбы с большевиками путем введения военного положения, при котором вся власть фактически перешла бы в руки военного командования. Правительство не соглашалось с этим, исходя не только от принципа невмешательства, но и из глубокого убеждения, что Крыму, при наличии союзнических и добровольческих сил, не грозит, при усвоенной правительством системе управления, никакая опасность от большевиков внутренних, а грозит опасность лишь от внешнего врага. Действительность подтвердила это воззрение, ибо в течение 5 месяцев не было ни одного серьезного большевистского эксцесса, а севастопольская забастовка, организованная проникшими извне большевиками и протекшая совершенно мирно, окончилась, как сказано, поражением большевиков. Тем не менее, требование введения военного положения предъявлялось столь настойчиво, что в последний раз генерал Деникин даже заявил ультимативно, что, в случае отказа правительства ввести военное положение, он отзовет Д. А. из Крыма, и только указание местного командования на отсутствие у него военной силы на проведение в жизнь военного положения приостановило

*) Все же большая ошибка правительства в том, что оно не принимало действительных мер к привлечению виновных. (*П. Б.*)

исполнение угрозы ген. Деникина *). Не менее трений, чем вопрос о борьбе с большевизмом, вызывал и вопрос о сейме. Д. А. настойчиво требовала от правительства отмены выборов в сейм и в решительном отказе правительства усматривала стремление к сепаратизму. Такое именно обвинение в весьма резкой форме предъявлено было правительству в последней телеграмме ген. Деникина, адресованной правительству. Это непрерывное заподазривание правительства как со стороны местных добровольцев, так и со стороны главного командования создавало недружелюбное отношение к правительству среди армии, а делаемые правительством во имя сохранения добрых отношений уступки Д. А. стали вызывать неудовольствие в тех кругах общества и органах печати, на которые правительство опиралось. Продолжая поддерживать правительство, они требовали, однако, настойчиво эмансипации правительства от Д. А. В производимом Д. А. давлении на правительство крылся новый источник неудовольствия и отчужденности населения от Д. А.

7. Охраняя второй из принципов, положенных в основание отношений к Д. А., — самостоятельность военного командования, — правительство во все время своего управления не считало себя вправе ни вмешиваться в деятельность местного командования, ни делать представления о видимых всем недостатках его. Пока дело касалось внутренней охраны Крыма двумя-тремя отрядами добровольцев в несколько сот человек, вопрос не вызывал затруднений. Однако обстоятельства быстро изменились: задачи Д. А. усложнились, появился внешний фронт, и для успешной защиты его требовалось гораздо более тесное и непосредственное участие правительства в вопросах обороны, чем то допускали главное и особенно местное командование Д. А. Гетманская власть на Украине пала, и в отошедших, было, к Украине трех бывших северных уездах Таврической губернии водворилась анархия [50]). Органы самоуправления трех северных уездов приняли резолюцию о переходе под власть Крымского правительства. Однако ранее, чем это осуществилось, Д. А. высадила в Бердянске свои отряды для занятия уездов и ввела в них свое собственное гражданское управление в лице военного генерал-губернатора, управление которого, ознаменовавшееся арестами представителей местного самоуправления, из которых двое, представители весьма умеренных левых партий, Мирович и Алясов, были убиты добровольцами, — еще усугубило враждебное отношение населения к Д. А. Вместе с тем начало военных действий в ближайших к Крыму уездах — сначала против петлюровско-махновских банд, а затем и против надвигавшихся большевиков — значительно расширило военную организацию Д. А. и требовало особого внимания к качествам командного состава. Вместо Крымской дивизии учреждена была особая Крымско-

*) Телеграмма Деникина заслуживает большого внимания. О ней смотри в моем «дополнении». (*П. Б.*)

азовская армия, и чрезвычайно усилен был численно штаб армии в Симферополе. Во главе этой армии поставлен был молодой генерал, проявивший, по слухам, значительную храбрость в боях, но не подготовленный, как показали события, к самостоятельному командованию и к принятию мер защиты на большом фронте [51]). Крымскому правительству не сообщали сведений ни о численном составе армии, ни о действиях чрезвычайно разросшихся штабов армии, ни, наконец, что особенно важно, о предполагаемых мерах для защиты Крыма от приближающегося внешнего врага. Обо всем этом командование не считало нужным регулярно осведомлять правительство и давало лишь, в случае настойчивых запросов, краткие успокоительные ответы. В заседании земского собрания 18 марта командующий Д. А. публично заверил, что защита северных уездов была, правда, не под силу Д. А., но защита ею Крыма совершенно обеспечена. Когда ввиду ожидавшегося прибытия новых транспортов союзных войск и неизбежных по сему поводу [?] правительства с союзным командованием правительство пожелало узнать мнение Д. А. о желательном распределении союзных войск на территории Крыма, Д. А. ответила, что этот вопрос уже разрешен главнокомандующим, но он входит в сферу «оперативных соображений, которые не могут быть сообщены».

Никакого содействия в осуществлении тех или иных задач по обороне от правительства не требовалось, и помочь чем-либо в этом отношении правительство было бессильно. Правительство приняло на себя обязанность уплачивать Д. А. $1^1/_2$ млн. рублей в месяц. За уплатою этих денег, а равно и других сумм сверх условленных, к нему обращались, но никаких деловых осведомлений о положении дел на фронте ему не делали. В частности, никаких требований, связанных с необходимостью укрепить подступы к Крыму, не предъявлялось; на вопрос о состоянии обороны перешейков, защищающих Крым с севера, давались самые успокоительные ответы, а когда председатель совета министров выразил желание лично ознакомиться с положением Перекопского перешейка, командование выразило несочувствие такому желанию. Только за несколько дней до окончательного прорыва фронта правительство узнало, что позиции на перешейках совершенно не подготовлены. Спешно создав для этой цели особую организацию [52]) в распоряжении командующего армиею *) и ассигновав на эту цель несколько миллионов рублей, правительство успело оборудовать защиту Чонгарского полуострова и взрыв моста на Чонгаре, но укрепить второй перешеек (Перекопский) уже не успело, и большевики прошли его, встретив лишь очень слабое сопротивление. В общем отношения Д. А. к правительству, формулированные в самом начале, были бы достаточно надежною опорою при осуществлении общей задачи правительства и Д. А., если бы не все растущая подозритель-

*) Это имеет отношение к телеграмме Деникина, о которой упоминалось выше. См. «дополнение». (*П. Б.*)

ность Д. А. по отношению к правительству, которая привела в конце концов к ослаблению самой Д. А.

8. Крымское правительство, так же, как и Д. А., как и все антибольшевистские силы России, рассчитывало с момента перемирия на помощь союзников. На долю Крымского правительства, ввиду особого положения Севастополя, выпало тесное и близкое общение с союзниками. Правительство старалось использовать его как для осведомления союзников о положении России и необходимости общей интервенции, так и для воздействия с целью добиться участия союзников в защите Крыма совместно с Д. А. В целях осведомления предпринято было два специальных повременных издания на французском языке («Bulletin» и «Dernières Nouvelles»), распространявшихся в союзнической армии и флоте в Севастополе и Одессе. Воздействие в целях достижения военного участия союзников в делах Крыма происходило путем сношений с союзным командованием в Севастополе, Одессе и Константинополе. Сношения эти имели ощутительные результаты и давали правительству все основания рассчитывать на безусловную поддержку союзников. Появившись в водах Севастополя только для урегулирования с немцами вопросов, связанных с перемирием, союзники, сначала в лице высшего английского командования, а затем после распределения зон влияния в лице высшего французского командования, морского и сухопутного, стали делать представления своим правительствам о необходимости высадки десанта для охраны Крыма, в результате чего: а) был высажен (в начале декабря) еще при английском командовании союзною эскадрою английский десант в 500 человек; б) был высажен французский десант всех разрядов войск в 1.600 чел., усиленный затем до 3.000 чел.; отряд этот оставался впредь до дальнейших инструкций в Севастополе, где сыграл, между прочим, решающую роль в ликвидации большевистской забастовки бдительною охраною города и заявлением в приказе командующего, что союзные войска будут охранять существующий порядок и не допустят образования большевистской власти; в) 12 марта главнокомандующий союзными войсками на Востоке ген. Франше д'Эсперэ заявил русскому представителю в Константинополе Б. С. Серафимову, в ответ на сообщенную ему последним просьбу Крымского правительства, что через 10 дней в Крым будут присланы достаточные греческие силы. И, действительно, 23 марта высадились два греческих баталиона, численностью в 2.000 чел., и один из них на следующий же день отправлен был в Симферополь; г) командующий французской эскадрой, верховный французский комиссар на Востоке адмирал Амет, как до 23 марта, так и впоследствии, многократно указывал, что союзный десант давно был бы высажен в Крыму, что он приказал для этой цели зафрахтовать несколько русских транспортов в Одессе, но ген. Деникин наложил запрет на это соглашение; адм. Амет с большим ожесточением многократно говорил об этом факте, повторяя: «Вы бы давно имели здесь наши войска, и если имеете хоть часть их теперь, вы этим

обязаны тому, что я решил не подчиниться «указам» Деникина и «passer outre»; д) 23 марта приехал в Севастополь ген. Франше д'Эсперэ и в беседе с правительством указал, что на-днях прибудет еще греческий баталион и что нужно только две недели («quinze jours») удержаться с наличными силами, из чего следовало, что через две недели даны будут новые подкрепления для защиты перешейков; е) с этого времени французское командование неоднократно обращалось к правительству с заявлением о необходимости приготовить казармы для имеющих вновь прибыть французских войск. Правительство, с момента прибытия первого десанта союзников, изъявило готовность предоставить союзным войскам часть довольствия (хлеб, сахар, вино), отопление, освещение и квартиры либо в казармах, либо в реквизируемых правительством частных домах. После пребывания Франше д'Эсперэ правительство, вследствие заявления французского командования, решило в конце марта ассигновать на ремонт казарм для французских войск дополнительно еще авансом $^1/_2$ миллиона рублей; ж) в конце марта, когда начался нажим большевиков на перешейках, двинута была из Симферополя одна греческая рота на Таганаш, а другая в Джанкой и из Джанкоя по направлению к Перекопу, где вместе с Д. А. приняла участие в бою с большевиками и понесла довольно значительные потери в людях. Однако с этого времени начинается поворот во всем отношении союзников к обороне Крыма. Вновь назначенный командующий всеми союзными силами в Крыму на правах дивизионного генерала, полк. Труссон, ясно сознавая, что Д. А. слишком слаба для того, чтобы сдержать напор большевиков, и что можно было бы остановить большевиков, сила которых представлялась ему незначительною, путем посылки небольших союзнических подкреплений, заявил, что он готов послать не только греческие, но и французские подкрепления, что он даст все технические средства и даже займется организациею армии, соединив здоровые части Д. А. с союзническими и с местными новыми образованиями (татарскими, греческими, немецкими и другими), но только после того, как добровольцы сами удержат вторую линию позиций на Перекопе. Говоря это, полк. Труссон сообщил вместе с тем о состоявшемся уже решении относительно эвакуации Одессы. В этом странном решении поставить всю судьбу защиты Крыма в зависимость от поведения отряда Д. А., заведомо слабого и нуждающегося в поддержке, с одной стороны, и в совершенно необъяснимой внезапной перемене настроения относительно Одессы, защита которой недавно еще была объявлена неизменно предрешенною, с другой стороны, — правительство усмотрело уже неминуемую опасность для Крыма. Вместе с тем французское командование как будто не желало подать вида, что оно сразу оставляет правительство. Заявив, что большевикам остается всего 3—5 дней до взятия Симферополя, согласившись потому с решением правительства эвакуироваться в Севастополь и отказываясь помочь Д. А. в ее последней попытке перейти (7 апреля) в наступление,

во время которого Д. А. удалось было уже отогнать противника на 12 верст, полк. Труссон вместе с тем требовал от правительства издания успокоительной прокламации, текст которой, написанный им собственноручно в помещении министерства внешних сношений, хранится в архиве последнего [53]).

Такою же двойственностью отличалось и поведение французского командования в вопросе об обороне Севастополя. Правительство переехало в Севастополь, уверенное в том, что Севастополь будет защищен и что оттуда затем, как уверяли еще в последние дни представители французского морского командования, будут предприняты действия против большевиков во всем Крыму. Но и эта надежда оказалась призрачною. Полковник Труссон заявил правительству 6 и 7 апреля, что, как он это и раньше говорил, воротами в Севастополь является Перекоп, что даже по прибытии нового греческого баталиона он сумеет удержать Севастополь не более 3—7 дней, что для защиты Севастополя ему требуется не менее 10.000 человек, которых у него нет и не будет, и что правительство, находящееся в угрожаемом положении, правильно поступит, если покинет территорию Крыма. Линия поведения союзников, повидимому, под влиянием более определенных директив, получаемых извне, становилась, таким образом, с часу на час яснее: становилось совершенно очевидным, что защита Крымского полуострова, так же, как и Одессы, не входит более в планы союзников. Через два дня полк. Труссон объявил Севастополь на осадном положении и принял звание военного губернатора Севастополя. При таких условиях правительство вынуждено было оставить и Севастополь, воспользовавшись любезным предложением греческого адмирала принять правительство на пароход, идущий под греческим флагом в Константинополь. 10 апреля совет министров составил определение, коим, ввиду оставления им территории Крыма, предлагает органам городского и земского самоуправления принять на себя исполнение обязанностей гражданской власти, о каковом постановлении правительство довело до сведения французского командования.

Таким образом бессилие Д. А., с одной стороны, и общий поворот в стане союзников в сторону, враждебную интервенции, с другой,— решили участь Крыма и пресекли усилия Крымского правительства к воссоединению этой окраины с остальной антибольшевистской Россией.

Настоящий текст был заслушан в заседании бывшего Крымского правительства 11 мая, в Афинах, в полном составе, кроме Н. Н. Богданова, и был признан в общем соответствующим действительности. Таковым признаю его и я, но, тем не менее, изложение Винавера нуждается в довольно существенных исправлениях и дополнениях. Ошибки и неточности Винавера кратко отмечены мною в подстрочных примечаниях. Точное и подробное изложение всех исправлений и дополнений дается мною в нижеследующем дополнении *). *П. Б.*

*) В распоряжении редакции нет этого «дополнения». (*Прим. ред.*)

16.

Журнал заседания совета министров Крымского краевого правительства 16 апреля 1919 года на судне «Надежда» *).

Председательствует: С. С. Крым.

Присутствуют: В. Д. Набоков, М. М. Винавер, С. А. Никонов, А. А. Стевен, А. П. Барт, П. С. Бобровский.

Совет министров, не имея возможности в течение последних двух недель, ввиду тревожного времени, подробно изложить в журнале мотивы принимаемых им спешно решений, постановил составить настоящий общий журнал о событиях последних двух недель, каковые события представляются в следующем виде.

В пятницу 28 марта на совещании совета министров с командующим Добровольческой армией ген. Боровским и начальником его штаба ген. Пархомовым, последние заявили правительству, что положение на фронте в общем твердое, и Добровольческая армия будет всеми силами защищать Крым, но что, к сожалению, только что получены сведения об оставлении ст. Сальково, что, по словам ген. Боровского, объясняется слабостью той части, на которую возложена была защита Сальково. А на следующий день утром ген. Пархомов запросил по телефону, может ли застать министров, и, получив утвердительный ответ, явился в помещение совета министров и заявил, что армия отступила к мосту, отдав весь Чонгарский полуостров, несколько пушек и бронированный поезд, что мост не подготовлен для взрыва и что правительству необходимо приступить к эвакуации.

Правительство решило, что необходимо принять срочные меры для защиты перешейков, которые оказались гораздо менее защищенными, чем правительство имело основание предполагать по прежним заявлениям командования Добровольческой армии.

Вследствие сего правительство назначило инженера С. Н. Чаева главноуполномоченным по снабжению армии в распоряжение командующего армией, ассигновав в его распоряжение на указанную цель один миллион рублей.

Что же касается эвакуации, то правительство решило лишь избрать лицо, которому поручить разработать план эвакуации и на всякий случай сделать к ней все приготовления; однако самой эвакуации не производить. И когда возникли слухи о предположении правительства оставить Симферополь, и слухи эти вызвали даже запрос французского командования, обращенный к министру внешних сношений, последний в беседе, напечатанной во всех крымских газетах, выяснил истинную точку зрения правительства, и поднявшаяся, было, паника значительно успокоилась.

---

*) Заголовок оригинала воспроизводится с копии, напечатанной на пишущей машинке на одной стороне листа. (*Прим. ред.*)

Несколько дней спустя в Симферополь прибыл командующий союзными войсками в Крыму, полковник Труссон, выехавший на следующий день вместе с командующим армией и председателем совета министров на позиции у Сиваша. Все исполненные Чаевым работы на Сиваше полковник Труссон признал вполне удачными — мост к тому времени удалось уже взорвать, но на обратном пути в Джанкое получено было известие об отступлении нашей армии от Перекопа. Полковник Труссон заявил, что он окажет нашей армии всяческое содействие — техническими средствами и живою силою, как греческою, так и французскою, но при условии, если она удержит вторую линию у озер. В противном случае он никакой помощи оказать не сумеет, и большевики будут через 3—5 дней в Симферополе, а он стянет все союзные (собственно греческие) войска обратно в Севастополь.

В субботу вечером получено было известие, что вторая линия сдана, и одновременно с этим известие из Севастополя о том, что полковник Труссон, ввиду такого положения дела, никакой больше помощи не окажет. Совет министров решил командировать немедленно в Севастополь министра внешних сношений для выяснения вопроса о защите Севастополя; затем, исходя из указаний полковника Труссона об оставшемся 3—5-дневном сроке, назначил отъезд правительства на понедельник. А в воскресенье утром начальник штаба Добровольческой армии сообщил, что большевики приближаются уже к Дюрменю, что до прихода войск в Симферополь остается только два-три дня и что, по приказу ген. Деникина, штаб Добровольческой армии в Симферополе должен закончить эвакуацию к среде 9 апреля. При таких условиях правительство решило переехать и перевести весь правительственный аппарат в Севастополь, с тем, чтобы оттуда управлять той частью территории Крыма, которая будет свободна от большевиков, если только союзники будут защищать Севастополь. В Симферополе же решено возложить всю гражданскую власть на министра внутренних дел, который должен был оставаться в Симферополе в качестве представителя гражданской власти до самой последней минуты.

В заседании совета министров, происходившем 8 апреля вечером в Севастополе, в помещении министерства внешних сношений, было доложено:

1. Министр внешних сношений, выехавший по поручению правительства из Симферополя в ночь с 5 на 6 апреля, тотчас по получении сведений о том, что французское командование, ввиду сдачи нашими войсками второй линии позиции у озер, решило отозвать союзные войска, сообщил правительству телеграммою от 4 апреля и дополнил свое сообщение устно в настоящем заседании о ходе своей беседы с полковником Труссоном, к которому он отправился тотчас по прибытии в Севастополь для выяснения вопроса о том, будут ли французские власти защищать Севастополь. Полковник Труссон заявил министру, что он ожидает на-днях прибытия батальона в 1.000 человек, и что, если он прибудет, Севастополь может держаться в течение 7 дней. А для того, чтобы прочно защищать Севастополь, нужно не менее

10.000 человек, которых у него нет. Полковник Труссон обнаруживал во время беседы большое волнение по поводу того, что Добровольческая армия не удержала второй позиции, что посланный в качестве арьергарда греческий отряд был выдвинут вперед и понес большие потери ввиду бегства добровольцев; причем заявил, что он готов был помочь армии, хотя и малочисленной, но желающей драться, но совершенно не желает помогать армии, бегущей с поля битвы, а в ответ на указание, что среди добровольцев имеется 300 человек раненых и убитых, заявил, что никто этих цифр не проверял.

2. Министр-председатель, министр внешних сношений и министр полиции доложили, что в понедельник, по получении известия, что отряд полковника Слащова подошел к Армянску и что наша отступившая армия предприняла наступление, они явились к полковнику Труссону и заявили как ему, так и вслед за этим адмиралу Амету на судне «Jean Bart», что правительство оставило Симферополь на время, ввиду указаний военных властей, в том числе и самого полковника Труссона, согласно коим с момента оставления нашими войсками второй линии позиций до занятия большевиками Симферополя пройдет не более 3—5 дней, что эвакуация правительству была предложена Добровольческой армией, которая сама назначила срок для эвакуации штаба на среду, 9 апреля, но что, как только наступление увенчается успехом и противник будет откинут на вторую линию, правительство вернется в Симферополь. Полковник Труссон, нисколько не возражая против принятой правительством меры, заявил, что никаких распоряжений относительно защиты Севастополя у него нет, что удерживать Севастополь он не может в течение трех дней, и что надо стараться выиграть время (gagner le temps). Адмирал Амет первоначально выразил неудовольствие по поводу того, что правительство оставило Симферополь, но затем, выслушав объяснение министров, признал, что они были правы (Vous en avez raison), и в заключение предложил правительству сделать нечто практическое, а именно образовать комиссию по эвакуации. Полковник Труссон выразил готовность поехать на следующий день в Симферополь вместе с председателем совета министров для свидания с генералом Боровским и с организаторами немецкой стрелковой бригады [54]) — для того, чтобы после удачи наступления приняться за организацию единой армии со включением в нее как годных частей Добровольческой армии, так и союзных отрядов — не только греческих, но и французских, а также новых местных формирований (немецких, татарских и других).

3. Председатель совета министров сообщил, что он утром 8 апреля выехал вместе с полковником Труссоном в Симферополь, но что в Симферополе получилось известие о неудаче нашего наступления и об отходе наших частей на Джанкой, вследствие чего поездка полковника Труссона оказалась бесцельной, и полковник заявил, что он считает положение безвозвратно потерянным и потребует немедленно возвращения всех греческих войск.

4. Министры торговли, финансов и труда сообщили, что, во исполнение возложенного на них накануне поручения организовать, согласно пожеланию адмирала Амета, комиссию по эвакуации, они созвали утром 8 апреля в помещении начальника округа совещание, в котором приняли участие, кроме названных министров, министр внешних сношений и министр народного просвещения, товарищ министра внутренних дел Винберг, начальник штаба крепости генерал Рерберг, главноуполномоченный по эвакуации Каринский и начальник округа Рыбарский. На совещании выяснилось, что еще накануне образована была, по требованию французских властей, эвакуационная комиссия, так называемая франко-русская, под председательством коменданта крепости генерала Субботина, в составе представителей как русского морского командования, так и французского командования, морского и сухопутного, вследствие чего совещание решило ограничиться откомандированием в состав указанной комиссии, в качестве представителя гражданской власти, главноуполномоченного по эвакуации Каринского и начальника округа Рыбарского; заседание комиссии должно было состояться в 7 час. вечера.

5. Министр юстиции и министр внешних сношений заявили, что, узнав, в отсутствие министра-председателя, уезжавшего в Симферополь, об образовании указанной франко-русской комиссии и желая, ввиду ожидавшегося отплытия адмирала Амета, переговорить с ним о судьбе выраженного им правительству пожелания, решили предварительно свидеться с генералом Субботиным. Запросив в 5 час. дня по телефону, могут ли они увидеть генерала Субботина, они получили ответ, что генерал находится уже в заседании франко-русской комиссии в штабе командующего флотом. Отправившись туда, министры вызвали из заседания генерала Субботина, который им заявил, что действительно сейчас происходит заседание, в котором, кроме него, участвуют главный командир порта адмирал Саблин, заместитель адмирала Амета, командир судна «Vergniaud» команд. Вуазен, комендант «Buse Navale» Pelle Desforges и представитель полковника Труссона, что ими распределяются транспорты для эвакуации, что дело с транспортами для нас обстоит очень плохо, так как французы и греки забирают для себя самые лучшие транспорты, повидимому, для отправки своих войск. К адмиралу Амету министрам, ввиду позднего времени, уже не удалось поехать.

6. Наконец, военный министр заявил от имени председателя комиссии генерала Субботина ходатайство об отпуске 500.000 рублей на «эвакуацию и на оборону», а морской министр адмирал Канин заявил от имени адмирала Саблина ходатайство об ассигновании $2^1/_2$ миллионов рублей для оплаты тружеников флота, мотивируя это ходатайство тем, что без такой оплаты эвакуация неосуществима.

Обсудив, при указанных условиях, общее положение, совет министров в заседании 8 апреля пришел к заключению, что эвакуация не только предуказана командованием Добровольческой армии и пред-

ложениями, исходящими от адмирала Амета, но и осуществляется уже действиями комиссии, назначенной по соглашению между военным командованием, русским и французским,— как морским, так и сухопутным, — и что это мероприятие вполне соответствует разъяснениям, данным полковником Труссоном, о необходимости выиграть время и о предположении защищать Севастополь не более 3—7 дней. Ввиду сего совет министров признал своим долгом обеспечить населению возможность спастись от опасности, грозящей ему при приближении большевиков, и при беззащитности последнего убежища, каким являлся до того времени Севастополь в представлении правительства и значительной части населения. Совет министров ассигновал потому в распоряжение председателя франко-русской комиссии генерала Субботина 500 000 рублей, выслушав затем сообщение явившегося к концу заседания главноуполномоченного по эвакуации Н. С. Каринского о состоявшемся только что с его участием заседании комиссии по эвакуации, совет министров принял к сведению, что в комиссии главноуполномоченному удалось с большим трудом обеспечить на транспорте «Рион» 1 000 мест для эвакуации правительственных чинов, и то лишь при условии, что главноуполномоченный возьмет на себя заботу по погрузке на тот же транспорт 500 легко раненых. Все другие транспорты заняты в распоряжении коменданта крепости генерала Субботина, который заявил, что эвакуация всего гражданского населения, за исключением указанных 1 000 человек, должна быть предоставлена ему. Вслед затем разрешен был вопрос о выдаче служащим эвакуационного содержания, причем предложение о применении в полном объеме закона о 6-месячном содержании было отклонено, ввиду состояния кассы, и решено было выдать служащим лишь 3-месячное эвакуационное содержание. На следующее утро, по случаю прибытия на Севастопольский рейд греческого адмиральского судна «Килькис», министр внешних сношений сделал командующему судном адмиралу Какулидису визит, во время которого возбужден был вопрос о принятии правительства на суда, ввиду опасности, грозящей ему не только от появления большевиков извне, момент которого можно более или менее учесть, но главным образом от единичных покушений со стороны возбужденных приближением большевиков большевистски настроенных масс. Предположение это осуществилось на следующий день: в четверг 10 апреля члены правительства с их семьями, за исключением Н. Н. Богданова и М. М. Бутчика, сели на находившееся под греческим командованием судно «Трапезонд». Предварительно члены правительства сочли нужным оповестить о своем решении как морское, так и сухопутное французское командование. С этою целью министр внешних сношений и министр юстиции, по поручению совета министров, отправились на флагманское судно «Jean Bart», где, ввиду отъезда адмирала Амета в Одессу, были приняты старшим по рангу командиром судна Вуазеном и начальником штаба адмирала Амета Казнавом. Оба они никаких возражений против перехода правительства на союз-

ное судно и против предположенного отъезда правительства на этом судне в Константинополь не встретили, обусловив, однако, окончательный свой ответ согласием полковника Труссона. Надлежит указать, что к этому времени французское командование решило объявить в Севастополе осадное положение, не войдя, однако, с правительством ни в какое по этому поводу соглашение и не предложив ему взять на себя гражданскую власть при военном губернаторе, каковым объявил себя полковник Труссон. При таких условиях правительственная власть, и без того ограниченная уже пределами одного Севастополя, превращалась в нечто, лишенное всякого реального содержания. Оба министра отправились к полковнику Труссону, которому объяснили, что, при создавшемся положении, при переходе почти всей власти в руки его, Труссона, как военного губернатора, и назначенного им себе в помощники генерала Субботина, остаток власти, сводящийся исключительно к решению в масштабе городского хозяйства финансовых и продовольственных вопросов, может быть передан городскому самоуправлению. Полковник Труссон вполне согласился с планами правительства, не встретив никаких возражений против отъезда, и просил лишь после посадки правительства на судно сообщить об этом для того, чтобы он мог тотчас сделать свое официальное сообщение.

В четверг, 10 апреля, совет министров перешел на пароход «Трапезонд» и там составил определение, коим, объявляя об оставлении территории Крыма, предложил органам городского и земского самоуправления принять на себя исполнение обязанностей гражданской власти, каковое постановление министр внешних сношений при особом письме немедленно препроводил полковнику Труссону. В пятницу, 11 апреля, около 5 час. вечера, на пароход «Трапезонд» явился русский офицер, предъявивший правительству писанную карандашом записку генерала Субботина, коею он предлагал офицеру немедленно отправиться на «Трапезонд» и пригласить всех членов правительства явиться к военному губернатору полковнику Труссону в морские казармы, с тем что, в случае неявки, министры будут отвечать по закону, и ни одно судно не будет выпущено из порта. Министры отправились на берег, где в сопровождении офицера явились к полковнику Труссону. Последний указал, что, за израсходованием значительных сумм на эвакуацию, в кассе не осталось никаких средств, и потому он требует, чтобы правительство немедленно вернуло все деньги, розданные им чиновникам, иначе он не выпустит ни одного парохода из рейда. А когда правительство указало, что часть расходов (на уплату жалованья) произведена была во исполнение закона, которого правительство не могло не исполнить, а другая часть была ассигнована правительством по требованию франко-русской эвакуационной комиссии, причем генерал Субботин, независимо от ассигнованных ему 500.000 руб., самовольно взял из банка еще 500.000 рублей, пригрозив и с своей стороны правительству, в случае сопротивления, запрещением выезда, полковник Труссон ответил, что закон наш он уничтожает (je l'annule),

и он его не смущает; что генерала Субботина и адмирала Саблина он в тот же день посадит в тюрьму, а правительству дает срок для внесения денег до 11 часов утра следующего дня. Председатель совета министров обратил при этом внимание полковника Труссона на то, что форма приглашения членов правительства с угрозою применения репрессивных мер представляется совершенно неуместной. Во время беседы полковник Труссон, между прочим, указал, что, по сведениям, сообщенным ему финансовым комиссаром французской эскадры Шардоном, у Крымского правительства имелось дней 5 тому назад 11 миллионов, и все эти деньги израсходованы. Ввиду решительных возражений министра финансов, указавшего, что в кассе неделю тому назад имелось не более 7 миллионов и что из них более $2^1/_2$ миллионов взято по текущим счетам, полковник Труссон предложил министру финансов снестись по этому поводу непосредственно с комиссаром. На следующее утро, в 8 часов, министр финансов, в сопровождении председателя совета министров, министра внешних сношений и министра юстиции, отправились на судно «Jean Bart», предполагая не только объясниться с комиссаром по поводу сообщенных им неточных сведений, но и указать лично адмиралу Амету на совершенную недопустимость приемов полковника Труссона как по существу, так и по форме их. Адмирал Амет отказался принять делегацию, финансовый же комиссар получил от министра финансов точные, по дням, сведения о движении сумм в кассе краевого банка и краевого казначейства за весь последний месяц, причем выяснилось, что 11 миллионов имелось в кассе только 18 марта, после чего наличность, под влиянием усиленных требований владельцев текущих счетов, постепенно таяла и к 5 апреля упала до 7 миллионов, — заинтересовался вопросом об эвакуированных ценностях, находящихся на судне «Кагул», и [?] в Севастопольском казначействе должно находиться около 25 миллионов краткосрочных обязательств государственного казначейства, под обеспечение коих выпущено правительством свыше 20 миллионов рублей разменных знаков, и, кроме, того имеется около 700 000 рублей денег министерства продовольствия и еще некоторые ценности, и что если правительственной власти требуются средства на удовлетворение государственных нужд, она может позаимствовать их из указанных источников. В 11 час. утра делегация совета министров, в составе председателя совета министров, министра финансов, министра внешних сношений и министра юстиции, ознакомившись предварительно с движением по всем счетам за последнюю неделю в государственном банке и в казначействе, вручила полковнику Труссону ноту за подписью всех министров (см. приложение) *), доказывающую правильность всех мер, принятых правительством, и всех расходов, им произведенных. Полковник Труссон, приняв делегацию, чрезвычайно резко отказался, было, даже прочитать ноту и приложенный к ней расчет и кратко заявил: «Где деньги, дайте деньги,

*) «Приложения» к журналу в распоряжении редакции нет. (*Прим. ред.*)

иначе не уедете. Мне нужны деньги, а не ваши разъяснения». На указания министров, что у Крымского правительства остались деньги в других местах, где имеются отделения банка (в Керчи, Ялте, Феодосии), а в Севастополе касса, естественно, иссякла, ибо из нее пришлось уплачивать жалованье чиновникам всего Крыма, полковник Труссон ответил, что ссылка на Керчь, Феодосию и Ялту его не удовлетворяет, но что он согласен получить нужные ему на расходы по Севастополю 8—10 миллионов рублей из государственных ценностей Крыма, эвакуированных в Севастополь, а до получения этих денег он правительства не выпустит. Делегация четырех министров заявила, что никаких других денег у нее нет, что она готова передать все спасенные правительством ценности на хранение французским властям, с тем чтобы им расходовались необходимые суммы на нужды края, а остаток был бы затем передан в одну из русских миссий в Европе, но никоим образом не попал бы в руки большевиков. О таком согласии делегации составлен был особый акт на русском и французском языках (приложения II и III) [55]), и оба экземпляра вручены тут же полковнику Труссону. Последний, приняв акт, направил его к начальнику штаба адмирала Амета на предмет производства ревизии эвакуированных ценностей, с тем чтобы до перевода денег на «Jean Bart» министры не были выпущены. В тот же день начался осмотр ценностей на «Кагуле» и в казначействе, закончившийся, однако, лишь на следующий день. Вечером в тот же день, 12 апреля, морское союзное командование предъявило к министрам, находящимся на «Трапезонде», требование покинуть судно и перейти на другое, стоящее на рейде судно «Надежда», так как «Трапезонд» должен уйти в Константинополь, а министры выпущены быть не могут. Через час на судно «Надежда», где были уже собраны все члены правительства, явился французский морской офицер от имени адмирала Амета и заявил, что адмирал Амет желал бы быть в курсе движений гг. министров (être au courant des mouvements des m.m. les ministres). На следующий день в 1 час дня возобновилась ревизия; к трем часам дня в результате ее обнаружено в составе эвакуированных ценностей, кроме весьма значительного количества процентных бумаг, 5 миллионов краткосрочных обязательств, 750 000 рублей денежных знаков министерства продовольствия и на 1 миллион обязательств краевого казначейства. О вероятном месте нахождения остальных краткосрочных обязательств министр финансов доложил совету министров, перевод какового письма сообщен был полковнику Труссону (приложение IV) *). Тем не менее, ни в день 13 апреля, ни в следующий день 14 апреля, ни, наконец, 15 апреля никаких распоряжений об отъезде правительства дано не было, а правительство оставалось на судне в Севастопольском рейде, пока 15 апреля под вечер на высотах, окружающих Севастополь, не раздалась пушечная и пулеметная стрельба большевистских войск. Канонада,

*) Этого «приложения» в распоряжении редакции нет. (*Прим. ред.*)

все более приближавшаяся к рейду, продолжалась уже 4 часа, когда, наконец, в 10 часов вечера 15 апреля отдан был приказ «Надежде» уйти в море.

Совет министров постановил:

1. Действия министров, о коих изложено в сем журнале, и, в частности, акт, подписанный делегацией четырех министров 12 апреля о передаче ценностей французским властям, утвердить.

2. Все изложенное занести в журнал и копию его сообщить как союзным правительствам, так и русским послам при них.

Председатель совета министров, министр земледелия *С. Крым.*
Министр юстиции *Влад. Набоков.*
Министр внешних сношений *М. Винавер.*
Министр народного просвещения *С. Никонов.*
Министр финансов *А. Барт.*
Министр торговли *А. Стевен.*
Министр труда, краевой секретарь *П. Бобровский.*

17.

Акт 12 апреля 1919 г. о передаче Крымским краевым правительством французским властям банковских сумм и др. ценностей.

Акт.

Тысяча девятьсот девятнадцатого года апреля 12 дня составлен настоящий акт в том, что Крымское краевое правительство передает французским властям в Севастополе ценности, вывезенные из краевого банка на крейсер «Кагул», а равно ценности, находящиеся в здании казначейства в Севастополе, с тем, что мы предоставляем французским властям расходовать эти ценности на нужды края по их усмотрению, а остаток, который окажется, передать одному из российских посольств в Европе.

Председатель совета министров *С. Крым.*
Управляющий министерством финансов *А. Барт.*
Министр внешних сношений *М. Винавер.*
Министр юстиции *Влад. Набоков.*

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Автор «Записок» — Налбандов, Владимир Сергеевич,— помещик, владелец имения «Каяш», Симферопольского у. б. Таврич. губ., видный в Крыму общественный деятель царского времени, гласный Таврического губ. и Симферопольского уезди. земских собраний и Симфероп. городской думы и член губ. земской управы. Кроме того, был членом губ. по водным делам присутствия, губ. по земским и городским делам присутствия и т. д. Правый октябрист.

После Февральской революции вошел как представитель союза немцев-колонистов в губернский общественный комитет. В правительстве Сулькевича, созданном немцами в 1918 г., занимал пост краевого секретаря и краевого кон-

тролера. Кандидат в Учредит. собрание по Таврич. избир. округу по списку «земельных собственников и хлеборобов».

[2]) Бианки, Павел Иванович, — симферопольский присяжный поверенный и общественный деятель. Член социал-демократической группы «Единство». Был избран помощником Таврического губ. комиссара Временного Правительства 26 мая 1917 г. «демократическим» губ. земским собранием. Кандидат в Учред. собрание по Таврич. избир. округу по списку с.-д. группы «Единство».

[3]) Поливанов, В. П., — евпаторийский мировой судья. Выделен дополнительно в губ. комиссариат 26/XI 1917 г. общегуб. съездом земств и городов.

[4]) Амет Озенбашлы — видный крымский татарский общественный деятель. Националист. Член партии татарских националистов «Милли-ферка» (национально-демократическая — «народная партия»). В комиссариат введен одновременно с Поливановым как представитель Крымско-татарского курултая (парламента).

[5]) «Совет народных представителей» был организован 26 ноября 1917 г. по инициативе эсеровско-меньшевистской «демократии» на общегубернском съезде земств и городов. В его состав входили представители земских учреждений, профсоюзов (находившихся в то время в руках меньшевиков) и «социалистических» партий (эсеров, меньшевиков, плехановцев, сионистов и т. д.). Председателем его был плехановец Ворошилов, секретарем—бундовец Иткин. Большевики в «Совет народных представителей» не входили и называли его «Советом народных предателей».

[6]) Севастополь был занят немцами 1 мая после недельных боев отряда красногвардейцев и севастопольских матросов с немцами под ст. Альма.

[7]) «Чиновничьим парламентом» называли «Совет представителей губернских правительственных учреждений и местных самоуправлений», организованный при губернском комиссариате 27 апреля 1918 г., для согласования деятельности отдельных правительственных учреждений и разрешения вопросов, кои раньше разрешались высшими инстанциями.

[8]) Крыжановский, Д. А., — присяжный поверенный г. Симферополя и крупный домовладелец. Правый октябрист.

[9]) Граф Татищев, Владимир Сергеевич, — чиновник и общественный деятель царского времени, октябрист, мин. финансов, труда, торговли и промышл. в кабинете Сулькевича. В 1920 г. при Врангеле тавр. губернатор.

[10]) Харченко, Яков Тарасович, — председатель Таврической губ. земской управы и уполномоченный министерства земледелия по закупке хлеба для армии в 1916—1917 гг. Первый тавр. губ. комиссар Врем. Прав. в 1917 г. Монархист.

[11]) Кипчакский, Мустафа Мурза, — видный татарский общественный деятель. Националист. Член Симферопольского и Перекопского уездных земских собраний и Бахчисарайской городской думы. Впоследствии заменил Налбандова в должности краевого контролера в «кабинете» Сулькевича и был председателем организованной Сулькевичем комиссии по выработке положения о выборах в «Крымский парламент».

[12]) Крымско-татарский парламент или курултай был созван 10 декабря 1917 г. Крымско-мусульманским исполкомом как высший орган татарского самоуправления. Проработав три дня, курултай образовал «Крымско-татарское национальное правительство», или «директорию» из 5 директоров (юстиции, по внешним и военным делам, финансов и вакуфов, по делам религии, народного просвещения), существовавшую на-ряду с «Советом народных представителей» и являвшуюся фактической властью в Крыму до создания советской «Республики Тавриды». Директория опиралась на штаб крымских войск. Разогнанный в январе 1918 г. большевиками, «курултай» вновь собрался 8 мая 1918 г. после занятия Крыма немцами и работал до 5 июня 1918 г.

[13]) Джафер Сейдамет — бывший социалист и видный татарский революционер, сын крестьянина дер. Кизильташ, Ялтинского уезда. Учась в Константинополе в университете, вступил в ряды протестантов-революционеров, среди кото-

рых, благодаря блестящему ораторскому таланту, организаторским и литературным способностям, играл видную роль. В 1910 г. написал книгу «Угнетенный татарский народ», после чего, дабы не быть арестованным, бежал в Париж, где окончил Сорбонну. Перед войной вернулся в Россию. В 1914 г. был направлен по мобилизации из Петроградского университета в юнкерское училище. После революции в 1917 г. вернулся в Крым, где был одним из виднейших татарских общественных деятелей. Кандидат в Учред. собрание по Таврич. избир. округу по списку Крымско-мусульм. исп. комитета. После Октября 1917 г. перешел в лагерь крайних татарских националистов. Был комиссаром вакуфной комиссии в 1917 г., а затем директором по внешним и военным делам в крымско-татарской национальной директории. Организатор «Крымского революционного (на деле контр-революционного) штаба», созданного 31 октября 1917 г. Крымско-мусульманским исполкомом для борьбы с большевиками. В правительстве Сулькевича занимал пост министра иностранных дел и вел крайнюю шовинистическую националистическую политику, стремясь к образованию из Крыма самостоятельного «Крымского ханства» под протекторатом Германии и Турции.

[14]) Губернский комитет крымских немцев организовался после Февральской революции и объединял немцев-колонистов Крыма. Руководство в нем принадлежало кадетского толка интеллигенции и крупным землевладельцам.

[15]) Председателем губернского комитета крымских немцев был Гейне, Артур Фридрихович, присяжный поверенный гор. Симферополя.

[16]) Автор имеет в виду разгром войск «Крымского революционного штаба» (см. прим. 13), руководимого русским контр-революционным офицерством во главе с полковником Макухиным, в январе 1918 г. отрядами большевистского Севастопольского Совета Рабочих и Солдатских депутатов, установившими советскую власть в Крыму. Объявленная затем на губернском съезде советов 10 марта 1918 г. «Советская социалистическая республика Таврида» просуществовала до двадцатых чисел апреля 1918 года, когда Крым был оккупирован немцами.

[17]) Аблаев, Джафер Эмир Усейн, — татарский общественный деятель. Националист. Председатель Крымско-татарского парламента.

[18]) Крым, Соломон Соломонович, — крупный землевладелец Феодосийского уезда Таврической губ., гласный Таврич. губ. и Феодосийского уезд. земских собраний, член Государственной Думы I созыва и Гос. Совета. Кадет. Впоследствии, с 15 ноября 1918 г., после падения правительства Сулькевича, в связи с уходом немцев и приходом «союзников», премьер-министр и мин. земледелия и госуд. имуществ Крымского краевого правительства.

[19]) Келлер, Владимир Васильевич, — крупный землевладелец и виноторговец Ялтинского уезда. Гласный Таврического губ. зем. собрания. Кадет.

[20]) Сулькевич, Матвей (Сулейман) Александрович. Происходил из литовских татар-мурзаков (помещиков). Генерал-лейтенант царской службы. В 1914 г. был начальником штаба 7 армейского корпуса в гор. Симферополе. Во время империалистической войны командовал 32-й дивизией и Крымским мусульманским конным корпусом. Будучи премьер-министром Крымского правительства, находился всецело под влиянием Д. Сейдамета и Крымско-татарской директории.

[21]) Рапп, Томас, — крупный землевладелец из немцев-колонистов Феодосийского уезда. Один из руководителей Союза крымских немцев.

[22]) Шредер — крупный землевладелец из немцев-колонистов Феодосийского уезда; один из руководителей Союза крымских немцев.

[23]) Набоков, Владимир Дмитриевич, — один из лидеров партии «народной свободы». Член I Госуд. Думы, мин. юст. в Крымском правительстве С. Крыма.

[24]) Оболенский, Владимир Андреевич, кн., — крупный землевладелец Таврической губ. Председатель крымского комитета партии «народной свободы».

[25]) Эти замечания, как и переговоры кадетов о вступлении в кабинет, организуемый Д. Сейдаметом, очень показательны для кадетов, потом задним числом

обвинявших Налбандова и др. в «сепаратизме», «продаже Крыма немцам» и т. п. Кадеты и сами непрочь были принять участие в этой «продаже».

[26]) Правительство Сулькевича было сформировано в следующем составе: 1) премьер-министр и министр внутренних и военных дел Сулькевич; 2) заступающий министра внутренних дел, товарищ министра князь С. В. Горчаков (смещенный Февральской революцией таврический вице-губернатор); 3) министр земледелия, краевых имуществ и снабжения Т. Рапп; 4) министр иностранных дел Д. Сейдамет; 5) краевой контролер, краевой секретарь и врем. управляющий мин. исповеданий и народного просвещения В. С. Налбандов; 6) министр путей сообщ., почт и телеграфов и общ. работ Лев Фриман; 7) министр финансов, торг., пром. и труда и врем. упр. мин. юст. граф В. С. Татищев.

Позднее в состав «кабинета» дополнительно вошли: 1) П. Н. Соковнин (б. чиновник мин. земледелия, при Временном Правительстве был управляющим отделом национализированных сельскохозяйственных предприятий мин. земледелия), занявший пост министра народного просвещения (в кабинете С. Крыма был министром земледелия); 2) Ахматович, Богдан Матвеевич (б. сенатор, из литовских татар) — министром юстиции и 3) контр-адмирал Бурлей, Сергей Иванович — товарищем военного министра по морским делам.

[27]) Лизогуб, Ф. А., — председатель Сов. мин. при гетмане Скоропадском.

[28]) Автор имеет в виду забастовку железнодорожников Южных ж. дор. в июле 1918 г. как протест против занятия Крыма немцами; после массовых арестов забастовщиков германцами она закончилась поражением бастовавших.

[29]) Хаджи, Абрам Яковлевич, — присяжный поверенный, кадет. Гласный Симферопольской городской думы.

[30]) Галейзер, Е. А., — журналист, сотрудник киевских газет.

[31]) Граф Татищев и Д. Сейдамет были командированы в Берлин в конце июля 1918 г. Цель их поездки: 1) определение международного положения Крыма до созыва всеобщей мирной конференции, 2) получение в Германии займа и 3) организация торговых сношений между Германией и Крымом. Пункт первый имел, собственно, в виду добиться в Берлине признания независимости Крыма от Украины. Займа Татищеву получить не удалось, но им было организовано общество для товарообмена между Германией и Крымом. Но в то время как Татищев был занят выполнением своей экономической миссии, Д. Сейдамет тайно от него предпринял шаги к осуществлению стремлений татарских националистов о создании в Крыму самостоятельного «Крымского ханства» путем представления «высокому германскому правительству» особой докладной записки по данному вопросу от имени «Крымско-татарской национальной директории». В этой записке директория, имея в виду «исторические и военные способности татарской расы», выставила ряд оснований, на коих может быть, по ее мнению, восстановлено «татарское владычество» в Крыму.

Узнав об этой стороне деятельности Д. Сейдамета в Берлине, гр. Татищев письмом сообщил об этом Налбандову. Последний, получив копию документа у ген. Коша, подал заявление о выходе из правительства. Гр. Татищев также, по возвращении из Берлина, в конце сентября, подозревая — и не без основания — о том, что делалось все это Сейдаметом не без ведения Сулькевича, также 2/X—1918 г. подал заявление о выходе из состава правительства и ликвидировал созданное, было, им в Берлине общество для товарообмена Крыма с Германией. Были, конечно, и другие причины выхода из кабинета группы Налбандова (вслед за ним и Татищевым из кабинета ушел и Т. Рапп), но основные разногласия были именно в этой плоскости — в вопросе о самостоятельности Крыма.

[32]) Фальц-Фейн, Владимир Эдуардович, — помещик, крупный землевладелец Днепровского у. Таврич. губ. Гласный Таврич. губ. земского собрания.

[33]) Речь идет о расхищении имущества б. военно-морского ведомства. Хищения были крайне велики и производились как русским населением Севастополя, так и немецкими войсками.

[34]) Горчаков, Сергей Васильевич, князь, — таврический вице-губернатор, смещенный Февр. революцией. Тов. мин. внутр. дел в правительстве Сулькевича.

[35]) Перед приходом немцев в Крым Украинским правительством по радио дано было распоряжение Черноморскому флоту поднять украинские флаги (якобы во избежание захвата флота немцами), но флот этому не подчинился и под обстрелом немцев ушел в Новороссийск. Украинский флаг подняли лишь крейсер «Кагул» и несколько мелких судов.

[36]) Налбандов вышел из кабинета Сулькевича 11 сентября 1918 г. Причиной ухода послужило несогласие его с большинством членов кабинета в вопросе о проводимой Сулькевичем пантатарской националистической политике, стремившейся к образованию из Крыма самостоятельного Крымского ханства под протекторатом Германии и Турции, о чем указано было выше.

[37]) На этом записки Налбандова обрываются. Украина не согласилась на признание независимости Крыма. Созванное 5 октября 1918 г. в Киеве, по инициативе немецкого командования, совещание по вопросу о создании союза между Украиной и Крымом также ни к чему не привело, так как украинцы остались на своей точке зрения.

[38]) Нефф А., — крупный землевладелец из немцев-колонистов Евпат. ц.

[39]) Штоль, Филипп Матвеевич, — крупный землевладелец Перекопского (ныне Джанкойского) уезда. Председ. Джанк. общ. взаимн. кредита в 1917 г.

[40]) Штейнвальд, Эд., — крупный землевладелец Симферопольского уезда.

[41]) Упоминаемый в обращении съезд губернских гласных, представителей городов, уездных и волостных земств состоялся 7—10 ноября 1918 г. и потребовал от правительства Сулькевича сдачи власти выбранному съездом, как органом, представляющим общественное самоуправление, новому кадетскому правительству С. Крыма. В принятых им решениях съезд указывал, что задачами нового правительства являются: «1) Содействие объединению распавшейся России и с этой целью сближение со всеми возникшими на русской земле государственными организациями, поставившими себе основной задачей воссоединение единой России, причем вопрос об устройстве и форме правления объединенной России должен быть окончательно решен имеющим быть избранным Всероссийским учредительным собранием. 2) Восстановление распущенных правительством Сулькевича органов общественного самоуправления и перевыборы их на основе законов Временного Правительства. 3) Созыв на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права, по пропорциональной системе, Крымского краевого сейма, в случае, если в течение 2-х месяцев не будет по каким-либо причинам создана единая всероссийская власть» и т. п. Подчинение Сулькевича требованию съезда о передаче власти новому, избранному съездом «кабинету» объясняется, конечно, не «демократичностью» Сулькевича, а той простой причиной, что поражение Германии и вспыхнувшая затем германская революция лишали его тех штыков, с помощью которых он лишь и держался; другой, не менее реальной, причиной ухода в отставку «кабинета» Сулькевича было появление в крымских водах антантовской эскадры.

[42]) Богданов, Николай Николаевич, — кадет. Член губ. земской управы. 26 мая 1917 г. был выбран председателем Таврической губ. земской управы и губернским комиссаром Временного Правительства вместо скомпрометировавшего себя слишком открытой защитой слуг старого режима Я. Т. Харченко. С поста губернского комиссара Н. Н. Богданов ушел 4 ноября 1917 г. после столкновения с татарскими националистами, выразившими ему недоверие «вследствие его неумения ориентироваться в событиях и нетактичности по отношению к татарам в прошлом и настоящем».

[43]) Стевен, А. А., — крымский общественный деятель. Член Таврич. губ. земской управы и председатель губ. (в 1917 г.), а затем краевой (при Сулькевиче) продов. управы. Член клуба «Единство».

[44]) Никонов, С. А.,правый с.-р. Председ. Севаст. гор. упр. в 1917, 1918 гг.

[45]) Винавер, М. М., — один из лидеров партии «народной свободы» и активнейших деятелей контр-революции. Автор публикуемой нами «Справки».

[46]) Бобровский, Петр Семенович, — симферопольский прис. поверенный, член Таврич. губ. земской управы. Председатель Симферопольской с.-д. группы «Единство». После Февральской революции на чрезв. губ. земском собрании («демократическом») 26/V—1917 г. был избран вместе с П. И. Бианки помощником таврич. губ. комиссара Временного Правительства, на каковом посту находился до ноября 1917 г. Автор «примечаний» к «Справке» Винавера.

[47]) Первоначальной причиной упоминаемой Винавером забастовки, объявленной 11 марта 1919 г. и продолжавшейся до 15 марта, была невыплата правительством С. Крыма денег рабочим Севастопольского морского завода, в сумме 55 млн. рублей (разница за время с 7/III по 1/IX—1917 г. и 6 мес. заштатное пособие по ликвидации порта в августе 1918 г.). Но еще 7 марта, когда на общем собрании союза металлистов разрешался этот вопрос, по инициативе самого собрания принята была следующая резолюция: «От получения денег от кадетского правительства отказаться, работы на заводе прекратить, требовать немедленного удаления из Севастополя вооруженных отрядов Антанты и для разработки окончательного плана созвать делегатское собрание от всех союзов и предложить им присоединиться к нашим требованиям». В 2 часа ночи 10 марта после долгих прений с меньшевиками, делегатское собрание всех союзов 83 голосами против 7 меньшевиков приняло постановление о немедленном объявлении стачки всех союзов и выбрало стачечный комитет из 7 тт. (все большевики). 11-го утром стачка была объявлена. 12-го белогвардейская контрразведка арестовала члена стачкома большевика тов. Городецкого и 6 рабочих. В ответ на это стачком объявил мертвую стачку (до этого больницы, водокачки и электростанция работали). Севастополь на двое суток замер: ни света, ни воды, ни фунта печеного хлеба. Арестованные были возвращены из Симферополя, и 15-го стачка была прекращена. Тогда же был выбран Военно-революционный комитет, связавшийся с частями Красной армии, прорвавшими Перекоп и наступавшими на Крым. Через несколько недель в Крыму была восстановлена советская власть.

[48]) Д. А. — Добровольческая армия, части которой через Керчь вступили в Крым при отступлении немцев, одновременно с появлением в Севастополе антантовской эскадры. «Особое совещание» было создано постановлением совета министров Крымского правительства 7 февраля 1919 года.

[49]) Насколько население действительно было «обеспечено» продовольствием и, в частности, хлебом, показывает следующее: введена была хлебная монополия, запрещена выпечка хлеба из сеянной муки, паек установлен в $^3/_4$ ф. в день.

[50]) Имеются в виду Бердянский, Мелитопольский и Днепровский уезды б. Таврич. губ., при немцах входившие в состав «Украинской державы».

[51]) Автор имеет в виду ген.-майора Боровского.

[52]) Автор имеет в виду учреждение в заседании совета министров от 30 марта 1918 г. «комитета обороны края». Означенный комитет был создан в составе: председатель — командующий войсками Крымско-азовской армии, члены: председатель совета мин., военный министр, министр внутр. дел, министр внешних сношн., нач. штаба ком. Крымско-азовской армией, главноуполн. по обороне края.

[53]) К сожалению, архивов правительства С. Крыма не сохранилось.

[54]) Немецкая бригада была сформирована из добровольцев немецких колонистов. Подобные же части формировались из греков, татар и т. д.

[55]) Так как это один и тот же акт, мы даем в приложении только русский его текст.

Переписка Николая II и Марии Федоровны.

(1905—1906 гг.)

Печатаемые письма представляют собою ценнейшее дополнение к двум документам, давно известным и опубликованным: дневнику Николая II и воспоминаниям Витте. «Письма» содержательнее первого и — если можно употребить это слово по отношению к Николаю II — искреннее. Дневник тщательно пытался скрыть от «потомства», для которого исключительно он писался, настроения писавшего. Николай чрезвычайно редко проговаривался, когда душа у него уходила в пятки — да и то больше в ранних частях дневника (в рассказе о покушении на него в Японии, например, в 1891 году). Перед матерью этого он не скрывает: хотя и ее, как увидим, он обманывает, но на иной лад. К воспоминаниям же Витте письма дают, так сказать, вторую половину оттиска. Витте его ненавидел, он — Витте. Как ненавидел Витте, мы знаем из «Воспоминаний»: как Николай его ненавидел, мы знаем теперь из писем — опять-таки больше, чем из «Дневника». В «Воспоминаниях» Витте старался показать лицевую сторону свою — и оборотную Николая; здесь Николай пытается дать оборотную сторону Витте (любимца его матери) и показать себя возможно красивее.

Нужно отметить еще одну особенность писем. Мария Федоровна гостила в это время у своих датских родственников. Не было сомнения, что фактическое содержание писем она им передаст; а датский двор был в родстве на все стороны — одна из датских принцесс была королевой Англии, другая за братом германского императора. Говорить с датскими родственниками значило говорить почти со всей Европой. Отсюда чрезвычайно тщательная отделка «информационной» стороны писем: письмо, например, от 19 октября ст. ст. — это почти реляция императора всероссийского своим заграничным собратьям о понесенном им только что поражении. Здесь все закруглено: «иначе нельзя было поступить». И, конечно, Николай ни в чем не виноват: все изменили, «ни на кого я не мог опереться, кроме честного Трепова».

Эту «честную» фигуру предшественника Столыпина нужно постоянно иметь в виду, когда перед нами появляется та или иная «оценка» Николая. Это оценка не столько царя, сколько именно Трепова. «Трепов для меня незаменимый, своего рода, секретарь. Он опытен, умен и осторожен в советах. Я ему даю читать толстые записки от Витте, и затем он мне их докладывает скоро и ясно. Это, конечно, секрет для всех!» Датские родственники не должны были знать, что Россией фактически управляет Трепов и что Николай только марионетка в его руках.

Если бы мы не знали, что Николай ненавидел Витте и долго спустя после смерти Трепова, и раньше, чем он с Треповым близко познакомился, мы могли бы отнести насчет антагониста портсмутского графа те характеристики Витте, которыми усеяны письма.

Еще перед 17 октября он предупреждал Николая, «что если Витте будет назначен, то им вместе служить невозможно». И это было, конечно, много серьезнее, чем антипатия коронованного ничтожества к умнейшему из слуг самодержавия накануне падения последнего.

Противоречие Витте и Трепова было классовое противоречие. Витте представлял крупнейшую, главным образом банковую, лишь во второй линии промышленную, буржуазию[1]). В этом его смычка с кадетами, в каковой смычке — или попытке ее наладить — он откровенно признается в своих «Воспоминаниях». У Трепова тоже была смычка с теми же кадетами, но по иной линии. Трепов представлял юнкерство, феодалов-предпринимателей, притом правое их крыло. Но так как крайнее левое крыло той же группы сидело в кадетской партии (Петрункевичи, Львовы, Родичевы, Долгоруковы), то смычка и тут должна была получиться сама собой. То, что тянуло кадетов вправо, тянуло Трепова влево — они не могли не встретиться. В этом отношении Трепов был опаснейшим конкурентом для Витте, и конкурентом не только в снискании милостей Николая — это было самое последнее. И Витте и Трепов ставили ставку на кадетов. Ставка Витте была бита подавлением декабрьского восстания 1905 года — ставка Трепова «благополучным» разгоном первой Думы. Столыпин явился в этой триаде синтезом — он дал либеральной буржуазии тот минимум, без которого она уже совершенно не могла обойтись, отразил интересы юнкерства полнее, чем это мог бы сделать «погромщик» Трепов, — и создал режим, который, хотя и с ворчанием, признали даже и погромщики, т. е. самое крайнее правое крыло юнкеров. После этого Трепову не оставалось ничего более, как умереть — а Витте дожидаться нового подъема буржуазной революции.

Правее всех правых крыльев стоял, конечно, Николай. Никаких следов даже отдаленного предчувствия классовой подоплеки разыгравшейся на его глазах борьбы вы у него не найдете. Все сводится к нарушению и водворению порядка. Если бы можно было получить философию истории 1905 года, написанную участковым приставом, она, вероятно, не на много отличалась бы от философии истории царя. Октябрьскую забастовку подготовили «разные съезды, которые, неизвестно почему, были разрешены Дурново». Остановлено же было «движение или революция» только тем, что «Трепов предупредил жителей, что всякий беспорядок будет беспощадно подавлен». Но против стачки — в особенности железнодорожной — и Трепов был бессилен. Пришлось позвать Витте — а Витте «прямо объявил, что если я [Николай] хочу его назначить председателем Совета Министров, то надо согласиться с его программой и не мешать ему действовать». Это и привело Николая к «страшному решению» — подписать манифест 17 октября. Причем как результат ожидалось «скорое успокоение». То, что «успокоение» не наступало, сразу же (еще в начале ноября ст. ст.) вызвало разочарование в Витте. «Все думали, что он страшно энергичный и деспотичный человек и что он примется сразу за водворение порядка прежде всего». Ибо для «водворения порядка» ничего не нужно, кроме энергии; «у хороших и честных губернаторов везде было спокойно», тогда как «в Петербурге менее всего видно смелости власти».

Поскольку Витте брался для «успокоения», заранее могло считаться предрешенным, что, как только движение будет подавлено, Витте снимут. Что его не только сняли, а и наградили при этом пинком ноги («я никогда не видал такого хамелеона или человека, меняющего свои убеждения, как он. Благодаря этому свойству характера, почти никто больше ему не верит, он окончательно потопил себя в глазах всех, — может быть, исклю-

[1]) Я говорю о 1905-м годе — в 1890-х годах Витте представлял именно промышленную буржуазию.

чая заграничных жидов». Письмо от 12 января ст. ст.), — это было уже результатом «личной психологии»; а что его сняли не тотчас же, а лишь в апреле, следует отнести насчет «заграничных жидов», т. е. необходимости довести до конца дело с заключением займа. Ибо Витте приглашался не только для «успокоения», но и для извлечения сумм из карманов европейской буржуазии, которая Николаю давно уже перестала верить.

Полицейская точка зрения на революцию проходит через все письма — можно бы цитировать без конца. Так, и в Москве, само собою разумеется, «мятеж подавлен благодаря верности и стойкости славных войск». Правда, после «глупейшего бунта в Ростовском полку» утешать себя «верностью и стойкостью» было психологическое основание. Но это было не только настроение — это был метод. «Энергичный образ действий Дубасова и войск в Москве» упоминается и в следующем письме, когда «глупейший бунт» уже изгладился из памяти. «Энергия» все преодолевает! Чрезвычайно любопытно, что Николаю, повидимому, совершенно не было известно, какие ничтожные — по количеству — вооруженные силы революции держали целую неделю под шахом «верные и стойкие» войска. Дубасов, видимо, изображал ему дело, как поголовное восстание всего московского населения — и Николай спокойно приводит такие цифры, как 10 тысяч или 3 тысячи убитых «революционеров». Если бы он знал, что вооруженных революционеров было убито меньше, чем его солдат! И что все остальные погибшие были безоружные рабочие и даже просто обыватели, павшие жертвой дубасовской канонады. Но еще любопытнее, что Николаю и в голову не приходило задать себе вопрос: почему же это против него восстало все московское население? Для полицейского взгляда все ясно: «толпа» всегда «бесчинствует», ежели над ней не бодрствует «энергичный» кулак городового. Витте не успел показать этого кулака, Дубасов сумел, и сразу «все скверные элементы упали духом и на Северном Кавказе, и на юге России, также и в сибирских городах».

Мировоззрение Николая было не просто мировоззрение поручика, каким его часто изображали; это было мировоззрение «квартального поручика» доброго старого времени, когда еще не было и участковых приставов. И лишь изредка действительность напоминала ему, что кулак городового, хотя бы и самого «энергичного», не есть еще начало всех начал и конец всех концов. К августу 1906 года кулак торжествовал — декабрьское восстание было далеким прошлым, первая Дума благополучно разогнана, последние военные восстания благополучно подавлены. А «милая мама» должна была «понять чувства» человека, не имеющего возможности «ни ездить верхом, ни выезжать за ворота куда бы то ни было. И это у себя дома, в спокойном всегда Петергофе!» (письмо от 30 авг. 1906 г.). Но мировоззрения это не могло поколебать ни на минуту, как не поколебали его в свое время цифры убитых москвичей. И через два письма мы читаем: «полевые суды и строгие наказания за грабежи, разбои и убийства, конечно, принесут свою пользу. Это тяжело, но необходимо и уже производит нужный эффект. Лишь бы власти исполняли свой долг честно и не страшась ничего. В этом условии главный залог успеха» (письмо от 27 сентября ст. ст. того же года). Лишь бы городовой браво стоял на своему посту!

Но крайняя ограниченность легко соединима с хитростью. Не умея дать никакого другого объяснения революции, кроме «беспорядков, учиняемых злонамеренными людьми», Николай умел скрывать от своих датских родственников то, — что он знал, — даже их заставило бы брезгливо наморщить нос. Всем известно, как после «страшного решения», «тяжелого решения» Николая, манифеста 17 октября, по всей России прокатилась волна погромов, направленных против евреев и интеллигенции. Всем известно также, что эти погромы были подготовлены в департаменте полиции — подготовлены,

вероятно, еще раньше, в дни чистой и незапятнанной треповщины — и не пущены во-время в ход, потому что октябрьская забастовка помешала. Теперь пружину нажали уже как средство мести, задним числом, победившей революции, — и механизм все же еще смог сделать свое дело. Николай был посвящен в Кишиневский погром — это мы знаем из дневника Куропаткина. Совершенно невероятно, чтобы эта серия погромов была организована без его ведома. И посмотрите теперь, как он живописует события в своем письме к матери (письмо от 27 октября). «В первые дни после манифеста нехорошие элементы сильно подняли голову, но затем наступила сильная реакция, и вся масса преданных людей воспряла [!]. Результат случился понятный и обыкновенный у нас: народ возмутился наглостью и дерзостью революционеров и социалистов, а так как $^{9}/_{10}$ из них — жиды, то вся злость обрушилась на них — отсюда еврейские погромы. Поразительно, с каким е д и н о д у ш и е м и с р а з у это случилось во всех городах России и Сибири. В Англии, конечно, пишут, что эти беспорядки были организованы полицией, как всегда — старая знакомая басня! Но не одним жидам пришлось плохо, досталось и русским агитаторам, инженерам, адвокатам и всяким другим скверным людям» [!!].

Поразительно, до какого подлого лицемерия может доходить квартальный поручик, поставленный судьбою во главе стомиллионного государства с неограниченной властью! Разумеется, в следующем же письме пришлось признаваться «милой и дорогой маме», что бунтуют отнюдь не одни «жиды», вкупе с инженерами и адвокатами, — и что «жиды» никак не могли дать $^{9}/_{10}$ бунтующих. «Внутри России начались аграрные беспорядки», читаем мы в письме от 10 ноября. «Это самое опасное явление, в с л е д с т в и е л е г к о с т и п о д б и в а т ь к р е с т ь я н о т н и м а т ь з е м л ю у п о м е щ и к о в». Знала кошка, чье мясо съела — знала даже и тогда, конечно, когда писала о «жидах». Если раньше мы видели широту умственного размаха последнего Романова, то теперь, в этой тираде об им самим организованных погромах, мы имеем мерку его моральной высоты. Династия кончала беспримерным вырождением — и история сняла ее скорее слишком поздно для нее самой, чем слишком рано. Уже задолго до 17-го года романовскую машину возглавлял человек, которого не уважали даже сами Романовы.

Расхлябалась не только дисциплина «империи» Николая — начинала расхлябываться дисциплина его семьи. Еще раньше, чем ему пришлось писать матери об октябрьской забастовке, ему пришлось изображать бунт в недрах «царской фамилии». И героем этого бунта — что делает рассказ весьма актуальным — был не кто иной, как теперешний «император», Кирилл Владимирович, незаконно женившийся на теперешней «императрице» (знали ли принимавшие ее американцы об этой червоточине в товаре?) и после этого как ни в чем не бывало явившийся ко двору, обнаружив этим невероятное, «ужасно рассердившее» Николая «нахальство». У того даже «заболела голова» — самое твердое место организма. Кирилла решено было наказать примерно, лишив его сразу и «чинов, и орденов, и дворянства»: он должен был перестать быть «великим князем». Как близка была династия к тому, чтобы потерять даже и теперешнего императора! Но рука всевышнего бодрствовала над Романовыми, и последняя надежда не была утрачена: после припадка головной боли Николая Кирилл остался великим князем. Было теперь кому спасать империю в черные дни. Любопытнее всего, что из пятидесяти остолопов, составлявших «фамилию», роль спасателя досталась именно тому, который был с трещинкой...

В письмах много интересных подробностей и помимо отмеченных (о внешнем холуйстве Витте, о «честном слове», которое дал Николай 17 октября — сам сказал! — о новом брачном скандале в «фамилии», на этот раз тоже с будущим, на пять минут, «импера-

тором» Михаилом — не могли ни разу найти императора без изъяна! и т. д.). Но мы не собираемся излагать писем — они здесь же и печатаются. Мы хотели только показать их значение — очень большое и после всей массы уже опубликованных романовских документов.

Ответные письма матери Николая представляют несравненно меньший исторический интерес — но для «фона», на котором развертывается вся картина, характерны и они. Для того, чтобы быть мелким буржуа, вовсе не нужно быть лавочником, — говорил Маркс: достаточно, чтобы мировоззрение человека не выходило за пределы кругозора лавочника. Мещан и мещанок можно найти где угодно — в том числе и на троне. Мария Федоровна, прежде всего другого — типичнейшая обывательница. Революция для нее, прежде всего, — явное и полное нарушение приличий. «Слава богу, что вы все здоровы и что ты опять можешь верхом ездить свободно и охотиться. Это все-таки показывает, что обстоятельства немного лучше стали. — Ах! Когда же, наконец, у нас все это пройдет и что мы опять могли бы жить спокойно, как все приличные люди? Почти обидно видеть, как здесь хорошо и смирно живут, каждый знает, что ему делать, исполняет свой долг добросовестно, и не делают пакости другим». (Письмо от 14 октября 1906 г.). Даже самые трагические, для реакционного лагеря, события берутся с этой точки зрения. «Какой ужас — убийство бедного толстого Сахарова в Саратове! Я долго не хотела этому верить. Это отвратительно [убить] генерал-адъютанта, посланного тобой» (т. е. Николаем. Письмо от 28 ноября 1905 г.). Кабы убили кого-нибудь другого, было бы не так ужасно — а когда убивают революционеров, это совсем хорошо. «Пока не истребят всех этих чудовищ, никогда не будет спокойствия и тишины в России» (письмо от 16 августа 1906 г.). «Надеюсь, что с Шмидтом покончили, а то, пожалуй, он еще убежит, с такими канальями церемониться не надо» (3 декабря 1905 г.).

Само собою разумеется, что и массовое движение эта приятная во всех отношениях дама — получившая столь же «квартальное» воспитание, как и ее сын — брала под тем же углом зрения. Тут мы встречаем пассажи комизма истинно-щедринского. «Только вчера получила твою [Николая] ответную после 26 ноября телеграмму из Эйдкунена. Вот безобразие эти забастовки, полное разорение для страны и для всех! Не чувствуется ни патриотизм, ни власть, это просто ужас» (то же письмо от 3 декабря). И действительно, подумайте только: «полковник Мин [известный палач Пресни] мне телеграфировал — ужасно счастлив быть флигель-адъютантом, я боюсь, что он не получил мой ответ, я ему два раза телеграфировала, но, вероятно, он не получил, благодаря этим отвратительным, непростительным забастовкам, которые разоряют всю страну». Что же это, в самом деле, такое: поздравительной телеграммы послать нельзя!..

Но окончательно выходит из себя мещанин, когда дело начинает касаться его кармана. Тут он становится неумолим и беспощаден, становится даже — принципиален. Для полноты картины и такое место в переписке есть. До сведения Марии Федоровны дошел, наконец, тот пункт революционной программы, который касался царских недвижимых имуществ (он был более или менее одинаков у всех партий). «Теперь я хочу тебе поговорить об одном вопросе, который меня очень мучает и беспокоит», писала она сыну 16 января 1906 г. «Это насчет кабинетных и удельных земель, которые эти свиньи хотят одобрать [sic!] по программам разных партий. На всякий случай посылаю тебе книжки, где все это написано, ты уже все это знаешь, но это такой важный вопрос, что об этом не могу молчать» [совсем, как Лев Толстой — только тот

по немножко другому поводу!..]. «Нужно, чтобы все знали уже теперь, что до этого никто не смеет даже думать коснуться, так как это личные и частные права императора и его семьи. Было бы величайшей и непоправимой исторической ошибкой уступить здесь хоть одну копейку, это вопрос принципа, все будущее от этого зависит. Невежество публики в этом вопросе так велико, что никто не знает начала и происхождения этих земель и капиталов, которые составляют частное достояние императора и не могут быть тронуты, ни даже стать предметом обсуждения: это никого не касается, но нужно, чтобы все в этом были убеждены».

Караул, грабят! Не ясно ли, что Россия — «в когтях злого духа» (письмо от 29 декабря 1905 г. — ср. письмо от 16 октября) и что «только бог один может из этого хаоса вывести и спасти» (письмо 3 декабря 1905 г.).

Но если свои беды очень донимают, приятно развлечься зрелищем чужих неприятностей — и тут не беда, если приличия немножко и пострадают. «Я с большим интересом читаю мемуары князя Гогенлоэ [дяди германского императора] и понимаю гнев и ярость Вильгельма. Это должно быть ужасно неприятно — и какая бестактность и дерзость напечатать это, но для меня чрезвычайно весело и интересно читать» (26 октября 1906 г.)... Ужасно неприлично — но мещане очень любят читать неприличное — про других...

М. Покровский.

Печатаемые ниже письма Николая II и Марии Федоровны воспроизводятся здесь с подлинников, хранящихся в Особом отделе Московского Центрального Архива Октябрьской Революции. Письма печатаются по новой орфографии, но с соблюдением грамматических и стилистических особенностей подлинника (так, в письмах Марии Федоровны — «снова», «говорит о тебя», «примишь», «что случился с бедном ген. Стесселем ?» и т. п.); недописанные в подлиннике части слов и сокращенные слова восстановлены полностью, при чем дополнения взяты в прямые скобки. Пунктуация в письмах большей частью исправлена; слова, подчеркнутые в подлиннике, набраны разрядкой. Николай II писал матери по-русски; Мария Федоровна также писала по-русски, но часто переходила на французский язык, — перевод этой части ее писем дан петитом в подстрочных примечаниях. Под строку же снесены краткие сведения о событиях и лицах, упоминаемых в письмах.

Текст печатаемой здесь части переписки Николая II с Марией Федоровной подготовил к печати А. А. Сергеев.

Ред.

1.

18 мая 1905 г.

Милая мама,

Извини, что раньше не написал тебе, но вчера я весь вечер принимал Булыгина [1]) и Трепова [2]).

Отправление бедного Миши [3]) в Берлин ни для кого из нас не удовольствие.

В настоящую минуту пребывание за границею для всякого русского — настоящая пытка, а в особенности присутствие на разных торжествах. Но на это надо смотреть как на тяжелую службу. Я убежден, что имп[ератор] В[ильгельм] сделает все, чтобы облег-

---

[1]) Булыгин, А. Г., министр внутренних дел.

[2]) Трепов, Д. Ф., ген.-майор свиты е. в., петербургский генерал-губернатор (с 11 янв. 1905 г.); с 26 окт. 1905 г. — дворцовый комендант.

[3]) Михаил Александрович, вел. князь. 18 мая он выехал в Берлин для присутствия на свадьбе германского кронпринца.

чить это для Миши. Но, к сожалению, переменить отъезд его нельзя, так как я вчера дал знать туда, что Миша приедет в день, назначенный для прибытия д[яди] Владимира [1]).

До сих пор почти ничего нового оттуда нет, даже о самом Рожественском [2]). Видно, придется нам всем испить горькую чашу до конца. Храни тебя господь, дорогая мама. Горячо тебя любящий *Ники.*

2.

Bernstorff. 2 сентября 1905 [г.].

Мой милый, дорогой Ники,

Пользуюсь отъездом ком. Nielsen'a, чтобы тебя написать несколько строк с ним, и надеюсь, что ты его раз увидишь.

Хотя мне было очень грустно с вами расстаться, ты понимаешь, как я счастлива снова быть здесь у дорогого арара [3]) in the old home с a[unt] Alix [4]) и со всеми, особенно после всего того тяжелого и ужасного времени, кот[орое] мы пережили! et qui nous écrasait comme le plus affreux de tous les cauchemars [5]). Слава богу, теперь можно немножко отдохнуть, и я чувствую себя так хорошо и свободно. Погода чудная, зелень великолепная, как летом. Мы много катаемся и только гуляем пешком утром.

Надеюсь, что неправда на счет толстого Сахарова [6]), что он ранен бомбой. Это было телегр[афировано?] из Парижа, но так как ты ничего об этом не сообщил, это, наверно, направда. Арара тебя целует и много думает и говорит о тебя. Я вас всех нежно и крепко обнимаю, дай бог тебе, наконец, спокойства и хоть немножко отдохнуть. Мысленно всегда с тобой, мой дорогой Ники. Христос с вами! Всем сердцем

твоя *мама.*

3.

«Полярная Звезда». 7 сентября 1905 г.

Моя милая, дорогая мама,

Прости, что я до сих пор не написал тебе. Пока мы жили в Петергофе после твоего отъезда, ничего интересного не было.

Мысль о том, чтобы уехать на несколько дней, переменить обстановку и дать отдохнуть самому себе — давно меня занимала. И после подписания мира [7]) она еще более укрепилась во мне. Теперь, слава богу, эта мечта осуществилась, и мы уже четвертый день на милой яхте в знакомой тебе обстановке в Транзунде.

---

[1]) Владимир Александрович, вел. князь, главнокомандующий войсками гвардии и петербургского военного округа (до 27 октября 1905 г.).

[2]) Речь идет о поражении под Цусимой 14—15 мая 1905 г. русской эскадры, которой командовал адм. З. П. Рожественский, взятый в бою японцами в плен.

[3]) Король датский Христиан IX, отец Марии Федоровны.

[4]) «в этом старом доме с тетей Аликс» (сестра Марии Федоровны, жена англ. короля Эдуарда VII — королева Александра).

[5]) «и которое давило нас, как ужасный кошмар.»

[6]) Сахаров, В. В., ген.-адъют., б. военный министр.

[7]) Мир с Японией был подписан С. Ю. Витте в Портсмуте 16/VIII 1905 г.

Мы хотели уйти из Петергофа в субботу, но отложили уход из-за бури. В воскресенье погода поправилась, и мы воспользовались этим, чтобы проскочить в Транзунд.

С нами пришли: «Стрела», «Украйна», «Войсковой», «Трухменец», «Абрек» и 4 миноносца. Застали здесь: брон. «Слава», «Александр II», «Память Азова» и «Адм. Корнилов», так что рейд очень оживлен.

Погода побаловала нас удивительным образом — дни стояли положительно летние, но, конечно, с холодными лунными ночами. Спутники наши: старшая Танеева [1]) и Шнейдер [2]), Фредерикс [3]), Олсуфьев [4]), Бенкендорф [5]), Бирилев [6]), Котя Обол. [7]), Гейден [8]), Чагин [9]), Нилов [10]) и Соллогуб.

Занятия — по утрам прогулка на островах или посещение судов, днем — маленькие облавы на островах с матросами или рыбная ловля. Дети и мы наслаждаемся страшно. Ты не узнала бы нас всех, так мы загорели и поправились в несколько дней.

Я счастлив, как малое дитя, этой свободе и отдыху, а в особенности жизни на воде. Я живу в каюте папа, Аликс [11]) в моей старой, Ольга и Татьяна [12]) в каютах Ксении [13]) и Миши, а маленькие в средней. Твой внук [14]) очень в духе и, видно, все ему нравится; надеюсь, и он будет любить море. Он весьма дружен с гр. Толстым [15]).

Хочется продлить еще на несколько дней пребывание на яхте.

Прощай, моя дорогая мама. Мы все тебя нежно обнимаем с милым арара и всем семейством. Христос с тобой! Всем сердцем твой

Ники.

4.

Петергоф. 29 сентября 1905 г.

Милая, дорогая моя мама,

От всей души благодарю тебя за твое письмо с com. Nielsen, которого я на-днях принял. Я давно хотел написать тебе, но с тех пор, что мы возвратились с моря, на меня страшно насели все. Кроме всяких дел, нужно принимать многих раненых офицеров и солдат, так что гулять мне удается какой-нибудь час в день. Зато я так отлично отдохнул на яхте.

---

[1]) Танеева, Александра Алекс., сестра А. А. Вырубовой, фрейлина.
[2]) Шнейдер, А. Е., гоф-лектриса имп. Александры Федоровны.
[3]) Фредерикс, В. Б., барон, министр имп. двора и уделов.
[4]) Олсуфьев, А. В., ген.-адъютант, пом. команд. имп. главной квартирой.
[5]) Бенкендорф, П. К., гр., обер-гофмаршал.
[6]) Бирилев, А. А., вице-адм., морской министр.
[7]) Оболенский, Николай Дм., кн., ген.-м. свиты его вел.
[8]) Гейден, А. Ф., кап. 1-го р., фл.-ад., нач. морской пох. канцелярии е. в.
[9]) Чагин, И. И., контр-адм., ком. имп. яхты «Штандарт».
[10]) Нилов, К. Д., контр-адмирал свиты его вел.
[11]) Александра Федоровна, императрица.
[12]) Ольга и Татьяна — дочери Николая Романова.
[13]) Ксения Александровна — сестра Николая Романова, жена вел. князя Александра Михайловича.
[14]) Алексей Николаевич, вел. кн., наследник.
[15]) Толстой, Ник. Мих., кап. 1-го р., ком. имп. яхты «Полярная Звезда».

В Биорке к нам явился Витте [1]), он был прост и весьма интересен. После длинного разговора с ним, когда я ему объявил о графском титуле, с ним почти случился «столчок» и затем он три раза старался поцеловать руку! На другой день он с нами завтракал и на «Стреле» ушел в Петербург.

После двухнедельного пребывания на милой «Полярной Звезде», ты поймешь, как было тяжело съезжать. Ольга и Татьяна плакали, когда мы пришли в Кронштадт. Чтобы отблагодарить Толстого и офицеров, мы их приглашали эти дни к обеду и очень весело проводили с ними вечера. Сегодня будет обед с инженер-механиками.

Я видел Дена [2]) — мужа Сони [3]) и нахожу, что он выглядит хорошо, но ходит неважно. Его посылают на юг; через некоторое время Бирилев даст ему место морского агента в Италии, что очень устраивает их обоих.

Ты меня спрашиваешь о Сахарове — я ничего не слыхал об этом и уверен, что это обыкновенные газетные выдумки.

Николай [4]) недавно вернулся с Кавказа; он видел Воронцова [5]), который спокоен и бодр духом. Т[етя] Вера [6]) приехала к т[ете] Сани [7]); у нее опять был небольшой удар, но теперь ей лучше.

В Царское Село мы думаем переехать 6 окт[ября].

Прощай, моя дорогая мама. Крепко обнимаем тебя и милого апапа.

Христос с тобой!

Всем сердцем твой *Ники.*

5.

Петергоф. 5 октября 1905 г.

Милая, дорогая мама,

На этой неделе случилась драма в семействе по поводу несчастной свадьбы Кирилла [8]). Ты, наверное, помнишь о моих разговорах с ним, а также о тех последствиях, которым он должен был подвергнуться, если он женится: 1) исключение из службы, 2) запрещение приезда в Россию, 3) лишение всех удельных денег и 4) потеря звания великого князя.

На прошлой неделе я узнал от Ники [9]), что он женился 25 сентября в Tegernsee. В пятницу на охоте Ники мне сказал, что К[ирилл]

---

[1]) Витте, Сергей Юльевич, председатель Комитета Министров,—за успешное ведение мирных переговоров с Японией в Портсмуте получил графский титул.

[2]) Ден-фон, Дм. Вл., кап. 2-го ранга; позже флигель-адъютант.

[3]) Ден, С. В., урожд. Шереметьева.

[4]) Николай Михайлович, вел. кн.; историк.

[5]) Воронцов, И. И., ген.-адъютант, наместник е. в. на Кавказе.

[6]) Вера Константиновна, герцогиня вюртембергская.

[7]) Александра Иосифовна, вдова вел. князя Константина Николаевича.

[8]) Кирилл Владимирович, вел. князь. Речь идет о его женитьбе на разведенной жене вел. герцога гессенского Эрнста-Людвига (брата имп. Александры Федоровны) — Виктории Федоровне.

[9]) Николай, принц греческий, женатый на в. к. Елене Владимировне.

приезжает на следующий день! Я должен сознаться, что это нахальство меня ужасно рассердило — нахальство потому, что он отлично знал, что не имел никакого права приезжать п о с л е с в а д ь б ы. Желая предупредить возможность появления Кирилла в нашем доме, я послал за Фредериксом и поручил ему отправиться в Царское и объявить Кириллу те 4 пункта и, кроме того, мое негодование за его приезд и приказание сейчас же выехать за границу. На другой день в воскресенье, как нарочно, мы должны были принять Friedrich Leopold [1]) (oiseau de mauvaise augure); он завтракал у нас с д[ядей] Владимиром. Затем я имел с бедным отцом очень неприятный разговор. Как он ни заступался за своего сына, я стоял на своем, и мы расстались на том, что о н попросил уйти со службы. В конце концов, я на это согласился.

Кирилл уехал в воскресенье, предварительно побывав в кают-компании Гвардейского Экипажа, как говорят, чтобы проститься с товарищами.

С этого дня мы ничего не слыхали из Царского, за исключением письма от Ники, который был в отчаянии от всего происшедшего и умолял о смягчении наказания Кириллу.

Морской приказ уже вышел, дни проходили, а бумага о лишении его титула вел. князя все переделывалась, т[ак] к[ак] это был первый случай.

Вместе с тем меня брало сомнение, хорошо ли наказывать человека публично несколько раз под-ряд и в теперешнее время, когда вообще к семейству относятся недоброжелательно.

После долгих размышлений, от кот[орых] наконец заболела голова, я решил воспользоваться имянинами твоего маленького внука и телеграфировал дяде Владимиру, что я возвращаю Кириллу утраченное им звание.

Само собою разумеется, что остальные виды наказаний остаются в силе. По мнению тех, которых я спрашивал, эти три взыскания достаточны, лишь бы они продолжались долгое время!

Уф! Какие это были скучные и неприятные дни! Теперь что дело решено, как будто гора с плеч свалилась!

Интересно было бы знать, что думает т[етя] Miechen? [2]). Как она должна была нас ненавидеть!

Мы так надеемся, что они поедут за границу, потому что д[яде] Владимиру необходимо лечение.

Вот почему мы еще хотим остаться здесь.

Надеюсь, милая мама, ты оправдываешь мой поступок и не находишь, что я действовал мягко.

Сегодня, по-моему, был именно для оказания милости настоящий д е н ь [3]).

---

[1]) Фридрих-Леопольд, принц прусский.

[2]) Мария Павловна (старшая), жена великого князя Владимира Александровича.

[3]) День тезоименитства наследника престола — Алексея Николаевича.

Не знаю, сообщила ли тебе т[етя] Мари [1]) об этой свадьбе, мы от нее ничего не слыхали.

Извини, что все письмо наполнено только этим предметом, но я хотел бы, чтобы ты узнала всю правду от меня.

Прощай, моя дорогая, милая мама. Я постоянно мысленно с тобою. Крепко обнимаем тебя и милого апапа.

Христос с тобою!

Всем сердцем горячо тебя любящий твой *Ники.*

6.

Amalienborg. 6 октября 1905 [г.]

Мой милый, дорогой Ники!

Твое милое письмо меня очень обрадовало и всем сердцем благодарю тебя за него. Я так давно ничего от тебя не слышала, что мне очень не доставало. Не понимаю, зачем добрый ком. Nielsen так долго задержал мое письмо, он, вероятно, сам лично хотел тебе дать, боясь, что ты его иначе не примишь.

Но что опять за брожение умов! Свадьба Кирилла и его приезд в Петербург! Это т а к о е г л у п о е н а х а л ь с т в о, еще не бывалое. Как он смеет явится тебе после этого акта, о т л и ч н о з н а я, ч т о его ожидает et te mettre toi dans cette p é n i b l e p o s i t i o n. C'est simplement honteux et la conduite de la t[ante] Miechen dans cette histoire inexplicable car c'est e l l e qui lui a donné ce bon conseil d'aller à Pétersbourg. La t[ante] Mariem'a écrit une lettre en annonçant le mariage, et deux jours après elle me télégraphie que Кир[илл] est parti pour Царское. Je lui ai répondu par télégr[amme] que je m'étonne et regrette le voyage de K., prévoyant nouvelles complications pénibles et surtout i n u t i l e s. A ceci elle m'écrit une seconde lettre qu'elle n'a pas pu empêcher le départ de K[ирилл] comme André Wl. [2]) envoyé par ses parents est venu avec cette combinaison. D'abord il est venu dire de la part de ses parents que le mariage d e v a i t s e f a i r e a v a n t l'h i v e r, à quoi Кир[илл] lui a annoncé qu'ils étaient déjà mariés ce dont André enchanté. Enfin c'est une telle каша et un tel manque de logique que je n'y comprends absolument rien. Je trouve seulement qu'il n'avait qu'à l'épouser après qu'il l'avait tellement compromise devant le monde entier, — mais alors qu'il se tienne tranquille et se fasse o u b l i e r et qu'il subisse les conséquences, on lui a a s s e z s o u v e n t d i t ce qui l'attendait après. Probablement la t[ante] Miechen a eu l'illusion qu'avec s o n fils on d e v a i t faire une exception et que cet acte de courage et d'h o n n ê t e t é m a l p l a c é e de venir en personne te l'annoncer, devait t'attendrir à tel point que tout serait pardonné. Ce qui me fâche le plus c'est qu'ils ne

[1]) Мария Александровна, сестра имп. Александра III, вдова принца Альфреда-Эрнеста-Альберта Великобританского, герцога Саксен-Кобург-Готского.

[2]) Андрей Владимирович, великий князь.

pensent qu'à eux-mêmes et ont l'air de se moquer de tous les principes et des lois et cela dans un temps aussi serieux et dangereux, où tu as déjà assez de tracas et de tourments sans cela. Non, dans un moment comme celui-la des membres de la famille viennent encore ajouter de nouvelles complications à tous tes désagréments, mon pauvre Ники, et t'accuseront toi d'injustice criante etc. quand ils savaient parfaitement d'avance ce qui se ferait. Car tu ne pouvais pas agir autrement que lui ôter l'uniforme comme à l'oncle Paule [1]) aussi, ainsi qu'à M. M. [2]). Tout ceci la tante Marie comprend très bien, elle me l'a écrit, mais ajoute: «pourvu que Ники ne lui enlève pas son titre de grand duc; c'est une chose impossible, ne s'est jamais vu et n'a pas été fait pour les autres. Songes donc qu'il n'a pas épousé une Dieu sait qui, mais ma fille. Qu'il perde son rang, son service, qu'il doive quitter la Russie, tout cela nous nous y attendions, mais si on lui ôte son titre de grand duc, c'est un immense scandale et que Ники n'a pas le droit de faire sans conseil de famille au moins» [3]). Она тебе, вероятно, тоже написала; она, конечно, страшно

---

[1]) Павел Александрович, великий князь; женился на О. В. фон-Пистолькорс, урожденной Карнович, получившей в 1916 г. титул княгини Палей.

[2]) М. М.— Михаил Михайлович, вел. кн., женился на гр. С. Н. Меренберг, получившей титул графини Торби.

[3]) «и ставит тебя в такое затруднительное положение. Это просто позорно, и поведение тети Михень в этой истории необъяснимо: ведь это она подала ему добрый совет поехать в Петербург. Тетя Мари написала мне письмо с сообщением о браке, а два дня спустя телеграфировала, что Кирилл уехал в Царское. Я ответила телеграммой, что я удивлена и сожалею о поездке Кирилла, предвидя новые тяжелые осложнения, к тому же совершенно бесполезные. На это она мне написала во втором письме, что она не могла помешать отъезду Кирилла, так как Андрей Владимирович, посланный родителями, предложил эту комбинацию. Он приехал сказать от лица родителей, что свадьба должна состояться до наступления зимы, на что Кирилл сообщил, что они уже повенчаны; Андрей был в восторге от этого. Одним словом, это такая каша и такое отсутствие логики, что я решительно ничего в этом не понимаю. Я только считаю, что ему ничего больше не оставалось, как жениться на ней после того, как он ее так скомпрометировал в глазах всего света, — но в таком случае пусть он сидит смирно и ведет себя так, чтобы о нем забыли; пусть он несет последствия: ему достаточно часто говорили о том, что его ожидает. По всей вероятности, тетя Михень воображала, что для ее сына сделают исключение, и что мужество и неуместная честность, выразившиеся в том, что он явился лично объявить тебе об этом, растрогают тебя до такой степени, что все будет прощено. Больше всего меня сердит то, что они думают только о себе и как будто смеются над всеми принципами и законами, и это в такое серьезное и опасное время, когда у тебя и без того достаточно хлопот и мучений. Нет, в такой момент даже члены семьи прибавляют новые осложнения ко всем твоим неприятностям, мой бедный Ники, и будут обвинять тебя в вопиющей несправедливости и проч., тогда как они прекрасно знали заранее, что произойдет! Ибо ты не мог поступить иначе и должен был лишить его мундира, как дядю Павла и как М. М. Все это тетя Мари понимает прекрасно и пишет об этом, но добавляет: «лишь бы Ники не лишил его звания великого князя; это невозможно, невидано и никогда не применялось в отношении других. Подумай: ведь он женился не бог знает

взволнована, но все-таки довольна, что Ducky наконец вышла замуж и эти истории, по крайней мере, кончены, это понятно de son point de vue [1]). Что говорит д[ядя] Владимир? Я ничего не знаю, никто мне не пишет ничего.

Пятница. 7-го ок[тября]. Сегодня чудная ясная погода, но холодно, ночью был мороз и теперь только 2 гр. т[епла]. Мы почти каждый день гуляем пешком с дорогим арара или катаемся, если слишком ветренно. Он иногда кашляет, и тогда лучше быть осторожно. Я чувствую себя очень одинока с тех пор, что a[unt] Alix уехала, но она хотела еще провести несколько дней с George и May перед их отъездом, они вчера уехали из Англии, и бедная a[unt] Alix и Toria [2]) послали мне очень грустные телеграммы. Мы еще не знаем, когда будет a[unt] Thyra [3]), что несносно. Она надеется приехать, когда George Wilhelm отправляется на юг на зиму, он до сих пор в Gmunden, где уже давно холодно и скверно, что именно очень нехорошо для него.

— Что случился с бедном ген. Стесселем? [4]) Правда ли, что его прогнали? не может быть — для меня il est et restera toujours un héros [5]).

Но теперь пора кончать. Мысленно всегда с тобою, мой дорогой Ники. Дай бог тебе всего лучшего, здоровье, силы и душевное спокойство! Крепко целую вас всех, мои дорогие дети и внуки. Да сохранит вас господь! Горячо тебя любящая

Арара обнимает. твоя *мама*.

7.

Amalienborg. 16 окт[ября] 1905 [г.]

Мой милый, дорогой Ники!

Я была так счастлива наконец получить твое дорогое длинное письмо и благодарю тебя от души за него. Тогда ты только писал об истории Кирилла, что уже было так неприятно, но с тех пор какие ужасные вещи случились у нас! Просто не верится! Мне так тяжело не быть с вами. Я страшно мучаюсь и беспокоюсь сидеть здесь, читать газеты и ничего не знать, что делается. Мой бедный Ники, дай бог тебе силы и мудрость в это страшно трудное время, чтобы найти необходимые меры, чтоб побороть это зло.

ном, а на моей дочери. Пусть он потеряет свой чин, свою службу, пусть он должен будет покинуть Россию, ко всему этому мы были готовы, но если его лишат звания великого князя, это будет величайший скандал, и Ники не имеет права сделать этого, по крайней мере, без семейного совета».

[1]) «с ее точки зрения».

[2]) Виктория, принцесса, дочь англ. короля Эдуарда VII. George и May — принц Уэльский Георг и его жена Виктория-Мэй.

[3]) Aunt Thyra — тетя Тюра, жена герцога Кумберлэндского Эрнеста-Августа, сестра Марии Федоровны.

[4]) Стессель, В. А., ген.-адъютант, порт-артурский «герой», развенчанный после судебного следствия об обстоятельствах сдачи им Порт-Артура японцам.

[5]) Он был и всегда будет героем.

Сердце все время ноет, думая о тебе и о бедной России, которая находится в руках злого духа. Теперь, наверно, единственный человек, который может тебе помочь и принести пользу, это — Витте, car m a i n t e n a n t il est pour sûr dans une bonne disposition, un homme g é n i a l e n e r g i q u e et qui voit clair [1]).

Да поможет тебе господь, это моя постоянная молитва. Я в отчаяние не иметь каждый день известий, нельзя ли мне телеграф[ировать] ежедневно, если нужно — шифром, и ничего не скрывать, так гораздо хуже. Так как только что узнала, что Извольский [2]) едет на несколько дней, я пользуюсь им, чтобы это послать, но не успею больше написать. Я надеюсь, что ты его примешь, он все тебе расскажет про нас. Я его довольно часто видела и нахожу, что он очень умный и серьезный человек, с которым приятно говорить. — Как ужасно быть от вас отрезанной, даже сидеть без почты! Сегодня, к моей радости, я все-таки получила письмо от Ксении и Ольги [3]). Они, слава богу, здоровы и тогда еще очень наслаждались Ай-Тодором [4]).

Я так боюсь, чтобы не забастовали на телеграфе, этого еще недоставало! Они все сумашедшие люди! — Дорогой арара тоже очень беспокоится и тебя очень целует.

Да сохранит вас господь, мои дорогие дети и внуки! Крепко и нежно тебя обнимаю, мой дорогой Ники.

Горячо тебя любящая твоя грустная *мама*.

8.

Петергоф. 19 октября 1905 г.

Моя милая, дорогая мама,

Я не знаю, как начать это письмо.

Мне кажется, что я тебе написал последний раз — год тому назад, столько мы пережили тяжелых и небывалых впечатлений. Ты, конечно, помнишь январские дни, которые мы провели вместе в Царском — они были неприятны, неправда ли? Но они н и ч т о в сравнении с теперешними днями!

Постараюсь вкратце объяснить тебе здешнюю обстановку. Вчера было ровно месяц, что мы вернулись из Транзунда. Первые две недели было сравнительно спокойно.

В это время, как ты помнишь, случилась история с Кириллом. В Москве были разные съезды, которые, неизвестно почему, были разрешены Дурново? [5]). Они там подготовляли все для забастовок желез-

---

[1]) «так как теперь он наверное благожелательно настроен; это гениальный, энергичный человек с ясной головой».

[2]) Извольский, А. П., посланник в Копенгагене; в 1906—1910 г.г. — министр иностранных дел.

[3]) Ольга Александровна, вел. кн., дочь Марии Федоровны.

[4]) Ай-Тодор, имение в. к. Александра Михайловича в Крыму.

[5]) Дурново, П. П., московский генерал-губернатор.

ных дорог, которые и начались вокруг Москвы и затем сразу охватили всю Россию.

Петербург и Москва оказались отрезанными от внутренних губерний. Сегодня неделя, что Балтийская дорога не действует. Единственное сообщение с городом морем — как это удобно в такое время года? После железных дорог стачка перешла на фабрики и заводы, а потом даже в городские учреждения и в департамент железн[ых] дорог мин. путей сообщения. Подумай, какой стыд! Бедный маленький Хилков [1]) в отчаянии, но он не может справиться со своими служащими.

В университетах происходило бог знает что! С улицы приходил всякий люд, говорилась там всякая мерзость и — все это терпелось! Советы политехникумов и университетов, получившие а в т о н о м и ю, не знали и не умели ею воспользоваться. Они даже не могли запереть входы от дерзкой толпы и, конечно, жаловались на полицию, что она им н е помогает (а что они говорили в прежние годы—ты помнишь?).

Тошно стало читать агентские телеграммы, только и были сведения о забастовках в учебных заведениях, аптеках и пр., об убийствах городовых, казаков и солдат, о разных беспорядках, волнениях и возмущениях. А господа министры, как мокрые курицы, собирались и рассуждали о том, как сделать объединение всех министерств, вместо того, чтобы действовать решительно.

Когда на «м и т и н г а х» (новое модное слово) было открыто решено начать вооруженное восстание, и я об этом узнал, тотчас же Трепову были подчинены все войска петербург[ского] гарнизона, я ему предложил разделить город на участки, с отдельным начальником в каждом участке. В случае нападения на войска было предписано действовать немедленно оружием. Только это остановило движение или революцию, потому что Трепов предупредил жителей объявлениями, что всякий беспорядок будет беспощадно подавлен — и, конечно, все поверили этому.

Наступили грозные тихие дни, именно тихие, потому что на улицах был полный порядок, а каждый знал, что готовится что-то — войска ждали сигнала, а те не начинали. Чувство было, как бывает летом перед сильной грозой! Нервы у всех были натянуты до невозможности, и, конечно, такое положение не могло продолжаться долго. В течение этих ужасных дней я виделся с Витте постоянно, наши разговоры начинались утром и кончались вечером при темноте. Представлялось избрать один из двух путей: назначить энергичного военного человека и всеми силами постараться раздавить крамолу; затем была бы передышка и снова пришлось бы через несколько месяцев действовать силою; но это стоило бы потоков крови и в конце концов привело бы неминуемо к теперешнему положению, т.-е. авторитет власти был бы показан, но результат оставался бы тот же самый и реформы вперед не могли осуществляться бы.

---

[1]) Хилков, М. И., министр путей сообщения.

Другой путь — предоставление гражданских прав населению — свободы слова, печати, собраний и союзов и неприкосновенности личности; кроме того, обязательство проводить всякий законопроект через Госуд. Думу — это, в сущности, и есть конституция. Витте горячо отстаивал этот путь, говоря, что хотя он и рискованный, тем не менее единственный в настоящий момент. Почти все, к кому я ни обращался с вопросом, отвечали мне так же, как Витте, и находили, что другого выхода кроме этого нет. Он прямо объявил, что если я хочу е г о назначить председателем Совета Министров, то надо согласиться с его программой и не мешать ему действовать. Манифест был составлен им и Алексеем Оболенским [1]). Мы обсуждали его два дня и, наконец, помолившись, я его подписал. Милая моя мама, сколько я перемучился до этого, ты себе представить не можешь! Я не мог телеграммою объяснить тебе все обстоятельства, приведшие меня к этому страшному решению, которое, тем не менее, я принял совершенно сознательно. Со всей России только об этом и кричали и писали и просили. Вокруг меня от многих, очень многих, я слышал то же самое, ни на кого я не мог опереться, кроме честного Трепова — исхода другого не оставалось, как перекреститься и дать то, что все просят. Единственное утешение это — надежда, что такова воля божья, что это тяжелое решение выведет дорогую Россию из того невыносимого хаотического состояния, в каком она находится почти год.

Хотя теперь я получаю массу самых трогательных заявлений благодарности и чувств, положение все еще очень серьезное. Люди сделались совсем сумасшедшими, многие от радости, другие от недовольства. Власти на местах тоже не знают, как им применять новые правила — ничего еще не выработано, все на честном слове. Витте на другой день увидел, какую задачу он взял на себя. Многие, к кому он обращался занять то или другое место, теперь отказываются.

Старик Победоносцев [2]) ушел, на его место будет назначен Алексей Оболенский; Глазов [3]) тоже удалился, а преемника ему еще нет. Все министры уйдут и надо будет их заменить другими, но это — дело Витте. При этом необходимо поддержать порядок в городах, где происходят двоякого рода демонстрации — сочувственные и враждебные, и между ними происходят кровавые столкновения. Мы находимся в полной революции при дезорганизации всего управления страною; в этом главная опасность.

Но милосердный бог нам поможет; я чувствую в себе его поддержку и какую-то с и л у, которая меня подбадривает и не дает пасть духом! Уверяю тебя, что мы прожили здесь года, а не дни, столько было мучений, сомнений, борьбы!

---

[1]) Оболенский, А. Д., кн., член Госуд. Совета, позже обер-прокурор синода (окт. 1905—1906 г.)

[2]) Победоносцев, К. П., обер-прокурор синода бессменно с 1880 г.

[3]) Глазов, В. А., ген.-лейт., министр народного просвещения.

Сию минуту мне принесли твое милое письмо от Извольского. От всей души благодарю тебя, дорогая мама. Я з н а ю, что ты молишься о твоем бедном Ники.

Христос с тобою!

Господи, спаси и успокой Россию!

Всем сердцем твой *Ники.*

9.

Петергоф. 27 октября 1905 г.

Милая, дорогая моя мама,

Пользуюсь отъездом Извольского, чтобы поговорить с тобой немного по-душе. Думаю, что последнее мое письмо, хотя и длинное, было очень неясное и слабое. Надеюсь, Извольский лучше объяснит и расскажет тебе все то, что он видел и сам слышал, нежели я это сделаю.

Прежде всего спешу тебя успокоить тем, что в общем положение стало, конечно, лучше, чем оно было неделю тому назад!

Это бесспорно так! Также не может быть сомнения в том, что положение России еще очень трудное и серьезное.

В первые дни после манифеста нехорошие элементы сильно подняли головы, но затем наступила сильная реакция, и вся масса преданных людей воспряла.

Результат случился понятный и обыкновенный у нас: народ возмутился наглостью и дерзостью революционеров и социалистов, а так как $^{9}/_{10}$ из них — жиды, то вся злость обрушилась на тех — отсюда еврейские погромы. Поразительно, с каким е д и н о д у ш и е м и с р а з у это случилось во всех городах России и Сибири. В Англии, конечно, пишут, что эти беспорядки были организованы полицией, как всегда — старая знакомая басня! Но не одним жидам пришлось плохо, досталось и русским агитаторам, инженерам, адвокатам и всяким другим скверным людям. Случаи в Томске, Симферополе, Твери и Одессе ясно показали, до чего может дойти рассвирепевшая толпа, когда она окружала дома, в которых заперлись революционеры, и поджигала их, убивая всякого, кто выходил.

Я получаю много телеграмм отовсюду, очень трогательного свойства, с благодарностью за дарование свободы, но с ясным указанием на то, что желают сохранения самодержавия. Зачем они молчали раньше — добрые люди? Всю эту неделю я прощался с министрами и предлагал новым занять их места. Об этих переменах Витте меня просил раньше, но у него не все кандидаты согласились пойти. Вообще он не ожидал, что ему будет так трудно на этом месте.

Странно, что такой умный человек ошибся в своих расчетах на скорое успокоение. Мне не нравится его манера разговаривать с разными людьми крайнего направления, при чем на другой же день все эти беседы попадают в газеты и, конечно, навранными. Я ему говорил

об этом, и, надеюсь, он перестанет. К сожалению, Трепов уходит. Он давно меня предупреждал, что, если Витте будет назначен, то им вместе служить невозможно.

Хотя они ладили первые дни и сам Витте очень хвалил действия Трепова, тем не менее постоянно возникали разного рода затруднения. Как это ни жаль, но я должен уступить настойчивым просьбам Трепова убрать его; он, бедный, совершенно выбился из сил, потому что никто из господ министров ему ни в чем не помогал! Он действовал молодцом в эти тревожные дни в Петербурге, и только благодаря ему и удивительной выдержке войск не произошло страшного кровопролития. Офицеры и солдаты очень озлоблены бывшими манифестациями с красными и черными флагами и самыми невозможными речами на улицах.

Сегодня Трепов назначен на место Гессе [1]), где он будет весьма полезен и может отдохнуть.

В Финляндии тоже произошла полная забастовка, так что, когда был послан туда манифест на «Ellakön», я три дня не знал, как он был принят. По непонятной для меня причине, Оболенский [2]) вдруг испугался и переехал с семьею в Свеаборг! Он так скомпрометирован, что там оставаться больше не может. Из твоей депеши я узнал, что там все хорошо окончилось. Теперь пора кончать. Крепко обнимаю тебя, моя милая душка мама.

Поверь мне, что у меня на душе гораздо спокойнее.

Христос с тобою!

Всем сердцем тебя любящий твой *Ники.*

10.

Amalienborg. 1 ноября 1905 [г].

Милый, дорогой мой Ники!

Наконец, можно послать фельдегера обратно. Извольский третьего дня вернулся с вашими дорогими письмами, за кот[орые] я всем сердцем благодарю тебя, мой милый Ники. Ты не можешь себе представить, как твое письмо меня обрадовало, зная, как тебе трудно в это время писать, но я так много страдала и измучилась, что я чувствую, что я, по крайней мере, 10 лет постарела в это короткое время! Слава богу, что последние дни всетаки немного спокойнее стало в Петербурге и что тебе немножко легче стало на душе, мой бедный Ники. Это же ужас, через какие страдания ты прошел, surtout ne pas savoir à quoi se décider, tout cela je le sentais dans mon coeur et souffrais pour toi. Je comprenais que tu ne pouvais pas me télégraphier, mais l'angoisse pour moi ici sans nouvelles était simplement tuante! Au moins par Isvolsky j'ai eu tous les détails de toutes ces

[1]) Гессе, П. П., ген.-лейт., ген.-адъют., дворцовый комендант.

[2]) Оболенский, Ив. Мих., кн., ген.-адъют., финляндский генерал-губернатор; был заменен сен. Н. Н. Герардом (1905—1908).

terribles journées et on a de la peine à croire que c'est en R u s s i e que cela s'est passé! Enfin tu ne pouvais pas agir autrement, le bon Dieu t'a aidé à sortir de cette terrible et plus que pénible situation et toi, avec ta grande foi, je suis sûre qu'il continuera à t'aider et à te soutenir dans tes bonnes intentions. Il lit dans les coeurs et voit avec quelle patience et résignation tu portes la lourde croix dont il t'a chargé. Witte est aussi bien à plaindre dans ses terribles difficultés, surtout qu'il ne s'y attendait pas — il faut que tu lui montres de la confiance maintenant et le laisses agir d'après son programme. Je regrette énormement que Trepoff a dû quitter, car il a vraiment deux fois sauvé toute la situation à Pètersbourg grâce à son énergie et admirable conduite, mais je suis heureuse de le savoir près de toi à la place de l'ecce, où il pourra être d'une si grande utilité, car c'est maintenant un poste des plus importants et responsables, et pour m o i c'est un sentiment d e g r a n d e s é c u r i t é de le savoir l à. Ainsi l'oncle Wladimir a quitté. Dieu donne que Николаша [1]) fasse bien, je suis sûre qu'il fera tout son possible, étant un si bon militaire dans l'âme et très énergique. J'espère seulement qu'il sera m o i n s c a s s a n t avec ses subordonnés, qu'il l'était avant. L'oncle Wladimir a, dit-on, été très blessé de ce que si longtemps tu ne lui as pas répondu à sa lettre où il avait demandé sa démission après l'histoire de Кирилл — c'est la t[ante] M[arie] qui me l'a écrit. Peut-être s'eût été mieux de l'avoir fait venir pour en parler et s'expliquer personnellement mais tout cela est justement tombé avec toutes ces grandes journées de trouble où certainement tu n'avais ni la tête ni le temps de t'occupper d'autres choses à côté, qui dans ce moment paraissaient bien moins graves. Comme tout cela est pénible et comme la première entrevue, surtout avec e l l e, sera désagréablement émouvante. Au moins si dans la famille on voulait rester u n i, surtout dans des temps a u s s i m a u v a i s comme maintenant.

Ici au moins nous menons une vie des plus paisibles dont j'aurais pu jouir, si le coeur n'était pas si troublé et tourmenté! Je suis heureuse d'avoir la chère t[ante Thyra ici, après deux ans de séparation. Le cher apapa se sent bien Dieu merci, mais je trouve que souvent il a l'air si fatigué et n'a pas envie de marcher le dernier temps, c'est vrai qu'il fait plus froid et surtout le vent n'est pas agréable. Il parle si souvent de toi et prend tout tellement à coeur ce qui se passe chez nous. — La question norvégienne semble décidée maintenant et lundi prochain on attend la députation pour offrir définitivement à Charles le trône de la Norvège. Pour Charles [2]) et Maud ce temps d'indécision a aussi été très pénible et ennuyeux et je crois, une fois la décision prise, ils sont assez contents,

---

[1]) Николай Николаевич, великий князь, главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа с 27 октября 1905 г.

[2]) Карл, принц датский, был избран норвежским стортингом на норвежский престол после отделения Норвегии от Швеции; по вступлении на престол принял имя — Гаакон VII.

quoique le moment du départ leur sera très pénible et triste. Je les vois dans le jour et leur baby est ravissant et m'enchante. Isvolsky m'a raconté combien il était ravi de mon petit-fils Алексей, qu'il marche déjà et parle. Cela me fait t a n t de peine que j'ai manqué ce moment, le plus intéressant et gentil d'un enfant. Je l'embrasse avec toutes mes chères petites-filles qui, j'espère, ne m'oublient pas [1]).

Но теперь прощай, мой дорогой Ники, мои молитвы п о с т о я н н о с тобою. Да сохранит тебе господь! Нежно и крепко вас всех обнимаю.

Горячо тебя любящая твоя *мама*.

Сердечно благодарю дор[огую] Аликс за милое письмо.

---

[1]) «в особенности не знать, на что решиться,— все это чувствовало мое сердце, и я с т р а д а л а за тебя. Я понимала, что ты не можешь мне телеграфировать, но тоска для меня здесь без вестей была просто у б и й с т в е н н о й. От Извольского, по крайней мере, я узнала все подробности обо всех этих ужасных днях; трудно поверить, что все это произошло в России! В конце концов ты не мог поступить иначе, бог помог тебе выйти из этого ужасного и более чем мучительного положения, и я уверена, что при твоей глубокой вере он будет и дальше помогать тебе и поддерживать тебя в твоих благих намерениях. Он читает в сердцах и видит, с каким терпением и смирением ты несешь тяжелый крест, возложенный им на тебя. Витте также заслуживает большого сожаления со всеми его ужасными затруднениями, в особенности потому, что он их не ожидал. Ты должен теперь высказать ему доверие и предоставить ему действовать по его программе. Я очень жалею, что Трепов должен был покинуть свой пост, так как он поистине дважды спас положение в Петербурге, благодаря своей энергии и прекрасному поведению, но я счастлива, что он около тебя, на месте Гессе, где он может принести такую большую пользу, так как теперь это один из наиболее важных и ответственных постов, и д л я м е н я б о л ь ш о е у с п о к о е н и е знать, что он т а м. Итак, дядя Владимир покинул службу. Дай бог, чтобы Николаша преуспел; я уверена, что он сделает все возможное, будучи таким хорошим солдатом в душе и очень энергичным человеком. Надеюсь только, что он будет м е н е е р е з к и м со своими подчиненными, чем был раньше. Дядя Владимир, говорят, был очень задет тем, что ты так долго не отвечал на его письмо, в котором он просил отставки после истории с Кириллом, — мне написала об этом тетя М[ари]. Может быть, было бы лучше вызвать его, чтобы поговорить об этом и объясниться лично, но все это как раз совпало со всеми этими днями тревоги, когда тебе, разумеется, было не до того, чтобы заниматься другими побочными делами, которые в это время казались значительно менее важными. Как все это тяжело, и каким неприятно волнующим будет первое свидание, особенно с н е й! Если бы, по крайней мере, в семье хотели остаться с п л о ч е н н ы м и, особенно в такое т р у д н о е время, как сейчас! Здесь, по крайней мере, мы ведем самую мирную жизнь, которой я могла бы наслаждаться, если бы душа не была так неспокойна и измучена. Я счастлива, что со мной после двухлетней разлуки дорогая тетя Тюра. Дорогой арара чувствует себя, слава богу, хорошо, но я нахожу, что у него часто очень усталый вид и ему не хочется в последнее время ходить; правда, стало холоднее и особенно ветер неприятен. Он так часто говорит о тебе и принимает так близко к сердцу все, что происходит у нас. Норвежский вопрос, повидимому, теперь разрешен, и в будущий понедельник ждут депутацию, которая окончательно предложит Карлу норвежский трон. Для Карла и Мод это время неопределенности было также очень тягостным и тоскливым, и я думаю, что, раз приняв решение, они должны быть довольны, хотя момент отъезда будет для них очень

11.

Царское Село. 10 ноября 1905 г.

Милая, дорогая моя мама,

От всего сердца благодарю тебя за твое доброе длинное письмо, которое меня глубоко тронуло. Я чувствовал все это время твои молитвы за меня и знаю, что ты постоянно думаешь о мне, так же как и мои мысли всегда окружают тебя. Хотя мы и в разлуке, но душою и сердцем в м е с т е. Это сознание облегчает перенесение трудностей жизни!

2 ноября Миша прикатил в Петергоф на своем моторе, и мы переехали вместе сюда. В этот же день началась вторая забастовка железных дорог вокруг Петербурга; но она была не серьезная, так как все остальные дороги отказались от нее. Стачка на фабриках прекратилась потому, что рабочие этот раз ничего не добились кроме голода для себя и своих семейств.

Знаменитый «Союз союзов», который вел все беспорядки, много потерял своего значения после этой забастовки!

Но, вместе с этим, как ты, конечно, знаешь, внутри России начались аграрные беспорядки. Это самое опасное явление, вследствие легкости подбивать крестьян отнимать землю у помещиков, а также потому, что войск везде мало.

Армия из Манчжурии возвращается медленно из-за прекращения движения Сибирской ж. д. Три генерал-адъютанта были посланы для усмирения этих беспорядков: Струков, Дубасов и Сахаров. Сведений от них еще немного, но там, где они сами бывали, наступает спокойствие.

У меня каждую неделю раз заседает Совет Мин[истров]. Миша тоже присутствует. Говорят много, но делают мало. Все боятся действовать смело, мне приходится всегда заставлять их и самого Витте быть решительнее. Никто у нас не привык брать на себя и все ждут приказаний, которые затем не любят исполнять. Ты мне пишешь, милая мама, чтоб я оказывал доверие Витте. Могу тебя уверить, что с моей стороны делается все возможное, чтобы облегчить его трудное положение. И это он чувствует. Но не могу скрыть от тебя некоторого разочарования в Витте. Все думали, что он страшно энергичный и деспотичный человек и что он примется сразу за водворение порядка прежде всего.

Он с а м мне говорил еще в Петергофе, что как только манифест 17 окт[ября] будет издан, правительство не только может, но должно решительно проводить реформы и н е допускать насилий и беспоряд-

---

мучительным и грустным. Я вижу их днем, их baby восхитителен и приводит меня в восторг. Извольский рассказывал мне, в какое восхищение привел его мой внук, Алексей, который уже ходит и говорит. Мне так больно, что я пропустила этот самый интересный и очаровательный период в жизни ребенка. Целую его и всех моих дорогих внучек, которые, надеюсь, не забывают меня».

ков. А вышло как будто наоборот — повсюду пошли манифестации, затем еврейские погромы и, наконец, уничтожения имений помещиков!

У хороших и честных губернаторов везде было спокойно; но многие ничего не предпринимали, а некоторые даже сами ходили впереди толпы с красными флагами; такие, конечно, уже сменены. В Петербурге менее всего видно смелости власти и это, именно, производит странное впечатление какой-то боязни и нерешительности, как будто правительство не смеет открыто сказать, что можно и чего нельзя делать. С Витте я постоянно говорю об этом, но я вижу, что он не уверен еще в себе.

— Мы читали с интересом об избрании Carl и Maud на норвежский престол. Как трогательно милый апапа говорил депутации и как хорошо отвечал ему Carl!

Дай бог счастья и успеха в новом трудном деле! Сегодня они уходят, мы им послали телеграмму.

Теперь я должен отдать письмо фельдъегерю. Крепко обнимаю тебя, моя дорогая мама, милых апапа и a[unt] Thyra.

Христос с тобою!

Все твои внучки целуют тебя.

Всем сердцем твой

Ники.

12.

Царское Село. 17 ноября 1905 г.

Милая, дорогая мама,

Еще одна тяжелая неделя прошла.

Крестьянские беспорядки продолжаются, в одних местах они кончаются, а в новых местностях начинаются. Их трудно остановить потому, что нехватает войск или казаков, чтобы поспевать всюду.

Но что хуже всего, это новый бунт в Севастополе в морских командах на берегу и в некоторых частях гарнизона.

До того больно и стыдно становится, что словами нельзя выразить.

Вчера, по крайней мере, ген. Меллер-Закомельский [1]) энергично покончил с мятежом; морские казармы взяты Брестским полком, и крейсер «Очаков» сдался после стрельбы с «Ростислава» и артиллерии на берегу. Сколько убитых и раненых, я еще не знаю. Подумать страшно, что это все свои люди!!

Какой-то прогнанный со службы офицер — бывший лейтенант Шмидт [2]) провозгласил себя командиром «Очакова», но после боя бежал, переодетый матросом, и был пойман. Его, конечно, придется расстрелять!

---

[1]) Меллер-Закомельский, А. Н., бар., ген.-от-инф., в 1904—1906 г.г. ком. 7, а затем 5 арм. корп., в 1906 г. был начальником карательной экспедиции на Самаро-Златоустовской и Сибирской железных дорогах, позже ген.-губ. Прибалтийского края.

[2]) Шмидт, П. П., лейтенант, один из руководителей матросского восстания в Севастополе в ноябре 1905 г.; был расстрелян в марте 1906 г.

Вероятно, ничего этого не случилось бы, если бы команда «Потемкина» была строго наказана, а не осталась за границей.

Пропаганда в войсках проводится в последнее время очень сильно, и бороться с нею можно только надзором и внимательным отношением к солдатам со стороны офицеров, как это существует в гвардии.

Я хочу видеть полки здесь по очереди и начну с Семеновского полка.

Георгиевский праздник будет тоже здесь, в сокращенном виде, с большим завтраком вместо обеда.

У меня нет времени больше писать тебе, милая мама.

Крепко обнимаю тебя и дорогого апапа.

Христос с тобою!

Всем сердцем твой

Ники.

13.

Amalienborg, 28 ноября 1905 [г.].

Мой милый, дорогой Ники.

Всем сердцем благодарю тебя за твое дорогое письмо, которое меня страшно обрадовало, хотя еще м а л о утешительного! Все т а к т я ж е л о и грустно, что слов нет. Когда же, наконец, бог нас услышит и поможет несчастной России выйти из этого ужасного бедствия! Мои мысли п о с т о я н н о с тобою, мой дорогой Ники, и мое сердце рвется к тебе, переполненное самыми горячими благопожеланиями для тебя. Я совсем измучилась, день и ночь только об этом думаю, но, как ты, всетаки не теряю надежды на богу.

Я о ч е н ь рада, что гв[ардейские] полки по очереди будут в Царском, я уже слышала, как Семеновский полк был в восторге от приема. Это отлично, чтобы они тебя видели, и для тебя утешение, est t r è s n e c e s s a i r e de les c a j o l e r pour leur dévouement et tous leurs services bien pénibles pendant ces longues semaines de troubles [1]).

Полковник Мин [2]) мне телеграфировал — ужасно с ч а с т л и в быть фл[игель] ад[ъютантом], я боюсь, что он не получил мой ответ, я ему два раза телеграф[ировала], но, вероятно, он не получил grâce à ces dégoutantes impardonables grèves qui ruinent tout le pays! Ici nous menons une vie bien tranquille (moi pas dans mon i n t é r i e u r). Le cher apapa sort dans les jours et se sent Dieu merci bien, excepté la toux qui l'empêche souvent de dormir. Malheureusement, la chère t[ante] Thyra a déjà dû partir samedi matin d'ici, ce qui est une perte terrible pour le pauvre apapa et pour moi qui étions toujours ensemble et la seule avec qui je pouvais parler à coeur ouvert. C'est très triste, mais le bon oncle Ernest n'a pas voulu fléchir, il prétendait qu'il avait tant à

---

[1]) «н е о б х о д и м о и х п р и л а с к а т ь за их преданность и очень тяжелую службу в эти недели беспорядков».

[2]) Мин, Г. А., полк., фл.-адъютант, ком. Семеновского полка, прославившийся жестокостями при подавлении декабрьского восстания в Москве.

faire à Gmunden, qu'il ne pouvait pas rester un jour de plus. Insupportable. Elle me manque horriblement, tous les matins nous marchions ensemble en ville, courrions les magasins, qui sont si bien arrangés, surtout maintenant avant Noël, quelques fois nous faisions des visites à des vieilles dames, m-elle Rosen entre autres, qui est toujours si malade, tout à fait sourde et presqu'aveugle, la pauvre. Tout de même elle s'interesse à tout comme, avant et etait si contente de nous voir. Le temps est sombre, mais assez doux pas moins de 3 d[égrés] de chaud, hier dimanche il a fait magnifique avec un soleil resplendissant et 5 d[égrés]. J'espère que chez vous il n'y a pas encore l'hiver c'est encore trop tôt. Nous avons fêté le cher oncle Hans [1]) le 22 où il a eu 80 ans, vraiment on ne peut pas le croire quand on le voit, toujours le même avec sa tournure de jeune homme. Il me prie de te dire mille choses de sa part, ainsi que le cher apapa qui prend une telle part de coeur à tous nos malheurs et terribles chagrins.

De Xenia je n'ai plus du tout de nouvelles, quelques fois je reçois par hasard un télégramme, mais depuis trois jours pas même cela. C'est un affreux sentiment d'être ainsi coupée de tous et j'en souffre horriblement. Quelle horreur que l'assassinat du pauvre gros Сахаров [2]) à Саратов! Longtemps je n'ai pas voulu y croire. C'est abominable, un gén[éral] aide de camps envoyé par toi! Je suis très triste que mon ami Orloff-Dawidow est si malade. Tu sais peut-être qu'il a eu un coups d'apoplexie et ne parvient pas se remettre depuis. Je crois que cela lui aurait fait grand plaisir si pour le 6 déc. tu lui aurais envoyé une marque d'attention. Je sais qu'au printemps il devait fêté son jubilé de 50 ans où probablement il aurait reçu quelque chose, il doit avoir dit à sa famille que probablement il ne vivra plus pour son jubilé. Si tu lui donnais le St. André le 6 déc. je crois que cela le rendrait très heureux, c'est un si brave et excellent homme, tellement devoué et grand seigneur, comme on n'en trouve plus.

J'espère que tous mes chers petits-enfants vont bien et qu'ils ne m'oublient pas. Le Baby a-t-il été photographié dernièrement, alors je prie qu'on me l'envoie. Il doit avoir tant grandi et courre déjà je suis sûre. Au moins le bonheur d'avoir ses chers enfants autour de vous est une joie et une vraie consolation pour laquelle il faut remercier le bon Dieu.

Maintenant il faut finir, le courrier attend ma lettre [3]).

Я вас всех нежно и крепко обнимаю, как я вас люблю. Да сохранит вас господь!

Горячо тебя любящая

твоя старая *мама*.

---

[1]) Пов., принц Иоганн, брат датского короля Христиана IX.

[2]) Сахаров, В. В., ген.-адъютант, посланный для подавления крестьянских «беспорядков» в Саратовскую губернию, был убит 22 ноября 1905 г. с.-р. Биценко.

[3]) «Из-за этих отвратительных непростительных забастовок, разоряющих всю страну! Мы ведем здесь очень спокойную жизнь (она не совпадает с моим душевным состоянием). Дорогой арара выходит днем и чувствует себя, слава

14.

Царское Село. 1 декабря 1905 г.

Милая моя, дорогая мама,

Сегодня пришло твое дорогое длинное письмо, за которое от всей души благодарю тебя. Мы все чувствуем, как тебе должно быть тяжело теперь, в особенности после отъезда т[ети] Thyra. Конечно, неприятна эта оторванность друг от друга благодаря забастовке телеграфа, но для нас здесь она лучше железнодорожной стачки. Странно, что я продолжаю получать массу телеграмм каждый день изнутри России, но из-за границы ничего не приходит. Сибирский телеграф не действует, я уже две недели не получаю известий от Линевича [1]). Войска оттуда

богу, хорошо, если не считать кашля, который часто мешает ему спать. К несчастью, дорогая тетя Тюра должна была уже уехать отсюда в субботу утром, и это ужасная потеря для бедного арара и для меня, так как мы всегда были вместе, и с ней одной я могла говорить откровенно. Это очень грустно, но дорогой дядя Эрнест остался непреклонным: он утверждал, что у него так много дела в Гмундене, что он не мог остаться ни на один день дольше. Невыносимо! Мне ее ужасно недостает. Каждое утро мы ходили вместе по городу, бегали по магазинам, которые так хорошо убраны, в особенности теперь перед Рождеством; иногда мы делали визиты пожилым дамам, в том числе m-lle Розен, которая всегда очень больна, совсем глуха и почти слепа, бедняжка. Тем не менее, она всем интересуется, как прежде, и была так рада нас видеть. Погода пасмурная, но довольно мягкая, не менее 3° тепла; вчера, воскресенье, был чудный день с ярким солнцем и 5-ю градусами тепла. Я надеюсь, что у вас еще нет зимы, еще слишком рано. Мы праздновали 22-го рождение дорогого дяди Ганса, ему исполнилось 80 лет. Право, нельзя поверить этому, когда видишь его все тем же с его юношеской фигурой. Он просит передать тебе тысячу пожеланий, равно как и дорогой арара, который принимает так близко к сердцу все наши несчастья и тяжелые огорчения.

От Ксении я больше совсем не имею известий; иногда случайно я получаю телеграммы, но вот уже три дня не получала даже их. Это ужасное чувство — быть до такой степени отрезанной от всех, и я ужасно страдаю от этого. — Какой ужас — убийство бедного толстяка Сахарова в Саратове! Я долго не хотела этому поверить. Это ужасно: генерал-адъютант, посланный тобою! Мне очень грустно, что мой друг Орлов-Давыдов так сильно болен. Ты, может быть, знаешь, что у него был апоплексический удар, и с тех пор ему не удается поправиться. Я думаю, что ему доставило бы большое удовольствие, если бы 6-го декабря ты оказал ему знак внимания. Я знаю, что весною он должен был праздновать свой 50-летний юбилей и, вероятно, получил бы что-нибудь; он говорил своей семье, что, по всей вероятности, не доживет до своего юбилея. Если бы ты дал ему 6-го декабря орден св. Андрея, я думаю, это осчастливило бы его; это такой честный и чудный человек, такой преданный и — настоящий барин, каких больше нет.

Надеюсь, что все мои дорогие внучата здоровы и не забывают меня. Снимался ли в последнее время baby? Если да, прошу прислать мне карточку. Он, должно быть, очень вырос и, я уверена, уже бегает. Во всяком случае, счастье иметь вокруг себя дорогих детей является для вас большою радостью и истинным утешением, за которое надо благодарить бога.

Ну, пора кончать: курьер ждет мое письмо».

[1]) Линевич, Н. П., главнокомандующий русской армией в войне с Японией. Речь идет о перевозке в Россию с Д. Востока демобилизованных войск.

начинают подходить; на-днях в Москву прибыли первые эшелоны 13-го корпуса. Так что железная дорога опять работает теперь хорошо.

Бедный Сахаров! Не думал я, прощаясь с ним в Петергофе, что более никогда не увижу его! Подумай, что убийцей была женщина; она три раза выстрелила в него, сидя с другой стороны письменного стола, в доме Столыпина![1]).

Здесь на-днях скончался маленький Лобко[2]), бывший мой профессор военной администрации.

Семеновский полк был в великолепном виде, хотя его баталионы не видали друг друга полтора месяца, вследствие службы в Петербурге. Мин и все офицеры были в отличном расположении духа.

26-го происходил Георгиевский праздник.

Новых кавалеров было довольно много.

Из армии прибыло 150 чел., которых Линевич нарочно прислал для этого.

За два дня мы смотрели 800 солдат 1-го армейского корпуса, вернувшихся с войны, чтобы быть учителями молодых солдат своих полков. Приехали между ними и 100 Новочеркасцев; всем раненым и оставшимся в строю я дал георг[иевские] кресты.

Такая радость была увидеть этих славных людей, которые с таким самоотвержением послужили полтора года в страшной и трудной войне!

Старый Мейндорф [3]), их командир, бегал около них и расспрашивал о тех боях, в которых он был с ними; а я рядом говорил с другими, на это он не обращал никакого внимания. Было очень забавно!

Сегодня был смотр Московскому полку — тоже блестящий. Офицеры вчера обедали у нас — теперь это уже вошло в привычку, Аликс отлично разговаривает со всеми по-русски. Завтра приходят Преображенцы. 6 дек[абря] здесь будет парад Гвардейскому Экипажу и Стрелкам, а затем дальше по очереди будут смотры и другим частям.

В общем, положение очень серьезное ввиду не прекращающихся крестьянских беспорядков, но всетаки со всех сторон начинают раздаваться голоса все громче и все сильнее о том, что пора правительству начинать действовать энергично, и это — очень большой успех!

Витте именно этого и ждал, и теперь он начнет подавлять решительно революцию, — по крайней мере, он так мне говорил. Он понимает, что все благомыслящие люди недовольны им и стали нетерпеливы от его бездействия, и поэтому готов приказать арестовать главных руководителей мятежа. Я ему давно говорил про это, но он все надеялся обойтись без крутых мер.

Теперь я должен кончать.

---

[1]) Столыпин, П. А., саратовский губернатор; позднее — министр внутр. дел и премьер-министр (1906—1911).

[2]) Лобко, П. Л., ген.-адъют., ген.-от-инф., проф. академии ген. штаба, госуд. контролер (1899—1905).

[3]) Мейндорф, Ф. Е., ген.-от-кав., ген.-адъют., ком. 1 арм. корпуса.

Прощай, моя дорогая мама. Крепко обнимаю тебя и милого апапа.

Внучки тебя очень целуют; маленький отлично ходит, но почти не говорит.

Фотографии еще не снимали.

Христос с тобою!

Всем сердцем любящий тебя

твой *Ники*.

15.

Amalienborg. 2 дек[абря] 1905 [г].

Милый, дорогой мой Ники!

От души поздравляю тебя и шлю тебе самые горячие благопожелания [1]). Дай бог тебе всего хорошего и помощи в эту страшно трудную минуту! Ты понимаешь, как мне грустно и тяжело не быть с тобою именно в этот день и вообще в это время, т[ак] к[ак] издали все еще мучительнее, просто выразить невозможно, ни одной минуты сердце не может быть спокойно, так страдаю за тебя и с тобой за Россию и за всех, что даже писать трудно. Только вчера получила твою ответную телеграмму после 26 ноя[бря] из Eydtkuhnen. Вот безобразие эти забастовки, полное раззорение для страны и для всех! Не чувствуется ни патриотизма, ни власть, это просто ужас. Только бог один может из этого хаоса вывести и спасти! Может быть с Гос. Думы начнется лучшее время, все надеятся на нее, дай бог!

Вчера я, наконец, получила старое письмо от бедной Ксении, телегра[ммы] совсем не доходят. Она в полном отчаянии от всех гадостей в Севастополе и пишет, что несколько дней положение в Ялте было очень неприятное, т[ак] к[ак] там ожидался приход взбунтовавшихся судов с подлецом Шмитом. Но, слава богу, его поймали раньше à la grande déception des revolutionnaires de [2]) Ялта! Надеюсь, что с Шмитом покончили, а то, пожалуй, он еще убежит, с такими канальями церемониться не надо. Ксения страшно беспокоится насчет добрых офицеров — задержаны на «Очакове», все ли они спаслись? Надеюсь, что ты имеешь известие. Я решительно ничего не знаю кроме датских газет, и это далеко неутешительно, особенно известия из Риги, где, говорят, просто республика, — прелестно!! Как это все кончится, богу одному известно!

Ольга и Миша мне раз телеграф[ировали], что послали письма 27-го н[оября], но до сих пор не получила. Не понимаю, отчего они их не послали с фельдъег[ерем], отправляемым ежедневно с телегр[аммами] в Eydtkuhnen. Все это несносно и ужасно мучительно. Такая тоска, что терпения нет! Просто иногда не знаешь, что делать, что даже думать, все кажется так невероятно и что это в России что все это происходит!!

---

[1]) 6 декабря — день тезоименитства Николая Романова.

[2]) «к большому разочарованию ялтинских революционеров».

4 д[екабря]. Воскресенье.

Вчера вечером получила твое милейшее письмо и от души благодарю тебя, мой дорогой Ники, за него. Я очень рада, что 6-го будет парад моего дорог[ого] Гв. Экипажа, и прошу их поздравить от меня. Они, я не сомневаюсь, всегда будут служить в пример другим, qu'on fasse bien sonner cette note et relever leur moral et le sentiment de l'honneur que malheureusement les Черном[орцы] et les autres équipages ont o u b l i é et se sont couvert de honte qui aurait pu croire chose pareille. Cela vous retourne le coeur!! [1]).

Дорогой арара тебя целует. Waldemar [2]) тоже. Я вас всех крепко и нежно обнимаю, мои дорогие дети.

Христос с тобою, мой дорогой Ники!

Горячо тебя любящая

твоя *мама*.

16.

Царское Село. 8 дек[абря] 1905 г.

Милая, дорогая мама,

Благодарю тебя от всего сердца за твое доброе горячее письмо, которое пришло как раз 6-го утром и меня ужасно обрадовало.

Все, что ты пишешь о себе, меня волнует. Я понимаю, что тебе, вдали от России, все кажется еще серьезнее и хуже. Но не беспокойся о нас, милая мама.

Конечно, мне не легко, но господь бог дает силы трудиться и спокойствие духа, что самое главное.

Именно это спокойствие душевное, к сожалению, отсутствует у многих русских людей, поэтому угрозы и запугивания кучки анархистов так сильно действуют на них.

Без того у нас вообще мало людей с гражданским мужеством, как ты знаешь, ну а теперь его почти ни у кого не видно. Как я тебе писал последний раз, настроение совершенно переменилось. Все прежние легкомысленные либералы, всегда критиковавшие каждую меру правительства, теперь кричат, что надо действовать решительно. Когда на-днях было арестовано около 250 главных руководителей комитета рабочих и других партий, в с е этому обрадовались [3]). Затем 12 газет было запрещено, и издатели привлечены к суду за разные пакости, которые они писали, — опять все единодушно находили, что так нужно было давно поступить!

Все это, конечно, дает Витте нравственную силу продолжать действовать как следует!

---

[1]) «пусть хорошенько оттенят это и поднимут их мужество и чувство чести, которое черноморцы и другие экипажи, к несчастью, забыли и покрыли себя позором! Кто бы мог подумать подобную вещь! Это разрывает сердце!!»

[2]) Вальдемар, принц датский, брат Марии Федоровны.

[3]) Николай Романов имеет в виду, очевидно, арест Петербургского Совета Раб. Деп., произведенный полицией 3 декабря (ст. ст.).

У меня на этой неделе идут очень серьезные и утомительные совещания по вопросу о выборах в Гос. Думу. Ее будущая судьба зависит от разрешения этого важнейшего вопроса. Ал. Оболенский с некоторыми лицами предлагал всеобщие выборы, т. е. suffrage universel, но я вчера это убежденно отклонил. Бог знает, как у этих господ разыгрывается фантазия!

Сидим мы в заседании по 7 часов — просто отчаяние.

6-го происходил великолепный парад Гвардейскому Экипажу, Стрелкам и другим частям в манеже.

Было чудное солнце, светло и радостно на душе. Я им передал твои поздравления, и матросы долго кричали «ура»! в ответ.

Накануне все офицеры обедали у нас.

3-го был очередной смотр Преображенцам. Погода была теплая, и Аликс взяла с собой маленького, кот[орый] смотрел на парад со ступенек подъезда перед дворцом. Полк был очень рад видеть его.

В память этого Николаша был зачислен в списки полка. Enthousiasme indescriptible!

Я так счастлив, что войска полюбили Николашу и верят ему! Недавно он принимал всех командиров частей, при чем сказал им такую горячую речь о верности долгу и присяге, что все присутствовавшие плакали, и «ура»! их было слышно на улице. Это я знаю от самих начальников частей.

Сегодня пришли кавалергарды, и у нас сейчас будет им обед. Завтра утром смотр, — конечно, в конном строю.

Мысли мои будут о тебе, милая мама.

К сожалению, уже надо кончать письмо.

Обнимаю тебя и апапа нежно.

Христос с тобою!

Всем сердцем

твой *Ники.*

17.

Царское Село. 15 декабря 1905 г.

Милая, дорогая мама,

Ты недавно писала Ольге [1]), что предполагаешь приехать к Рождеству. Конечно, мы все будем более чем счастливы, наконец, увидеть тебя после 4-месячной разлуки. Но, милая мама, все мы — Аликс, Миша, Ольга, Петя [2]) и я — очень просим тебя пока отложить твой приезд. Варшавская жел. дорога не безопасна. На-днях два эскадрона твоих кирасир отправлялись в Лифляндскую губернию; через несколько минут после ухода поезд их остановился в поле — оказалось, что локомотив тащил на себе веревку, на конце которой был привязан динамитный патрон, как раз под серединой поезда. Если бы машинист не заметил этого, случилось бы огромное несчастье!

---

[1]) Ольга Александровна, сестра Николая II, жена принца Ольденбургского Петра Александровича.

[2]) Петр Александрович, принц Ольденбургский.

В Ковне и около Вильны тоже неспокойно, а там тебе именно пришлось бы проезжать. Без войск решительно нельзя ехать, а их ни Фрезе [1]), ни Николаша дать не могут, так как их и без того немного.

Кроме всего уланского полка и половины твоего кирасирского с конной батареей, ушедших в Лифляндию под командою Орлова [2]), вчера пришлось отправить в Москву весь Семеновский полк. Дубасов [3]) настоятельно просил о помощи, потому что московский гарнизон совсем измучился. Из Варшавского округа туда тоже послан Ладожский пехотный полк. Как ни тяжело и больно то, что происходит в Москве, но мне кажется, что это к лучшему. Нарыв долго увеличивался, причинял большие страдания и вот, наконец, лопнул. В первую ночь восстания из Москвы сообщали, что число убитых и раненых доходит до 10.000 чел.; теперь, после шести дней, оказывается, что потери не превышают 3 тыс. В войсках, слава богу, немного убитых и раненых. Гренадеры ведут себя молодцами после глупейшего бунта в Ростовском полку, но начальство очень вяло, а главное Малахов [4]) очень стар. Дубасов надеется, с прибытием двух свежих полков, быстро раздавить революцию. Давай бог!

В Лифляндию кроме отряда Орлова послано из Вильно и Варш[авского] округа еще два отряда — все они должны пройти восставшую страну вдоль и поперек и соединиться в одном пункте. Жаль, что это не было сделано раньше, теперь масса имений разорено, некоторые помещики взяты с семействами в плен, а все, кто могли, бежали сюда или в Германию! Латыши совершенно с ума сошли, они прогнали все власти, выбрали себе своих уполномоченных и вообще хозяйничают свободно не только в уездах, но и в небольших городах. Причина та же, потому что войск мало. Были случаи нападения на маленькие отряды войск, которые стояли группами в местечках на охране имений баронов. Во избежание этого приказано отряды стягивать в города и ожидать прихода больших колонн.

Все это напоминает восстание Польши в малом размере. Вооружение у этих подлецов отличное — английское и швейцарское. Морская граница наша длинная и охранять ее от ввоза оружия крайне трудно, хотя сведения о том, что это готовилось, были еще летом, и Трепов, я помню, доносил о них.

Стыдно и больно за бедную Россию переживать на глазах всего мира подобный кризис, но на то, видно, воля божья, и надо перетерпеть все бедствия до конца.

---

[1]) Фрезе, А. А., ген.-лейт., ком. виленским военным округом.

[2]) Орлов, А. А., ген.-майор свиты его вел., ком. Уланского имени имп. Александры Федоровны полка.

[3]) Дубасов, Ф. В., адм., московский генерал-губернатор, руководитель подавления декабрьского восстания в Москве.

[4]) Малахов, Н. Н., ген.-от-инф., командующий войсками Московского военного округа.

Грустно нам невыразимо без тебя, дорогая мама, и за тебя, но мы тебя умоляем со всеми преданными друзьями не приезжать сейчас! Риск слишком велик.

Я первый дам тебе знать, как только обстоятельства позволят. Верь мне, милая мама, я недаром пишу тебе все это. Прошу тебя ответить мне согласием на нашу общую просьбу по телеграфу.

Крепко обнимаю тебя и дорогого апапа.

Да хранит тебя господь!

Всем сердцем любящий тебя

твой *Ники.*

18.

Amalienborg. 21 дек[абря 1905 г].

Мой милый, дорогой Ники!

Всем сердцем благодарю тебя за твое дорогое письмо от 15-го, которое меня так успокоило, потому что я рвалась вернуться непременно к Рождеству и не могла назначить день отъезда благодаря всем этим несносным забастовкам. Я все время страшно мучилась, но твое письмо меня успокоило и окончательно убедило, что теперь просто невозможно. Но мне не менее страшно грустно первый раз не быть с вами на Рождество, и единственным утешением было видеть радость дорогого арара, когда я ему это объявила.

Мои мысли беспрестанно с тобою и разделяю все твои страдания, это ужас то, что везде происходит, в особенности то, что было в Москве. Слава богу, что там тише теперь благодаря энергичным мерам: Дубасов — молодец.

Какие известия от отряда Орлова? Ужасно беспокоюсь, так как здесь появилось в газетах очень скверное известие, как будто бы они потерпели неудачу. Не хочу этому верить, дай бог, чтобы это было неправда. Я тоже ужасно мучаюсь за моих кирас[ир]. Какое чудо спасло их в начале путешествия; слава богу, что этот машинист заметил во-время покушения этих поганых подлецов!

Мне так грустно узнать о смерти гр. Орлова-Давыдова! Еще один из старых друзей! Такой чудный человек и настоящий барин. Я так надеялась его еще застать! Теперь уже надо кончать это письмо, которое получишь 23-го с игрушками на елку. Надеюсь, что тебе понравятся и что большой старый ящик тебе будет полезен. Шлю тебе самые горячие желания к великому празднику и дай бог нам всем мир и тишину. Арара тебя целует и много думает о тебя.

Я с особенной нежностью обнимаю тебя, мой дорогой Ники, и всех моих милых внуков. Да благословит и укрепит тебя господь!

Горячо тебя любящая

твоя *мама.*

Нельзя ли делать доброе дело и назначить генерала Сиверс членом Комитета о раненых? Он ввочаянии [sic!], что должен теперь оставить службу по жребию, прослужив 52 года, не имея никаких средств. Был долго в свите.

19.

Царское Село. 22 дек[абря] 1905 г.

Милая, дорогая мама,

Все мои молитвы за тебя будут особенно горячие в эти дни праздников! Это второй раз, что я не провожу Рождества с тобою; тогда ты была дома, а мы путешествовали по Индии. Очень грустно будет эту елку проводить без тебя, она бывала такою уютною в Гатчине наверху!

Ты мне писала, что уже 40 лет не была вместе с дорогим апапа на Рождестве. Воображаю, как он должен быть счастлив, что ты с ним все это время!

В Москве, как ты знаешь, слава богу, мятеж подавлен — благодаря верности и стойкости славных войск! Я послал Богдашу Мейндорфа благодарить их всех от моего имени.

В частях — убито 10 чел. (два семеновца), ранено тяжело 11 чел., легко 41 (8 семеновцев).

Это очень счастливо за целую неделю непрерывной стрельбы. Потери революционеров огромные, но точные сведения трудно получить, т[ак] к[ак] много убитых сгорело, а раненых они уносили и прячут.

В Лифляндии и Курляндии восстание еще продолжается, потому что эти мерзавцы испортили жел[езные] дор[оги] и взорвали несколько мостов. Теперь отряды войск сосредоточились и начали движение, но интересных известий еще нет.

Около Пернова и Гапсаля в последние дни случились беспорядки. Туда послан из Кронштадта баталион матросов под командою сына Рихтера [1]). Он только что вернулся из Японии, я его не видел.

Кавказ телеграфом отрезан от России. Бедный Воронцов совсем болен и писал мне, что не может управлять краем и просит настойчиво уйти, уже второй раз. Ужасно жаль!

Прости, милая мама, что мне нужно кончать, т[ак] к[ак] времени совсем нет. Сейчас обед офицерам Конной гвардии, а завтра смотр.

От всей души желаю тебе тихо и спокойно провести праздники. Христос с тобою!

Всем сердцем любящий тебя

Ники.

20.

Amalienborg. 29 дек[абря] 1905 [г].

Милый мой, дорогой Ники!

Всем сердцем благодарю тебя за твое дорогое милейшее письмо к праздникам, которые пришлось так грустно этот раз провести в разлуке. Ваши прелестные подарки меня очень обрадовали, и маленькая елка была так симпатична и меня глубоко тронула. Это письмо полу-

---

[1]) Рихтер, капитан 2-го ранга, командир 1-го морского батальона, участвовавшего в «карательной экспедиции» в Прибалтийском крае.

чишь накануне Нового года и мыслями и сердцем буду особенно с тобою. Слава богу, что этот кошмарный год кончается. Дай бог, чтобы новый был немножко светлее и дал нам всем душевное спокойствие et arrache la pauvre Russie des griffes du m a u v a i s e s p r i t ![1])

Так жаль, что бедный Воронцов не может продолжать по болезни, и у ж а с н о г р у с т н о, что на Кавказе так все плохо. Жалко, что Воронцов был назначен, когда положение уже было так испорчено и напутано, ему, конечно, было не под силу бороться с революцией. Он это тогда чувствовал и принял только из преданности. В Финляндии теперь только мечтают о назначении на место Линдена [2]), кот[орого] ненавидели, графа Армфельда, кот[орый] всеми уважаем, un homme parfaitement c o m m e i l f a u t et qui connait tout à fond [3]) или B j o r n b e r g [4]), кот[орого] в с е л ю б я т и у в а ж а ю т. Раз, что теперь финляндцам вернули права, надо уже продолжать в э т о м д у х е, une fois qu'on a dit A il faut dire B, sans cela ce ne seront de nouveau que des d e m i m e s u r e s qui ne mènent à rien [5]).

Погода до сих пор совсем не зимная, сегодня 4 гр. т[епла]. Арара первый раз немножко гулял на воздухе. Слава богу lumbago почти кончился, он опять сильно страдал несколько дней и даже лежал в постеле, что было ужасно скучно. От бедной Louisse известие. Слава богу, немножко лучше, хотя она еще опасно больна. Christian теперь у нее, чтобы узнать, что с нею и что за болезнь. Телеграм[мы]от них там были такие vagues [6]), что ничего понять нельзя было. Все, конечно, так испугались, думали, что воспаление мозга, т[ак] к[ак] она была 24 ч[аса] без памяти. Сегодня Christian телегр[афировал], что он ее видел и что не так плохо, как он ожидал. Дай бог ей поправиться. Но теперь пора кончить. Молю бога, чтобы он тебя благословил и укрепил и помог во всем. Горячо желаю тебе, мой дорогой Ники, счастия, спокойствия и всего, всего хорошего на Новый год. Арара тебе тоже шлет свои самые сердечные пожелания. Крепко вас всех обнимаю, мои дорогие дети. Христос с вами!

Всем сердцем любящая тебя

твоя *мама*.

21.

Царское Село. 29 дек[абря] 1905 г.

Милая, дорогая мама,

Эта неделя рождественских праздников была много спокойнее прежних. Как и следовало ожидать, энергичный образ действий Дубасова и войск в Москве произвел в России самое ободряющее впеча-

[1]) «и вырвал бедную Россию из когтей злого духа!»

[2]) Линден — министр статс-секретарь по делам Финляндии.

[3]) «человек вполне comme il faut и хорошо осведомленный».

[4]) Бьерберг, Ф. Ф., тов. министра статс-секретаря по делам Финляндии.

[5]) «раз сказано *а*, надо сказать *б*, иначе опять это будут только полумеры, которые не ведут ни к чему».

[6]) «неясные».

тление. Конечно, все скверные элементы упали духом и на северном Кавказе и на юге России, также и в сибирских городах.

Граф Воронцов поправился, поэтому я ему написал, прося его остаться еще некоторое время, пока здоровье ему позволит.

В Прибалтийских губерниях восстание все продолжается. Орлов, Рихтер и другие действуют отлично; много банд уничтожено, дома их и имущество сжигаются. На террор нужно отвечать террором. Теперь сам Витте это понял.

На прошлой неделе был прекрасный парад конной гвардии. Завтра приходят лейб-казаки.

27-го мы отлично отпраздновали 50-летний юбилей стрелков имп[ераторской] фамилии.

Петя великолепно командовал парадом. У нас был большой завтрак с женами офицеров и всеми прежде служившими. Вечером я обедал в офицерском собрании и закутил до 6 час. утра! Было очень хорошо и более чем весело!

За ужином я объявил, что возвращаю баталиону самую первую форму с малиновыми рубашками — enthousiasme v r a i m e n t tout à fait indescriptible [1]).

Кроме того для восстановления традиций: Костя [2]) был назначен шефом 2-й роты, а Николаша шефом 3-й роты, как их отцы; Димка Голицын [3]) сделан стрелком, как сын первого командира баталиона.

Давно я так не отдыхал душою. — Опять у меня нет времени писать. Желаю тебе, дорогая мама, душевного покоя и счастья в наступающем году.

От всего сердца обнимаю тебя и милого апапа.

Христос с тобою! Безгранично любящий тебя

Ники.

22.

Царское Село. 12 янв[аря] 1906 г.

Моя дорогая мама, это первое мое письмо тебе в этом году. В прошлый четверг я решительно не имел возможности написать тебе, так как я был особенно занят и, кроме того, должен был послать длинное письмо гр. Воронцову. К счастью, он теперь поправился и стал действовать энергично — сейчас же все там пошло лучше. Вообще, слава богу, положение сделалось несравненно спокойнее.

В Прибалтийских губерниях Орлов и моряки: Рихтер и барон Ферзен [2]) действуют великолепно, замирение уже близко, кроме части Курляндии, куда эти отряды подходят с разных сторон.

На юге России совсем тихо, кроме небольших беспорядков в Полтавской губернии. В Сибири тоже лучше, но еще не кончена чистка железной дороги от всей дряни.

---

[1]) «энтузиазм п о и с т и н е совершенно неописуемый».

[2]) Константин Константинович, вел. князь (поэт К. Р.).

[3]) Голицын, Д. Б., кн., ген.-майор свиты его вел.

[4]) Ферзен, Н. П., бар., кап. 1-го ранга.

Николаше пришла отличная мысль, кот[орую] он предложил, — из России послан Меллер-Закомельский с войсками, жандармами и пулеметами в Сибирь до Иркутска, а из Харбина Ренненкампф [1]) ему навстречу. Обоим поручено восстановить порядок на станциях и в городах, хватать всех бунтовщиков и наказывать их, не стесняясь строгостью. Я думаю, что через две недели они съедутся, и тогда в Сибири сразу все успокоится.

Там на жел[езной] дор[оге] инженеры и их помощники—поляки и жиды, вся забастовка, а потом и революция была устроена и м и при помощи сбитых с толку рабочих.

Семеновский полк вернулся 31 декабря. Мин являлся и завтракал с нами, он рассказывал много интересного, а также и грустного. Он, как всегда, был в духе и благодарил от имени полка за то, что и х послали в Москву усмирять мятеж. Дубасов особенно просил произвести Мина в генералы, что я и сделал, конечно, назначив его в свиту.

На-днях я увижу Björnberg и хочу предложить ему место Линдена. Надеюсь, что с ним пойдет хорошо и спокойно!

В Финляндии очень подняли головы социалисты со времени октябрьской забастовки, и сенат не особенно этим доволен. Добрый Герард принялся за изучение совсем нового для него дела, но, несмотря на трудное свое положение, он не теряет бодрости духа.

Витте, после московских событий, резко изменился: теперь он хочет всех вешать и расстреливать.

Я никогда не видал такого хамелеона или человека, меняющего свои убеждения, как он. Благодаря этому свойству характера, почти н и к т о больше ему не верит, он окончательно потопил самого себя в глазах всех, — может быть, исключая заграничных жидов.

Мне очень нравится новый министр юстиции Акимов [2]). Он был сенатором, помещик Саратовской губернии, ушел от службы потому, что не разделял взглядов Муравьева [3]). Он, к сожалению, немолод, но замечательно бодрый и энергичный, с честными взглядами, и начал сильно подтягивать свое поганое ведомство.

Дурново [4]) — внутрен[них] дел — действует прекрасно; я им тоже очень доволен. Остальные министры — люди sans importance!

Дети все поправились — они простудились в одно время и на праздниках валялись в постелях вокруг елки.

Теперь, моя милая мама, мне пора кончать. От всего сердца обнимаю тебя и дорогого апапа.

Христос с тобою!

Горячо тебя любящий

твой старый *Ники*.

---

[1]) Ренненкампф, П. К., ген.-лейт., ком. 7 арм. корп., нач. карат. экспедиции на Сиб., Вост.-Кит. и Забайкальской жел. дор.

[2]) Акимов, Мих. Григ., сен., министр юстиции (16 дек. 1905 г. — апрель 1906 г.), позже председатель Госуд. Совета.

[3]) Муравьев, Ник. Вал., мин. юстиции (1894 г. — янв. 1905 г.).

[4]) Дурново, П. Н., управляющий мин. внутр. дел (1905—1906).

23.

Amalienborg. 16 января 1906 [г].

Дорогой мой Ники!

Всем сердцем благодарю тебя за твое милейшее письмо, которое меня страшно обрадовало и от которого повеяло как будто более свежим духом. Дай бог, чтобы это затишье продолжалось по крайней мере до окончания выборов и до начала Думы. Если б раньше были энергичнее и показали бы больше твердости и власти, beaucoup de choses auraient été evitées [1]), и не понимаю Витте, почему он потерял так много времени.

Теперь я хочу тебе поговорить об одном вопросе, который меня очень мучает и беспокоит. Это насчет кабинетных и удельных земель, которые эти свиньи хотят одобрать по программам разных партий. На всякий случай посылаю тебе книжки, где все это написано; вероятно, ты уже все это знаешь, но это такой важный вопрос, что об этом не могу молчать. Il faudrait que tout le monde sache déjà maitenant qu'à ceci personne n'ose même pas penser à toucher, comme ce sont les droits personnels et privés de l'Empereur et de sa famille. Ce serait la plus grande faute historique irréparable si de ceci on cedait un seul copek, c'est une question de principe et tout l'avenir en depend. L'ignorance du public est si grande à ce sujet, que personne ne connait l'origine ni la provenance de ces terrains et capitaux, qui forment la fortune privée de l'Empereur et ne peuvent pas du tout être ni touchés ni discutés, cela ne regarde personne, mais il faudrait que tout le monde en soit convaincu.

Puis je dois te raconter que mon pauvre vieux Protassoff est venu me voir ici dans un état de santé bien faible et m'a demandé sa demission, que j'ai du accepter le voyant tellement à bout de forces, le pauvre vieux. Cela me fait beaucoup de peine de m'en séparer après 17 ans de paisible travail ensemble — mais vraiment sa santé et son manque de forces physiques ces deux dernières années font qu'il ne peut plus continuer, la grande oeuvre en aurait souffert et je suis contente qu'il l'a compris lui-même. Il m'a priée de te l'écrire, pour le moment il est à Berlin en congé pour faire une cure de repos et de iod pour son coeur. Il ne veut ni pension ni rien, il faudra donc doublement le ласкать autrement.

Pour le moment je garde Oliv qui est excellent et déjà depuis longtemps au fait de toutes les affaires du ведомство, aimé et estimé par tous [2]).

---

[1]) «многого удалось бы избежать.»

[2]) «Нужно чтобы все знали уже теперь, что до этого никто не смеет даже думать коснуться, так как это личные и частные права императора и его семьи. Было бы величайшей и не-

Я в таком горе! Дорогой, чудный арара неожиданно, но тихо скончался!! Он был совсем здоров и весел до $1^1/_2$. Он массу народу принимал до 1 ч. и завтракал с большим апетитом, когда вдруг почувствовал себя дурно и пошел лечь, и у него были боли в груди и сильный пот. Уже в 3 [1]) все было кончено! И я одна была у него. Слава богу, что я тут и с ним до последней минуты была. Я благодарю богу за это счастие.

Но больше не могу.

Крепко тебя обнимаю, мой дорогой Ники, знаю, что ты молишься за меня.

Твоя грустная

мама.

24.

Царское Село. 19 января 1906 г.

Милая моя, дорогая мама,

Не верится, что горячо любимый апапа заснул навеки! Эта весть, как громом, грянула нас всех! Я понимаю тебя, что надо благодарить бога, что ты была при нем. Подумай, как было бы ужасно, если бы ты уехала раньше!

Мои мысли ни на минуту не покидают тебя.

Молю бога дать тебе силы перенести этот ужасный удар. Твоя вторая телеграмма успокоила нас, ты лучше спала и чувствуешь себя бодрее. Хорошо, что a[unt] Thyra приехала так скоро.

Мысленно я переживаю эти тяжелые дни с бедным д[ядей] Freddy [2]), так как на себе знаю, что это за мучения! От всей души жалею д[ядю] Вальдемара и бедного д[ядю] Hans!!.

поправимой исторической ошибкой уступить здесь хоть одну копейку, это вопрос принципа, все будущее от этого зависит. Невежество публики в этом вопросе так велико, что никто не знает начала и происхождения этих земель и капиталов, которые составляют частное достояние императора и не могут быть тронуты, ни даже стать предметом обсуждения: это никого не касается, но нужно чтобы все были в этом убеждены. Должна тебе еще рассказать, что мой бедный старик Протасов пришел ко мне в очень болезненном состоянии и просил об отставке, которую я должна была принять, видя бедного старика до такой степени обессиленным. Мне очень больно расстаться с ним после 17 лет мирной совместной работы, — но, действительно, состояние его здоровья и недостаток физических сил в течение последних двух лет делают для него невозможным продолжение службы; большое дело пострадало бы от этого, и я рада, что он сам это понял. Он просил меня написать тебе об этом; в данное время он в Берлине в отпуску, чтобы полечить покоем и иодом свое сердце. Он не хочет ни пенсии, ни чего бы то ни было, следовательно, надо будет вдвойне ласкать его по иному.

Пока что я оставляю Олива; он превосходен и уже давно в курсе всех дел ведомства, любим и уважаем всеми».

[1]) В подлиннике далее зачеркнуто: «я у него была».

[2]) Фредерик, наследный принц датский.

Они все прислали такие трогательные ответы. Со всех сторон я получаю много проявлений сочувствия.

Прости, я забыл тебя поблагодарить за твое дорогое письмо, именно в тот день написанное. Меня глубоко тронуло, что ты могла докончить его уже после кончины. Поверь, милая мама, что первым искренним желанием было поехать к тебе, быть около тебя и отдать последний долг апапа. Но, как ни грустно сознаться, моя совесть не позволит мне это сделать при настоящих обстоятельствах.

Я не могу оставить Россию теперь: положение еще слишком серьезно.

Но я хотел бы, чтобы семейство и все вообще в Дании знали бы, что важные причины препятствуют мне, как внуку, прибыть к похоронам. Миша и Ольга поедут.

Все твои полки и Гвард. Экипаж пошлют депутации. Только Нилов не может отлучиться, т[ак] к[ак] он в комиссии по следствию о Небогатове [1]), вместо него будет Толстой.

Прощай, моя дорогая, нежно любимая мама.

Да укрепит и хранит тебя Христос!

Всем сердцем и всей душой любящий тебя

Ники.

25.

Царское Село. 26 янв[аря] 1906 г.

Моя дорогая мама,

Постоянно думаю о тебе и иногда прихожу в отчаяние, что я не с тобою в эти грустные, тяжелые дни. Слава богу, что ты теперь не одна, а с а[unt] Alix и Thyra. Какое грустное было с ними свидание после всего, что случилось! Понимаю всецело, что за пустота в доме и, в особенности, в его комнатах. Да поможет тебе господь, как и прежде, терпеливо переносить ниспосланные им страдания!

Знай, моя милая мама, что мы всею душою разделяем твою скорбь и страдаем за тебя.

Минни [2]) и Георгий [3]) вернулись из Крыма и были у нас сегодня. Она сомневается, ехать ли ей или нет на похороны; и, по нашему совету, посылает телеграмму д[яде] Willy [4]).

Самым удобным способом для нее было бы поехать вместе с Ксенией, Мишой и Ольгой. Ксения приезжает в субботу, а они хотят ехать в воскресенье — и Петя тоже. Ксения настаивает на понедельнике. Не знаю, чем это все кончится?

---

[1]) Небогатов, Н. И., контр-адм., б. ком. III Тихо-океанской эскадрой, был предан военно-морскому суду за сдачу своей эскадры японцам в Цусимском бою без сопротивления.

[2]) Мария Георгиевна, жена вел. кн. Георгия Михайловича, урожд. принцесса греческая.

[3]) Георгий Михайлович, вел. князь.

[4]) Георг I, король греческий, б. принц датский, брат имп. Марии Федоровны.

После кончины апапа мы не делали обедов офицерам полков, и смотров тоже не было — ожидая похорон. Так как они откладываются, а мне нужно кончить смотры остальным войскам до весны, мы решили начать их опять с субботы. Будут лейб-гренадеры.

Занятий у меня страшно много, но бог помогает скоро управляться.

Трепов для меня незаменимый, своего рода, секретарь. Он опытен, умен и осторожен в советах. Я ему даю читать толстые записки от Витте, и затем он мне их докладывает скоро и ясно. Это, конечно, секрет для всех!

Прощай, моя милая мама!

Христос с тобою!

Нежно тебя любящий

твой старый *Ники.*

26.

Царское Село. 2 февраля 1906 г.

Милая, дорогая моя мама,

Ты получишь это письмо перед самыми похоронами горячо любимого апапа.

Мне о ч е н ь б о л ь н о не быть при этом вместе с тобою. Некоторым утешением для тебя будет присутствие Ксении, Миши, Ольги и Пети; когда много своих кругом себя — горе разделяется между всеми!

Наши усердные молитвы и думы будут в этот день в Roeskilde, где апапа навсегда будет рядом с дорогой амама!

У нас в тот же день в Большой церкви будет отслужена торжественная панихида, с дипломатами, двором и свитою.

Мы все надеемся, что ты скоро вернешься сюда. Уже пять с половиной месяцев, что мы не виделись. Кажется, что целые годы прошли со времени твоего отъезда — столько случилось, столько пережито!

Сегодня Мари [1]) и Дмитрий [2]) уезжают в Москву, чтобы провести ужасный день 4 февр[аля] [3]) вместе с Ella [4]). В понедельник они вернутся назад.

Они прожили здесь два месяца в своих старых комнатах в Большом дворце. Вообще они очень любят Царское, потому что здесь все напоминает им их прежнюю жизнь, и они себя чувствуют дома. Москву они не любят, что открыто говорили нам.

Прости, моя милая мама, что письмо мое такое короткое, но у меня времени нет, а Миша и Ольга расскажут все, что тут делается, гораздо лучше на словах. От всей души обнимаю тебя.

Христос с тобою!

Всем сердцем любящий тебя

твой *Ники.*

[1]) Мария Павловна (младшая), вел. княжна.

[2]) Дмитрий Павлович, вел. князь; он и его сестра Мария Павловна воспитывались в семье в. кн. Сергея Александровича.

[3]) Годовщина смерти вел. кн. Сергея Александровича, убитого 4 февраля 1905 г. в Москве с.-р. И. Каляевым.

[4]) Елизавета Федоровна, жена вел. кн. Сергея Александровича.

27. *Гатчина. 12 июня 1906 [г].*

Мой дорогой Ники!

Пишу тебе несколько слов, чтобы сказать тебе, что знаю, что в Москве очищается место полицмейстера кремлевских дворцов. Было бы очень хорошо дать это место капи[тану] Беляеву, сводного баталиона. Он такой хороший скромный человек, средств не имеет и еще содержит семью брата. Ce serait un bienfait pour lui qui accomplit si bien son service [1]).

Надеюсь, что вы все здоровы и благополучно вернулись домой из Гатчины. Я была так рада вас, наконец, видеть у себя. — Миша завтра утром рано уходит, думает быть пятница вечером в Копенгагене, где останется до субботы ночью, так что он может вернуться понедельник. Крепко вас обнимаю, мои дорогие дети.

Господь с тобою!

Твоя *мама.*

28.

Петергоф. 21 июля 1906 г.

Милая, дорогая мама,

В первый раз приходится проводить твои именины без тебя. Мне грустно, что мы т а к д а в н о не видались из-за болезни маленького Феодора [2]).

Конечно, не за себя мы боялись, а за наших детей. Прибавить ко всем переживаемым теперь тягостям еще риск заболевания детей — это свыше сил, и я уверен, что ты понимаешь нашу осторожность.

Я думаю много о тебе, дорогая мама, и о том, как ты тоже должна страдать сердцем от всего происходящего.

Надо крепко и изо всех сил верить в милосердие божие, что настанут, наконец, светлые и спокойные дни и что так продолжаться не может долго. Сердце обливается кровью от мерзостных событий, бывших в Свеаборге, в Кронштадте и на моем «Память Азова»!

Бедный Дабич [3]) — я не могу добиться, где он и что с ним случилось на берегу?

Я очень устал головою, хотя телом здоров.

Приходится видеть много народу; между прочим, вчера я принимал Львова [4]) (Саратовской губ.) и Гучкова [5]). Столыпин им предла-

---

[1]) «Это было бы благодеянием для него, такого хорошего служаки».

[2]) Федор Александрович, сын вел. кн. Александра Михайловича и Ксении Александровны, у которых часто проживала Мария Федоровна, болевший в это время скарлатиной.

[3]) Дабич, Ник. Дм., кап. 1-го ранга, командир крейсера «Громобой», флигель-адъютант.

[4]) Львов, Н. Н., член I Госуд. Думы, эволюционировавший от кадетов вправо к октябристам.

[5]) Гучков, А. И., лидер партии октябристов.

гал места министерские, но оба отказались. Также и Самарин, которого я видел два раза,—он тоже не желает принять место обер-прокурора! У них собственное мнение выше патриотизма вместе с ненужною скромностью и боязнью скомпрометироваться. Придется и без них обойтись. 25-го мы переезжаем в Красное Село, в тот же день объезд лагеря.

От всего сердца поздравляю тебя, милая, дорогая мама.

Все мысли и молитвы с тобою. Да хранит тебя господь!

Всей душой твой

Ники.

29.

Петергоф. 25 июля 1906 г.

Милая, дорогая мама,

Три дня тому назад Миша написал мне, что он просит моего разрешения жениться и что он не может ждать дольше середины августа [1]).

Разумеется, я никогда не дам согласия моего на этот брак.

Не буду повторять то, что я ему написал в ответ. Прочти мое письмо к Мише; оно вполне ясно и определенно.

Я чувствую всем моим существом, что дорогой папа поступил бы так же. Изменить закон для э т о г о случая, в такое опасное время, я считаю решительно невозможным. Бедный Миша пишет вздор, что, так как закон, утвержденный папа, не прошел через Государ[ственный] Совет, поэтому его легче отменить. Это ровно никакой разницы не составляет. Я боюсь, что кто-то помогал Мише писать его письмо, там много казуистики, которая на него непохожа!

Посылаю тебе его, посуди сама.

Всею душою разделяю твою скорбь, дорогая мама, но и мне горестно и тяжело от всего, что может произойти!

Несравненно легче согласиться, нежели отказать, но здесь я н и к о г д а не дам согласия.

Не дай бог, чтобы из-за этого грустного дела в нашей семье вышли недоразумения. И без него едва хватает сил переносить испытания [2]), которые приходится переживать.

Помоги мне, дорогая мама, удержать его.

Да благословит и укрепит тебя господь!

Твой верный и любящий

Ники.

---

[1]) Речь в письме идет о намерении вел. кн. Михаила Александровича жениться на Н. С. Шереметевской; несмотря на запрещение Николая Романова, брак этот состоялся в 1912 г. за границей; Шереметевская получила после этого титул графини Брасовой.

[2]) В подлиннике далее зачеркнуто: «чрез».

30.

Гатчина. 5 авг[уста] 1906 [г].

Мой дорогой Ники.

У меня т а к а я т о с к а все это время, все так грустно и тяжело, и мне так хотелось тебя, наконец, увидеть, что я тебе написала эту телеграмму pour nous donner rendez-vous [1]) в Красном в саду. Но получив твой ответ, я поняла все, что мое предложение натворила. Это чувство меня страшно мучило — так, что я даже не могла заснуть, и вчера утром решила лучше н е приехать, хотя я уверена, что я никак не могу занести вам заразу, т[ак] к[ак] больные детки совершенно отделены. Ирину [2]) я больше 2 недель (даже три) не видела и, после того что она заболела, все комнаты, вещи и в с е, в с е было дезинфектировано. Она даже не была у меня в комнатах с приезда из Бьерке, ее и Андрюша [3]) я только видела в саду. Что это был за ужас, в особенности первые дни болезни бедного мал[енького] Федора, трудно себе представить! Бедная Ксения была просто в отчаянии! Но, с л а в а б о г у, теперь все идет нормально, но, конечно, долго еще надо быть осторожно.

Посылаю тебе письмо Миши, которое прочла с г р у с т ь ю; просто не знаю, ч т о делать, видя его в таком горе! Что бы я ему не говорила, он объясняет по своему и все уверяет, что он не может иначе поступить. Je tâche de faire vibrer la corde de son patriotisme, son devoir, etc., mais il prétend toujours que cela n'a rien à faire avec cette question. Enfin tu comprends et sais quel nouveau chagrin et tourment c'est pour moi, qui ne me donne pas de repos n u i t et j o u r, e n c o r e c e l a outre tous nos autres malheurs et tristesses! [4])

Так как карантин продолжается еще месяц и я вас в с е т а к и не вижу, я думаю ехать в Данию на некоторое время, пока t[ante] Alix там будет, и взять Мишу с собою, чтобы его тут не оставить одного. Вот все, что я хотела тебе сказать на словах, и как мне было грустно, что наш rendez-vous не состоялся. Что ты об этом думаешь? пиши!

Теперь кончаю, крепко и нежно вас всех обнимая. Скажи моим внучкам, как я была рада получить их письма, особенно Ольги, которая так мило и трогательно писала. Так жалко, что лето прошло, и я их с о в с е м не видела. Боюсь, что мой драгоценный внук меня совсем забудет!

---

[1]) «о том, чтобы нам встретиться».

[2]) Ирина Александровна, вел. княжна, дочь в. к. Александра Михайловича и Ксении Александровны.

[3]) Андрей Александрович, вел. кн., сын в. к. Александра Михайловича и Ксении Александровны.

[4]) «Я стараюсь играть на струнах его патриотизма, чувства долга и т. д., но он все утверждает, что это не имеет ничего общего с данным вопросом. Словом, ты понимаешь и знаешь, какое это для меня новое огорчение и мучение, не дающее мне покоя ни днем ни ночью. Еще и это в добавление ко всем нашим другим несчастьям и горестям!»

Ксения тебя целует и боится писать. Да благословит и укрепит тебя господь и пошлет нам утешение и успокоение, которое нам и бедной России так необходимо! Мысленно и молитвенно постоянно с тобою, мой милый, дорогой Ники!

Горячо тебя любящая

твоя старая *мама*.

Посылаю тебе еще письмо Andersen Waldemar'y. Wald[emar] меня просил тебе послать. Maintenant il ne demande que ce que lui même a dépensé pour les marchandises, sans compter tout ce que le pauvre homme a perdu [1]).

31.

Петергоф. 8 августа 1906 г.

Моя дорогая мама,

Я получил твое письмо перед самым отъездом из Красного Села. Приéхав сюда, я подвергся нападению министров и их докладов и потому не мог собраться, чтобы написать тебе.

Я вполне понимаю твое желание поехать в Данию и там встретиться с т[етей] Alix. Но Мише лучше оставаться здесь, по-моему. Он не будет один в Гатчине, т[ак] к[ак] Ксения и Сандро [2]) пробудут там до сентября.

А после их отъезда он может переехать к нам, так что о д и н он не останется. Надо помнить, милая мама, что Миша теперь в ненормальном состоянии и поэтому в течение некоторого времени можно опасаться un coup de tête!

Ксения и Сандро, Ольга и Петя будут заграницею. Если Миша будет в Дании, он может отпроситься поехать к ним, и тебе будет трудно отказать ему в этом. Кто может поручиться, что она не приедет к нему и что они все-таки [не] повенчаются?

Ведь надо все предвидеть, а то, что я пишу, вполне возможно, к сожалению.

И потом мне кажется, что мой единственный брат должен остаться в России и около меня в такое трудное время.

Ты не сердишься, неправда ли, дорогая мама, за откровенно высказанные мысли, но я отвечаю на твое желание знать мое мнение. То же самое я сказал бы тебе при нашем несостоявшемся свидании в Красном.

Оттуда мы вернулись под самым лучшим впечатлением всего виденного. Господь благословил пребывание наше в лагере также и дивною погодою; все было удачно и интересно.

Как переехали сюда, начался дождь, но теперь это все равно. Виктория [3]) гостит у нас, что для нас обоих громадное удовольствие.

[1]) «Он просит теперь только то, что он сам истратил на товары, не считая того, что он, бедняга, потерял».

[2]) Александр Михайлович, вел. кн., женатый на сестре Николая Романова Ксении Александровне.

[3]) Виктория, жена принца Людвига Баттенбергского, сестра имп. Александры Федоровны.

Когда ты думаешь ехать?
Мы все тебя нежно обнимаем, моя дорогая мама.
Всею душою тебя любящий

твой *Ники.*

32.

Гатчина. 16 авг[уста] 1906 [г.].

Мой дорогой Ники,

Ты не знаешь, как я грущу тебя так давно не видеть, в такое время, где уже так трудно и тяжело жить. Le coeur souffre de toutes les horreurs qui se passent la seule consolation d'être ensemble de se parler nous est encore ôté par cette insupportable quarantaine. Je ne puis te dire combien je pense toujours à toi, à ce que tu dois souffrir, mon pauvre Ники. Que de tristesses et de malheurs, chaque jour une nouvelle épreuve, un nouveau chagrin. Vraiment on est f a t i g u é à force de souffrir! Je ne puis te dire quelle douleur j'ai ressenti en apprenant la mort de notre brave et excellent M i n! J'espèrais tellement que Dieu ne permettrait pas qu'on touche à cet homme qui avait une foi si touchante et profonde. J'ai été hier à Pétersbourg le recevoir à la gare où j'ai pu assister à une лития. C'était n a v r a n t de voir sa pauvre vieille mère, femme et fille dans leur terrible douleur. Quand donc finiront toutes ces horreurs de crimes et de meurtres révoltants! Avant qu'on n'extermine tous ces monstres nous n'aurons jamais de repos ni de calme en Russie. Dieu merci que les pauvres petits Stolypin vont mieux et quel miracle que Stolypin n'a pas été touché![1]) Mais q u e l l e s souffrances pour ces malheureux parents de voir souffrir ainsi leurs propres enfants,—et toute cette masse d'autres innocentes victimes! C'est tellement affreux et r é v o l t a n t que je n'ai pas de paroles pour exprimer tout ce que je sens.

Je pense partir mardi sur la «Поляр[ная Звезда»], pour arriver à Copenhague en même temps que la t[ante] Alix et désire pourtant b e a u c o u p que Миша m'accompagne comme c'est t e l l e m e n t t r i s t e pour m o i d'aller t o u t e s e u l e. La «Полярная Зв[езда»] devra tout de même retourner après quelques jours, donc il pourra revenir à bord.

Là dessus je vous embrasse tous bien tendrement, très triste pas vous voir. Je t'envoie ce rapport d'Olive sur mon institut de garçons de Gatchina qu'on a tellement calomnié [2]).

Господь с тобою, мой дорогой Ники! Горячо тебя любящая

мама.

Федор и Ирина купались и чувствуют себя прекрасно, слава богу.

---

[1]) Мария Федоровна имеет в виду взрыв дачи П. А. Столыпина на Аптекарском острове в Петербурге, произведенный максималистами в августе 1906 г.; при взрыве было много раненых, в том числе дети Столыпина.

[2]) «Сердце страдает от всех ужасов, которые происходят; единственное утешение — быть вместе и иметь возможность поговорить, но и оно отнято у нас этим невыносимым карантином. Не могу тебе выразить, как много я думаю

33.

Петергоф. 16 авг[уста] 1906 г.

Моя дорогая мама,

Снова масса дела помешала мне ответить сейчас же на твое письмо.

Ты пишешь, что Миша пойдет с тобою.

Я вполне согласен на это, если ты ручаешься, что он через несколько дней вернется на «Полярной Звезде».

Я боюсь, чтобы он не нашел предлога поехать на юг Франции или в другое место, где состоялась бы встреча с нею и т. д.!!.

Страшно надеюсь, что мы тебя увидим во вторник и проводим до Кронштадта.

Сегодня мы были там и посетили: «Цесаревич», «Славу» и Богатырь».

Море было тихое, и все вышло очень удачно.

Мне пришлось говорить офицерам, гардемаринам и матросам. Надеюсь, они не забудут моих слов!

Молодец Бострем командует этим отрядом; так как он, несомненно, один из блестящих офицеров нашего флота — я его произвел там же сегодня в контр-адмиралы. Enthousiasme indescriptible!

Возвращаю тебе доклад Олива. К сожалению, я давно слышу о нехорошем духе Гатчинского института. До каких-либо реформ, мне кажется, там необходим строгий и железный директор, и тогда все пойдет как следует.

До скорого свидания, милая, дорогая мама.

Сердце изныло оттого, что мы так давно не виделись в такое поганое время.

Всей душой тебя горячо любящий

твой старый верный *Ники.*

всегда о тебе, о том, как ты должен страдать, мой бедный Ники. Сколько печали и несчастий, каждый день новое испытание, новое горе. Право, чувствуешь утомление от страданий! Не могу тебе передать, какую скорбь я испытала, узнав о смерти нашего храброго и чудного Мина! Я так надеялась, что бог не позволит тронуть этого человека, обладавшего такой трогательной и глубокой верой. Я ездила вчера в Петербург, чтобы встретить его на вокзале, где я смогла присутствовать на литии. Было невыносимо тяжело смотреть на его бедную старую мать, жену и дочь в их ужасном горе. Когда же окончатся все эти ужасы преступлений и возмутительных убийств! Мы никогда не будем иметь отдыха и покоя в России, пока не будут истреблены все эти чудовища. Благодаренье богу, что бедным маленьким Столыпиным стало лучше, и какое чудо, что Столыпин уцелел! Но какое страдание для несчастных родителей видеть подобные мучения своих собственных детей,—и это множество других невинных жертв! Это до такой степени чудовищно и возмутительно, что у меня нет слов выразить все, что я чувствую.

Я собираюсь уйти во вторник на «Полярной Звезде», чтобы приехать в Копенгаген одновременно с тетей Аликс, и все же очень хочу, чтобы Миша сопровождал меня, так как мне так грустно ехать совсем одной. «Полярная Звезда» должна все равно через несколько дней вернуться, и, следовательно, он сможет возвратиться на ней.

Целую вас всех нежно и очень грущу, что не вижу вас. Посылаю тебе отчет Олива о моем Гатчинском институте для мальчиков, на который столько клеветали».

34.

Петергоф. 30 августа 1906 г.

Моя дорогая мама,

Нам было ужасно грустно узнать, что у тебя началось lumbago, и ты была принуждена лежать как раз в самое неудобное время.

Я так понимаю твои чувства злобы и досады на эту несносную болезнь, которая мешает тебе двигаться и ездить и, кроме того, утомляет постоянною болью и мешает спать.

Дай бог, чтобы оно поскорее прошло и не возвращалось.

Странно, отчего у тебя lumbago часто случается в Дании?

Мы радовались, что твой переход был так удачен, и как ты хорошо сошлась с тетей Аликс!

С тех пор, что ты уехала, мы сидели здесь, почти запертые в Александрии, такой стыд и позор говорить об этом!

После убийства бедного Мина [1]), ободренные этим успехом для них, мерзавцы анархисты приехали в Петергоф, чтобы охотиться на меня, Николашу, Трепова, Орлова и толстого кн. Орлова [2]).

Вчера, к счастью, самых главных арестовали, что нужно было сделать в виду парада сегодня утром.

Но ты понимаешь мои чувства, милая мама, не иметь возможности ни ездить верхом, ни выезжать за ворота куда бы то ни было. И это у себя дома, в спокойном всегда Петергофе!!

Я краснею писать тебе об этом и от стыда за нашу родину и от негодования, что такая вещь могла случиться у самого Петербурга!

Поэтому мы с такою радостью уходим завтра на «Штандарте» в море, хоть на несколько дней прочь от всего этого позора.

5 сентября мы возвратимся для кавалергардского парада, и потом надеемся опять сходить куда-нибудь.

Повидимому, погода установилась хорошая, но осенняя.

Сегодня был отличный парад Павловскому, Двинскому, Новочеркасскому и Александро-Невскому полкам по случаю их праздника. Завтракала масса офицеров. На этом я кончаю. Прощай, дорогая моя мама. Мы все тебя сердечно обнимаем.

Христос с тобою!

Горячо любящий тебя

твой старый *Ники.*

35.

На Копенг[агенском] рейде. «Полярная Звезда». 9 сентября 1906 [г].

Мой дорогой Ники!

Только сегодня могу тебе написать, чтобы всем сердцем благодарить тебя за твое милое, но грустное письмо. Не могу тебе сказать, как мне тяжело даже думать о твоем ужасном житье последнее время

[1]) Мин, Г. А., был убит с.-р. З. В. Конопляниковой 13 августа 1906 г.

[2]) Орлов, В. Н., полк., флигель-адъютант, нач. военно-походной канцелярии его вел.

в Петергофе взаперти в Александрии, это же просто невыносимо и, как ты говоришь, просто стыдно, что это могло бы так случиться. Слава богу, что ты теперь хоть немного на свободе на «Штандарте» и все можете отдохнуть морально. Надеюсь, что вы как можно больше там останетесь, правда — сделай это, мой милый Ники, это гораздо лучше во всех отношениях.

Теперь я, наконец, поправилась после 9 дней лежания в кровати. Это было слишком досадно и несносно приехать сюда, чтобы получить lumbago и пролежать и благодаря этому потерять все это драгоценное время, которое можно было бы так приятно провести всем вместе! Но все-таки я счастлива, что я могла сюда приехать, их видеть всех, особенно т[етю] Alix, которая проводила все дней со мною на яхте и была очень трогательна et comme mon ange de consolation [1]). Бедная т[етя] Thyra так мало осталась, я ее только 3 раза видела, т[ак] к[ак] она простудилась и не могла выходить из дома. Uncle Ernest непременно хотел быть в Gmunden 10 сен[тября], день своего рождения, и ни за что не хотел слушать нас и остаться. Ужасный тиран и деспот, и мы почти дрались с ним. — В нашем доме Hvidore мы были два раза с т[ant] Alix. Мы были в восторге от него, вид такой чудный, прямо на море, такой красивый маленькой сад, масса цветов, просто прелесть! Дом еще совсем не устроен, мы выбрали разн[ые] матер[ии] для комнат, и я думаю, что это будет удивительно мило и уютно.

Я счастлива жить на «Полярн[ой] Зв[езде]», это совсем другое, было бы слишком грустно жить в Amalienborg без дорогого незабвенного арара и amama.

В Bernstorff мы тоже были у Waldemara, и ты не можешь себе представить, как мне грустно видеть это для меня так дорогое место, так пусто теперь без них. — Вчера уже т[етя] Alix и Toria нас покинули, и это большое горе для меня comme nous passions toutes nos journées ensemble et dinions chaque soir à deux dans mä cabine, et nous étions si heureuses ensemble. Elle a du remettre son départ d'un jour à cause du vent terrible qui a presque duré deux semaines. Aujourd'hui il fait calme pour la première fois et il y a 17 degrés à l'ombre. Tout est complétement vert comme en été et une masse d'arbres fleurissent pour la seconde fois [2]).

Сегодня будем обедать в Charlottenlund у д[яди] Fredy первый раз. От этого надо кончать, чтобы одеваться. Нежно и крепко вас всех обнимаю, мои дорогие. Да сохранит вас господь! Мне так жалко бедного Трепова. Он был такой преданный честный человек, и я

---

[1]) «и как бы моим ангелом утешителем».

[2]) «так как мы проводили целые дни вместе, обедали каждый вечер вдвоем в моей каюте и были так счастливы вместе. Она должна была отложить свой отъезд на один день из-за ужасного ветра, который дул почти две недели. Сегодня первый раз тихо и в тени 17 градусов. Все совершенно зелено, как летом, и масса деревьев цветет вторично».

понимаю, какое для тебя потеря. Еще раз целую тебя, мой дорогой Ники.

Горячо тебя любящая

твоя старая *мама*.

U[ncle] Fredy me prie de te dire qu'on attend avec impatience ici que tu signes le papier de la Société Store Nordiske Telegraph pour qu'ils aient le temps de mettre le cable sous mer à Libau avant l'hiver [1]).

36.

Рейд Питкопас. 13 сентября 1906 г.

Моя милая, дорогая мама,

От всей души благодарю тебя за твое доброе письмо.

Слава богу, что ты чувствуешь себя опять хорошо.

Как жаль, что т[етя] Аликс и т[етя] Тюра уже уехали, понимаю, как грустно и пусто тебе должно казаться без них!

Завтра — четверг — ровно две недели, что мы ушли из Петергофа. Ты не можешь себе представить, как я уже отдохнул и поправился!

Погода прямо благословение божие — из 15 дней всего одни сутки стоял густой туман, а все остальные дни были солнечные и тихие. Было иногда 13° и 14° в тени, так что днем мы ходили в кителях.

Сначала мы простояли пять дней в Биоркэ, затем пошли в Котку, где пробыли сутки и посетили ваш дом в Лангикоми. Все осталось так, как было, дом содержится в поразительном порядке, только деревья и кусты в саду очень выросли.

На следующий день, 6 сентября, мы вернулись в Биоркэ, но стали в другом месте на якорь. Там мы оставались четыре дня и затем перешли сюда в Питкопас. Это хороший, почти закрытый рейд, с красивыми островами вокруг. Я не знал раньше это место, потому что мы прежде проходили мимо, не останавливаясь. По утрам все катаемся в шлюпках с детьми, конечно, сами гребем — я в моей байдарке. Днем обыкновенно охотимся на каком-нибудь острове. По вечерам я занимаюсь делами, т[ак] к[ак] до сих пор каждый день фельдъегерь приходил из Петергофа на дежурном миноносце.

С нами здесь: «Украйна» и «Финн», миноносцы «Видный», «Резвый», «Громящий», «Царевна», «Генерал-Адмирал» и «Азия». Все они по ночам светят боевыми фонарями кругом яхты, но не касаясь ее, так красиво!

Вообще не могу тебе достаточно выразить, насколько я радуюсь и наслаждаюсь жизнью немножко д л я с е б я самого.

Прощай, моя дорогая душка мама.

Все тебя крепко обнимаем. Христос с тобою!

Горячо и от всей души

любящий тебя твой *Ники*.

---

[1]) «Дядя Фреди просит передать тебе, что здесь с нетерпением ожидают, чтобы ты подписал бумагу О-ва Store Nordiske Telegraph, чтобы у них было время до зимы проложить подводный кабель до Либавы».

37.

Питкопас. Яхта «Штандарт». 20 сент[ября] 1906 г.

Милая, дорогая мама,

Два дня тому назад Миша пришел сюда. «Полярной Звезде» мы дали знать по беспроволочному телеграфу, чтобы она повернула на Питкопас от Гохланда, и в 11 час. утра она стала на якорь около «Штандарта». Накануне была небольшая качка, на которую даже «Войсковой» не жаловался.

Здесь мы уже стоим 11 дней, место очень симпатичное, масса прогулок на островах. Почти каждый день охотились, матросы-загонщики отлично делали облаву.

Съезжали для охоты после завтрака около двух часов, а возвращались обыкновенно к чаю. Несмотря на короткое время охоты общий результат за все дни очень хорош: 110 зайцев и тетеревей.

Гулять приходилось основательно и по очень трудным иногда местам. По утрам гребли сами в двойках, так что движения при такой жизни очень много. Все мы загорели и поправились. Я отдохнул великолепно, голова сделалась свежая и способная, надеюсь, снова для работы. Завтра, к великому сожалению, приходится возвращаться, так как будет ровно три недели, что находились в плавании, а мы думали уйти на 12 дней.

Погода стояла для сентября замечательная — всего было три дня холодных и ветренных и сегодня первый дождь.

Гр. Толстой и офицеры постоянно завтракают и обедают у нас. Он много рассказывал про тебя и про стоянку в Копенгагене. Представь себе, у меня сделалось тоже небольшое lumbago в спине, но я мог ходить, оно прошло в два дня.

Кроме крейсеров и миноносцев, о которых я писал тебе, при нас находятся еще два минных моторных катера. Они вроде миноносок, ходят 18 узлов в час.

Сегодня утром я пробовал их в море, где была крупная зыбь, на которой они держались отлично. Затем днем сегодня же Миша и я ходили на новой колесной яхте морского министра «Нева» — тоже в море. Она мне кажется удачнее новой «Александрии» — построена в Або.

Про серьезные дела я тебе не пишу, оставляя это до Петергофа. Прощай, милая моя мама. Аликс, Миша и [я] сердечно тебя обнимаем.

Христос с тобою!

Горячо любящий тебя твой старый *Ники.*

38.

Петергоф. 27 сентября 1906 г.

Моя милая, дорогая мама,

Вот уже целая неделя, что мы вернулись из чудного плавания, и скучаем ужасно по милому «Штандарту»!

Теперь, что мы опять дома и что теплая погода продолжается, я должен сознаться, что мы напрасно вернулись так рано, тем более,

что важных дел нет, и мы могли бы отлично остаться еще немного. Чувство долга или verfluchte Schuldigkeit, как говорил дорогой папа, виновато в этом.

Здесь я теперь замечаю отсутствие моего доброго и верного Трепова.

Дедюлин [1]), как ты знаешь, его заменил.

К счастью, атмосфера совсем не та, какая она была месяц тому назад. Я начал опять ездить верхом и на охоту, как было прежде.

Пользуясь чудною погодою, я третьего дня вызвал кавалергардов, и вчера они представились в замечательном виде и порядке, в парадной форме и кирасах.

Как я тебе телеграфировал, Шипов [2]), Безобразов [3]) и Воейков [4]) были назначены в свиту (полное дежурство). Безобразов себя отлично показал зимою в Эстляндии, а Воейков впродолжение всей войны заведывал ранеными.

Кажется, полк был очень доволен этими назначениями.

Со времени нашего приезда я уже видел Столыпина, который раз приезжал в Биоркэ. Слава богу, его впечатления, вообще, хорошие; мои тоже. Замечается отрезвление, реакция в сторону порядка и порицание всем желающим смуты.

Конечно, будут повторяться отдельные случаи нападений анархистов, но это было и раньше, да оно и ничего не достигает.

Полевые суды и строгие наказания за грабежи, разбои и убийства, конечно, принесут свою пользу. Это тяжело, но необходимо и уже производит нужный эффект.

Лишь бы все власти исполняли свой долг честно и не страшась ничего. В этом условии главный залог успеха.

Какой срам производят в Гельсингфорсе все наши Долгорукие, Шаховские и компания! Все над ними смеются в России!

И из Англии лезет какая-то шутовская депутация с адресом Муромцеву [5]) и им всем.

Дядя Bertie [6]) и английское правительство дало нам знать, что они очень сожалеют, что ничего не могут сделать, чтобы помешать им приехать. Знаменитая свобода!

Как они были бы недовольны, если бы от нас поехала депутация к ирландцам и пожелала тем успеха в борьбе против правительства!

---

[1]) Дедюлин, В. А., ген.-л., б. петерб. градонач. и ком. отд. корп. жанд.

[2]) Шипов, Н. Н., ген.-от.-кав., ген.-адъютант.

[3]) Безобразов, В. М., ген.-майор свиты его вел.

[4]) Воейков, В. Н., полк., флигель-адъютант, впоследствии дворцовый комендант.

[5]) Муромцев, С. А., б. председатель I Гос. Думы; Николай II имеет в виду предполагавшийся приезд в Россию делегации членов английской палаты общин для приветствия Госуд. Думы, намеченный еще до разгона последней и, в конце концов, вследствие настояния русского правительства, не состоявшийся.

[6]) Эдуард VII, король английский.

Извольский уехал на три недели в Тегеризсе[?] к семье и затем привезет ее сюда.

Пора кончать письмо.

Прощай, моя дорогая мама. Мы все тебя крепко обнимаем.

Христос с тобою!

Горячо и от всей души тебя любящий

твой *Ники.*

39.

Петергоф. 5 окт[ября] 1906 г.

Моя дорогая мама,

У меня очень мало времени было, чтобы написать тебе.

Посылаю Мариинский знак к 14-му октябрю, это не особенно лестная вещь за 40 лет, но требуется носить по уставу.

Погода у нас стоит замечательная, делается все теплее; вот уже несколько дней 10° тепла, по ночам тоже.

Вчера некстати был дождь в день конвойного праздника. Парад пришлось сделать в манеже. Но за завтраком вышло солнце и стало так хорошо, что я решил вызвать казаков на плац в конном строю.

Вышло два парада в один день и оба очень удачные. Уже три раза мы охотились тут в окрестностях от 2-х часов до захода солнца.

Сегодня именины Алексея [1]), мы сейчас едем к обедне, за которой он будет причащаться.

Прощай, моя милая мама. Крепко обнимаю тебя.

Христос с тобой!

Горячо тебя любящий

твой старый *Ники.*

40.

Петергоф. 11-го октября 1906 г.

Моя дорогая мама,

Вот уже три недели, что мы вернулись из нашей чудной поездки в шхеры. Как я тебе писал, мы все долго тосковали, приехавши сюда, по милому «Штандарту». С тех пор мы два раза были на нем. Он стоит в Неве у Николаевского моста посреди реки. В первый раз мы отправились с Ольгой и Татьяной и пили там чай. Вчера мы ходили одни, так как у детей уроки, и отлично позавтракали в кают-компании.

Погода стояла ясная, но дул шторм, нас хорошо качало на «Разведчике» до самого города.

Такое самопожертвование доказало нашу привязанность к «Штандарту»! Неправда-ли?

Он завтра кончает кампанию. «Полярная Звезда» и «Царевна» уже стоят на своих зимних местах.

---

[1]) Алексей Николаевич, наследник.

На-днях был великолепный спуск броненосца «Андрей Первозванный», к сожалению, без нас. Столыпин просил не ездить на церемонии, назначенные вперед — в городе.

Но вообще, слава богу, все идет к лучшему и к успокоению.

Это всем ясно, и все это чувствуют!

Только это и слышишь от приезжих из деревни. Как давно мы этого не слыхали!

Как приятно знать, что на местах люди ожили, потому что почувствовали честную и крепкую власть, которая старается оградить их от мерзавцев и анархистов!

Ты наверное читаешь в газетах многочисленные телеграммы Столыпину со всех сторон России. Они все дышат доверием к нему и крепкою верою в светлое будущее!

А в этой уверенности, с помощью божией, залог приближающегося успокоения России и начало правильного улучшения жизни внутри государства.

Но при всем том необходимо быть готовым ко всяким случайностям и неприятностям, сразу после бури большое море не может успокоиться!

Вполне возможны еще пакостные покушения на разных лиц. Я все еще боюсь за доброго Столыпина. Вследствие этого он живет с семейством в Зимнем и приходит с докладами в Петергоф на пароходе.

Я тебе не могу сказать, как я его полюбил и уважаю. Старый Горемыкин [1]) дал мне д о б р ы й совет, указавши т о л ь к о на него! И за то спасибо ему.

Ольга и Петя вернулись неделю тому назад.

Она выглядит отлично, загорела и очень поправилась. Он имеет лучший вид, чем до отъезда, но чувствует себя неважно, бедный. Ему будут делать какую-то операцию скоро.

Мишу я вижу два раза в неделю: с субботы на воскресение и на охоте.

Он жалуется на боль выше живота; давал себя осматривать доктору, который прописал ему режим и принимать капли, в общем — он выглядит недурно и весело. Не знаю, конечно, что он думает, бедный, но со мною он разговорчив попрежнему и, разумеется, про «свое дело» ни с кем не говорит после известного письма.

Мне было очень грустно за тебя, когда д[ядя] Вальдемар и Georgie [2]), уехали и последним д[ядя] Вилли — оставили тебя почти одну! Мои мысли постоянно окружают тебя, моя дорогая мама.

Крепко тебя обнимаю.

Христос с тобою!

Всем сердцем любящий тебя

твой старый *Ники.*

---

[1]) Горемыкин, И. Л., предшественник Столыпина на посту председателя Совета Министров (24 апр. — 8 июля 1906 г.).

[2]) Георг, принц греческий.

41.

Amalienborg. 14 октября 1906 [г].

Мой милый, дорогой Ники!

Мне очень совестно, что тебе давно не писала, и прошу мне простить. Мои мысли постоянно с тобою, мой милый Ники, но настроение было такое грустное, что просто не могла написать. Твои дорогие письма меня о ч е н ь обрадовали и всем сердцем благодарю тебя за них.

Слава богу, что вы все здоровы и что ты опять можешь верхом ездить с в о б о д н о и охотиться. Это всетаки показывает, что обстоятельства немного лучше стали. — Ах! К о г д а ж е, наконец, у нас все это пройдет и что мы опять могли бы жить спокойно, как все приличные люди! Почти обидно видеть, как здесь хорошо и смирно живут, каждый знает, что ему делать, исполняет свой долг добросовестно и не делают пакости другим.

В Fredensborg было н е в ы р а з и м о грустно и пусто без дорогого незабвенного арара! Там было как будто е щ е чувствительно и т а к а я тоска, что просто ужас! Первые дни погода была чудная, солнце и совсем тепло, а потом стало свежее и пасмурно.Понедельник вечером я сюда вернулась с u[ncle] Willy, кот[орый] на другой день уехал, к сожалению. Я была очень довольна de me retrouver dans mes gentilles petites chambres ici [1]), u[ncle] Willy тоже, и мы очень уютно и приятно провели этот вечер здесь вместе. Меня каждый день м а с с и р у е т против lumbago, и я нахожу, что это очень полезно, хотя довольно скучно et que cela prend beaucoup de temps le matin [2]). Завтра после обедни я опять поеду на несколько дней в Fredensborg. День рождения Swan [3]) в среду провожу с ними и опять вернусь сюда, где я спокойно могу отдохнуть. Я часто бываю на нашей прелестной даче «Hvidore», где я сейчас чувствую себя в д у х е, и радуюсь мысли там жить. Вид из дома в е л и к о л е п н ы й — прямо на море. Сад очень мил, много фруктов: дере[ья] — яблоки, груши, греческие орехи, даже настоящие каштаны, все это мне посылают к обеду, что очень весело.

Здесь в Amalienborg все старые люди арара и amama у меня служат. Они все p e n s i o n n é s [4]), но б е з мест и так довольны быть опять в дворце. И для меня так приятно видеть toutes ces bonnes figures connues du passé [5]), как старик Jakobsen, Paulsen и даже старый повар Hansen, кот[орый] так отлично приготовляет, как никто.

Я вас всех нежно обнимаю, мои дорогие дети. Дай бог тебе всего, всего хорошего! Да благословит вас господь!

Горячо тебя любящая

старая твоя *мама*.

---

[1]) «снова очутиться здесь в моих милых маленьких комнатах».

[2]) «и отнимает много времени по утрам».

[3]) Луиза, жена короля датского Фредерика.

[4]) «получают пенсию».

[5]) «все эти славные знакомые лица прошлого».

42.

Царское Село. 26 октября 1906 г.

Моя дорогая мама,

Сегодня ровно неделя, что мы переехали сюда и с большим сожалением оставили Петергоф.

Но какая разница в обстоятельствах прошлогоднего переезда и нынешнего!

Тогда начиналась вторая и самая большая забастовка железных дорог и телеграфа. Помнишь, как мы сидели долго без известий друг от друга — противно и стыдно думать о том!

Теперь, благодарение богу, совсем не то.

В Петергофе в этом году мы провели отличную осень и ездили много на охоту.

Перед отъездом Елены [1]) были у нее на вечере, когда пел Крестьянов. В один из последних дней к нам приехала m-me Макарова, с дочерью, и я ее благословил, т.-е. дочь, конечно! Они обе были очень веселы и разговорчивы.

С приездом сюда приходится больше принимать. Уезжают Эренталь [2]), что жалко, — мы им даем обед завтра. Потом разные дипломаты переменяются, и всех их надо видеть, что отнимает время на более полезное занятие. Тем не менее мне удается раз или два на неделе поохотиться, что я страшно люблю. Пока снега нет, так удобно ездить всюду на моторах, наприм[ер] в Петергоф отсюда в 40 минут, а в Ропшу через Красное—50 м. В Гатчине я еще не был, надеюсь начать там на будущей неделе.

Я постоянно думаю о тебе, милая мама, и о том, как ты живешь одна в Amalienborg, как-будто дома. Вполне понимал твои чувства, когда тебе в первый раз пришлось жить в Fredensborg при столь изменившихся условиях!

Но и д[яде] Freddy и другим тоже было тяжело там!

Недавно т[етя] Ольга [3]) и т[етя] Вера завтракали у нас. Она [4]) приводила всех в восторг тем, что она ела очень «busy» с салфеткой кругом шеи.

Только что получили радостное известие, что у Ernie и Onor [5]) родился сын — это большое счастие для них и их страны!

Мы все здоровы и бодры!

---

[1]) Елена Владимировна, дочь вел. кн. Владимира Александровича, жена принца греческого Николая.

[2]) Эренталь, гр., австро-венгерский посол в Петербурге, впоследствии австрийский министр ин. дел.

[3]) Ольга Константиновна, жена греческого короля Георга I.

[4]) В подлиннике проведена стрелка от слова «Она» к слову «т. Вера».

[5]) Эрнст-Людвиг, великий герцог гессенский, брат имп. Александры Федоровны, и его жена Элеонора.

Крепко обнимаю тебя, моя дорогая мама. От души благодарю тебя за милое письмо.

Да хранит тебя Христос!

Всем сердцем любящий тебя

твой *Ники*.

43.

Amalienborg. 26 ок[тября] 1906 [г].

Мой милый, дорогой Ники!

Хотя я редко пишу, мои мысли и молитвы п о с т о я н н о с тобою, мой милый Ники. Вот, наверно, было грустно покинуть Петергоф, но в Царском в это время года всетаки лучше и для тебя больше места ходить, что тебе так необходимо. Скучно, что у вас уже так холодно, говорят — 6 гр. мороза, здесь пока тепло 8-9 гр. т[епла], что очень приятно. Третьего дня был чудный день, на солнце 16 гр. Я гуляла на . . . . . [1]) и наслаждалась погодой и видом.

Меня здесь каж[дый] день массирует против lumbago, что очень полезно. Когда я бываю в Fredensborg, эта masseuse [2]) не может туда приехать à cause des trains [3]), и это мне очень недостает. Там как-то о с о б е н н о грустно и такая тоска без дорогого арара и amama, просто ужас что такое!

Я с большим интересом читаю les mémoires du Prince Hohenlohe [4]) и понимаю la rage et le courroux de G u i l l a u m e! [5]) Это должно быть ужасно неприятно — и какая бестактность и дерзость d'imprimer cela [6]), но для м е н я чрезвычайно весело и интересно читать. Д а й б о г, чтобы у нас это спокойствие продолжалось бы, лишь бы все власти исполняли свой долг честно и хорошо и не страшась ничего. Depuis qu'on a commencé à être f e r m e cela va déjà mieux et c'est bien regrettable qu'on a laissé passer tant de temps. Combien de malheurs auraient pu être évités! [7])

Надеюсь, что вы все здоровы. Нежно вас всех обнимаю и желаю вам всего лучшего. — Как теперь здоровье бедной дочки Столыпина? Катя Озерова [8]) мне писала, что она у себя в комнате слышит ее крик. Это же ужасно думать! Что за пытка для несчастных родителей!

Но теперь прощай, мой дорогой Ники. Христос с тобою!

Твоя горячо любящая тебя

старая *мама*.

---

[1]) В подлиннике одно неразборчиво написанное слово.

[2]) «массажистка».

[3]) «из-за поездов».

[4]) «мемуары князя Гогенлоэ».

[5]) «гнев и ярость Вильгельма!»

[6]) «напечатать это».

[7]) «С тех пор, как начали проявлять твердость, дело уже обстоит лучше, и можно пожалеть, что было упущено так много времени. Скольких несчастий можно было бы избегнуть!»

[8]) Озерова, Е., фрейлина Марии Федоровны.

44.

Царское Село. 2 ноября 1906 г.

Моя дорогая мама,

В тот день, когда я тебе написал в последний раз, — вечером пришло твое милое письмо, за которое благодарю тебя от всей души.

Я рад, что массаж помогает тебе и что ты себя чувствуешь хорошо. Теперь у тебя много времени читать мемуары князя Гоэнлое. Как только они появились, я немедленно выписал себе обе книги и дал их Бенкендорфу, который находит их очень интересными!

Но опубликование этих записок так скоро после смерти старика— действительно, очень бестактно.

Говорят, что в ответ появится будто 3-й том воспоминаний Бисмарка — это было бы le comble всего.

Сюда вернулся на-днях, к сожалению, гр. Витте. Гораздо умнее и удобнее было бы ему жить за границею, потому что сейчас около него делается атмосфера всяких слухов, сплетен и инсинуаций. Уже скверные газеты начинают проповедывать, что он вернется к власти и что он только один может спасти Россию. Очевидно, жидовская клика опять начнет работать, чтобы сеять смуту, которую с таким трудом мне и Столыпину удалось ослабить. Нет, никогда, п о к а я ж и в, не поручу я этому человеку самого маленького дела!

Довольно прошлогоднего опыта, о котором я вспоминаю, как о кошмаре.

Я его еще не видел, слава богу!

Надеюсь, милая мама, что мы тебя скоро увидим, есть слухи о том, что ты возвращаешься к 14-му. Все мы будем в восторге, если это верно.

Крепко обнимаю тебя, моя дорогая мама.

Христос с тобою!

Горячо тебя любящий

твой старый Ники.

45.

Царское Село. 10 ноября 1906 г.

Моя дорогая мама,

Это письмо придет накануне дня твоего рождения, с которым я тебя от души поздравляю. Да благословит тебя господь здоровьем, бодростью духа и миром душевным!

Нам очень грустно провести этот день без тебя, но мы радуемся всетаки твоему скорому приезду.

Просим принять скромные вещицы, которые, может быть, пригодятся в вашем домике.

После настоящей зимы наступила совсем теплая погода, весь снег стаял, и даже почки на кустах начали увеличиваться. Удивительная осень!

Теперь началась серия полковых праздников. 6-го был замечательно красивый парад гусар. Я поехал к ним на обед, остался ужинать,

слушал цыган всю ночь и вернулся домой в $9^1/_2$ час[ов] совсем свежий и очень счастливый.

Принял три доклада, завтракал и лег спать в 3 часа, а встал в 8 ч. к обеду. Прекрасно!!

8-го был отличный парад Московскому полку.

На охоту продолжаю ездить раз в неделю, теперь мы берем гатчинские облавы с охотничьими командами от пехотных полков.

Чтения у меня много, но иногда выпадают свободные вечера, когда удается почитать для собственного удовольствия.

Как неожиданно дядя Freddy и т[етя] Swan отправились в Берлин; кажется, их приняли очень любезно. Но теперь до свидания, моя дорогая мама.

Нежно обнимаю тебя. Счастливого пути!

Горячо тебя любящий

твой старый *Ники*.

Записка А. Н. Пыпина по делу Н. Г. Чернышевского.

До сих пор об этой «записке» было известно лишь то, что сообщалось о ней в третьем выпуске сибирской переписки Чернышевского с родными. В предисловии к этой книге Е. Ляцкий писал следующее: «18 февраля 1881 года А. Н. Пыпин предпринял новую попытку добиться смягчения участи Николая Гавриловича и передал Лорис-Меликову обширную «записку о деле Чернышевского», где доказывал полную неосновательность всех предъявлявшихся к Чернышевскому обвинений и просил о смягчении его участи и разрешения напечатать, ввиду тяжелого материального положения семьи, некоторые из его сочинений. Но и эта записка, написанная местами с необычайной для Пыпина страстностью, не имела никаких последствий» [1]).

В примечаниях к той же книге сын Н. Г., М. Н. Чернышевский, говорит о записке Пыпина следующее: «В этой записке А. Н. Пыпин охарактеризовал личность моего отца как литератора и общественного деятеля, весьма подробно разобрал весь ход процесса, доказывая полную неосновательность всех предъявленных к нему обвинений, ходатайствовал о смягчении участи моего отца вообще и, ввиду тяжелого материального положения нашего семейства, просил разрешения напечатать хоть некоторые из его сочинений. По обыкновению, и эта записка не имела никакого результата» [2]).

Такие сообщения в состоянии были возбудить естественное любопытство исследователей. Подробная записка лица, стоявшего так близко к Чернышевскому и его семье, равно как к кругам «Современника», и, следовательно, знавшего много деталей из истории жизни великого писателя, а с другой стороны — вращавшегося всегда в литературных кругах, которые должны были интересоваться участью лучшего из них, не могла не

---

[1]) «Чернышевский в Сибири», вып. III, СПБ. 1913, стр. XXXI.

[2]) Там же, стр. 239. В известной статье Н. Николадзе о переговорах, которые он в 1882 году вел с народовольцами по поручению «Священной Дружины», также упоминается о записке Пыпина («Былое», 1906, № 9, стр. 278). Встречаясь в начале 1883 года с гр. П. Шуваловым для оформления вопроса об освобождении Чернышевского, обещанного ему за его хлопоты по переговорам с членами Исполнительного комитета, Николадзе представил своему контрагенту биографические сведения о Чернышевском и проект докладной записки, составленный А. Н. Пыпиным. Эта записка, по словам Николадзе, «была написана сильно и сжато, но в полемическом тоне против приговора Сената. В ней доказывалось, как дважды два четыре, что Чернышевский пострадал невинно». Гр. Шувалов через несколько дней вернул записку, уверяя Николадзе, что представление ее неминуемо погубит дело, а взамен предложил сыновьям Чернышевского подать всеподданнейшее прошение, проект которого обязательно представил. Была ли то копия той самой записки, которую мы публикуем, или какая-нибудь другая, мы не знаем. Судя по словам Николадзе о том, что она была написана сжато, можно предполагать, что речь идет о другом документе. Возможно, что это было извлечение из печатаемой ниже записки, точнее — из первой ее части.

привлекать внимания историков и не казаться документом первостепенного значения. Но по какой-то причине она до сих пор опубликована не была, хотя мы вправе думать, что некоторым лицам, просматривавшим архивные дела о Чернышевском, она не могла остаться неизвестной (напр., М. Лемке и М. Н. Чернышевскому). Возможно, что опубликованию ее помешал ее характер, тон, которым она написана и который является компрометантным как для самого Пыпина, так и для российского либерализма вообще, точку зрения коего она отражает. Но так как нас подобного рода соображения остановить не могут и так как, с другой стороны, все, что касается основоположника революционного коммунизма в России представляет для нас, его преемников, величайший интерес, то мы и решились напечатать, наконец, этот документ, хранящийся в Центрархиве (дело III отделения собственной е. в. канцелярии № 230/26, ч. III, лл. 617—633).

Прежде всего несколько слов о предшествовавших ходатайствах за Чернышевского.

По истечении 10-летнего срока со времени осуждения Н. Г. родные его сочли момент удобным для возбуждения просьбы о смягчении участи Чернышевского. Замечательно, что жена Н. Г., которую сыновья уговаривали подать прошение царю, проявила в этом случае больше гражданского чувства и смысла, чем ее советчики. Эта легкомысленная и аполитичная женщина, инстинктивно сознавая, что ореол мужа невольно осеняет и ее, «жену Чернышевского», писала 12 февраля 1874 года сыновьям: «Для вас обоих я сделаю то, что вы хотите. Но знайте, что это будет сделано против моего и, наверное, против желания вашего отца». Этой же датой помечено прошение Ольги Сократовны на имя Александра II, которого она, впрочем, не решалась просить о помиловании ее мужа, а только о переводе его из Вилюйска в более здоровую местность. Даже эта скромная просьба оставлена была кровожадным тираном без ответа, несмотря на кисло-сладкие полуобещания гр. Шувалова, тогдашнего шефа жандармов.

В 1875 году Пыпин, получив письмо Чернышевского от 28 марта, в котором Н. Г., скрывавший свое действительное положение от жены, сообщал своему двоюродному брату правду (у него образовался зоб, медицинской помощи в Вилюйске не было никакой и т. п.), решил возобновить хлопоты. Он обратился к гр. Шувалову с просьбой исходатайствовать у царя разрешение на перевод больного Чернышевского в место с более благоприятным климатом, где он имел бы возможность пользоваться медицинской помощью. Эта просьба также осталась без ответа [1]).

К осени 1877 года относится новая попытка Пыпина. На этот раз он хотел добиться разрешения напечатать некоторые сочинения Чернышевского с целью облегчить тяжелое материальное положение его семьи. Для этого он обратился к тогдашнему председателю Литературного Фонда, сенатору Г. К. Репинскому [2]) с докладной запиской и письмом, напечатанными в приложении к выпуску II сибирских писем Чернышевского (стр. 219—221). На сей раз Пыпин взял уже неприличный тон, так неприятно поражающий нас в публикуемой ниже записке. Здесь уже содержатся постыдные выпады против

---

[1]) Прошение О. С. Чернышевской напечатано на стр. 183—184 первого выпуска книги «Чернышевский в Сибири», а прошение Пыпина — на стр. 186—187.

[2]) Этот Репинский некогда учился в пензенской семинарии вместе с отцом Чернышевского. Когда Сперанский, бывший пензенским губернатором, получил назначение генерал-губернатором в Сибирь, он решил взять с собою одного из лучших воспитанников семинарии. Ему указали на Репинского и Г. И. Чернышевского. Так как второй не отважился на столь дальнее путешествие, то поехал первый. С этого началась его карьера, доставившая ему впоследствии место сенатора.

эмигрантов и омерзительные выходки против активных революционеров, участников Казанской демонстрации, выходки, которые шли навстречу улюлюканью полицейской прессы, и которыми Пыпин надеялся, видимо снискать благоволение «начальства». Но расчеты эти не оправдались.

На несколько лет хлопоты о смягчении участи Чернышевского, которого ревниво сторожил коронованный коршун, прекратились. Но они возобновились с выступлением партии «Народной Воли», которой удалось своими террористическими приемами борьбы вызвать временное колебание в рядах правительства. После взрыва Зимнего дворца Халтуриным 5 февраля 1880 года на пост руководителя внутренней политики призван был Лорис-Меликов, который для изолирования революционеров повел лицемерную политику видимых уступок, направленную к отколу либералов от террористов. С появлением лорисовской «диктатуры сердца» и с уничтожением III отделения собств. е. в. канц. (фактически просто переименованного в департамент полиции) снова возникли надежды на смягчение участи Чернышевского, «преступление» которого за давностью, казалось, подернулось дымкой забвения, и который к этому времени превратился в хилого старика. Лорис-Меликов сам посоветовал родным Чернышевского подать царю прошение и обещал лично содействовать благополучному концу. Прошение было подано 6 октября 1880 года сыновьями Чернышевского, которые, впрочем, благоразумно ходатайствовали не о полном помиловании их отца, а только о переводе его в более близкую местность. Но и это прошение осталось без результатов [1]).

Тем временем о Чернышевском заговорила и осмелевшая печать. Первой сломила лед молчания газета «Страна», редактор которой Л. Полонский поместил в № 7 от 15 января 1881 года передовую статью, требовавшую помилования великого писателя. Статья была в выдержках перепечатана другими либеральными газетами. В воздухе, казалось, повеяло тогда конституционным духом. В это именно время Пыпин счел нужным и возможным обратиться к Лорис-Меликову с публикуемой ниже запиской. При таких обстоятельствах, при общем подъеме в стране, при растерянности правительства, тон записки Пыпина представляется особенно странным и возмутительным.

Известный историк литературы, Александр Николаевич Пыпин, был двоюродным братом Чернышевского, который с детства горячо его любил и заботился об его развитии. Но влияние Н. Г. на Пыпина оказалось недостаточно глубоким, и последний никогда не сумел выйти за узкие рамки умеренного либерализма. Революционно-коммунистических идей своего старшего двоюродного брата Пыпин никогда не разделял и даже не понимал. В «Современнике» он в сущности был чуждым по духу гостем и по общему своему направлению гораздо больше подходил к основанному в 1867 году прилизанному консервативно-либеральному «Вестнику Европы» М. Стасюлевича, этому, по остроумному замечанию Михайловского, мертвецу, ежемесячно появлявшемуся в своем красном гробу (у него была густо-красного цвета обложка, но — только обложка). Это направление Пыпина может отчасти объяснить общий тон его записки, но ни в коем случае не оправдать его. Каких бы он лично ни держался политических взглядов, он не имел права в записке, трактующей о Чернышевском, брать такой грубо-ругательный и клеветнический тон по отношению к революционерам, какой он позволил себе взять. Конечно, сам он руководился самыми лучшими намерениями. Он хотел помочь своему горячо

---

[1]) Прошение сыновей напечатано на стр. 235—237 третьего выпуска книги «Чернышевский в Сибири».

любимому родственнику и его семье, которую он все время ссылки Н. Г. благородно поддерживал; он даже, быть может, искренно верил в то, что Чернышевский ничего общего не имеет с революционным социализмом (хотя для этого нужно было обладать особенным недостатком понимания), и все-таки вся его записка является характерным образчиком либерального приспособления к подлости, о котором с такой злобой говорил Щедрин (сам, впрочем, тоже не бывший в практической жизни идеалом гражданской добродетели). Можно не сомневаться в том, что если бы Чернышевский знал, что позволил себе писать Пыпин в документе, в котором его имя использовалось для забрасывания грязью борющихся революционеров, он не только самым решительным образом протестовал бы против такого обращения с его именем, но и порвал бы все отношения с автором этой скандальной записки.

И для чего все это делалось? Для того, чтобы в лучшем случае получить право на выпуск некоторых, отобранных цензурой, «безвредных» статей Чернышевского и притом без его имени (как и случилось через 25 лет после того). Даже с точки зрения тех «положительных» людей, над которыми всегда так зло издевался Чернышевский, овчинка не стоила выделки.

С самого начала Пыпин заявляет, что он ближе всякого другого знал действительные мысли Чернышевского, тогда как другие, как поясняет он в конце, говорили о Чернышевском «с полным незнанием его характера и деятельности». Но это более чем сомнительно. Достаточно прочитать то, что Пыпин говорит о «либеральной (!) репутации» Чернышевского, о романе «Что делать?», о его «катедер-социализме» и согласии с Миллем и т. д., чтобы убедиться в том, что Пыпин не только не понимал Чернышевского, но даже не читал его сочинений, о которых говорит с таким апломбом. Некоторые же взгляды Чернышевского Пыпин просто перевирает и довольно бесцеремонно, напр., когда позволяет себе утверждать, будто Чернышевский «с великой отрадой, с энтузиазмом приветствовал Положение 19 февраля». Между тем о действительном отношении Чернышевского к реформе 19 февраля Пыпин мог узнать хотя бы из того романа «Пролог», по поводу опубликования которого он за несколько лет до того затеял скандальный спор с П. Лавровым, уже тогда упрекая последнего в «воровском» обращении с сочинениями Чернышевского, обвинение, которое он не постеснялся повторить и в записке. Любой гимназист знал, что Чернышевский относился к Положению 19 февраля как к гнуснейшему обману и к вопиющему нарушению крестьянских интересов и что именно содержание этого Положения окончательно толкнуло его на путь активной революционной борьбы. Понятно, взводя такой поклеп на Чернышевского, Пыпин подлаживался к царскому правительству в надежде помочь своему родственнику. Но здесь имелась и другая сторона: маленький умеренный либерал высказывал свой собственный взгляд на крестьянскую реформу, а также взгляд своего патрона М. Стасюлевича. Но с воззрениями Чернышевского, за которого столь уверенно берется говорить Пыпин, это не имеет ничего общего. Это просто клевета на великого революционера.

Сплошной клеветой и на Чернышевского, и на революционеров является последняя часть записки Пыпина. Величайшая слава Чернышевского заключается в том, что он был учителем революционеров 60-х и 70-х годов. Пыпин, воображающий, что он лучше знал «действительные мысли» Чернышевского, чем революционная молодежь, старается отделить Николая Гавриловича от его последователей, изображает революционеров в виде каких-то самозванцев и авантюристов, злоупотреблявших именем Чернышевского и глупо или нахально эксплоатировавших его (все эти ругательства принадлежат разъя-

ренному питомцу Стасюлевича). Все революционеры, на его взгляд, или несчастные глупцы, или червонные валеты (в число последних попадает и Лавров, посмевший напечатать роман Чернышевского «Пролог»). С пеной на губах говорит Пыпин об эмигрантах, дерзнувших опубликовать за границей вышедшие из обращения сочинения Чернышевского, на которые революционная молодежь предъявляла значительный спрос. Его обвинения имели бы хоть какой-нибудь смысл, если бы в России можно было тогда печатать эти сочинения, но в том-то и дело, что это было невозможно. А потому применять к заграничным изданиям этих сочинений такие любезные эпитеты, как «кража», «обкрадывание», «воровской» и т. п., которыми кишит записка Пыпина, было, по меньшей мере, никчемной низостью.

Вообще в этой части записки Пыпин ничем не отличается от охранителей типа Каткова, стилем которых он и пользуется для характеристики тогдашних революционных фракций. Достаточно его заявления о «бесшабашном болтуне, нечистом на руку» Бакунине и об «ошалевшем философе Лаврове», «сбивших с пути немало русской молодежи», о «грубом материализме» революционеров, с которым-де Чернышевский не имеет ничего общего, чтобы убедиться, как близко стоял российский либерализм к реакционерам и как одинаково враждебно оба они относились к действительной борьбе за народное освобождение.

Такова отрицательная сторона записки Пыпина. Но у нее есть и положительная сторона. Она совершенно справедливо указывает, что причина вражды к Чернышевскому господствующего класса объясняется его позицией в вопросе об освобождении крестьян (впрочем, этому верному указанию резко противоречат слова самого Пыпина о мнимом сочувствии Чернышевского Положению 19 февраля). Столь же справедливо указание Пыпина, что, в сущности, Чернышевский пострадал за свою литературную деятельность, протекавшую под бдительным оком царской цензуры. И, наконец, верно утверждение Пыпина, что в деле Чернышевского были совершены возмутительные правонарушения, и что он осужден был на основании ложных обвинений предателя и изготовленных им поддельных документов. Правда, Пыпин пришел к своим выводам не на основании знакомства с подлинным делопроизводством, которое в то время хранилось за семью печатями в полицейских тайниках, а больше на основании разговоров, ходивших в писательских кругах, но его показание является в этом смысле тем более ценным, ибо свидетельствует о том, что уже и тогда публика знала, что Чернышевский был осужден юридически неправильно.

Впрочем, свое суждение о юридической неправильности приговора, вынесенного Чернышевскому, Пыпин основывает и на своих беседах с самим Николаем Гавриловичем. В этом отношении его записка дает новые материалы по делу Чернышевского, сообщая мнение самого подсудимого о выдвинутых против него уликах. С этой стороны особенный интерес представляют рассказы Чернышевского о показаниях Яковлева (писец Вс. Костомарова, нанятый жандармами для лжесвидетельства против Чернышевского), а также о пресловутом «письме к Плещееву»: здесь приводятся известные слова сенатора Карниолина-Пинского, сказанные им при предъявлении этой подделки Чернышевскому: «Oculis, non manibus» («смотрите, но не трогайте»); эта фраза уже не раз опубликовывалась в нашей литературе именно со слов Пыпина.

К числу новых фактов относится также сообщение Пыпина о письме его к петербургскому генерал-губернатору кн. Суворову. Посланное в начале 1864 г., накануне вынесения приговора Чернышевскому, оно предупреждало Суворова относительно

«сомнительных сторон дела» и просило его обратить на эти неправильности внимание «самых высших властей», т.-е. царя. Письмо, конечно, осталось без последствий. И неудивительно: ведь царь принимал личное участие во всех преступных махинациях, направленных к «изобличению» Чернышевского, погубить которого решено было во что бы то ни стало — по той простой причине, что «самые высшие власти», от которых наивный либерал ждал правды, гораздо лучше его понимали «действительные мысли» Чернышевского.

Интересно, далее, сообщение Пыпина о занятиях Чернышевского высшей математикой, которую он изучал для отдыха и развлечения. Здесь тоже замечается черта сходства с Марксом, которого наш учитель напоминал многими другими сторонами своей духовной физиономии.

От Пыпина же мы узнаем, что газеты, которые он в первое время посылал Чернышевскому в Вилюйск, последнему не выдавались. Так старательно попечительное начальство хотело отрезать узника от остального мира.

Наконец, любопытно указание Пыпина о том, что именно он вдохновлял реакционную кампанию А. Суворина против эмигрантов по поводу «кражи» сочинений Чернышевского, т.-е. заграничного их издания, которое пером Суворина, но по желанию Пыпина было объявлено «контрафакцией» в «Спб. Ведомостях» Корша (в те времена Суворин еще «либеральничал»).

На фактические неточности и ошибки Пыпина мы указываем в примечаниях к его записке.

Ю. Стеклов.

Записка о деле Н. Г. Чернышевского

Основания этой записки. Прежде всего считаю необходимым объяснить, на каком основании я могу судить об этом деле и какие мог иметь о нем сведения.

Я — близкий родственник (двоюродный брат) Чернышевского, рос с ним вместе, жил с ним постоянно вместе в Петербурге (с перерывами моего пребывания по командировкам от министерства нар. просвещения за границей) и знал лучше чем кто-нибудь его личный характер и, если не совершенно, то ближе всякого другого его действительные мысли и его отношения.

Для полного и беспристрастного суждения о деле Чернышевского не наступило еще время; о нем, быть может, будут говорить еще вкривь и вкось и наши потомки. Чернышевский, арестованный 2 июня 1862 г. [1]), два года пробыл в стенах Алексеевского равелина и в руках следственной комиссии, руководимой III отделением. Что такое бывшее III отделение, об этом, после его закрытия, общество и печать высказались так определенно, что нет надобности в дальнейших разъяснениях. Все знали наверное, что такой человек, как Чернышевский, раз попавший в руки обвинителей III отделения, был заранее вычеркнут из списка живых. Судим он был в особом присутствии Сената, по старым формам, без защитника. Неужели и теперь, когда протекли эти два года крепостного заключения, семь лет каторги, десять лет поселения в захолустье Якутской области, худшего, чем была сама каторга, — не может быть сказано слово, если не в защиту Чернышевского,

то для выяснения дела и для правдивого освещения тех фактов, в которых он обвинялся, на основании которых осужден и до сих пор остается вне человеческого общества?

Смею думать, что дух справедливости и великодушия, заявленный правительством во многих последних фактах нашей политической жизни, не останется глухим к этому слову.

Во время ареста Чернышевского я жил за границей, откуда вернулся лишь в конце 1862 года. По моем возвращении в Петербург, Чернышевскому дано было высочайшее разрешение для свидания со мной, как близким родственником, на которого, притом, легло попечение об его семействе. Свидания происходили раз в две недели (в присутствии начальника равелина, покойного полковника Удома). Я из уст самого заключенного постоянно узнавал о ходе его дела, всю наготу его; впоследствии мне самому пришлось видеть след интриги, направленной против Чернышевского и, на основании вечной юридической аксиомы: audiatur et altera pars, считаю святым долгом передать это, через 20 почти лет после события.

Литературная деятельность Чернышевского и его большая популярность, навлекавшая тем более сильную вражду. Начало и ход процесса. Подлоги и лжесвидетельства. Осуждение.

Услышав за границей об аресте Чернышевского и по возвращении в Петербург, я долго не мог найти этому точной действительной причины, кроме его либеральной репутации. Мне трудно было бы, да и нет надобности, восстановлять теперь всю последовательность того, как выяснялся мне этот процесс: я предпочту говорить о нем с более общей точки зрения — не только тогдашних обвинений, заключенных в III-отделенском и сенатском процессе, но и обвинений нынешних.

Обвинений этих накопилось множество, особенно потому, что на них не могло быть ответа, в процессе — за отсутствием адвокатской защиты; позднее, в литературе — вследствие цензурных запрещений; против Чернышевского можно было говорить все, и Цитовичу позволено было взводить на него обвинения самым развязным образом. Известная статья «Страны» была первым голосом за Чернышевского, и как она всех поразила и — удивила!

Литературная деятельность Чернышевского, начавшаяся в 1853 г., быстро доставила ему обширную известность. Посвященная сначала предметам литературным, позднее — экономическим и публицистическим, под обычным ведением цензуры, она была одним из самых ярких проявлений того исторического оживления русского общества, которое наступило с началом нынешнего царствования. Его сочинения — свидетельство глубокого одушевления, которое пробуждено было в лучших людях общества зарей наступавшего возрождения.

С великой отрадой, с энтузиазмом приветствовал он Положение 19 февраля, освобождение крестьян с земле й, которому именно посвящена была его публицистическая деятельность по крестьянскому вопросу. Этот энтузиазм к успехам преобразования вообще дал ему его литературное влияние, — и он был первой причиной его бедствий!

Молодые умы особенно восприимчивы к влияниям подобного рода, и немудрено, что среди молодежи в особенности имя Чернышевского пользовалось сочувствием и известностью. Это обстоятельство служило впоследствии специальным обвинением против него! Из этой молодежи вышел вскоре писатель, работавший в том же «Современнике», столь же быстро приобревший настоящую литературную славу высокоталантливого художественного критика и публициста. Это был умерший почти юношей Добролюбов (умер в 1861 г.) и это был в действительности у ч е н и к Чернышевского.

Прибавлю к этому еще одну черту, неизвестную, конечно, процессу, но очень известную мне, которая много содействовала популярности Чернышевского, после считавшейся подозрительною! Это был его личный характер, безграничная доброта и готовность помочь всякому, кто нуждался в помощи. В кругу литературного и учащегося юношества, в котором так много нуждающихся в помощи, эта черта характера (прибавлю: известная в с е м, кто только его помнит) производила большое впечатление и к нему привязывала.

Понятно, что этой чертой могли воспользоваться и негодяи. Лично Чернышевский был в жизни непрактичен до ребячества, добр и мягок до наивности; он доверчиво принимал иных людей, которые потом выкопали ему яму...

Крестьянский вопрос, — тот вопрос, первое решение которого составляет гордость нынешнего царствования; тот вопрос, д а л ь н е й ш е е р а з в и т и е которого составляет ныне пламеннейшее желание людей, глубоко любящих свое отечество (без различия партий — славянофилов и неславянофилов, все равно), — этот вопрос, с первых слухов о намерении правительства приступить к его решению, овладел всем существом Чернышевского. Он оставил совсем литературные сюжеты и писал только о крестьянском вопросе, писал экономические исследования и т. д. Возможно широкое решение этого вопроса была его мечта и надежда, — решение в т о м с а м о м смысле, как говорят об этом н ы н е, через двадцать лет, люди сведущие и преданные интересам отечества! Именно в том смысле, чтобы освобождение крестьян было по возможности достаточным экономическим их обеспечением. Тот вопрос об общине, о наделах, который всего сильнее занимал его, возвращается теперь снова во всей своей силе и становится предметом каждодневных рассуждений в каждом журнале и газете, как только литературе дана была возможность снова говорить о них искренно и несколько свободно.

Здесь, в этих вопросах, и лежит корень преследования, которое кончилось для Чернышевского такой тяжелой, страшной ссылкой.

Очень известно, что и доныне, через двадцать лет после совершившегося освобождения крестьян, оно имеет довольно недвусмысленных врагов. Их было не меньше или несравненно больше, в эпоху самого освобождения, и в особенности в среде лиц весьма влиятельного положения. Известно, каким ограничениям уже вскоре стала подвергаться на практике не только крестьянская, но и все другие реформы, судебная, земская, печать и проч. *).

*) Чтобы не говорить голословно, воспользуюсь цитатой из одной статьи К. Д. Кавелина. Он пришел к такой картине после двадцати лет освобождения крестьян:

«У огромного большинства владельцев, несочувствовавших отмене крепостного права в том виде, как оно совершилось, и у значительного числа административного персонала, все более и более пополнявшегося недовольными этой реформой, возродилась, благодаря этому обстоятельству, надежда, что если новые законоположения и не будут совершенно отменены, то, по крайней мере, на деле будут допущены существенные отступления от их духа и буквы. Горячие желания и надежды такого рода, казалось, были несовсем напрасны. Где только можно было, Положения 19 февраля и последующие крестьянские законоположения применялись не в пользу крестьян, а в пользу владельцев; укрепление за крестьянами земель, купленных в прежнее время на их деньги, часто отклонялось под самыми ничтожными предлогами; наделы отводились, вопреки смыслу Положений, к невыгоде крестьян и к выгоде владельцев; выкупные платежи и оброки взыскивались с беспощадною и разорительною строгостью, причем не обращалось никакого внимания на обстоятельства, делавшие рассрочку или отсрочку не только справедливой, но и необходимой в видах сохранения платежных сил крестьян на будущее время. Всякие приемы с целью обмануть крестьян при отводе им надела, по возможности стеснить их, установить экономическую их зависимость от владельцев не только считались позволенными, но владельцы и управляющие ими гордились и хвастали. Незаметное, почтенное меньшинство помещиков и должностных лиц, не сочувствовавших такому обороту крестьянского дела, мало-по-малу устранилось или было устранено от всякого в нем участия.

«Всего этого, разумеется, никак нельзя было ни ожидать, ни предвидеть, судя по началу разрешения крестьянского вопроса. Вначале сангвиники и добродушные, непрактические идеалисты — сознаемся, и мы когда-то принадлежали к их числу — мечтали о том, что владельцы воспользуются отменой крепостного права для установления иных отношений с сельским населением, чем прежние; что они горячо примутся за поднятие умственного и нравственного уровня новых граждан, помогут им стать твердой ногой посреди новых условий быта и теснейшим образом свяжут свои интересы с ихними. Такой способ действий указывался самым ходом вещей, но, к сожалению, не таков он был на самом деле. В действительности случилось то, чему, по состоянию нашей культуры, конечно, и следовало быть.

«Взгляд на наш сельский люд, как на простой народ, чернь в европейском смысле, имеет у нас тоже своих энтузиастов. Мы слыхали, что в Европе чернь представляет беспокойную массу людей, недовольных своим положением, готовых при малейшей искре обратиться в огнедышащий вулкан, опасный для государства и существующих в нем порядков; что массы народные — элемент вечного движения, которому, чтобы удерживать его в границах, необходимо противопоставить оплот консервативных сил, каковыми являются крупное землевладение, капитал и высшая интеллигенция. Нашлись люди, которые целиком перенесли и это воззрение на наш деревенский люд. На этом воззрении построены, например, удивительные политические комбинации генерала Фадеева в книге: «Чем нам быть». По его мнению, наше крестьянство — клокочущий кратер, гото-

Крепостная реформа в основных своих началах, при обсуждении ее в высочайше утвержденных комиссиях и комитетах, подвергалась сильным колебаниям. Вопрос об освобождении крестьян с землею или без земли, а затем с большим или меньшим количеством надела, был предметом жаркой борьбы как в правительственных сферах, так и в обществе и в печати.

Чернышевский, занимавший тогда видное место в журналистике, как талантливый редактор наиболее распространенного журнала («Современник»), будучи ученым теоретиком, ставил этот вопрос очень прямо и страстно в интересах народа. С энергиею и жаром, нередко с неумеренной резкостью, он отстаивал не только возможно бóльшие земельные наделы, но и исконное наше народное общинное начало. В тогдашней печати голос его был громче и слышнее всех других. Свежее и молодое горячо ему сочувствовало, но заинтересованные и влиятельные классы не знали границ озлобления к этому «коммунисту» и «социалисту», каковым окрестила его противная партия и служившая ей печать *).

Когда в 1861 г. люди, не имевшие никакого отношения к Чернышевскому, стали причиной волнений, озабочивавших правительство, то враги Чернышевского из крепостного лагеря и из мутных органов печати явно и тайно указывали на Чернышевского как на главного виновника и руководителя всех волнений. Даже знаменитый апраксинский пожар (происшедший, как после, образумившись, утвердительно говорили, от мошеннического поджога лавочника) дикая молва громко приписывала «нигилистам» (слово это только что было подхвачено из романа Тургенева), а Чернышевского провозглашали их главой! Все это, конечно, без всяких доказательств, по догадкам, которые так легко принимаются за факт людьми озлобленными или встревоженными.

Настойчивой защиты общины и бóльших размеров надела было довольно, чтобы возбудить к Чернышевскому ожесточенную вражду в людях упомянутого круга. Резкость тона, в которую иногда впадал Чернышевский в своей полемике; его популярность, личная и литературная, и выше объясненная, быть может, несколько резких слов [2]) довершили представление его как человека опасного. В июне 1862 [г.] Чернышевский был арестован...

Повторим, что после совершившегося ныне закрытия III отделения общественное мнение получило впервые возможность высказаться

вый каждую минуту произвести взрыв и разрушить наш политический и гражданский строй. До таких поразительных нелепостей, сколько нам известно, никто еще у нас не договаривался, за исключением только сотрудников и покровителей газеты «Весть». Генералу Фадееву принадлежит, бесспорно, честь, что он из ошибочной предпосылки логически вывел ее крайние последствия»... *А. П.*

*) Напомним параллельный факт. Скарятин, даже несколько позднее, в своих изданиях, имевших чисто-крепостнический характер, обзывал и московских славянофилов «сен-симонистами»! Какую репутацию «красного», «радикала» та же партия старалась составить К. Д. Кавелину, довольно известно. *А. П.*

о свойствах деятельности этого ведомства, и высказалось столь ясно, что нет надобности в дальнейших разъяснениях. При старых формах суда и следствия, судьба Чернышевского была в руках этого самого ведомства. Человек почти вычеркивался из списка живых: он был весь в руках обвинителей, которые были и следователями, а во множестве случаев и судьями!

Не буду повторять ходивших тогда и известных доныне слухов об отношении ведомства к делу Чернышевского. Довольно сказать, что предполагалось, что оно разделяло ту вражду, которую внушила к Чернышевскому его горячая защита крестьянского интереса в реформе, в тех кругах, которые для краткости можно назвать крепостническими... Обратимся к фактам.

Факты были таковы. Дело Чернышевского, т.-е. следствие и суд, тянулось целых д в а г о д а, с июня 1862 по май 1864 г.! Не потому, чтобы процесс был сложен: был следуем и судим один человек, к его делу не было привлечено никакого другого лица, т.-е., конечно, не могло быть привлечено. Но потому, что в приискании обвинения оказалось нелегко одолимое затруднение. Я сам после слышал от Чернышевского, что в течение нескольких месяцев после ареста ему не было даже делано допроса. Повидимому, ожидали, что самый обыск доставит материал для обвинения, но обыск их не доставил (об одном исключении упомянем далее), и спрашивать было не о чем... Впоследствии обвинения составились.

Сколько было слышно, в III-отделенском и сенатском процессе ставилось против Чернышевского несколько общих и затем одно частное обвинение. Скажу сначала о первых (насколько я о них тогда слышал).

Видели в нем человека, вредно действовавшего на молодежь. Но не было представлено н и к а к и х ф а к т о в, а одни предположения. (Выше мы указали причину его популярности; надо прибавить, что он был тогда главным деятелем «Современника», наиболее распространенного из тогдашних журналов, и положение редактора само собою приводило к обширному знакомству.)

Винили его по отношению к журналу «Военный сборник». Но к участию в редакции этого журнала (в литературном отношении) он был приглашен официально, и журнал издавался в обычных цензурных условиях и при участии таких лиц, как полк. Аничков и полк. (ныне генерал-адъютант) Обручев [3]).

Винили его за «связи с поляками» [4]). Обвинение до крайности странное. Дело в том, что в 1856 году, по высочайше дарованной амнистии, вернулись из ссылки много лиц, русских (декабристы, петрашевцы, в числе последних был Ф. М. Достоевский), поляков, малороссов (Шевченко, Костомаров). Эта амнистия была одним из самых отрадных, радостных фактов, начинавших новое царствование, и общественное сочувствие было открыто для лиц, получивших царскую милость. Между этими лицами было несколько первостепенных талантов!

Общество отнеслось любезно и к полякам; трех-четырех человек из них знал Чернышевский. Это и был в е с ь факт. Далее общих, очень многими выражаемых сочувствий, эти отношения не шли, и я сам лично не раз был свидетелем, как Чернышевский решительно отвергал некоторые национальные притязания поляков и не оставлял им в своем несогласии с ними никакого сомнения.

Винили его за литературную деятельность. Но эта деятельность совершалась в обычных цензурных условиях, и для справедливости обвинения следовало осудить само цензурное ведомство, предположив, что оно злонамеренно допускало эту деятельность, — однако, такого предположения сделано не было. Ясно, однако, что этим обвинением власть дезавуировала саму себя. В действительности литературные труды Чернышевского и не имели того зловредного характера, который был им приписан III-отделенским и позднее сенатским обвинением.

Позднейшая, беспристрастная критика (людей, его вовсе не знавших) признала в нем «блестящего публициста», чем он и был; к сожалению, обвинение вторило воплям его литературных и общественных противников из того лагеря, который характеризуется названием крепостнического. Из этого же лагеря шли и долго после нападки против Чернышевского (уже осужденного!) — нападки, нравственная цена которых достаточно определяется тем обстоятельством, что нападавшие очень хорошо знали, что не могут встретить ответа ни от самого человека, ни от кого-нибудь, кто бы захотел защитить его. Выше замечено, что цензура не допустила бы этой защиты, и при существовании III отделения последняя могла бы обрушиться бедствием на самого защитника!

До каких геркулесовых столбов непристойности дошли, наконец, нападки, свидетельствует брошюрка Цитовича, где на Чернышевского свалена была вся грязь, наполнявшая мысли и все существо самого автора. На этот раз простое чувство опрятности не допускало вступать в спор с подобным обвинителем.

Наконец, винили Чернышевского в сношениях с заграничными революционерами.

Это было, кажется, п е р в о е реальное обвинение, по которому спрашивала Чернышевского следственная комиссия при III отделении. Дело в том, что при обыске в бумагах Чернышевского найдено было письмо, адресованное к нему Герценом *), который, после закрытия (в мае 1862 г.) журнала «Современник», предлагал Чернышевскому издавать этот журнал в Женеве или Лондоне. Чернышевский в сношениях с Герценом вовсе не был, не был даже и особенно расположен к этому писателю, а однажды подвергся даже язвительной насмешке в «Колоколе». На упомянутое письмо Чернышевский, сколько я знаю, даже не ответил и бросил его без внимания, потому что не помышлял о заграничной журналистике. На допросе он отвечал, что в переписке

*) Или может быть, адресованное к другому лицу, но с упоминанием о Чернышевском; в точности не помню, но, кажется, последнее вернее *). *А. П.*

с Герценом вовсе не состоял, — что и была совершенная правда, а что он не может помешать всякому (он употребил даже раздражительное выражение) написать к нему письмо. Обвинение этим исчерпывалось, но, сколько помнится, «сношения с заграничными революционерами» красовались в числе обвинений в приговоре.

Этот допрос был через несколько месяцев после арестования. Затем дело остановилось и возобновилось опять — довольно странным образом.

В III отделении появилось показание против Чернышевского от некоего Всеволода Костомарова. Драгунский, кажется, офицер, проживавший в Москве, Всеволод Костомаров (занимавшийся стихотворством и поэтому бывший два — три раза у Чернышевского как редактора «Современника»), был судим в 1861 г. за содержание тайной типографии в Москве и привлечен был также к одновременному делу Михайлова. Присужденный к разжалованию в рядовые на Кавказ, Костомаров в конце 1862 г. или начале 1863 г. был на пути к назначенному месту, но доехал только до Тулы, откуда получил разрешение явиться в Петербург для дачи заявленных им показаний против Чернышевского. Как, — после долгого следствия и суда, в течение которых была возможность, и когда даже искали таких показаний, — мысль о них явилась у В. Костомарова только тогда, когда он уже ехал в свою ссылку [6]), — куда ехать ему, без сомнения, не хотелось, — мы не знаем; но достоверно то, что ценою показаний оказалась для него возможность не отправляться рядовым на Кавказ, а остаться в Петербурге (где он жил на свободе и умер через два — три года после ссылки Чернышевского).

Показания В. Костомарова клонились, как я после слышал, к тому, что якобы Чернышевский побуждал его напечатать в тайной типографии в Москве какое-то воззвание к дворовым людям (безграмотство которых Чернышевскому было прекрасно известно) [7]). Но эти первые изветы В. Костомарова остались безуспешны; подтвердить их он ничем не мог.

Позднее нашелся, однако, свидетель в подкрепление извета. Это был некто мещанин Яковлев, служивший прежде у Костомарова; он будто бы слышал разговор Чернышевского с Костомаровым, где шла речь об упомянутом воззвании. Чернышевскому была дана очная ставка с Яковлевым, на которой последний смешался так, что был выслан III отделением административно в Архангельск, так что на сенатском суде эта темная личность уже не появилась.

К этому эпизоду с Яковлевым относится следующее обстоятельство, вероятно, не вошедшее в сенатский процесс, но существенно важное, так как оно указывало на присутствие в этом деле прямого лжесвидетельства.

Замечу предварительно, что в периоде допросов свидания, разрешенные Чернышевскому со мной, были прерываемы на неопределенные сроки. Я еще не знал ничего о появлении выставленного В. Костомаро-

вым свидетеля в лице мещанина Яковлева, когда однажды в редакции «Современника» (возобновившегося с 1863 года) получено было особенно любопытное письмо. Это было коллективное письмо от пяти или шести человек студентов Московского университета (из их фамилий остались в моей памяти только Сулин и Гольц-Миллер), находившихся тогда, вследствие московской студенческой истории, в заключении в Московском смирительном доме. Юноши обращались в редакцию в предположении, что она не безучастна к судьбе Чернышевского, так как они имели сообщить одно обстоятельство большой важности. Дело было в следующем. По словам письма, в одно прекрасное утро в смирительном доме появилось новое лицо, оказавшееся мещанином Яковлевым. В скором времени Яковлев познакомился с «господами-студентами» и посвятил их в свои интимные дела. Они состояли в том, что Яковлева призвал к себе (в Москве) недавно В. Костомаров и «уговаривал» его поехать в Петербург и, явившись по данному адресу (т.-е. в III отделение), заявить свое желание дать показание по делу Чернышевского. В. Костомаров объяснил, какое «должно быть» показание, и уверял, что Яковлеву это будет выгодно. Яковлев согласился и отправился уже в Петербург, но на дороге в пьяном виде нашумел, был взят, возвращен в Москву и посажен за буйство в смирительной дом. Теперь он обращался к господам студентам за советом — как они полагают, последовать наставлению В. Костомарова или нет; для него был бы интерес последовать, потому что, по его заявлению о т а к о й необходимости ехать в Петербург, его без сомнения тотчас бы выпустили из смирительного дома. Студенты отвечали ему, что не могут ему дать иного совета, кроме того, что он должен показывать только то, что в действительности было, и не показывать того, чего не было. Через два — три дня после этих бесед мещанин Яковлев исчез из смирительного дома. Студенты поняли, что он пожелал соблюсти свою выгоду, т.-е. отправиться в Петербург лжесвидетельствовать. Студенты опасались, чтобы лжесвидетельство не получило доверия, и просили довести факт до сведения властей. Они все поименно подписали письмо, замечая, что готовы утвердить правдивость своего показания п о д п р и с я г о ю.

О деле Чернышевского и именно о показаниях В. Костомарова ходили уже подозрительные слухи, и письмо из московского смирительного дома открывало след темной интриги. Что с ним было делать? Единственным и всемогущим пунктом было III отделение. Тогдашний редактор «Современника» Некрасов и я отправились заявить об этом письме и объясняемых в нем странных обстоятельствах генералу Потапову. Он прочел письмо и — сколько помню — сказал нам только, что с этим письмом делать нечего, так как дело Чернышевского перешло уже из III отделения в Сенат, и что там оно не нужно...

Когда, по окончании перерыва наших свиданий, я увиделся с Чернышевским, он рассказал мне (как выше упомянуто), что мещанин Яковлев действительно являлся давать против него показания, но на очной ставке совершенно растерялся от своего собственного лганья.

Деятельность В. Костомарова еще тем, однако, не кончилась. Он проживал в Петербурге. Прошло несколько времени; дело Чернышевского поступило в Сенат, и здесь уже явилось новое показание В. Костомарова. В Сенат доставлен был (сколько было слышно, из III отделения) документ, который сочтен был за главнейшее обвинение против Чернышевского. Это было знаменитое (в своем роде) письмо, будто бы писанное Чернышевским к известному литератору Плещееву.

По рассказу В. Костомарова (как тогда передавали), он вспомнил, что это письмо, будто бы данное ему (конечно, ранее собственного процесса Костомарова) Чернышевским для передачи в Москву Плещееву (но оставшееся не переданным), было у него заложено в саквояже; оно чудесным образом осталось неоткрытым во время внимательного обыска, сделанного у Костомарова; сам он об этом письме совсем забыл. А теперь он извлек его из саквояжа для представления в Сенат...

До меня дошел слух, что в Сенате явился, наконец, какой-то документ, уличавший Чернышевского. Меня встревожил этот слух — в самом деле, не могло ли случиться чего-нибудь подобного? Но первое свидание с Чернышевским после этого совершенно меня успокоило: он рассказал мне, что он уже был вызываем в Сенат, где ему сделан был допрос по этому письму. Документу, видимо, придана была большая важность: председательствующий сенатор, Карниолин-Пинский, держа или положив перед Чернышевским это письмо, многозначительно сказал ему на латинском языке: «Oculis, non manibus!» (т.-е. смотрите глазами, но руками не касайтесь). Чернышевский понял, в чем дело, и на вопросы относительно содержания письма просил Сенат спрашивать не его, Чернышевского, но самого автора этого письма, — которого Чернышевский никогда не писал. Чернышевский рассказывал мне это шутя, как о вещи слишком ясной и которая не могла казаться ему ни на минуту опасной. Он скоро должен был разочароваться, потому что, несмотря на категорическое заявление Чернышевского, что это письмо есть наглый и глупый подлог, несмотря на сомнительные отзывы экспертов (выбранных из сенатских же чиновников), Сенат признавал подлинность письма...

Как замечено выше, письмо, будто бы писанное Чернышевским к Плещееву, по словам самого Костомарова, не было им Плещееву передано, но понятно, что Плещеева все таки надо было спросить. Он был вызван в Петербург. В Сенате, по предъявлении ему письма, Плещеев заявил, во-первых, что рукопись, хотя в начале похожа на руку Чернышевского, но дальше не похожа совсем, т.-е., несомненно, подделана, и подделана плохо; во-вторых, что содержание письма таково, что ни Чернышевский не мог писать такого письма, ни Плещеев от него получить, — оно предположило между ними отношения, каких в действительности не было. (Не припомню, от кого из них я слышал потом, что в письме была, между прочим, одна

фраза, долженствовавшая утвердить Плещеева в соучастии: «не мы-де с вами пойдем на каторгу» [8]) — эта фраза, невозможно бессмысленная в устах Чернышевского, обличала склад мыслей поддельщика. Эта бессмысленность не требует объяснения для тех, кто имел какое-нибудь понятие о высокочестном и нравственном характере Чернышевского.)

Письмо было такого рода, что из него надо было заключить, что между Чернышевским и Плещеевым было ранее законопреступное соглашение. Если письмо было подлинное, над Плещеевым должны бы были произведены следствие и суд. Тем не менее Сенат на основании одного и того же документа, после единственного спроса, отпустил Плещеева, но осудил Чернышевского!

Но приговор, читанный на площади, говорил об его вредной литературной деятельности, распространявшей социалистические учения, — когда сочинения его были разрешаемы цензурой...

В начале 1864 года, дело Чернышевского в Сенате было близко к окончанию. Мои свидания с ним стали неправильны, откладывались; до меня доходили самые тревожные слухи; мнимое письмо становилось главным основанием обвинения; странное появление улик не обратило внимания Сената... Защиты ниоткуда не было. Я думал, что не только мое личное отношение к Чернышевскому, но простое чувство правды обязывает указать те, по меньшей мере, сомнительные стороны дела, которые были упущены из вида в процессе. — Ныне сделать это было бы чрезвычайно просто — одним обращением к прокурорской власти и председателю суда. Тогда этой возможности не существовало, и по условиям того времени, для меня оставалось одно — обратиться к г. генерал-губернатору. Я это и сделал. В письме к тогдашнему С.-Петербургскому генерал-губернатору, князю италийскому А. А. Суворову, я подробно изложил выше только вкратце упомянутые обстоятельства, которые были мне известны как личному свидетелю, и просил кн. Суворова обратить на это обстоятельство внимание самых высших властей, чтобы не была совершена несправедливость. Я брал на себя всю ответственность за представленные сведения.

Не знаю соображений, имевших силу в этом случае, но через несколько дней после представления своего письма, я выслушал сожаление кн. Суворова, что при всем желании, он ничего не может сделать [1]).

Последующая судьба. Злоупотребление имени Чернышевского и эксплоатация собственности его семейства новейшими «социалистами». Продолжение преследования.

---

[1]) Если письмо мое 1864 года сохранилось в бумагах кн. А. А. Суворова, оно может служить современным документом, где факты переданы, вероятно, точнее и подробнее, чем я ныне могу их припомнить. У меня самого не сохранилось, к сожалению, черновой этого письма. *А. П.*

Я далеко не досказал историю бедствий Чернышевского.

В самые суровые времена в обществах существует понятие, что когда преступление (предположив, что Чернышевский был преступник) карается, то «справедливость бывает удовлетворена». Осужденного оставляют в покое; считается неприличным, постыдным преследовать его упреками и обвинениями, когда он уже понес кару, присужденную высшей общественной властью, судом или правительством. «С одного вола двух шкур не дерут», грубо, но совершенно справедливо говорит народная пословица; осужденного народ называет «несчастным» — каким он слишком часто и бывает в действительности.

На долю Чернышевского не выпало этой элементарной справедливости. Прежние друзья боялись проявить свою дружбу; лишь немногие из них сохранили теплое чувство, которое некогда в такой степени внушал им... я чуть не сказал... «покойник», ...но они осуждены были на молчание; большинство поторопилось не только скрыть это чувство от других, но и совсем забыть его. Зато совершенно свободны были выражать свою ненависть старые враги. За семнадцать лет, протекших уже со времени ссылки Чернышевского, сколько сделано было в печати нападений на противника, лишенного средств защиты и связанного! Первым исключением была статья «Страны», написанная человеком, который даже не знал Чернышевского лично.

Для выяснения судьбы Чернышевского надо остановиться на этих обвинениях.

После старой ненависти к нему со стороны крепостнической партии, первым поводом к этим обвинениям послужил роман «Что делать?» Этот роман написан был Чернышевским очень быстро, во время заключения в Алексеевском равелине. Рукопись была передана мне из III отделения. Я принимал тогда участие в редакции «Современника», издававшегося Некрасовым; я сообщил рукопись Некрасову, который тотчас выразил желание напечатать роман. (NB. Чернышевский, всегда в высокой степени деликатный в денежных делах, писал роман, имея в виду заработать деньги для своего семейства, чтобы оно не нуждалось в чужой помощи.) Роман получался частями и печатался по мере получения. В то время была исключительно предварительная цензура, и никому в голову не приходило, чтобы мог возбудить — не литературные, а криминальные нападки роман, полученный из III отделения, пропущенный — без всяких исключений — предварительной цензурой.

Но не прошло много времени, как этот роман вызвал, именно, криминальные нападения. Ответить на них в ту же силу не было уже никакой возможности; реакция была в полном разгаре, и цензура не пропустила бы ни единого слова в защиту Чернышевского. Это слово могло бы даже навлечь серьезные опасности. Итак, обвинение оставалось без возражений и, в понятиях толпы, явилось подтверждением злокачественной репутации. Противники были такого нравственного склада, что им недоступно было даже то чувство, которое (как сейчас

сказано) понятно самым грубым массам — чувство приличия, запрещающее нападать на человека, раз осужденного и лишенного средств защиты.

Что же такое этот роман?

В заключении Чернышевский много работал. Из тюрьмы ему хотелось обеспечить свое семейство от нужды. Он перевел два тома для издававшейся тогда «Всемирной истории» Шлоссера, написал роман, написал еще ряд сочинений, которые уже не были выданы мне III отделением... Понятно, что для него уже немыслимы были те работы, к каким он привык — публицистика и политико-экономическая разработка крестьянского вопроса и т. п. Что же оставалось делать? или найти работу почти механическую: таков был перевод; или, когда этой работы больше не представилось, писать что-нибудь для журнальных читателей, писать повести, отдаться ф а н т а з и и. Результатом был роман.

Как известно, роман был после обвиняем в распространении социалистических теорий. Человеку рассудительному, не ослепленному старой ненавистью или недостатком образования, при разборе романа, написанного в столь исключительных условиях положения самого автора, прежде всего пришла бы мысль об общем настроении писателя, какое приводилось бы этими условиями. Я был о ч е в и д ц е м этого настроения... Чернышевский с великим мужеством выдерживал свое тяжкое положение — одиночное заключение в тюрьме, имевшей страшную славу; долгие месяцы, тянувшиеся без движения дела; сомнительную постановку этого дела; разлуку с нежно любимыми... Но, как бы ни была велика твердость, есть предел для человеческой природы: работала мысль, работало воображение, и их не сдерживала, не развлекала никакая мелочь, никакое впечатление действительной жизни. Когда он начал писать роман, он однажды поручил мне попросить одного знаменитого петербургского математика указать несколько капитальных книг по высшей математике (Чернышевский любил и ранее занимался этим предметом и вообще имел весьма разнообразные научные интересы) — и просил меня купить и доставить ему эти книги, что и было мной исполнено. При свидании он говорил мне, что ему не просто захотелось опять заняться математикой: он употреблял сухие цифры, как гигиеническое средство — его фантазия так возбуждалась, что он стал сознавать небезопасность этого возбуждения. Иногда — говорил он мне — довольно было ему проработать подчаса над романом, как он уже чувствовал необходимость остановиться и брался за диференциальное исчисление...

Роман заключает в себе лица и сцены из действительности и чистые ф а н т а з и и, какими они были и в глазах самого автора. Надо быть слишком неразвитым и пугливым, чтобы вообразить «социалистический» вред в фантазиях о будущем развитии человеческих обществ. Они и изображены, как «сон», и притом не сон какого-нибудь серьезного мыслителя или агитатора, а просто молоденькой дамы. К ней и трудно было бы предъявить строгие требования. Мысль

подобного «сна» нимало не нова: много раз писатели задавали себе темы, вроде «XXV» или «XXXV» столетия, и никому не приходило в голову винить их в стремлении ниспровергнуть порядок XIX века для того порядка, какого они ожидали в XXXV. В нашей литературе есть рассказ кн. Одоевского: «2845 (или подобный) год». Фантазия имеет в произведениях литературы свое право и свое место.

Позднейшие явления в кружках молодежи, составлявших тайные общества, были уже совсем далеки от каких-нибудь личных влияний Чернышевского, но тем не менее опять были поставлены в укор и обвинение Чернышевскому.

Остановимся на этом.

Признаем с самого начала, что правительственная власть могла подозрительно взглянуть на то, что имя Чернышевского повторялось в кружках новейших «социалистов» и в заграничных революционных изданиях, что эти «социалисты» делали даже дерзкую попытку «освобождения» Чернышевского. Все это факты, но где же настоящее объяснение этих фактов?

Со времени ссылки в Сибирь в 1864 г., когда Чернышевский жил сначала в отдаленной, страшно захолустной казачьей стоянке Кадае, на границе Монголии, потом короткое время в Александровском заводе в Нерчинском крае, наконец, многие последние годы в Вилюйске, небольшом городишке Якутской области (9.448 верст от Петербурга), на несколько сот верст в сторону от проезжего пути по Лене и в таком захолустье, что за Вилюйск нет уже никуда никаких дорог, — Чернышевский только изредка посылал письма к своей семье, изредка получал домашние известия и затем не имел, да и не мог иметь никакой переписки; письма рассматривались начальством. В 17 лет я поменялся с ним едва несколькими письмами, и, однако, я знаю что не все его письма, ко мне обращенные, дошли до меня. Сначала я посылал ему газеты, но потом перестал, когда через несколько лет узнал, что газеты, мною посылавшиеся, ему не выдавались! Несколько книг, один—два журнала, — это было все, что ему разрешено было иметь. Он был (и есть) так удален от всего света, что горькой иронией было бы думать, что он может как-нибудь действовать, что он может иметь какую-нибудь солидарность с тем, что делается в нашем обществе. Он не знал даже, как злоупотребляется его имя самозванными «последователями»: газет до него не доходило; семья не решалась тревожить его совершенно бесплодно, не была даже нимало уверена, что подобного рода письмо дошло бы до Чернышевского. Не знаю, доходили ли к Чернышевскому какие-нибудь темные слухи об этом положении вещей; но раз до самого Вилюйска дошли затеи новейших революционеров (покушение Мышкина), и тогда Чернышевский с негодованием писал жене о людях, злоупотребляющих его именем, и чтобы дать понять, о чем он говорит, замечал, что, если ему суждено когда-нибудь оставить Вилюйск, он уедет из него не иначе, как т е м ж е способом, каким в него приехал [9])...

Излишне говорить, как эти злоупотребления его имени возмущали его семью, очень хорошо видевшую, что это постыдное легкомыслие авантюристов в конце концов ложится только новым бременем на Чернышевского. Местные власти так мало понимали все это (хотя через их руки шла переписка Чернышевского), что после покушения Мышкина сделали у Чернышевского обыск и отобрали у него какие-то письменные работы, сокращавшие томительную тоску почти 20-летнего одиночества![10]) Быть может, впрочем, это было распоряжение III отделения.

Таковы были обстоятельства. В действительности, все отношение Чернышевского к новейшим событиям состояло в том, что его имя и даже собственность сделались предметом или глупой, или нахальной эксплоатации, о которой он поныне не имеет даже и приблизительного понятия.

Злоупотребление и эксплоатация, производившиеся (как выше указано), с одной стороны, злейшими врагами — крепостнической и ретроградной партией, с другой — производились в новейшей «социальной» агитации. Последняя ведена была людьми разного рода: наибольшую долю составляли идеалистические фанатики, возбужденная крайне молодежь, часто поистине несчастная, которая не находила себе исхода в запутанных и натянутых отношениях новейшего времени. Но к этой молодежи присоединялись и люди иного рода, имевшие полное право на название «червонных валетов». Для тех и других был свой интерес впутывать в свои увлечения или интриги имя Чернышевского. Во-первых, новейшие «социалисты» слышали о прежнем значении Чернышевского и, вероятно, искренне сочувствовали его печальной судьбе. Но, несмотря на эту возможную искренность, это сочувствие было грубо, бестактно и не удержало, как мы видели, «почитателей» от нанесения самого серьезного вреда Чернышевскому. Во-вторых, и это было ни мало не честно, — некоторые и, особенно, предводители, старались прикрывать свои затеи известным именем и тем придать больше важности в глазах молодежи своей собственной роли. Большинство говорило о Чернышевском с полным незнанием его характера и деятельности, и здесь им помогла сама реакционная печать, извращавшая этот характер и деятельность в своих видах в «социалистическое» пугало. Иные были лишены настолько здравого смысла, что, не имея о Чернышевском понятия, называли его имя даже перед судом. Но были и люди, действовавшие вполне сознательно. К их числу принадлежали некоторые женевско-базельско-лондонские эмигранты, которые приступили и к эксплоатации собственности Чернышевского, начав воровское издание его сочинений.

Эта контрафакция есть одно из постыднейших дел, какие совершаются червонными валетами. «Социалисты» не только компрометировали Чернышевского, перепечатывая (в журнале «Вперед») его старые статьи, рядом со своими собственными радикальными изделиями,

но и принялись за прямое о б к р а д ы в а н и е того самого человека, которого желали ставить в первых рядах своей партии! Они предприняли издание его сочинений и имели подлость объявить, будто бы выручка издания будет передана ими семейству Чернышевского. Это была наглая ложь. Семейство Чернышевского никогда не позволяло и никогда не позволило бы этого издания, если бы было спрошено, и никогда не взяло бы гроша, полученного ценою вреда самому Чернышевскому. Впрочем, речь о выручке была простым грубым отводом, и мнимые деньги для семейства Чернышевского принадлежали к области мифологии.

В действительности, при первом опыте этой кражи сочинений Чернышевского, в русской печати было заявлено, что заграничное издание есть контрафакция. Это заявление сделано было г. Суворины в «Спб. Ведомостях» (издав. тогда Коршем), по моему желанию.

Впоследствии, в январе 1878 [года], категорическое обличение этого воровства сделано было мною в подробной статье, посланной в одну немецкую газету (об этой статье будет упомянуто далее).

Таковы были действия мнимых «учеников» и «последователей».

В действительности, ни те юноши, которые составляли заговор в России, ни заграничные эмигранты не видывали Чернышевского в лицо. Положение нашей печати было таково, что для людей, его знавших, и которые могли бы защитить его интересы, писать о нем с полной правдивостью было немыслимо.

А сказать можно было бы многое.

На деле мнимые «последователи» Чернышевского были питомцы совсем иной школы. Статья «Страны» очень верно заметила, что, если Чернышевский был социалист, то лишь такой, какие в Германии называются Katheder-Socialisten, т.-е. ученые, книжные теоретики по социально-экономическим предметам. Его «социализм» есть политико-экономическая т е о р и я, какова, например, теория Дж.-Ст. Милля, которого он именно внимательно изучил и высоко ставил; у настоящих «социалистов»-радикалов Дж.-Ст. Милль есть предмет злобного презрения *). Для Чернышевского социальные отношения были предметом научного исследования; для новейших радикалов эти вопросы уже решены. Интересы Чернышевского были всегда широки и идеальны; он всегда высоко ценил искусство, поэзия была для него глубоким выражением человеческого духа и драгоценной его воспитательницей, — новейшие радикалы грубые материалисты и т. д. Словом, это два совсем разных взгляда, два несовместимых понятия, и иначе быть не могло. Мнимые последователи Чернышевского, о которых он, отрезанный от всего мира, не имеет ни малейшего понятия, как я сказал, питомцы совсем иной школы, именно бакунинской. Счесть людей, исповедающих бакунинскую теорию «анархии», за

*) Образчик можем указать даже в русской литературе 60-х годов: см. статью о Милле в «Р. Слове» 1865 и ответ на нее в «Современнике» 1865. *А. П.*

последователей Чернышевского, есть не только клевета, но бессмыслица. Последователи Бакунина также называются иногда «социалистами», но это — социалисты особого рода, и в числе их положений есть и такое: что твое — то мое, а что мое — то не твое. Бакунин был бесшабашный болтун, нечистый на руку; его ученики поступили и с собственностью семейства Чернышевского — как выше сказано.

Бакунин и К° и ошалевший философ Лавров сбили с пути немало русской молодежи, которая, к сожалению, не могла найти противовеса этому влиянию в подавленной русской литературе. В э т о й (бакунинской) школе в первый раз возникла мысль о ненужности науки и образования, как и идея об исключительной способности пролетария понимать истину (без предварительного обучения); здесь возродилось учение, что цель оправдывает средства; здесь развилось постыдное неуважение к праву чужой личности. Все это было н е и з в е с т н о в то время, когда писал Чернышевский, и это составляет существенную черту бакунинско-лавровской школы. Смешать т а к и е взгляды с понятиями Чернышевского исторически — ложно, а политически — бесчестно. Так делала, однако, глупая молодежь по недоразумению, а враги Чернышевского — сознательно; те и другие, повидимому, одинаково вводили в заблуждение и правительство. Чернышевскому уже довольно того, что он вынес и выносит; можно было бы пощадить с новыми обвинениями этого талантливого писателя, нравственно безупречного человека, страдающего так незаслуженно, так тяжко и так долго.

К сожалению, иностранная литература, именно та, которая знает русские дела с пятого на десятое — повторила о Чернышевском немало нелепостей, выслушанных от русских крепостников и реакционеров. Таковы, напр., отзывы о Чернышевском в книге «St. Petersburger Gesellschaft», самоуверенные нелепости в статьях Леруа-Больe (в «Revue des Deux Mondes»), в статье: Zur Geschichte des russischen Socialismus (в «Unsere Zeit», 1877, 9 Heft) и проч. Признаюсь, я и не желал следить за этой литературой бессмысленного перевирания; но однажды счел нужным сделать разбор двух названных писаний (в берлинской газете «Post», 1878, в январе). Надо упомянуть, впрочем, что в специальных иностранных книгах мне случалось видеть справедливое признание ученых заслуг Чернышевского в политической экономии; его «Примечания к Миллю» были переведены в Бельгии на французский язык; известный Меккензи-Уоллес, в своей книге о России (6-е английское и немецкое издание), сказал о нем несколько сочувственных слов, — как следовало человеку, ближе других иностранцев знавшему русские отношения и порядочному.

На Чернышевском все рассказанное отразилось следующим образом. После жительства в Кадае, на монгольской границе, он короткое время прожил более сносно на Александровском заводе; отсюда он был переведен в Вилюйск, на край обитаемого Сибирского края. Не одно из облегчений, какие даются ссыльным по отбытии срока, ему

дано не было; он был исключен из амнистий; у него отбирались его бумаги, затруднялась переписка с семейством и родными — единственная, какую он вел. Наконец, пришла болезнь, нет врача, болезнь серьезная и в том климате, вероятно, неизлечимая, общий ревматизм. Он тщательно скрывает болезнь от жены, не желая ее огорчать, но писал о ней мне, а я, по совету со здешними докторами, посылал ему отсюда хинин и медицинские лечебники.

Несколько раз жена выражала желание поехать к нему, он решительно просил ее не делать этого — ради трудности для нее пути; в действительности, конечно, ради того, чтобы не испугать ее видом своей жизни.

Материальное положение семейства. Недозволение издания сочинений.

Издавая с Некрасовым «Современник», Чернышевский был материально очень хорошо обеспечен, в особенности в последнее время. Закрытие журнала и затем арест сразу отняли у семейства его средства, которые прежде доставлял его труд.

В первое время Некрасов давал некоторую поддержку, но уже вскоре она стала его затруднять..., и я не стал ему этого напоминать. Упомянутые выше работы, сделанные в заключении, принесли некоторые средства. После ссылки Чернышевского я сделал отдельное издание (потом еще раз повторенное) его перевода «Политической Экономии» Милля (1865) и сделал также новое издание его университетской диссертации и биографии Пушкина для юношества (обе также в 1865 г.). Но затем начались против Чернышевского злостные нападения, и издание трудов его, на которое я рассчитывал для доставления средств его семейству, было разными обстоятельствами затруднено, а, наконец, стало совсем невозможным по следующему постороннему случаю.

В 1871 г. одна предпринимательница сделала в Москве издание нескольких старых сочинений Герцена, напечатанных им еще в России («Раздумье»). Слышно было, что должен был выйти 2-й томик. Книжка по содержанию имела чисто литературное и вовсе не политическое значение; но III отделение не хотело допустить этого и, чтобы сделать появление 2-го томика невозможным, испросило высочайшее повеление, запрещавшее вообще издание сочинений «государственных преступников».

С этим нанесен был тяжкий удар материальным средствам семейства Чернышевского. Высочайшее повеление, испрошенное по поводу сочинений Герцена, распространено было этим на сочинения Чернышевского, составлявшие единственное «наследство» его жены и детей. Пользование литературной собственностью было невозможно — в то же время как она воровалась «социалистами» бакунинской школы за границей.

Это положение вещей продолжается и до сей минуты.

Несколько лет назад семейство Чернышевского обращалось через общество Литературного Фонда в III отделение с просьбой разрешить издание только чисто литературно-критических сочинений, приводя свое трудное материальное положение и заграничную контрафакцию,— ответом был отказ.

Мои личные средства не бывали велики, и раз случилось, что жена Чернышевского должна была обратиться в общество Литературного Фонда за пособием.

Семейство Чернышевского несколько раз обращалось к высшей власти с просьбами о смягчении его судьбы, хотя бы самом умеренном: обращалось через комиссию прошений, к гр. Шувалову (как шефу жандармов), обращалось к генералу Мезенцову с просьбой о дозволении печатания сочинений, обращалось в III отделение во время управления генерала Дрентельна, и в последний раз в октябре 1880 обращало просьбу на высочайшее имя, через г. министра внутренних дел, графа М. Т. Лорис-Меликова.

Все было тщетно.

18 февраля 1881 г.

Александр Пыпин,
бывший профессор Спб. университета.

Жительство: Вас. Остров, Б. Просп. 22.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Чернышевский был арестован 7 июля 1862 года. Эта же ошибка повторена Пыпиным и дальше.

[2]) Вероятно, Пыпин имеет здесь в виду слова, произнесенные Чернышевским на похоронах Добролюбова 19 ноября 1861 года. Чернышевский объяснял преждевременную смерть Добролюбова неблагоприятными внешними условиями, намекая на политику правительства.

[3]) В редактировании «Военного сборника» (точнее, литературной части этого журнала), продолжавшемся всего один 1858-й год, Чернышевского не обвиняли. Повидимому, здесь говорится о толках в реакционных кругах. Чернышевский принужден был уйти из военного журнала вследствие доноса военного цензора полковника Штюрмера. Ответная записка Чернышевского на этот донос, составленная по поручению военного министра Сухозанета («Объяснение»), напечатана в двух редакциях в собрании сочинений Чернышевского (т. X, ч. 2, стр. 230—292).

[4]) В связи с поляками судьи Чернышевского открыто тоже не обвиняли, хотя его сочувствие национально-освободительной борьбе поляков не было секретом. Оно, между прочим, определенно выражено было в его статье «Национальная бестактность» 1861 г. (в «Сочинениях», т. VIII), вызвавшей ряд доносительских реплик в реакционной печати, в частности в аксаковском «Дне». С известным польским революционером Сераковским (выведен в романе «Пролог» под фамилией Соколовский) Чернышевский был в дружеских отношениях. Вероятно, он был знаком и с Падлевским, быть может, с Я. Домбровским и другими. То, что говорит по этому поводу Пыпин, весьма двусмысленно. Разумеется, Чернышевский был против притязаний польских националистов на украинский и белорусский народы, но с той же точки зрения права каждой нации на полное самоопределение он даже в подцензурной статье открыто признал право поляков на

отделение и самостоятельное политическое существование. Здесь Пыпин по своей обычной манере подсовывает Чернышевскому свой и подобных ему либеральчиков взгляд.

[5]) Предложение издавать за границей приостановленный на 8 месяцев в 1862 году «Современник» Герцен сделал в конце письма своего к Н. А. Серно-Соловьевичу, найденного при обыске у возвращавшегося из Лондона П. Ветошникова. Это и дало формальный повод к аресту Чернышевского, который, впрочем, полицией был решен уже давно (еще в 1861 г.). Впоследствии Герцен повторил свое неосторожное предложение в «Колоколе», распространив его также на «Русское Слово» и «День». Однако Аксакова за это не арестовали!

В приговоре обвинения по сношению с эмигрантами не содержится. По этому пункту Сенат, чтобы доказать свое беспристрастие, позволил себе роскошь «оправдать» Чернышевского. В этом отношении Пыпин ошибается.

[6]) Пыпину неизвестна была история предательства В. Костомарова. На самом деле, как мы теперь знаем, он начал свою предательскую работу гораздо раньше. Мнимая высылка его была венцом его фальсификаторских махинаций и по уговору между ним и царем входила в общий план погубления Чернышевского.

[7]) Не к «дворовым людям», а к «барским крестьянам». Эта прокламация с тех пор неоднократно опубликовывалась (в последний раз в брошюре «Прокламации шестидесятых годов», под ред. Ф. Ф. Раскольникова, изд. «Московский Раб.», 1926).

[8]) В апокрифическом письме якобы Чернышевского к Плещееву, сочиненном по поручению III отделения предателем В. Костомаровым, такой фразы нет, а сказано: «В случае неуспеха самая большая доля ответственности падает на них самих», т.-е. на участников тайного печатания прокламаций. Кстати, Пыпин ошибается, говоря о «сомнительных отзывах» экспертов: сенатские секретари е д и н о г л а с н о признали письмо подлинным!!.

[9]) Относительно попыток к его освобождению Чернышевский писал дважды. В первый раз он писал жене 30 декабря 1873 года (в тот самый день, когда у него в Вилюйске произведен был обыск жандармским полковником Купенковым, присланным из Иркутска вследствие нелепого доноса о подготовляемом якобы Лопатиным, Бакуниным и Утиным увозе Чернышевского). Он говорил, что в Европе и в России есть очень много бестолковых людей; от беспокойных людей могут исходить всякие глупые слухи. Могли быть слухи и о нем, но пусть она не тревожится. Вследствие нездоровья и неспособности переносить что-либо физически трудное, он не согласится ни на какое предприятие, связанное с материальными лишениями, и уедет из Вилюйска только таким же путем, каким туда приехал. Следовательно, он отказывался от побега. Но никакого осуждения авторов подобных попыток Чернышевский не выносит. Бестолковыми и беспокойными людьми он называет не их, а распространителей слухов о его побеге (это могло скорее относиться к жандармам и доносчикам, чем к революционерам). Следовательно, слова Пыпина о «негодовании» Чернышевского и пр. сюда не относятся.

Второе письмо Чернышевского к жене по поводу слухов о его увозе написано было 25 января 1875 года, т.-е. задолго д о п о п ы т к и М ы ш к и н а, которая была сделана в июле того же года. Следовательно, вопреки тому, что рассказывает Пыпин, и оно не относится к Мышкину. Оно, видимо, связано с полученными в III отделении доносами о новом замысле Лопатина увезти узника, результатом чего было распоряжение о строгом надзоре за проезжающими через Якутскую область лицами (это-то распоряжение и погубило потом Мышкина). Возможно, что слух об этом через местную администрацию дошел до Чернышевского и вызвал его письмо.

Повторяя содержание первого письма, Чернышевский намекает, что писал его для успокоения начальства, и снова заявляет, что уедет из Вилюйска не иначе,

как законным способом. Повидимому, это нужно было для того, чтобы жена его могла получить заграничный паспорт ввиду предполагавшейся поездки ее в Италию. Нужно, впрочем, сказать, что Чернышевский, думая, что повторяет первое письмо, на самом деле пишет нечто совершенно новое, когда говорит: «Есть в каждой стране, есть и в России глупцы, делающие разного рода нелепости. Мне кажется, что некоторые из нелепостей, делаемые некоторыми из русских ли или нерусских глупцов, порождают слухи, которые могут тревожить тебя за мою жизнь или, по крайней мере, за мою безопасность». Впрочем, даже эти слова, написанные с нарочитою целью, трудно истолковать в том смысле, какой им придает Пыпин, говорящий о «негодовании» Чернышевского на «людей, злоупотребляющих (?) его именем» и пр.

[10]) Это неверно. Обыск с отобранием рукописей был произведен у Чернышевского в конце 1873 года, т.-е. за полтора года до попытки Мышкина; см. прим. 9.

Из записной книжки архивиста.

Побег Ярослава Домбровского.

В процессе Каракозова и его товарищей было объединено, собственно, несколько дел — о покушении на царя, о тайном обществе «Организация», о попытках устроить завод в Калужской губ. на началах ассоциации и пр. Особое место занимает здесь дело о побеге Ярослава Домбровского, в котором оказались замешанными некоторые «каракозовцы». «Следственное дело о побеге из Колымажного двора в Москве политического преступника Домбровского»*) включено в состав общего следственного производства по Каракозовскому делу. Заключающиеся в нем документы несколько выясняют этот интересный эпизод в жизни будущего знаменитого генерала Парижской Коммуны.

11 ноября 1864 г. в Москву из Варшавы прибыла партия польских «государственных преступников», в числе которых находился Ярослав Домбровский, приговоренный к 15 годам каторги. Вновь прибывших поместили сначала в городскую полицейскую часть, а 21 ноября перевели в тюрьму на Колымажном дворе — на Пречистенке, между Антипьевским и Голицынским переулками. Новую партию посадили к прежде присланным арестованным полякам. Всего составилось 130 человек; помещались они все в одной камере. 2 декабря в тюрьме обнаружили, что неведомым образом бежал Домбровский. Дело о его побеге и о порядках в тюрьме вообще рассматривалось «Следственной комиссией о польских арестантах в Москве».

Комиссия выяснила, что утром 2 декабря 99 польских арестантов отправились в баню, а 31 остались в тюрьме. Через некоторое время обнаружилось, что среди оставшихся одного нехватает. Когда была сделана всем арестантам, по возвращении партии из бани, поименная перекличка, то отсутствующим оказался Домбровский. По обстоятельствам дела можно было сделать предположение, что Домбровский ушел из тюрьмы, переодевшись в офицерскую форму. Было еще указание, дававшее иной срок побега и совсем другую обстановку. А именно, арестант Гершек Фрейде заявил, основываясь на услышанном им разговоре двух заключенных, что Домбровский скрылся еще 1 декабря, воспользовавшись моментом ухода из тюрьмы торговца съестными припасами, являвшегося в камеру, и его работников. Но когда комиссия пошла по этому следу, он никуда не привел. Заключенные, на которых ссылался Фрейде, отказались от приписываемых им слов. Подозрение в пособничестве Домбровскому, павшее на работника лавочника Чеботарева, Федора Акимова, не подтвердилось, и арестованный Акимов был вскоре выпущен.

В деле «Следственной комиссии о польских арестантах в Москве» не имеется общего заключения комиссии, и мы не знаем, как представляли себе следователи картину побега. Каково бы ни было это заключение, дело было сдано в архив. Его пришлось извлечь оттуда менее, чем через 2 года.

10 мая 1866 г. Максимилиан Загибалов [1]), привлеченный по делу Кара-

*) Архив Революции и Внешней Политики. «Следственное дело о побеге из Колымажного двора в Москве политического преступника в Москве», 1866 г., № 29.

козова, показал, между прочим, Следственной комиссии под председательством Муравьева следующее:

«Выписка из показаний, данных в высочайше учрежденной в С.-Петербурге Следственной комиссии дворянином Максимилианом Загибаловым. 10 мая 1866 г.

«В конце ноября или в начале декабря 1864 г. на общую квартиру мою и Юрасова, в Трехпрудном переулке, в доме Мухина, вечером пришел некто Шостакович [2]) в сопровождении неизвестного мне человека и говорил о чем-то с Юрасовым; я в это время куда-то выходил и поэтому не знаю, в чем заключался этот разговор. Когда я возвратился, Шостаковича уже не было, и Юрасов объявил мне, что этот неизвестный господин, оставшийся у нас, государственный преступник Домбровский, приговоренный к 15-летней каторжной работе, что он просится пробыть у нас несколько времени и было бы бесчеловечно отказать ему. Признаюсь, мне стало чрезвычайно жаль Домбровского, которого ожидала такая участь, и я согласился на его пребывание у нас, не сообразя всей великости ответственности, которую я принимал на себя из-за совершенно незнакомого мне человека и притом врага моего отечества. Это было увлечение молодости и сочувствие к чужим страданиям. Домбровский пробыл у нас дня 3 или 4, твердо не помню, вообще же около этого времени. Шостакович бывал все это время несколько раз в день у нас и переговаривал с Домбровским насчет паспорта, с которым он мог бы жить безопасно. На 3-й, кажется, день по поселении у нас Домбровского он принес ему вид на имя учителя какой-то гимназии, фамилию теперь не припомню, и они делали там подчистки. Вид был настоящий. В это же время Шостакович сказал Домбровскому, что он может перейти теперь к нему, ибо он поселился на другой, более удобной квартире, чем прежняя, в которой он не решался его поместить. К нам же Шостакович привел Домбровского, потому что рассчитывал, что если мы и не примем его, то во всяком случае не донесем на него. От Шостаковича Домбровский приезжал раз к нам и предлагал Ишутину взять на свое имя паспорт, передать ему, а после 2 или 3 дней, когда он уже будет за границей, объявить о пропаже этого паспорта. Мы отсоветовали Ишутину делать подобную глупость — лезть в петлю для всякого ляха, довольно уже, что мы из жалости держали его у себя. После этого раза я уже не видел более Домбровского. Но Шостакович бывал несколько раз у нас и сначала говорил, что он возьмет на свое имя паспорт заграничный, а потом говорил, что поляки, находящиеся в Москве, узнали о Домбровском и достанут непременно заграничный паспорт, и при этом показывал поддельный паспорт, который достал для прожития Домбровского в Москве, у кого — не говорил, но из слов его можно было заключить, что у поляков. Как совершился самый отъезд Домбровского из Москвы и когда именно, я не знаю. Знали о его у нас пребывании Ишутин, Ермолов и Странден» *).

Ермолов дополнил это показание, сообщив, что из квартиры Загибалова и Юрасова Домбровский перешел на одну ночь к нему и потом был уведен Шостаковичем. На дело о побеге Домбровского было опять обращено внимание. 22 мая 1866 г. Муравьев назначил новую комиссию для расследования этого дела под председательством генерал-майора В. И. Дена. Вызванный в Московскую комиссию Шостакович 2 июня дал показание, объяснявшее обстоятельства побега Домбровского и его дальнейшего пребывания в Москве.

«Протокол № 1.

1866 года июня 2 дня свиты е. в. ген.-майор Ден и состоящий при нем обер-аудитор коллежский асессор Балаченко по нижеследующим пунктам допрашивали сына кол. асессора Болеслава Шостаковича, который и показал:

*) Дело № 29, л. л. 7—8.

«Решаюсь сказать все то, что я знаю, и на все вопросы, которые мне будут предложены, буду отвечать чистосердечно и откровенно. Я начну с того, каким образом Домбровский, по его словам, бежал с Колымажного двора. 1 декабря 1864 года он, надевши женскую юбку под полушубок и взявши с собой платок, отправился в числе арестантов в комнату, где собрались продавцы и продавщицы разных вещей. Присевши в угол, он надел платок на голову и вышел в числе продавщиц в 12 часов дня.

«У кого были им взяты юбка и платок, я не знаю.

«Около 5 часов вечера Домбровский встретил меня на улице и обратился ко мне с просьбой позволить ему переодеться. Он был одет деревенской бабой — внизу у него была мужская одежда: темносерые брюки и коричневого цвета сюртук обыкновенного статского покроя. Я согласился на его просьбу и, взявши из дому плащ и фуражку, нанял извозчика, и мы поехали по разным улицам; приехавши часов в 10 вечера к Екатерининской или Елизаветинской больнице (названия ее хорошо не помню), я отдал ему плащ и фуражку, которые он надел сверх бывшей на нем женской юбки, платок же с головы снял и надел фуражку. После того мы ходили по бульварам часов до 2 ночи для того, чтобы позднее явиться в трактир, где предположили провести ночь. В 2 часа мы пришли в гостиницу «Крым», где, спросивши ужин, и ночевали в отдельном номере. Юбку женскую он бросил в отхожее место. На другой день мы отправились в д. Мухина к живущему там Ишутину, которого я просил принять к себе на несколько дней Домбровского. Ишутин жил тогда, кажется, с Юрасовым и Загибаловым. Особенно близко знаком с Ишутиным, Юрасовым и Загибаловым я не был и обратился к первому только за неимением знакомых, на которых бы можно было рассчитывать в этом случае. Ишутин принял Домбровского, и он прожил у него несколько дней. Приведя Домбровского к Ишутину, я не сказал настоящей фамилии Домбровского, а назвал его Морелем, бежавшим поляком; я сделал это потому, что не надеялся на молчание Ишутина. Затем я взял Домбровского от Ермолова (квартиры этого последнего не помню) и привез к себе на квартиру в д. священника ц. Успенья на Покровке. Паспорт ему был сделан таким образом: у меня осталось свидетельство Шатилова [3]); я не помню кто из нас выскоблил часть первой палочки буквы Ш и таким образом получилась буква М. У меня ли была сделана подскобка или в квартире Ишутина, я не припомню. Паспорт этот был предъявлен в местный квартал для прописки. Домбровский жил в квартире Калистовых [4]) как постоялец и платил им 25 р. в месяц, в отдельной комнате, которая предназначалась к отдаче в наем. Он, Домбровский, мне сказал, что у него есть 200 р. с., но денег у него я не видал. Я ходил с ним обедать в трактир раз или два, раз катался на наемном извозчике, в это же время он купил себе енотовую шубу и заплатил за нее 50 р. с., шапку, галоши зимние. Во время жительства его на квартире у Калистовых я с ним в первое время находился постоянно, но затем, вследствие несогласий с его взглядами на пропаганду, он стал удаляться от меня и несколько раз делал намеки, что я еще молод и до того, до чего дошел он, мне еще нужно дорасти. С времени этих несогласий он стал уходить из дому один, — куда именно, мне не говорил. Бывал ли он у Маевского [5]), мне также неизвестно. В отношении того, бывал ли он у родственников своих Хршонстовских [6]), он мне говорил, что считал это опасным для себя, так как, говорил он, прежде всего после его побега должны были обратиться для разыскания его к родственникам. Были ли у него в Москве близкие знакомые, которые бы могли ему содействовать в побеге, он мне не говорил; напротив, он говорил, что если бы был в Петербурге, то давно был бы за границей. О желании своем уехать за границу Домбровский сказал мне в первые же дни знакомства с ним и уговаривал меня

взять на свое имя паспорт за границу. Я склонился на его просьбу, отправился в квартал и взял там свидетельство о неимении препятствий со стороны квартала к выезду моему за границу. С этим свидетельством я явился в канцелярию московского генерал-губернатора, но там мне сказали, чтобы я обратился за получением паспорта в Вильну, так как родители мои тамошнего происхождения. После этого я свидетельство, полученное из квартала, уничтожил, и хотя в квартале у меня его спрашивали, но я отозвался тем, что потерял. Спустя несколько времени Домбровский принес ко мне лист гербовой бумаги, не помню какого достоинства и с титулом, или без титула, а также начерно написанный указ об отставке, прося меня переписать этот указ на принесенный им лист гербовой бумаги, на котором внизу была приложена сургучная печать и было, кажется, четыре подписи. Какого ведомства была эта печать и какие были подписи — не помню, а равным образом не могу припомнить имени и фамилии, какими был назван Домбровский в переписанной мною бумаге [7]). Откуда Домбровский достал означенный лист с подписями и черновой указ об отставке, он мне не говорил. Приготовив этот документ, мы с Домбровским отправились к Ишутину и просили его сходить в канцелярию губернатора, где бы он, назвавшись именем, означенным в этом документе, испросил заграничный паспорт. Ишутин исполнить это отказался, как заметно было, из трусости. Не помню, до принесения Домбровским означенных бумаг или после он писал письмо, но к кому и о чем, я не знаю; даже он отнес его сам на почту. Кроме этого, в продолжение его жизни в Москве к нему никаких писем не приходило, и он ни к кому не писал, насколько мне это известно. Приготовление отставки происходило в последних числах декабря 1864 года, а первого января следующего года Домбровский уехал в Петербург, взяв с собою и упомянутую отставку. В то же время я объявил в квартале, что живший в доме священника Матилов выбыл в Казань. Куда девался документ Матилова, я в настоящую минуту не могу припомнить. Документ же Шатилова, из которого сделан был Матилов, достался мне после ареста Шатилова, документ этот находился в ящике стола, на котором занимался Шатилов, служа в управлении Нижегородской дороги, и когда его арестовали, то я взял его себе для сохранения. На станцию Николаевской железной дороги я проводил Домбровского один, и кроме меня при проводах никого не было. При этом случае он мне не говорил о том, где и у кого он предполагает остановиться в Петербурге. Он не говорил мне об этом и прежде. Сколько имел денег Домбровский при отъезде в Петербург, я не знаю и получал ли он их от кого в Москве, неизвестно. Но до отъезда его из Москвы приходила к нему какая-то дама, всегда одетая в темное платье, в темной же шляпке и шубке, под вуалью, закрывавшею лицо не все, и поэтому я мог рассмотреть морщины на лице и сужу поэтому, что ей лет за 30 слишком. Она была у него раза три и приходила обыкновенно между 3 и 4 часами пополудни, оставалась у него несколько минут, разговаривали они по-французски. Если бы дама эта была предъявлена в том же костюме, в каком я ее видел, то, может быть, я и признал бы ее. Вскоре после побега Домбровского из Колымажного двора я, по его просьбе и под его диктовку, написал письмо к его жене, находившейся, по его словам, в ссылке в городе Ардатове [8]). Предъявленное мне письмо от 8 декабря 1864 г., находящееся в деле на листе 189-м, писано мною [9]). Об участии жены Домбровского мне неизвестно, и об ней он ничего не говорил. Домбровский небольшого роста, блондин, худощав, короткие волосы с рядом по средине и с заческой волос на висках вперед, бороду и усы брил во все время пребывания в Москве. Домбровский говорил мне, что, содержась на Колымажном дворе, он имел длинные волосы на голове, бороду и усы, и за две недели до побега ходил в фотографию

снимать карточку с себя, но в какую именно фотографию, я не знаю. Все, что сказано здесь, сказано совершенно чистосердечно и если что впоследствии вспомню, то объявлю с такою же откровенностью. К сему показанию Болеслав Петров Шостакович руку приложил.

Свиты его величества генерал-майор *Ден.*

Советник Киевского губернского управления *Сталевич.*

Обер-аудитор *Балаченко*» *).

К этому можно прибавить еще некоторые подробности из показания Шостаковича 4 июня.

«... Домбровский встретил меня не помню на какой улице и, вероятно, принявши меня за студента, так как я шел с книгами, обратился ко мне с просьбой позволить ему переодеться. Хотя одежда его меня сильно удивила, так как он был одет деревенской бабой и голос вовсе был не похож на женский, однако, я сказал ему, чтобы он шел со мной. Дорогой он сказал мне, что он бежал с Колымажного двора, что он сосланный поляк, просил меня принять в нем участие и помочь ему. Вид, какой он имел, действительно, был жалок, он говорил, что ничего не ел с утра и что все время находится на ногах и несколько раз просил меня остановиться, чтобы, прислонившись к стене, отдохнуть. Когда я узнал, что он поляк, то на квартиру его вести к себе не решился, так как там не было отдельной комнаты, в которой можно было бы его поместить, а главное я должен был бы сказать всем домашним, кто он такой, к этому еще присоединялось то неудобство, что вещи были все уложены к перевозу на квартиру в д. свящ. ц. Успенья на Покровке, куда можно было привести Домбровского как постояльца, так как там была комната, предназначавшаяся к отдаче в наймы. Квартира, с которой я перешел в дом священника, была в Златоустовском пер. в доме Скрябина на Мясницкой. Переход этот состоялся в первых числах декабря 1864 года. Я с Домбровским первую ночь провел в гостинице «Крым», а на другой день я отвез его к Ишутину, где он и оставался несколько дней, пока я успел переехать на квартиру и куда мог привести его как постояльца» *).

Комиссии после этих показаний оставалось установить, каким образом собственно мог Домбровский совершить свой побег в женском платье. Было выяснено, что некоторые из заключенных брали обед из польской кухмистерской и что обед этот приносили в тюрьму служанки этой кухмистерской. Иногда они приходили по 3 сразу. Вместе с ними и мог уйти переодетый Домбровский. Вопрос, откуда он достал себе платье, остался невыясненным.

В заключение нужно добавить, что некоторые члены Муравьевской комиссии остались очень недовольны результатами следствия, произведенного Деном. А именно, известный генерал Черевин в своих «Записках» (Кострома, 1918) утверждает, что Шостакович провел Дена и изобрел басню для сокрытия истинных обстоятельств побега Домбровского. По мнению Черевина, Шостакович не встретил Домбровского на улице, а «выхватил» его каким-то образом с Колымажного двора и потом привел на квартиру к знакомым студентам.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. О Загибалове, Юрасове, Ишутине, Ермолове, см. в т. 17 «Красного Архива» статью «Покушение Каракозова 4 апреля 1866 г.», примечания.

2. Шостакович, Болеслав Петрович, род. в 1845 г. Учился в 1-й Казанской гимназии. Вышел из нее, не окончив курса, и в 1862 г. приехал в Москву. Судился по делу Каракозова за укрывательство Домбровского. Был приговорен к лишению всех особенных прав и преимуществ и ссылке на житье в Томскую губ. По царской конфирмации он

*) Дело № 29, л. л. 34 об.—38.

*) Дело № 29, л. л. 85 об. — 86.

был отправлен на житье в Томскую губ. без лишения прав.

3. Шатилов, Николай, дворянин, уроженец г. Казани, учился в Московском университете. В 1858 г. был исключен за участие в студенческих беспорядках. В 1859 г. вместе с Юрием Мосоловым он был основателем кружка под именем «Библиотека казанских студентов». В 1863 г. арестован по делу общества «Земля и Воля» и предан суду. В 1866 г. приговорен к лишению прав и ссылке в Сибирь на поселение.

4. Калистов служил врачом в Самарской городской больнице. Жена его, Варвара Гавриловна, временно проживала в Москве; в 1865 г. она уехала в Самару. В Москве у нее проживала Ольга Сократовна Чернышевская.

5. Маевский, Павел Петрович, дворянин, род. в Вильне 14 апреля 1839 г. С 1856 по 1862 г. был студентом Московского университета. Летом 1862 г. был арестован и находился под следствием и судом «за подозрение в распространении возмутительных изданий». В 1866 г. Маевский был привлечен к суду по делу «каракозовцев» по обвинению в укрывательстве Домбровского, Ольтаржевского, Оржеховского, Верницкого и других польских государственных преступников. Приговорен был к лишению всех прав состояния и к ссылке в Сибирь на поселение.

6. В Москве жил двоюродный брат Домбровского, Иосиф Станиславович Хршонстовский, титулярный советник в отставке. Семья его состояла из жены Натальи Осиповны, и матери, Дукляны Алексеевны Хршонстовской, акушерки. Дукляна Алексеевна — родная тетка Ярослава Домбровского (сестра его отца, Виктора Алексеевича, проживавшего в Луцке). Домбровский навещал Хршонстовских в Москве всякий раз, когда бывал в этом городе. Он известил их запиской о своем приезде и в 1864 г., еще находясь в городской части. Наталья Осиповна Хршонстовская дважды навещала Домбровского в тюрьме. И в 1864 г., и в 1866 г. Хршонстовских усиленно допрашивали в комиссии.

7. 13 июня Шостакович показал, что указ об отставке был написан на имя офицера Ивана Петровича Бутовского.

8. Жена Домбровского, Пелагея Михайловна, урожденная Згличинская, дочь помещика Люблинской губернии, с 11 июня 1864 г. находилась под надзором полиции в г. Ардатове, Нижегородской губ. 19 мая 1865 г. она бесследно скрылась из Ардатова.

9 Вот текст этого письма: «8 декабря 1864 г. По поручению супруга вашего честь имею уведомить вас, что он, вырвавшись благополучно из рук своих мучителей в первых числах этого месяца, в настоящее время выехал уже за границу» (Дело № 28, л. 189). Писано это письмо, конечно, для отвода глаз — 8 декабря Домбровский был еще в Москве.

М. Клевенский.

К истории «нечаевщины».

(Две прокламации к русскому дворянству.)

Ю. М. Стеклов в своей биографии Бакунина, перечисляя прокламации, изданные летом 1869 года Нечаевым и Бакуниным, упоминает о прокламации «Благородное российское дворянство!», подписанной: «Потомки Рюрика и партия российского независимого дворянства» («Михаил Александрович Бакунин, его жизнь и деятельность», т. III, Гиз, 1927 г., стр. 445).

Насколько нам известно, до сих пор прокламация к дворянству воспроизводилась только один раз: в рукописной работе Неттлау о Бакунине (именно по работе Неттлау цитирует эту прокламацию Ю. М. Стеклов), почти недоступной не только рядовым читателям, но и исследователям.

Однако та прокламация, которую воспроизводит Неттлау, была издана не в 1869, а в 1870 году. Прокламация же 1869 года оставалась до сих пор исследователям неизвестной.

Ниже мы печатаем обе эти прокламации. Что касается датировки их, то она не возбуждает сомнений. Во второй из них говорится о «наступившем 1870 годе». Шрифт, которым набрана эта прокламация, весьма схож с тем, которым набраны другие издания Нечаева начала 1870 г. (насколько нам с этими изданиями удалось познако-

миться). Что касается первой из этих прокламаций, то она набрана именно тем самым шрифтом, который мы встречаем в других прокламациях 1869 г. — «Наша повесть», «Постановка революционного вопроса», «Несколько слов к молодым братьям в России» и др.

Все это убеждает в том, что первая из воспроизводимых нами прокламаций есть именно та, которая рассылалась по России в ноябре 1869 г.

Таким образом первая из наших прокламаций была издана осенью 1869 г., а вторая — в начале 1870 г., когда Нечаев вновь скрылся за границу.

Ю. М. Стеклов высказывает предположение, что автором известной ему прокламации к дворянству был не Нечаев, а Бакунин. «Нечаеву, органически ненавидевшему бар, — пишет он, — вряд ли могла притти в голову мысль об обращении к «благородному дворянству» во имя его аристократических и олигархических вожделений. Здесь и мысль, и исполнение, несомненно, принадлежат хитроумному, но вместе с тем глубоко наивному Бакунину, этому блудному сыну российского дворянства» (Назв. соч., стр. 456).

Мы лично полагаем, что предположение Ю. М. Стеклова вполне вероятно, но только по отношению к первой прокламации к дворянству; при этом мы не можем придать решающего значения тем аргументам, которые Ю. М. Стеклов выдвинул в подтверждение своего предположения. Нечаев ненавидел купцов не менее, чем бар, однако, это не мешало ему назначать специальных лиц для пропаганды среди купечества: именно такую революционную задачу возложил Нечаев на члена организованной им «Народной расправы» А. К. Кузнецова. К тому же ненависть к барам не помешала Нечаеву усердно распространять в ноябре 1869 г. прокламацию, адресованную к этим барам.

Если же, тем не менее, мы склонны считать автором первой прокламации Бакунина, то исходим из соображений иного порядка, чем Ю. М. Стеклов.

Среди тех многочисленных прокламаций, которые распространялись в то время, когда летом 1869 г. Нечаев находился за границей, прокламации «Русское дворянство» не было. Насколько можно судить по архивным документам, с которыми нам удалось познакомиться, эта прокламация начала распространяться только в ноябре 1869 г. Между тем еще в августе этого года Нечаев вернулся в Россию. Таким образом естественным является предположение, что эта прокламация была составлена и издана, когда Нечаев уже находился в России. А если это так, то автором ее мог быть только один Бакунин, ибо среди эмигрантов того времени мы не находим никого другого, перу которого можно было бы приписать эту прокламацию.

Что касается второй прокламации, то, как видно из ее содержания, она выпущена в свет не ранее 19 февраля 1870 г. Как известно, в это время Нечаев издал и ряд других прокламаций. Никаких данных за то, что в составлении их принимал участие Бакунин, не имеется (см. Ю. Стеклов, назв. соч., стр. 507-508). Поэтому вряд ли будет ошибкой предположить, что автором второй из воспроизводимых прокламаций был уже не Бакунин, а Нечаев. Другими словами, Нечаев переделал бакунинскую прокламацию, увеличив в ней долю «нечаевщины»: только здесь — во второй прокламации — появились упоминания о «сиявшем доблестями Михаиле Николаевиче Муравьеве» и о «Михаиле Никифоровиче Каткове», который «наш и телом и душой».

Обе прокламации (Архив Рев. и Вн. Пол.) воспроизводятся нами по новой орфографии, но с соблюдением особенностей правописания подлинника

Б. Козьмин.

Русское дворянство.

I.

Наступает пора, когда нам снова следует выступить на сцену русской истории, на которой с конца прошлого столетия теснилась все мелюзга или немецкая безродная челядь... Вырвав власть у одного лица, завладевшего ею, благодаря исторической случайности и глупости наших предков, мы должны распределить ее пропорцио-

нально достоинству между русским дворянством.

Нам нечего ждать от этого Голштинского князька, что стоит во главе Благородной России, этого пустоголового потомка Павла, незаконно прижитого Екатериною с Салтыковым. Окруженный любимцами немцами, он забыл, что вся сила Империи в Нас!.. Что Мы так же легко вычеркнем его из государей, как легко уберегали его предков от народной ярости. Благоприятней настоящего для Нас нет: все элементы русской жизни чувствуют недовольство, Мы должны употребить его для свержения пустоголовой личности и заменить абсолютизм лица не менее твердым абсолютизмом достойных представителей Нашего благородного сословия. Имея во главе Нашей организации высокопросвещенную личность, Мы тем легче достигнем желаемого, пока в руках ее еще сосредоточена власть над военными силами. Тайная работа, веденная в последнее пятилетие, не была замечена фаворитами, вышедшими в генералы из поручиков, которые недостойны названия дворян. Польское движение, волнения журнальной и прочей слабосильной мелюзги скрыло нашу работу. Подражая Западу, наш тупоумный немецкий князек Александр искал источников беспокойства в низшей среде и оказывал нам услугу тем, что уничтожал людей, строивших козни против дворянского сословия. Теперь Мы окрепли и почти готовы открыто заявить о своих желаниях. Имея друзей во всех отраслях администрации, с потомком Рюрика во главе, Мы скоро заставим дрожать этого глупыша-немца и отречься самого от власти. Если же нет, Мы вырвем власть из слабых рук и вверим ее тем из Нас, которые по происхождению имеют наиболее права. Нам надо предупредить народное движение, которое близко. Увлеченная западными волнениями, грубая чернь может подняться против монархии, и тогда трудно будет сдерживать ее в пределах. Будучи вождями Российского государства в продолжение веков, будучи представителями русской науки, интеллигенции и пр., спасем же Россию от страшной бури, готовой разразиться в Европе. Произведем разумный переворот, пока все в наших руках, и потом будем двигать Русскую землю по пути прогресса, создав из своих рядов гранитную стену против социальных утопий. Итак, пусть благородное дворянство откликнется на этот первый открытый зов организации. Пусть, однако, пока, до поры, в которую дадут сигнал, каждый на своем месте, не вдруг, а осторожно начинает готовиться. Люди, заслужившие доверенность правительства, публицисты, ученые Нашего круга, пусть подождут условного знака, чтобы резким, безвременным поворотом не попортить дело.

Данное воззвание не должно выходить из рук тех, кому оно высылается, т.-е. лиц, которые по положению не могут быть заподозрены. По прочтении в кружках дворян оно должно быть уничтожено. Надеемся на аккуратность.

Потомки Рюрика и Революционный Дворянский Комитет.

Брюссель.

II.

Благородное Российское дворянство!

Наступила пора, когда Мы снова должны выступить с открытым забралом, пред изумленными глазами немецкой безродной челяди, которая с конца прошлого столетия теснилась около Престола; занимая Наше место, она марала его холопским служением этому ничтожному потомку Голштинского князька, случайно попавшего в российские венценосцы.

Наступила пора, когда Мы должны написать своими доблестными подвигами в Истории Российского Государства блестящие страницы. Мы должны увековечить в памяти Наших Благородных Потомков эти дни героической битвой и славной победой над пришлецами, так долго грязнившими Российский Престол, который по праву принадлежит Древнейшему и Знаменитейшему Роду благороднейшего происхождения.

Разве уже забыли Мы, что в Нашем Благородном Сосло-

вии заключаются еще потомки Славной Рюриковской крови, которые с благородным негодованием и гордостью ожидают того часа, в который Российское Дворянство, жертвуя Своей Драгоценной Кровью, вырвет власть из рук внука Павла, незаконно прижитого Екатериною с Салтыковым, и вручит ее торжественно в Мощные Длани Тех, предки которых в продолжение ряда веков разделяли ее с Благородным Российским Дворянством, имея в этом разделении основы Своего неизмеримого всемогущества.

Чего Мы дождались за долгое молчание и терпение от того, который обязан Нам и своей властью и своей силой и значением среди Европейских Монархов?..

Чем стали Мы в глазах Наших добрых поселян, привыкших считать Нас своими Отцами и Повелителями, и в глазах той пришлой челяди, которую Нам унизительно дарить даже Нашим презрением?..

Какие права даны Нам за Наше открытое, истинно рыцарское служение Николаю I, отцу теперешнего, спившегося с ума мерзавца? Какие привилегии дарованы Нашему Сословию за то, что в продолжение половины XIX столетия Мы были опорой столько раз шатавшегося в самом основании Престола; за то, что в 1848 году, во время бурных ураганов народного безумия в Европе, Мы Своими Доблестными Подвигами спасли Российское Государство от наплыва социальных утопий?..

Чем награждены были Мы, беспредельной храбрости которых дивился еще так недавно весь Запад, когда, омывая Своей Благородной Кровью стены Севастополя, Мы составляли из Наших рядов гранитную стену для врагов Российского Государства?..

Чем пожалованы Мы за то, что спасли Государство от раздробления и потушили в Польше красное зарево, которое грозило охватить и Россию; за то, что, не щадя Наших Сил, с неподражаемой неустрашимостью еще до сей поры неустанно работаем над искоренением в России революционных элементов?..

Разве не из Нашей среды вышел сиявший доблестями Михаил Николаевич Муравьев, которого даже сам Александр II, несмотря на свое слабоумие, называл Спасителем Отечества?..

Что же за все это?..

За все эти неоценимые заслуги Мы лишены всего, что у Нас было.

Мы лишены возможности заботиться о Наших добрых поселянах. Помещики уже не Отцы своих крестьян; власть над ними в руках немца-чиновника или подлеца из Нашей среды, забывшего о своем происхождении и пошедшего в лакеи к князьку Александру Голштинскому.

Мы оттерты немецкой швалью от Престола, сложенного Нашими руками.

Мы отстранены от участия в Управлении.

Мы из равноправных сделались хуже чем вассалами.

Мы стали не более, как подданные Голштинского князька, которого княжество было меньше любого из Наших поместий.

Мы, в среде которых еще есть Лица с Драгоценной Славной Кровью, Мы, заключающие в Нашем Сословии Истинных Венценосцев, лишенных нагло Короны, удалены на задний план Государственной жизни.

Мы попраны, уничтожены, поруганы разной литературной сволочью, вышедшей из хамов.

Мы лишены права свободного голоса. Выразители Наших чувств должны прикрываться усердием к Александру II. Сам Михаил Никифорович Катков, которому Московское Дворянство поднесло чернильницу в знак своего доверия к его убеждениям, подвергался несколько раз гонениям и, наконец, принужден был заявить о несолидарности с Дворянством, хотя он Наш и телом и душой?!.

Где же предел всему этому?!.

Предел сознания Наших Прав, Сил и Могущества, которые должны выра-

зиться в Геройской Борьбе и Победе над тем, что неисповедимые Судьбы Истории назначили в испытание сил Нашего Благородного Сословия.

Мы приглашаем Все Российское Дворянство, не забывшее о Своем Царственном Происхождении и о Доблестях и Могуществе Предков, с львиным Мужеством воспрянуть от унижения и встать под Гордо развевающееся Знамя Потомков Древнего Рюрикова Дома, свергнув ничтожную, современную императорскую власть!..

Что может устоять против Нашего соединения?..

Это — сила, которая привыкла побеждать, но никогда не победима!

Распоряжаясь самостоятельно Российским Престолом в течение длинных веков, Предки Наши завещали Нам это право!.. Забудем ли Мы это завещание?!! Наш открытый теперешний зов есть заявление от огромного большинства настоящего Российского Дворянства, уже давно готового и организовавшегося.

Российское Благородное Дворянство имеет с русским мужичком глубокую, сильную, чисто-психическую, а потому и неуловимую нравственную связь. Оторгнуть добродушный русский народ от Нас совершенно, как предполагает сделать немецкое правительство после 19 февраля 1870 г., так же немыслимо и невозможно, как невозможно немецкой челяди оттереть Нас от престола.

Мы чувствуем Силу в Нашем Праве и смело бросаем Нашу перчатку в лицо деспота, немецкого князька Александра II Салтыкова-Романова и вызываем его на Благородный рыцарский бой в наступившем 1870 году.

Потомки Рюрика и *Партия Российского Независимого Дворянства*.

Л. Н. Толстой в Московском архиве мин. юстиции.

Как известно, Л. Н. Толстой по окончании «Войны и мира» задумал новый исторический роман, на этот раз из эпохи Петра I. Работа над этим романом продолжалась с начала 1870 г. до марта 1873 г. [1]), когда Толстой увлекся сюжетом «Анны Карениной». Закончив этот роман, он снова принимается за изучение первой половины XIX века и начинает работу над романом «Декабристы», но в то же время возвращается и к прежней мысли — написать роман из эпохи Петра I. Эта мысль, повидимому, мелькала у него еще в 1878 г., как можно предполагать на основании того, что Н. Н. Страхов к письму своему к Л. Н., которое датировано редактором их переписки концом мая 1878 г., прилагает составленный В. В. Стасовым список печатных источников и пособий по истории времени Петра I [1]). В 1879 г. у Л. Н. окончательно созрело намерение написать роман из этой эпохи и приступить к ее изучению, на этот раз не на основании одних только печатных источников, но и неопубликованного архивного материала, в частности, хранящегося в Московском архиве министерства юстиции. С этим архивом он уже был знаком по другому поводу: в начале 1879 г. Л. Н. заинтересовался личностью своего двоюродного деда, генерал-майора князя Вас. Ник. Горчакова, в начале царствования Александра I сосланного в Сибирь, и через Н. Н. Страхова добывал о нем архивные сведения, между прочим и из Московского архива министерства юстиции [2]).

Московский архив министерства юстиции помещался тогда на Старой Басманной улице, в том здании, где

[1]) Этой работе А. С. Грузинский посвятил специальную статью, напечатанную в журнале «Новый Мир», 1925 г., № 5; здесь же помещены и «Два начала из неоконченного романа Л. Н. Толстого из эпохи Петра I».

[1]) Толстовский музей, том II: переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым, Спб., 1914, стр. 173—175.

[2]) Там же, стр. 202—225.

впоследствии находилось Александровское коммерческое училище (теперь промышленный техникум). Во главе архива стоял известный археограф Н. В. Калачев, по должности сенатора проживавший большею частью в Петербурге; заместителем его был А. А. Орлов.

В марте 1879 г. Толстой был в Москве и 20-го числа обратился в Московский архив министерства юстиции со следующим прошением:

«Имею честь покорнейше просить господина исправляющего должность управляющего Московским архивом министерства юстиции сделать распоряжение о допущении меня к занятиям в архив для извлечения из документов оного нужных мне сведений. Марта 20 дня 1879 года.

Граф *Лев Николаевич Толстой*».

Прошение написано не лично Толстым, а только им подписано. На это прошение последовала резолюция А. А. Орлова: «Марта 20 1879 г. допустить графа Толстого и дать ордер гг. начальникам отделений. А. Орлов»[1]). В прошении не указано, какими именно архивными фондами собирался заниматься Л. Н., но, без сомнения, он дал администрации архива словесные разъяснения, причем выяснилось, что интересующие его материалы могут найтись в делах Сената и Сыскного приказа.

В частности, Л. Н. интересовался делами обер-фискала Нестерова и, повидимому, 20 же марта навел о нем справки. В письме, полученном Н. Н. Страховым 25 марта 1879 г., Л. Н. писал: «Где может находиться дело об обер-фискале Нестерове, казненном в 1724 году? В Москве его нет»[2]). По всей вероятности, Л. Н. не имел возможности сейчас же приступить к занятиям, а высказал намерение приехать позднее; по крайней мере, только 17 мая был дан ордер начальнику I и II отделений[3]) И. Н. Николаеву допустить в заведуемые им отделения, кроме секретного отдела, графа Л. Н. Толстого для извлечения из документов архива нужных ему сведений[1]), очевидно, потому, что Л. Н. приблизительно в это время вторично посетил архив. В отчете за майскую треть 1879 г. находим указание, что Толстой именно в эту треть был в архиве и занимался делами Правительствующего Сената и Сыскного приказа[2]), но в книге записи выдаваемых документов никаких указаний не имеется.

В планы Льва Николаевича, однако, не входило заниматься только делами Сената и Сыскного приказа, его интересовали дела секретные — Преображенского приказа, на занятия которыми необходимо было получить специальное разрешение от самого министра юстиции. Потому ли, что в архиве не было дано Толстому соответствующего разъяснения, или потому, что им не вполне было понято сказанное ему там, Л. Н. первоначально не обратился к министру юстиции, а прибег к посредничеству своей двоюродной тетки, фрейлины графини А. А. Толстой, которой писал в конце марта: «Другая моя просьба к вам, чтобы мне были открыты архивы секретных дел времени Петра I, Анны Иоанновны и Елизаветы. Я был в Москве, преимущественно для работы по архивам (теперь уже не декабристы, а XVIII век, начало его — интересует меня), и мне сказали, что без высочайшего разрешения мне не открыть архивов секретных, а в них все меня интересующее: самозванцы, разбойники,

---

[1]) Дело М.А.М.Ю. 1879 г. № 22.

[2]) Толстовский музей, том II, стр. 215.

[3]) В этих отделениях находились дела Сената и Сыскного приказа. Они соответствовали бывшим до 1852 г. архивам Разрядному и Государственному старых дел, а теперь составляют Разрядно-сенатский отдел древлехранилища Московского центрального исторического архива.

[1]) Дело по производству архива № I/485.

[2]) Дело 1879 г. № 35. Это же сведение повторено в статье В. В. Шереметьевского «Краткий обзор ученых занятий, совершенных посторонними лицами и ведомствами на основании документов, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции». (Описание документов и бумаг, хранящихся в М.А.М.Ю. кн. VIII, М. 1891, стр. 45).

раскольники... Как получить разрешение? Если вам не скучно, не трудно, не неудобно, то помогите мне, научите меня» [1]). А. А. Толстая принялась за хлопоты в министерстве иностранных дел и посоветовала Л. Н. написать письмо либо министру кн. А. М. Горчакову, либо его товарищу Н. К. Гирсу. Л. Н. и написал последнему «краткое, официально-почтительное письмо с просьбой исходатайствовать разрешение заниматься архивами» [2]).

«Тула. 1879, 14 апреля.

Милостивый государь
барон Николай Карпович!

Желая воспользоваться для начатого мною исторического труда, времен Петра I и Анны Иоанновны, сведениями [3]) из отдела, так называемых, секретных бумаг, я имею честь покорнейше просить ваше превосходительство об исходатайствовании мне разрешения для рассматривания этих дел как в Петербургском Государственном архиве, так и Московских Главном и Архиве министерства юстиции.

С совершенным почтеньем [sic!] и преданностью имею честь быть вашего превосходительства покорный слуга
Граф *Лев Толстой*».

Наверху письма помета: «Получено 3 мая 1879 г.».

Повидимому, Гирс был в это время в отсутствии, и письмо попало к старшему советнику министерства, исполнявшему обязанности товарища министра, барону А. Г. Жомини, который и доложил его самому министру, государственному канцлеру кн. А. М. Горчакову, одновременно с ходатайством ректора Московского университета и директора Московского архива министерства иностранных дел магистра всеобщей истории Лебедева, желавшего заниматься дипломатическими делами времени Екатерины II и Павла I. Канцлер разрешил занятия Толстому и отказал Лебедеву. Решение Горчакова было записано Жомини по-французски в таких выражениях: «Pour le C-te Tolstoy le Chancelier a decidé Oui, quant au Magister Lebedeff — non. A. Jomini» [1]).

Директору Московского архива барону Бюлеру было послано соответствующее уведомление, Толстому же Жомини написал следующее письмо:

«11 мая 1879 г. № 7.

М. г. граф Лев Николаевич!

Вследствие письма вашего сиятельства от 14 прошлого апреля я входил с докладом к государственному канцлеру, и его светлости угодно было дозволить вам воспользоваться, для исторического труда, некоторыми сведениями из секретных бумаг, относящихся ко временам Петра Великого и Анны Иоанновны и хранящихся в Государственном и в Московском Главном архиве министерства иностранных дел, о чем вместе с сим сделано распоряжение по Государственному архиву и сообщено г. директору Московского Главного архива для зависящих от него по тому архиву распоряжений. Что же касается до разрешения занятий в Архиве министерства юстиции, то министерство иностр. дел никакого участия в этом принять не может.

Сообщая вам о вышеизложенном, покорнейше прошу вас, м. г., принять уверение в истинном моем почтении и преданности» [2]).

В августе Толстой обратился к министру юстиции Д. Н. Набокову с

---

[1]) Толстовский музей, том I, Спб. 1911, стр. 319.

[2]) Тамже, 320, 322.

[3]) В подлиннике: «свѣденіями».

[1]) «Относительно графа Толстого канцлер решил д а, что же касается магистра Лебедева — н е т».

[2]) Древлехранилище, текущие дела б. Гос. архива, дело 307, № 19. «Толстой граф Лев. О допущении его в Госуд. и Московский главный архив м-ва и. д. к пользованию сведениями из секретных бумаг времен Петра I и Анны Иоанновны. 1879 г.» В отношении из министерства в Московский архив Л. Н. Толстой титулуется членом-корреспондентом Академии Наук.

письмом, в котором просил разрешения на занятия секретными делами Московского архива министерства юстиции. Вот это письмо:

«Ваше высокопревосходительство,

милостивый государь

Дмитрий Николаевич!

Начав исторический труд из времен конца XVI [sic!] и начала XVII века, я просил г-на министра иностранных дел об исходатайствовании мне высочайшего разрешения для работ в архивах по «секретным делам», кое и получил; но, к сожалению, разрешение это не относится до архива министерства юстиции, и я поставлен в необходимость утруждать ваше высокопревосходительство покорнейшей просьбой об исходатайствовании для меня разрешения на пользование «секретными делами» архива министерства юстиции. Буду считать себя много обязанным вашему превосходительству [sic!], если через него [sic!] получу это разрешение.

С истинным уважением и преданностью имею честь быть вашего высокопревосходительства покорный слуга

Граф *Лев Толстой*.

20 августа 1879 г.

Адрес: Тула, графу Льву Николаевичу Толстому» [1]).

26 августа в архиве было получено отношение распорядительного отделения департамента министерства юстиции от 23 августа на имя управляющего архивом: «Граф Л. Н. Толстой обратился в министерство юстиции с просьбой о дозволении ему пользоваться, для предпринятых им исторических исследований, секретными делами, хранящимися в Московском архиве министерства юстиции. Вследствие сего департамент, по поручению г. управляющего министерством юстиции, имеет честь покорнейше просить ваше превосходительство сообщить в возможно непродолжительном времени заключение ваше по настоящему ходатайству графа Толстого. И. д. директора *А. Бенкендорф*. За управляющего отделением *Яф*». Это отношение было отправлено обратно в Петербург к Н. В. Калачеву, который отношением от 4 сентября ответил, что с своей стороны не встречает препятствий к допущению графа Льва Толстого, после чего департамент отношением от 11 сентября просил управляющего архивом «сделать распоряжение о допущении графа Льва Толстого к занятиям секретными делами, хранящимися в Московском архиве мин. юстиции». Это отношение было получено 17 сентября, и в тот же день дан был ордер И. Н. Николаеву «по явке в архив графа Льва Толстого допустить его к занятиям секретными делами» [1]).

Толстой явился в архив для занятий в октябре 1879 г. В книге записи выдаваемых документов находим следующие сведения:

«Льву Николаевичу графу Толстому выдавались нижеписанные документы в 1879 году.

8 октября. Преображенского приказа секретные столбцы №№ 1017, 1019, 1021, 1027. Дела оного же приказа — вязка № 4, №№ 21, 26, 33, 34, 41. Возвращены 12 октября.

18 октября. Столбцы оного же приказа №№ 355, 388, 484, 497, 519, 739, 1085. Дела оного же приказа из вязки № 4, №№ дел 49, 53, 84, 88, 90; вязка № 37, дело № 3. Возвращены 20 октября» [2]).

Таким образом, Л. Н. начал свои занятия в архиве 8 октября и закончил 20-го числа того же месяца. Сколько раз он посетил архив, установить нельзя, но, во всяком случае, не менее четырех раз: 8-го (понедельник), 12-го (пятница), 18-го (четверг) и 20-го

[1]) Ленинградский Центр. Истор. Архив. Дело мин. юстиции 1879 г. № 3946 — «О дозволении гр. Толстому пользоваться для предпринятых им исторических исследований секретными делами, хранящимися в Московском архиве министерства юстиции».

[1]) Дело по производству архива № 1/485.

[2]) Дело 1880 г. № 20.

(суббота). Л. Н. мог быть и в промежутке между 8 и 12, а также 19-го. По субботам в архиве занятий не было, но для Толстого, очевидно, было сделано исключение. В упомянутой выше книге записи выдаваемых документов имеется графа для расписки в получении документов. Расписки Толстого нет. Однако отсутствие ее не дает права делать вывод, что не лично он получил документы: и другие лица, занимавшиеся в архиве в то время, не всегда расписывались в получении документов. Возможно, что иногда занятия посторонних лиц протекали в таких условиях, что не требовалась расписка, например, под непосредственным надзором начальника отделения. Отчет управляющего архивом за сентябрьскую треть 1879 г. удостоверяет занятия Толстого в архиве в этот именно период времени.

Запись удостоверяет, что Л. Н. занимался исключительно секретными столбцами и делами Преображенского приказа, в конце XVII и начале XVIII века ведавшего сыск и суд по политическим преступлениям; поэтому дела этого приказа являются важнейшим источником для изучения противоправительственного настроения в России в эпоху Петра I. Часть столбцов Преображенского приказа принадлежит к фондам других учреждений, главным образом Печатного приказа. Хотя прямых указаний мы не имеем, но, без сомнения, Л. Н. предварительно были даны описи, и по ним он выбрал те дела, которые ему показались интересными для его цели. Опись дает большею частью очень подробное изложение содержания дела. Вот, для примера, описание одного из столбцов, бывших в руках у Толстого:

«1027. 1701 г. Дело об усманцах Митрофане Ракове и Евдокиме Душкине, доносивших, что усманский солдат Гаврила Шмуйлов произносил следующие слова: «последние времена стали, в последние времена, пишется в книгах, будет антихрист, а ныне де знатно антихрист-государь, потому что людей своими руками бьет». Солдат Шмуйлов с своей стороны сказал, что Раков и Душкин произносили непристойные слова: Раков говорил: «государь наш немилосерд, людей бьет своими руками, бороды бреет, я де с бородою на Воронеж к епископу, и епископ меня не дал». А Душкин прибавил: «На Туле де попы два человека двоеженцы служили обедни и государь де их простил и после того велел им, обедни отслужа, казнить их смертью». Шмуйлов был семь раз пытан и огнем сжен, но и с пыток в произнесении непристойных слов не сознался. Шмуйлов был наказан и сослан в Соловецкий монастырь в тюрьму. 58 л.».

Все дела, просмотренные Толстым, относятся к 90-м годам XVII века и первым годам XVIII века; только одно дело более позднее —1721 года. По содержанию они большею частью однородны с вышеизложенным делом, т.-е. касаются лиц, выражавших недовольство как новыми порядками, заведенными Петром I, так и его личным поведением: то курский дворянин Букреев в разговоре с своим гостем произносит такие слова: «он де государь нарочно холопей своих морил под Ругодевым (Нарвой), много де ему государю стало силы» и называет царя блудником (столб. 1019); то истопник Никонов кричит в Москве у Пречистенских ворот: «будь проклят государь за то, что он в Московском государстве завел немецкие чулки и башмаки» (столб. 1021); чаще всего встречаем обвинение в именовании Петра антихристом. Заинтересовали Толстого и дела с упоминанием антиправительственной литературы: о строителе Андроньевского монастыря старце Аврамии, судившемся «за сочинение тетрадей, в которых заключалось рассуждение о великом государе» (столб. 484), и о чернеце Симонова монастыря, взявшем у другого чернеца книгу в тетрадях о любви, «где было писано о брадобритии», и по просьбе владельца книги написавшего к ней предисловие стихами (вязка 4, дело 33). Отметим еще два дела, несколько отличных от упомянутых выше: о взятых в Москве за бродяжничество трех человеках, называвшихся Иванами, из которых один ходил во власянице, второй носил на себе вериги, а третий ходил

нагой и притворялся немым (столб. 739), и о крестьянине-раскольнике, обвинявшемся в неправославии, в непочитании икон и непристойных и дерзких словах о царе (вязка 4, дело 21). Только один столбец (№ 355), взятый Толстым, был не Преображенского, а Печатного приказа, и заключал в себе совершенно другого рода документы: памяти о доставлении сведений из Сибирского в Печатный приказ о том, сколько числится в покупке у гостя Ивана Исаева корня ревеня, который отдан ему на откуп на 5 лет, памяти о выдаче жалованья стрельцам, находившимся в карауле на Красном крыльце, и записи о расходе денег на покупку разных материалов.

Насколько Л. Н. использовал просмотренный им материал, может показать только изучение оставшихся после него рукописей. *Н. Чулков.*

Последние Романовы о «либерализме» и конституционном строе [1].

При докладе царю министром иностранных дел донесений российских представителей в разных государствах, царь в некоторых случаях, особенно почему-либо обративших на себя его внимание, делал на полях заметки карандашом, характеризующие его отношение к данному вопросу. Некоторые из этих заметок, особенно принадлежащие Александру III, — не всегда сдержанному в своих выражениях, — невольно останавливают на себе внимание как отражающие взгляд монарха на тот или другой вопрос государственного значения. В нижеследующих строках приведено несколько помет Александра III и Николая II, характеризующих их отношение к участию народа в законодательстве и к так наз. «либеральному направлению».

3(15) апреля 1881 г., т.-е. вскоре после совершившихся в Петербурге событий, посол в Берлине, Сабуров, доносил царю о том, что в правящих кругах Берлина находили необходимыми строгие меры в отношении «нигилистов», меры, которые упрочили бы порядок и дисциплину; что прежде чем думать о расширении реформ прежнего царствования, необходимо, чтобы абсолютная власть восстановила свой престиж и чтобы всюду чувствовалось ее присутствие. «Совершенно справедливо и верно» — отметил на полях Александр III, а в начале донесения надписал: «Это до того в е р н о и с п р а в е д л и в о, ч т о, д а й бог, чтобы в с я к и й р у с с к и й, а в о с о б е н н о с т и министры наши поняли наше положение, как его понимает кн. Бисмарк, и не задавались бы несбыточными фантазиями и паршивым либерализмом» [1].

В декабре 1889 г. министр иностранных дел Гирс докладывал Александру III о первых шагах японского конституционного правительства: «Чувствуя себя не в силах справиться с оппозицией, японское правительство начинает испытывать на себе неудобство необдуманно введенного в стране представительства». — «Еще бы!» — сделал на полях помету Александр III [1].

В 1893 г. на докладе министра о работах японского парламента царь написал: «Чепуха и комедия» [2].

Столь же отрицательно было отношение Александра III и к революционным деятелям. Так, на донесении нашего посла в Париже от 23 декабря 1882 г. с запросом о том, должен ли он присутствовать на похоронах Гамбетты, Александр III написал: «Собачьих похорон я не признаю и нашему представителю нечего там делать».

Сын Александра III не отстал от отца в отрицательном отношении к участию народного представительства в управлении государством. Так, на докладе министра иностранных дел о

[1] Архив Революции и Внешней Политики. Секретный архив министра иностранных дел, папка № 9, л. 212.

[1] Всеподданнейшие доклады по Дальнему Востоку 1889 г.

[2] Ibidem, 1893 г.

положении дел на острове Крите от 24 декабря 1898 г. Николай II сделал следующую помету: «Очень важно на первых же порах ограничить, сколько возможно, применение на Крите представительного начала, о чем меня очень просил королевич Георгий еще в Дании. С этим я вполне согласен».

Этому же царю принадлежит следующая помета на донесении нашего представителя при персидском правительстве от 8 декабря 1907 г. (т.-е. в эпоху действия молодого русского «парламента»): «Спасти Персию шах может только немедленным разгоном меджилиса и прочих революционных сборищ. Это единственный ответ».

К приведенным заметкам нечего прибавить, они слишком красноречиво говорят за себя.

Н. Беляев.

Редакционно-издательская коллегия Центрархива.

Ответственная редакция: { Вл. Максаков. М. Покровский. Вл. Фриче.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Февральская революция 1917 г. (окончание) . . . . . 3— 70
Дневник Николая Романова . . . . . 71— 91
Крымское краевое правительство в 1918—1919 гг. С предисловием *А. И. Гуковского* . . . . . 92—152
Переписка Николая II и Марии Федоровны (1905—1906 г.г.). С предисловием *М. Н. Покровского* . . . . . 153—209
Записка А. Н. Пыпина по делу Н. Г. Чернышевского. *Ю. М. Стеклов.* . . . 210—235

Из записной книжки архивиста.

Побег Ярослава Домбровского. Сообщил *М. М. Клевенский* . . . . . 236—241
К истории «нечаевщины». Сообщил *Б. П. Козьмин* . . . . . 241—245
Л. Н. Толстой в Моск. архиве мин. юстиции. Сообщил *Н. П. Чулков* . . . . 245—250
Последние Романовы о «либерализме» и конституционном строе. Сообщил *Н. О. Беляев* . . . . . 250—251

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ЦЕНТРАРХИВ РСФСР

Письма Ф. М. Достоевского к жене. Предисловие и примечания Н. Ф. Бельчикова. Общая редакция В. Ф. Переверзева, стр. 367, ц. 4 р.

Покровский М. Н. Декабристы. Сборник статей, стр. 95, ц. 80 к.

Последние дни колчаковщины. Материал подготовлен к печати М. М. Константиновым. С приложением статьи А. А. Ширямова, стр. 231, ц. 2 р. 50 к.

Пресняков, А. Е. 14 декабря 1825 года. С приложением военно-исторической справки Г. С. Габаева „Гвардия в декабрьские дни 1825 года". (Восстание декабристов. Исследования, под ред. М. Н. Покровского), стр. 226+2 схемы, ц. 2 р. 50 к.

Рабочее движение в 1917 году. Подготовили к печати В. Л. Меллер и А. М. Панкратова. С предисловием Я. А. Яковлева. (1917 год в документах и материалах. Под редакцией М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева), стр. 372, ц. 4 р.

Разложение армии в 1917 г. Подготовлено к печати Н. Е. Какуриным. С предисловием Я. А. Яковлева. (1917 г. в документах и материалах. Под ред. М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева), стр. 192, ц. 1 р. 50 к.

Революция в 1848 г. во Франции. (Донесения Я. Толстого). Под редакцией и с предисловием Г. Зайделя и С. Красного, стр. 184, ц. 1 р. 70 к.

Русско-японская война. Из дневника А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. С предисловием М. Н. Покровского, стр. VII+189, ц. 1 р. 80 к.

Царская Россия в мировой войне. Том I. С предисловием М. Н. Покровского, стр. XXIV+304, ц. 3 р. 20 к.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ ГОСИЗДАТА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ЦЕНТРАРХИВ РСФСР

Крестьянское движение 1902 года. Материалы по истории крестьянских движений в России, вып. III. Под редакцией Б. Б. Веселовского, В. И. Пичета и В. М. Фриче, стр. 128, ц. 50 к.

Материалы для биографии М. Бакунина. По архивным делам б. III отделения и морского министерства. Редакция и примечания В. Полонского. Том I, стр. 438, ц. 3 р.

Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в мемуарах и переписке членов царской семьи. Подготовил к печати Б. Е. Сыроечковский, стр. 248, ц. 3 р.

Партизанское движение в Сибири. Том I. Приенисейский край. Материалы подготовлены к печати А. Н. Туруновым. Под редакцией и с предисловием В. В. Максакова, стр. 295+XV+1 карта, ц. 2 р. 50 к.

Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894—1914 гг. С предисловием М. Н. Покровского, стр. 295+14 (нен.), ц. 1 р. 50 к.

Переписка Николая и Александры Романовых. 1914—1915 гг. Том III. С предисловием М. Н. Покровского, стр. 512, ц. 5 р.

Переписка Николая и Александры Романовых. 1916 г. Том IV. С предисловием М. Н. Покровского, стр. 440, ц. 4 р.

Переписка Николая и Александры Романовых. 1916—1917 гг. Том V. С предисловием М. Н. Покровского, стр. 303, ц. 3 р.

Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов. Протоколы заседаний Исполнительного Комитета и Бюро ИК. С предисловием Я. А. Яковлева. (1917 г. в документах и материалах. Под ред. М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева), стр. 375, ц. 2 р. 75 к.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ ГОСИЗДАТА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ЦЕНТРАРХИВ РСФСР

Аграрный вопрос в совете министров (1906 г.) Материалы по истории крестьянских движений в России, вып. IV. Под ред. Б. Б. Веселовского, В. И. Пичета и В. М. Фриче, стр. 177, ц. 1 р. 20 к.

Воспоминания Л. Тихомирова. Предисловие В. И. Невского. Вступительная статья В. Н. Фигнер, стр. 515, ц. 5 р.

Декабристы. Сборник отрывков из источников. Составил Ю. Г. Оксман при участии Н. Ф. Лаврова и Б. Л. Модзалевского, стр. 484, ц. 2 р. 75 к.

Дневник П. А. Кропоткина. С предисловием А. А. Борового, стр. 291, ц. 1 р. 50 к.

Дневник В. Н. Ламздорфа (1886—1890). (Мемуары и дневники царских сановников). Под редакцией и с предисловием Ф. А. Ротштейна, стр. X+396, ц. 3 р.

Допрос Колчака. Под редакцией и с предисловием К. А. Попова. Текст подготовлен к печати и снабжен примечаниями М. М. Константиновым, стр. XI+236, ц. 1 р. 50 к.

Достоевская, А. Г. Воспоминания. Под ред. Л. П. Гроссмана, стр. 310, ц. 3 р. 75 к.

Из архива Достоевского. Письма русских писателей: Голенищева-Кутузова, Гончарова, Григоровича, Достоевского, Мельникова-Печерского, Некрасова, Островского, Плещеева, Полонского, Помяловского, Рыбникова, Салтыкова, Тургенева. Заметки А. Г. Достоевской. Редакция и вступительная статья Н. К. Пиксанова. Комментарии Н. Ф. Бельчикова и Н. К. Пиксанова, стр. 138, ц. 50 к.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ ГОСИЗДАТА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

Проф. Д. М. ПЕТРУШЕВСКИЙ

ВОССТАНИЕ УОТА ТАЙЛЕРА

Очерки по истории разложения феодального строя в Англии.

Изд. третье, вновь переработанное.

Стр. 416 + карта. Ц. 4 р. 50 к.

ТАРЛЕ, Е. В., акад.

ЕВРОПА В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

1871 — 1919 гг.

Стр. 483. Ц. 4 р. 50 к.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

ТАРЛЕ, Е. В., акад.

РАБОЧИЙ КЛАСС ВО ФРАНЦИИ В ПЕРВЫЕ ВРЕМЕНА МАШИННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Содержание: Введение. Значение темы для истории рабочего класса в Европе. Глава I.—Французская промышленность в 1814—1831 гг. Глава II. Материальное положение рабочего класса. Глава III. Борьба против машин. Глава IV. Рабочее движение в провинции. Глава V. Рабочее движение в Париже. Глава VI. Политическое настроение рабочего класса. Глава VII. Рабочие организации и товарищества. Глава VIII. Рабочий класс во время июльской революции и в первые месяцы после нее. Глава IX. Лионское рабочее восстание 1831 г. и его всемирно-историческое значение.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

МАТЬЕЗ, А.

БОРЬБА С ДОРОГОВИЗНОЙ И СОЦИАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЭПОХУ ТЕРРОРА

Авторизованный перевод с рукописи, с предисловием автора к русскому изданию.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ ГОСИЗДАТА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ЦЕНТРАРХИВ

ВОССТАНИЕ ДЕКАБРИСТОВ

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

Под ред. и с пред. **М. Н. Покровского**

ДЕЛА ВЕРХОВНОГО УГОЛОВНОГО СУДА и СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ

ТОМ I. Следственные дела: С. П. Трубецкого, К. Ф. Рылеева, Е. П. Оболенского 1-го, Н. М. Муравьева, П. Г. Каховского, Д. А. Щепина-Ростовского, А. А. Бестужева и М. А. Бестужева, стр. 540, ц. 6 р.

ТОМ II. Следственные дела: А. П. Арбузова, Н. А. Бестужева, Н. А.-Панова, А. Н. Сутгофа, В. К. Кюхельбекера, И. И. Пущина, А. И. Одоевского, А. И. Якубовича, Н. Р. Цебрикова, Н. П. Репина. Приготовил к печати А. А. Покровский, стр. 420, ц. 6 р.

ТОМ III. Следственные дела: А. Н. Муравьева, И. Д. Якушкина, М. А. Фонвизина, Ф. П. Шаховского, М. С. Лунина, П. А. Муханова, М. Ф. Митькова, Д. И. Завалишина. Приготовил к печати А. А. Покровский, стр. 447, ц. 6 р.

ТОМ IV. Следственные дела: П. И. Пестеля, С. И. Муравьева-Апостола. Приготовил к печати Б. Е. Сыроечковский, стр. 486, ц. 6 р.

ТОМ V. Следственные дела: П. И. Борисова 2-го, А. И. Борисова 1-го, М. М. Спиридонова, И. И. Горбачевского, В. А. Бечаснова, А. С. Пестова, Я. М. Андреевича, Ю. К. Люблинского, А. И. Тютчева. Подготовил к печати Н. П. Чулков, стр. 495, ц. 6 р.

ТОМ VI. Восстание Черниговского полка (печ.).

ТОМ VII. „Русская Правда" П. И. Пестеля. Под ред. С. С. Мильмана и С. Н. Чернова (печ.).

ТОМ VIII. Дела Следственной комиссии о злоумышленных обществах.

Алфавит декабристов. Под редакцией Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, стр. 431, ц. 4 р. 50 к.

В книге воспроизведен текст подлинной рукописи принадлежавшей Николаю I, находившейся всегда у него на столе для справок, как содержавшей в себе в азбучном порядке имена всех декабристов и других привлеченных к следствию о тайных обществах. Таких лиц было 579. В виде приложения к этому ценному историческому документу редакторами его — Б. Л. Модзалевским и А. А. Сиверсом — даны подробные биографические справки о всех упоминаемых в „Алфавите" лицах, причем приложены справки о судьбе каждого до 14 декабря и после до самой смерти.

М. В. Нечкина. Общество Соединенных Славян, стр. 214, ц. 2 р. 50 к.

Материалы дают впервые совершенно полное и точное воспроизведение дел с сохранением всех особенностей расположения, правописания и пунктуации.

Продажа во всех отделениях, магазинах и киосках Госиздата МОСКВА, ЦЕНТР, ГОСИЗДАТ „КНИГА—ПОЧТОЙ" высылает эти книги наложенным платежом. При высылке всей стоимости вперед — пересылка бесплатно.

3 руб. 30018

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1928 год

НА

ИСТОРИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ ЦЕНТРАРХИВА РСФСР

„КРАСНЫЙ АРХИВ“

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

В. В. АДОРАТСКОГО, В. В. МАКСАКОВА, М. Н. ПОКРОВСКОГО, В. П. ПОЛОНСКОГО и В. М. ФРИЧЕ.

ВЫХОДИТ РАЗ В ДВА МЕСЯЦА

Подписная цена: на год — **15** р., на 6 мес. — **8** р.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА 3 р.

ПОДРОБНЫЙ КАТАЛОГ НА ЖУРНАЛЫ И ПРИЛОЖЕНИЯ К НИМ ВЫСЫЛАЕТСЯ ПО ТРЕБОВАНИЮ БЕСПЛАТНО

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ГЛАВНОЙ КОНТОРОЙ ПОДПИСНЫХ и ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ ГОСИЗДАТА, Москва, 19, Воздвиженка, 10, Телефоны 4-87-19 и 5-88-91, в магазинах, киосках и провинциальных отделениях Госиздата, снабженных соответствующими удостоверениями, во всех киосках Всесоюзного Контрагентства печати, а также во всех почтово-телеграфных конторах и у письмоносцев. Продажа отдельных номеров журналов производится в магазинах, киосках и отделениях Госиздата, в киосках Всесоюзного Контрагентства печати и Управления Московскими киосками при издательстве „Рабочая Москва“.

3 руб.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 1928 год

НА

ИСТОРИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ ЦЕНТРАРХИВА РСФСР

„КРАСНЫЙ АРХИВ“

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

В. В. АДОРАТСКОГО, В. В. МАКСАКОВА, М. Н. ПОКРОВСКОГО, В. П. ПОЛОНСКОГО и В. М. ФРИЧЕ.

ВЫХОДИТ РАЗ В ДВА МЕСЯЦА

Подписная цена: на год — 15 р., на 6 мес. — 8 р.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА 3 р.

ПОДРОБНЫЙ КАТАЛОГ НА ЖУРНАЛЫ И ПРИЛОЖЕНИЯ К НИМ ВЫСЫЛАЕТСЯ ПО ТРЕБОВАНИЮ БЕСПЛАТНО

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ГЛАВНОЙ КОНТОРОЙ ПОДПИСНЫХ и ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ ГОСИЗДАТА, Москва, Рождественка, 4, телефоны 4-87-19 и 5-88-91, в магазинах, киосках и провинциальных отделениях Госиздата, у уполномоченных снабженных соответствующими удостоверениями, во всех киосках Всесоюзного Контрагентства печати, а также во всех почтово-телеграфных конторах и у письмоносцев. Продажа отдельных номеров журналов производится в магазинах, киосках и отделениях Госиздата, в киосках Всесоюзного Контрагентства печати и Управления Московскими киосками при издательстве „Рабочая Москва“.